

Мир и человек в зеркале языка

**Сборник научных статей, посвященный юбилею
доктора филологических наук, профессора
Ольги Леонидовны Бессоновой**

ООО «НПП «Фолиант»
Донецк
2018

УДК 81:378.147
ББК Ш1р30
М63
ISBN 978-5-6041177-8-1

Рекомендовано к изданию Ученым советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
(Протокол № 8 от 21.11.2017 г.)

Рецензенты:

Кравцов Сергей Михайлович – д-р филол. наук, доцент, и.о. зав. кафедрой романской филологии ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»;

Харитончик Зинаида Андреевна – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета.

Редакционная коллегия:

ответственные редакторы: Трофимова Е. В. – канд. филол. наук, доцент (Донецк); Сысоева Е. С. – канд. филол. наук, доцент (Донецк);

члены редколлегии: Басыров Ш. Р. – д-р филол. наук, профессор (Донецк); Калиушенко В. Д. – д-р филол. наук, профессор (Донецк); Карасик В. И. – д-р филол. наук, профессор (Волгоград); Кремзикова С. Е. – д-р филол. наук, доцент (Донецк); Пименова М. В. – д-р филол. наук, профессор (Санкт-Петербург); Теркулов В. И. – д-р филол. наук, профессор (Донецк); Ягупова Л. Н. – д-р филол. наук, профессор (Донецк); Удинская А. Г. – канд. филол. наук, доцент (Донецк); Фатьянова И. В. – канд. филол. наук, доцент (Донецк); Ткаченко С. Г. – аспирант (Донецк).

М63

Мир и человек в зеркале языка: Сборник научных статей, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Леонидовны Бессоновой. – Донецк: Изд-во ООО «НПП «Фолиант», 2018. – 369 с.
ISBN 978-5-6041177-8-1

Сборник научных трудов приурочен к юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Леонидовны Бессоновой. В сборник вошли статьи, представляющие исследования по актуальным вопросам лингвокогнитивистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, лексической семантики, методики обучения иностранным языкам, лингвостилистики, прагмалингвистики, литературоведения.

Издание адресовано филологам, лингвистам, специалистам по межкультурной коммуникации, культурологии, студентам, магистрантам и аспирантам.

УДК 81:378.147
ББК Ш1р30
М63
ISBN 978-5-6041177-8-1
© Коллектив авторов, 2018.
© ООО «НПП «Фолиант», 2018.

ISBN 978-5-6041177-8-1

9 785604 117781

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.*

*До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.*

*Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.*

Б. Пастернак

ФАКТЫ О ЮБИЛЯРЕ

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

15 ноября 2017 года отмечает свой юбилей Бессонова Ольга Леонидовна – известный ученый, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Донецкого национального университета.

Человек очень работоспособный, с высоким творческим научным и педагогическим потенциалом, с неповторимым обаянием, О. Л. Бессонова обладает замечательной способностью преодолевать любые сложности, продолжая двигаться только вперед к новым научным, профессиональным, личностным вершинам.

Труды профессора О. Л. Бессоновой – широко известны в стране и за рубежом. Круг ее профессиональных интересов очень широк и охватывает актуальные вопросы лексической семантики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, концептологии, аксиологической и гендерной лингвистики.

Ольга Леонидовна родилась в городе Мариуполь. Отец Леонид Иванович – строитель, мать Галина Алексеевна – экономист, сумели привить дочери такие важные качества как целеустремленность, добросовестность, ответственность, сопереживание, инициативность. Окончила Мариупольскую среднюю школу № 34 с золотой медалью.

В 1991 году О. Л. Бессонова с отличием окончила Московский государственный лингвистический университет (Московский ордена Дружбы народов государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза), специальность «Иностранные языки», квалификация «Преподаватель английского и французского языков».

Ольга Леонидовна всегда с особой теплотой и благодарностью вспоминает свою *alma mater*, годы учебы. МГЛУ – лучший языковой вуз страны – сыграл решающую роль в профессиональном становлении будущего преподавателя и ученого. Ольге Леонидовне посчастливилось учиться у таких замечательных преподавателей, как Т. С. Сорокина, Л. К. Милюкова, Г. Г. Бондарчук, З. В. Семерикова, А. В. Кунин, Т. А. Расторгуева, И. П. Верховская, К. М. Ирисханова, К. В. Голубина, С. Я. Александрова, М. П. Тарасевич, А. Д. Никольский, Н. Ф. Коряковцева и многие другие. А научным руководителем Ольги Леонидовны была к. филол. н., профессор Маргарита Семеновна Лебедева, которая не только привила интерес к научным исследованиям, но и дарила радость профессионального и человеческого общения. Дни учебы вспоминаются с благодарностью и теплотой: однокурсники, работа в стройотряде и «на картошке», пионерская практика, работа гидом-переводчиком в «Госкоминтуристе», школьная и вузовская практики... «ИнЯз имени Мориса Тореза – знак качества, проверенный временем». Профессиональный путь Ольги Леонидовны подтверждает это.

С 1991 г. по 1992 г. О. Л. Бессонова работала преподавателем кафедры иностранных языков № 1 Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). В 1992 г. была принята на работу старшим преподавателем кафедры иностранных дисциплин в гуманитарный институт в ее родном городе Мариуполе, где за 10 лет прошла путь от старшего преподавателя кафедры до проректора по международным связям. Талант, упорство и трудолюбие, хорошая вузовская подготовка позволили Ольге Леонидовне уже в 1995 г. написать и защитить кандидатскую диссертацию на тему «Оценка как семантический компонент лексического значения слова (на материале существительных-наименований лица в английском, французском и украинском языках)». Первые научные исследования О. Л. Бессоновой были связаны с актуальным и бурно развивающимся направлением в языкознании – когнитивной лингвистикой. Научным руководителем Ольги Леонидовны при обучении в аспирантуре, а затем и научным консультантом в докторантуре был декан факультета иностранных языков, заведующий кафедрой германской филологии, академик АН высшей школы, доктор филологических наук, профессор Владимир Дмитриевич Калиущенко, создатель и руководитель научной школы «Германистика, типология, сопоставительная лингвистика: лексико-семантические и словообразовательные исследования», который пригласил Ольгу Леонидовну на работу в Донецкий национальный университет на должность заведующей кафедрой английской филологии.

В 2003 г. Ольга Леонидовна успешно защитила докторскую диссертацию по одной из актуальных проблем языкознания – «Оценочный тезаурус английского языка: когнитивный и гендерный аспекты».

С 2001 года О. Л. Бессонова возглавляет кафедру английской филологии. Во многом благодаря плодотворному труду О. Л. Бессоновой кафедра сохраняет свой высокий статус, имидж ведущего центра подготовки специалистов по английскому языку, будущих преподавателей. Служение науке, отношение к своему любимому делу и есть самая суть Ольги Леонидовны. Она обладает широкой эрудицией, разносторонними знаниями, умеет критически мыслить и стремится вникнуть в проблемы кафедры, факультета, подсказать оптимальные варианты их решения.

О. Л. Бессонова является автором более 150 публикаций, среди которых монографии, научные статьи, рецензии, учебники, учебные пособия.

Интерес профессора О. Л. Бессоновой к лингвистике как к науке является, в конечном счете, интересом к человеку и его жизни во всех ее проявлениях. Ей присущи отзывчивость, сила чувства, умение сплотить коллектив. Как истинный патриот своей кафедры и университета она проникается духом соперничества и ответственности за дело, которому посвящает свою жизнь. У Ольги Леонидовны есть замечательная способность – позаботиться о каждом, помочь в трудную минуту и словом, и делом, внести уют, придать оптимистичности, настроить на правильный лад.

Много сил уделяет О. Л. Бессонова научно-исследовательской деятельности кафедры, возглавляя научное направление «Лингвокультурологические и лингвокогнитивные исследования языковых категорий». По инициативе О. Л. Бессоновой основана монографическая серия с международной редколлегией «Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования», что стало значимым событием в научной жизни факультета. На сегодняшний день вышли в свет четыре выпуска серии.

Неутомимый труженик и талантливый ученый, профессор О. Л. Бессонова немало времени отдает подготовке научно-педагогических кадров высшей квалификации. Под научным руководством профессора О. Л. Бессоновой были защищены 12 кандидатских диссертаций. Аспиранты, студенты, коллеги Ольги Леонидовны знают ее как человека, преданного делу, требовательного к себе, и открытого, чуткого к другим людям, готового оказать профессиональную и человеческую поддержку. Творческая работоспособность, научная щедрость О. Л. Бессоновой помогают молодым ученым выбрать правильный курс, вселяют веру в успех в достижении желаемого результата.

О. Л. Бессонова постоянно следит за появлением в современном языкознании новых направлений, теорий и разработок. Как признанный и авторитетный специалист является заместителем ответственного редактора научных изданий: «*Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*», «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки». Во многом благодаря энергии, целеустремленности, таланту Ольги Леонидовны реализуются новые научные проекты по развитию межкультурного и межъязыкового общения в стране и за рубежом. По ее инициативе заключен договор о сотрудничестве с Университетом св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава, Словакия), в результате чего были опубликованы два сборника научных статей «*Humanities across the Borders*» (2012, 2017 гг.).

Высокий уровень профессионализма, житейской мудрости в сочетании с целеустремленностью и работоспособностью позволяют О. Л. Бессоновой выполнять много разных функций. О. Л. Бессонова – член диссертационного совета Д 01.021.06, работающего на факультете иностранных языков, эксперт ВАК ДНР, неоднократно выступала оппонентом на защитах докторских и кандидатских диссертаций.

В сложное для страны и университета время на факультете иностранных языков продолжается активная работа по обеспечению и совершенствованию учебного процесса. Неоценимый вклад в эту работу вносит О. Л. Бессонова как председатель учебно-методической комиссии факультета, стремясь сохранить накопленные богатые традиции факультета в сочетании с внедрением новых образовательных стандартов, технологий обучения, что позволяет факультету качественно и достойно осуществлять свою профессиональную деятельность.

Ольга Леонидовна не только успешный ученый и педагог. Коллеги знают юбиляра как заботливую маму двоих сыновей, внимательную дочь, любящую жену, трепетно относящуюся к главной ценности в жизни женщины – семье. Ольга Леонидовна поистине считается образцом того, как можно гармонично сочетать такие несочетаемые на первый взгляд ипостаси, как талантливый руководитель, активный научный деятель, педагог и хранительница семейного очага. По ее «лингвистическим» стопам пошел старший сын – Никита Юрьевич, преподаватель кафедры теории и практики перевода, отлично закончил ДонНУ и в сентябре 2017 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Дорогая Ольга Леонидовна, в день Вашего юбилея вместе со всем факультетом и Вашей кафедрой английской филологии искренне желаем Вам неутомимой энергии и бодрости, крепкого здоровья, счастья, добра, благополучия, успехов во всех ваших делах и начинаниях! Пусть Ваша жизнь всегда остается наполненной плодотворным трудом, поддержкой единомышленников и пониманием близких людей!

Канд. филол. наук, доцент кафедры
английской филологии Сысоева Е. С.

Канд. филол. наук, доцент кафедры
английской филологии Трофимова Е. В.

**ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ОЛЬГИ ЛЕОНИДОВНЫ БЕССОНОВОЙ**

Монографии

Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти: монографія. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – 362с.

Ієрархія цінностей та її відображення в англомовній картині світу // Процедури концептуального аналізу в різноструктурних мовах: колективна монографія / за заг. ред. О. Л. Бессонової. – Донецьк: ДонНУ, 2012. – 361 с. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження. Т. 7). (соавтори О. С. Сарбаш, О. В. Трофімова, С. В. Олійник, І. Д. Стоянова).

Процедури анализа концептов при проведеніи сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления: коллективная монография / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. – Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. –С. 87–117.

Научные статьи, материалы конференций

1995

Оценка в семантике и прагматике // Значение языковых единиц в сравнительном и типологическом аспектах: сб. науч. трудов. – Донецьк: ДонГУ, 1995. – С. 16–26.

1999

Типы аксиологической шкалы как элемента структуры категории оценки // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах: зб. наук. праць / ред. кол.: В. Д. Каліущенко (відп. ред.) та ін. – Донецьк: ДонДУ, 1999. – Вип. 2. – С. 33–36.

Структурно-семантическая характеристика нестандартных оценочных наименований лица // Вісник Донецького університету. Серія Б Гуманітарні науки. – 1999. – Вип. 2. – С. 148–153.

2000

До питання про положення частин мови на аксіологічній шкалі // Наукові праці Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського / редкол.: О. С. Онищенко та ін. – К.: НБУВ, 2000. – Вип. 3. – С. 334–342.

Оценочный компонент в семантике глагола // Наука і сучасність: зб. наук. пр. Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. – К.: Логос, 2000. – Т. XXII. – Вип. 2. – Ч. 2. – С. 206–212.

Оценочные абстрактные существительные в когнитивном аспекте // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія романо-германська філологія. – 2000. – № 500. – С. 27–34.

2001

Гендер и лексикография // Вісник Донецького університету. Серія Б Гуманітарні науки. – 2001. – Вип. 1. – С. 42–49.

Оценочные стереотипы в контексте гендерных исследований // Нова філологія. – Запоріжжя: ЗДУ, 2001. – № 1 (10). – С. 41–57.

Мужская и женская этика как основание гендерной оценки // Наука і сучасність: зб. наук. пр. Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. – К.: Логос, 2001. – Т. XXVIII. – С. 3–15.

Концепты “женское” и “мужское” в английском языке // Вісник Донецького університету. Серія Б Гуманітарні науки. – 2001. – Вип. 2. – С. 85–94.

Грамматический род в гендерном аспекте // Діахронічне, типологічне і контрастивне дослідження германських, романських і слов'янських мов (семантика й словотвір): матеріали міжнародної наукової конференції. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – С. 26–31.

2002

Особенности речевого поведения женщин и мужчин: материал эксперимента // Південний архів. Філологічні науки: зб. наук. пр. – Херсон: Айлант, 2002. – Вип. XIV. – С. 323–327.

Ієрархія цінностей в концептуальній та мовній картині світу чоловіків та жінок // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах: зб. наук. пр. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – Вип. 5. – С. 45–52.

Социальные роли в концептуальной и языковой картине мира мужчин и женщин: материал эксперимента // Наука і сучасність: зб. наук. праць Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. – К.: Логос, 2002. – Том XXXI. – С. 163–173.

Особливості мовленнєвої поведінки жінок і чоловіків: матеріал експерименту // Проблеми семантики слова, речення та тексту: зб. наук. пр. – К.: КНЛУ, 2002. – Вип. 8. – С. 25–29.

Способи вираження оцінки й оцінні стратегії в мовленнєвій поведінці чоловіків та жінок // Нова філологія. – Запоріжжя: ЗДУ, 2002. – № 3 (14). – С. 41–48.

Ціннісна картина світу: гендерний аспект // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах: зб. наук. пр. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – Вип. 6. – С. 23–28.

Концептуальне моделювання оцінного значення // Наука і сучасність: зб. наук. праць Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. – К.: Логос, 2002. – Т. XXXIII. – С. 181–188.

Основні концепції мовленнєвої поведінки чоловіків та жінок // Восточнукраїнський лінгвістический сборник. – Донецьк: Донеччина, 2002. – Вып. 8. – С. 335–341.

Гендерный аспект языкового выражения категории рода // Вісник Дніпропетровського університету. Мовознавство. – 2002. – Вип. 7. – С. 43–51.

Семантичні типи абстрактних оцінних імен // Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики: зб. наук. пр. – К.: ВПЦ “Київський університет”, 2002. – Вип. 2. – С. 27–31.

Порівняльний опис гендерних концептів у структурі ціннісної картини світу в англійській та українській мовах // Вісник Сумського державного університету. Серія Філологічні науки. – Суми: Видавництво СумДУ, 2002. – № 4 (37). – С. 15–21.

Гендерные концепты и ценностная картина мира в английском и украинском языках // Форма, значение и функции единиц языка и речи: материалы Междунар. научной конференции, Минск, 16–17 мая 2002 г.: в 3 ч. – Минск: МГЛУ, 2002. – Ч. 3. – С. 104–105.

2003

Концепты эмоций в структуре оценочного тезауруса английского языка // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць: у 2-х ч. – Донецьк: ДонНУ, 2003. – Вип. 11. – Ч. 1. – С. 256–265.

Оценочный тезаурус английского языка: общая характеристика // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2003. – Вип. 586. – С. 14–17.

Проблеми тезаурусного опису лексики // Дослідження різнорівневих одиниць романських, германських і слов'янських мов: зб. наук. пр. – Донецьк: ДонНУ, 2003. – Вип. 2. – С. 55–67.

2004

Гендерний аспект оцінного тезауруса: експериментальне дослідження // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – Житомир, 2004. – Вип. 17. – С. 76–78.

Оцінний тезаурус англійської мови: модель опису // Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліущенко. – Донецьк: ДонНУ, 2004. – Т. I. – Вип. 2. – С. 5–20.

Гендерный аспект оценочного тезауруса: экспериментальное исследование // Языковые категории: границы и свойства: материалы международной научной конференции. – Минск, 2004. – Ч. 1. – С. 9–12.

Рецензия на учебное пособие Э. Г. Хоменко «Грамматика английского языка» // Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліущенко. – Донецьк: ДонНУ, 2004. – Т. 1. – № 2. – С. 145–148. (соавтор С. Т. Богатырёва)

2005

Концептуальна організація оцінного тезауруса англійської мови // Лінгвістичні студії: зб. наук. пр. – Донецьк: ДонНУ, 2005. – Вип. 13. – С. 241–246.

Загальнооцінні концепти в структурі оцінного тезауруса // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах: зб. наук. пр. – Донецьк: ДонНУ, 2005. – Вип. 11. – С. 4–13.

Вираження оцінки одиницями різних частин мови // Вісник Запорізького державного університету. Філологічні науки. – Запоріжжя: ЗДУ, 2005. – Вип. 1 – С. 13–17.

Оценочные абстрактные существительные в когнитивном аспекте // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – Харків, 2005. – Вип. 667. – С. 82–85.

Портрет ученого: Світлана Олексіївна Швачко // Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліущенко. – Донецьк: ДонНУ, 2005. – Т. 2. – № 3 (6). – С. 137–139. (співавтор В. Д. Каліущенко).

Гендерные концепты в разноструктурных языках: материал эксперимента // Стилистика и теория языковой коммуникации: конференция, посвященная 100-летию со дня рождения И. Р. Гальперина. – Москва, 2005. – С. 129–132.

Рецензія на монографію С. І. Потапенка «Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (досвід лінгвокогнітивного аналізу)». – К.: Вид. центр КНЛУ, 2004. – 360 с. //

Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліущенко. – Донецьк: ДонНУ, 2005. – Т. 2. – № 1 (4). – С. 115–118.

Рецензія на монографію Ш. Р. Басирова «Типологія дієслів із рефлексивним комплексом в індоевропейських мовах». – Донецьк: ДонНУ, 2004. – 333 с. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження. – Т. 1) // Наука і сучасність: зб. наук. праць Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. – К.: НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2005. – Т. 48. – С. 218–223.

2006

Проект незалежного тестування з іноземних мов в Україні // Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліущенко. – Донецьк: ДонНУ, 2006. – Т. 3. – № 3 (9). – С. 5–15. (співавтор О. В. Завгородня).

2007

Портрет ученого: Владимир Дмитриевич Каліущенко // Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліущенко. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – Т. 4. – № 1 (10). – С. 158–163. (соавтор Л. І. Кислякова)

Модель експериментального вивчення особливостей вербалізації ціннісної картини світу // Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліущенко. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – Т. 4. – № 1 (10). – С. 5–15.

Особливості дієслівної вербалізації оцінних концептів в англійській мові // Одиниці та категорії сучасної лінгвістики (на російській та українській мові): збірник статей, присвячений ювілею В. Д. Каліущенка / відповід. ред. О. Л. Бессонова. – Донецьк: ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2007. – С. 227–241.

Отражение особенностей речевого поведения женщин и мужчин в разноструктурных языках // Проблеми типологічної та квантитативної лексикології: зб. наук. пр. – Чернівці: Рута, 2007. – С. 252–275.

Концепти сприйняття в англійській мові // Грані мов і культур: зб. ст., присвячений ювілею М. О. Луценка. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – С. 108–124.

Closing Plenary: Summary // A TESOL Symposium English Language Assessment: October 26, 2007. – Kyiv, 2007. – P. 1–8.

2008

Вербалізація ядерних концептів оцінного тезауруса англійської мови чоловіками та жінками // Проблеми загального, германського та слов'янського мовознавства. До 70-річчя професора В. В. Левицького: зб. наук. пр. – Чернівці: Книги – XXI, 2008. – С. 409–412.

Оценочный тезаурус английского языка: общая характеристика // Записки з романо-германської філології. – Одеса: Фенікс, 2008. – Вип. 20. Ювілейний присвячений 80-річчю професора В. А. Кухаренко. – С. 17–24.

Insights into Language Testing // Linguistic Research: The Selection of Research Papers. – Horlivka–Trnava, 2008. – Issue 6. – P. 10–14.

Особенности вербализации ключевых гендерных концептов: материал эксперимента // *Linguistics and Didactics in the 21st Century. Trends, Analyses, and Prognoses 1.* – Praha: Kernberg Publishing, s.r.o., 2008. – P. 6–23.

2009

Особенности вербализации эмоциональных концептов в английском языке // *Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава ДонНУ.* – Донецьк: ДонНУ, 2009. – С. – Т. 2 – 84–85.

Рецензия на учебное пособие А. Э. Левицкого «Сравнительная грамматика английского и украинского языков». – К., 2008. – 264 с. // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліущенко.* – Донецьк: ДонНУ, 2009. – Т.6. – № 2 (17). – С. 165–167.

2010

Структурные особенности оценочных наименований лица в английском, французском и украинском языках // *Записки з романо-германської філології.* – Одеса: Фенікс, 2010. – Вип. 25. Ювілейний присвячений 145-річчю ОНУ імені І. І. Мечникова та 50-річчю факультету РГФ у складі ОНУ імені І. І. Мечникова. – С. 7–14.

2011

Эмотивные концепты в ценностной картине мира // *Материалы VIII международной научно-практической конференции «Наука и культура России», посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: 26-27 мая 2011.* – Самара: Самарский государственный университет путей сообщения, 2011.

Рецензия на монографию Н. И. Панасенко «Фитонимическая лексика в системе романских, германских и славянских языков (опыт ономаσιологического и когнитивного анализа)» // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліущенко.* – Донецьк: ДонНУ, 2011. – Т. 8. – № 2 (23). – С. 153–155.

2012

Hierarchy of values in the English language model of the world // *Humanities across the Borders: collection of papers / editors-in-chief O. Byessonova, N. Panasenکو.* – Donetsk–Trnava: DonNU, 2012. – P. 5–24.

Emotive component in the meaning of nomination of person in English and Ukrainian // *Interdisciplinary aspects of language study / Daniel Lančarič (ed.).* – 1. vyd. – Davle: Kernberg, 2012. – P. 7–16.

Reconstruction of Value concepts in the Language Model of the World (in English) // *Language, Literature and Culture in a Changing Transatlantic World II. (Part I. Linguistics, Translation, Cultural Studies) / M. Ferencik, K. Bednárová-Gibová (eds.).* – Prešov, 2012. – P. 13–21.

2013

Standardized External Testing in Foreign Languages: Ukraine's Experience // *US-China Foreign Language.* – Volume 11, Number 1, January 2013. – P. 68–75. ISSN 1539-8080 (Print), ISSN 1935-9667 (Online) (соавтор О. В. Трофимова).

Ценностная картина мира и ее отражение в оценочном тезаурусе английского языка // *Человек. Язык. Культура. К юбилею В. И. Карасика.* – К.: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Ч. 1. – С. 5–11.

Негативные эмотивные наименования лица в английской и украинской национальных картинах мира // *STUDIA LINGUISTICA*: сб. науч. тр. СПб.: Политехника-сервис, 2013. – Вып. XXII. Язык. Текст. Дискурс: Современные аспекты исследований. – С. 78–87.

Рецензія на навчальний посібник С. І. Потапенка «Вступ до когнітивної лінгвістики». – Ніжин, 2013. – 136 с. // *Studia Germanica et Romanica*: наук. журнал / гол. ред. В. Д. Каліушенко. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – Т. 10. – № 3 (30). – С. 149–151. (співавтор А. Е. Левицький).

Лингвокультурный концепт *ДУША* в англоязычной картине мира // *Лингвистика XXI века*: сб. науч. ст.: к 65-летнему юбилею проф. В. А. Масловой / соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. – М.: ФЛИНТА – Наука, 2013. – Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 3. – С. 55–61. (співавтор С. В. Стороженко).

2014

Фразеологические единицы с национально-культурным компонентом значения в британском и американском вариантах английского языка: семантика и структура // *Філологічні трактати*, 2014. – Т. 6. – № 1. – С. 67–73. (співавтор А. Гайдаш).

Процедури концептуального аналізу в зіставних дослідженнях // *Мовний простір граматики: актуальні студії*: зб. наук. праць на честь 60-річчя член-кореспондента НАН України Анатолія Загнітка. – Донецьк: ДонНУ, 2014. – С. 402–414.

Еволюція засобів вербалізації концептів негативних емоцій в англomовному художньому дискурсі XVIII-XXI ст. // *Науковий вісник міжнародного гуманітарного університету* / гл. ред. И. В. Ступак. – Одесса: Издательский дом «Гельветика», 2014. – Вып. 10. – С. 109–114.

Master Class in Translation: Opening up New Vistas: Review of the monograph: Bednářová-Gibová K. «Non-Literary and Literary Text in Translation». *Filozofická fakulta Prešovskej univerzity*. – Prešov, 2012. – 100 p. ISBN 978-80-555-0612-8 // *Лінгвістичні студії: міжнарод. зб. наук. пр.* – Донецьк: ДонНУ, 2014. – Вып. 29. – С. 224–225.

Conceptualisation of Emotions and their Verbalization in the English Language Evaluative Thesaurus // *The Subcarpathian Studies in English Language, Literature and Culture*. – Rzeszow, 2014. – Vol. I. – P. 15–21.

Means of Expressing the Concept “SOUL” in the English Language // *Cross-Cultural Challenges in British and American Studies. Slovak Studies in English IV*. – Bratislava: Stimul, 2014. – P. 173–180. ISBN 978-80-8127-117-5.

2015

Language Education in Slovak Universities: Interdisciplinary Approach // *Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй научно-практической конференции: 24–25 апреля 2015 г.* / отв. ред. Д. А. Крячков. – М.: МГИМО–Университет, 2015. – Т. 2. – С. 68–75. (соавтор E. Smetanová).

Сопоставительный аспект лингвокогнитивных исследований // *Язык. Культура. Перевод. Коммуникация*: сб. науч. тр. / науч. ред. В. З. Демьянков. – М.: ТЕЗАУРУС, 2015. – С. 577–581.

2016

Сопоставительные лингвокогнитивные исследования в Донецком национальном университете // *Лингвистика и лингводидактика: традиции и инновации*: сб. науч. ст.: к 50-летию кафедры английской филологии ДонНУ / под ред. д. филол. н., проф.

О. Л. Бессоновой. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – С. 20–32.

Структура и семантика оценочных субстантивных композитов как средств вербализации концепта APPEARANCE в английском языке // Актуальные проблемы изучения языка и культуры: Всероссийская науч. конф.: 19–21 мая 2016 года: сб. науч. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – С. 332–341. (соавтор Е. В. Трофимова).

Оценочные композиты-субстантивы как средство выражения категории «предметный мир» в английском языке // Учитель, ученик, учебник: материалы VIII международной научно-практической конференции: сб. ст. / отв. ред. И. Л. Лебедева. – М: КДУ, Университетская книга, 2016. – Т. 1. – С. 166–173.(соавтор Е. В. Трофимова).

Структура и семантика фразеологических единиц с терминами родства в английском и немецком языках // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: науч. журнал / отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2016. – Т. 12. – Вып. 2 (34). – Р. 47–61 (соавтор Д. Гришкова).

Interdisciplinary Approach to Foreign Languages Training in Slovakia: a Case Study of University of Ss. Cyril and Methodius // *Humanities Across the Borders: Further Interdisciplinary Issues* // Editors E. Hornáčková-Klapicová, E. Smetanová MADRID: EDICIONES XORKI, 2016. – P. 11-26. (соавтор Э. Сметанова).

Вербализация ядерных концептов оценочного тезауруса английского языка: гендерный аспект // *Расширяя границы лингвистики: сб. науч. тр. к юбилею проф. В. Д. Калиущенко.* – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. – С. 285–294.

Учебные пособия

Методические указания по чтению газеты для старших курсов РГГУ. – Москва: РГГУ, 1992. – 41 с. (соавтор Л. А. Федорова).

Методичні вказівки до організації СРС з курсу домашнього читання для студентів 2 курсу. – Маріуполь: МГІ, 1996. – 30 с. (співавтор С. В. Сотнікова).

Навчальний посібник по практиці англійської мови на тему “Охорона здоров’я”. – Маріуполь: МГІ, 1997. – 63 с.

Методичні вказівки з навчання читання газети для студентів старших курсів спеціальності “Англійська мова і література, новогрецька мова”. – Маріуполь: МГІ, 1997. – 68с. (співавтор Л. В. Підько).

Учебное пособие по вводно-коррективному курсу английского языка. – Мариуполь: МГИ, 1998. – 134 с. (соавторы Э. В. Васильева, С. Г. Романюк, И. В. Соколова, С. В. Сотникова).

Абітурієнту МГІ. Методичні вказівки до вступного екзамену з англійської мови. – Маріуполь: МГІ, 2000. – 47 с. (співавтор Н. Б. Васильєва).

Методичні вказівки з організації самостійної роботи студентів з теоретичного курсу “Історія англійської мови” (спеціальність 6.030500 / 7.030502 “Мова та література (англійська)”). – Донецьк: ДонНУ, 2004. – 39 с.

Навчальний посібник для самостійної роботи студентів з теоретичного курсу “Лексикологія англійської мови” (розділ “Словотвір”) для студентів спеціальності 6.030500/7.030502 “Мова та література (англійська)”. – Донецьк: ДонНУ, 2004. – 40 с. (співавтор С. Т. Богатирьова).

Хрестоматія з лексикології англійської мови (розділ «Словотвір») для самостійної роботи студентів спеціальності 6.030500 «Мова та література (англійська)». – Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2011. – 81 с. (співавтор С. Т. Богатирьова).

IMAGES OF TODAY'S WORLD: підручник з англійської мови: у 2 ч. – Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2012. – Ч. 1. – 200 с. (співавтори О. М. Сидоров, Ю. К. Островська, Є. С. Курдіна, О. С. Сарбаш, В. В. Белоусов). (Гриф МОН лист № 1/11-5146 від 23.06.2011).

IMAGES OF TODAY'S WORLD: підручник з англійської мови: у 2 ч. – 2-ге вид. переробл. і доповн. – Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2013. – Ч. II. – 200 с. (співавтори О. М. Сидоров, Ю. К. Островська, Є. С. Курдіна, О. С. Сарбаш, В. В. Белоусов). (Гриф МОН лист № 1/11-5146 від 23.06.2011).

Life in Speech: навчальний посібник з англійської мови: у 2 ч. – 2-ге вид. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – Ч. I.– 252 с. (співавтори О. В. Клименко, О. М. Сидоров, О. В. Трофімова, Є. В. Коцаренко, О. О. Залужна). (Гриф МОН лист № 1/11-4338 від 26.02.2013).

**КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ, ЗАЩИЩЕННЫЕ
ПОД РУКОВОДСТВОМ ОЛЬГИ ЛЕОНИДОВНЫ БЕССОНОВОЙ**

- Олейник С. В.** Оценочные фразеологические единицы в английском и украинском языках: лингвокогнитивный аспект: дисс. на соискание научной степени канд. филол. наук: 10.02.17 – сравнительно-историческое и типологическое языкознание. – Донецк: ДонНУ, 2008. – 243 с.
- Сарбаш Е. С.** Семантика позитивной эмотивной лексики: лингвокогнитивный и лексикографический аспекты (на материале английского, украинского и новогреческого языков): дисс. на соискание научной степени канд. филол. наук: 10.02.17 – сравнительно-историческое и типологическое языкознание. – Донецк: ДонНУ, 2008. – 233 с.
- Стоянова И. Д.** Дискурс антиутопии (на материале английского, украинского и русского языков): дисс. на соискание научной степени канд. филол. наук: 10.02.17 – сравнительно-историческое и типологическое языкознание. – Донецк: ДонНУ, 2009. – 257 с.
- Зозуля М. А.** Метафора-персонификация в романах У. Голдинга: лингвокогнитивный аспект: дисс. на соискание научной степени канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки. – Донецк: ДонНУ, 2011. – 242 с.
- Островская Ю. К.** Оценочные неологизмы в английском и украинском языках конца XX – XXI века: дисс. на соискание научной степени канд. фил. наук: 10.02.17 – сравнительно-историческое и типологическое языкознание. – Донецк: ДонНУ, 2011. – 259 с.
- Пештиева Е. Ф.** Образность как семантический компонент лексического значения слова: лингвокогнитивный аспект (на материале существительных-наименований лица в английском и украинском языках): дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук: 10.02.17 – сравнительно-историческое и типологическое языкознание. – Донецк: ДонНУ, 2011. – 281 с.
- Трофимова Е. В.** Фразеологическая репрезентация негативных эмоций в английской и украинской картинах мира: дисс. на соискание научной степени канд. филол. наук: 10.02.17 – сравнительно-историческое и типологическое языкознание. – Донецк: ДонНУ, 2011. – 245 с.
- Сысоева Е. С.** Семантика, структура и функционирование оценочной антропонимической лексики в английском языке: дисс. на соискание научной степени канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки. – Донецк: ДонНУ, 2012. – 227 с.
- Тараненко О. В.** Оценочные реалии в современном английском языке: лингвокультурологический аспект: дисс. на соискание научной степени канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки. – Донецк: ДонНУ, 2012. – 209 с.

- Ананченко Е. С.** Лингвокультурный концепт *РЕЛИГИЯ* в английском и украинском языках: дисс. на соискание научной степени канд. филол. наук: 10.02.17 – сравнительно-историческое и типологическое языкознание. – Донецк: ДонНУ, 2013. – 293 с.
- Бойко Я. В.** Эстетическая оценка в поэтическом тексте: лингвокогнитивный анализ (на материале лирики английского романтизма) : дисс. на соискание научной степени канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки. – Донецк: ДонНУ, 2013. – 289 с.
- Хохлова В. А.** Фразеологические единицы с топонимическим компонентом в английском и украинском языках: лингвокультурологический аспект: дисс. на соискание научной степени канд. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – Донецк: ДонНУ, 2017. – 234 с.

Язык есть исповедь народа, Его душа и быт родной.

П. А. Вяземский

*Язык — это история народа.
Язык — это путь цивилизации и культуры.*

А. Куприн

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
И КАТЕГОРИЙ**

СЧАСТЬЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

На материале поэтических текстов XIX–XX веков исследуются представления о счастье в русском языковом сознании, выявляются характеристики «русского счастья», формулируется семантический прототип национального счастья, который сопоставляется с прототипом счастья современной языковой личности.

Ключевые слова: *счастье, родина, семантический прототип, менталитет, национальная специфика, модальная языковая личность*

Предметом исследовательского интереса лингвокультурной концептологии как российской разновидности антропологической лингвистики выступают вербализованные семантические образования, входящие в состав этнического либо национального менталитета.

По утверждению В. Сухомлинского, «человек таков, каково его представление о счастье», что в той же мере верно для любой социально-этнической общности, особенности характера которой отражаются в представлениях об успешности её жизни и соответствии судьбы идеалу.

Представления об успешности собственной жизни, о её соответствии некому идеалу и удовлетворенности ею присущи, очевидно, любому представителю *homo sapiens*, и в силу этого концепт счастья представляет собой, безусловно, одну из универсалий духовной культуры [13, с. 343], присутствующую также в любой языковой картине мира [11, с. 6]. В то же самое время счастье как обоснованная удовлетворенность жизнью в целом отделилось от счастья-удачи и счастья-везенья относительно недавно: с распадом мифологического мышления, приведшего к превращению «благой судьбы» и «благоприятного случая» в представления о счастье как результате рефлексии о собственной судьбе и соответствующему эмоциональному состоянию – счастьем-блаженством [5, с. 45–46].

Вполне ожидаемо, что с разворотом в конце прошлого века парадигмы гуманитарного знания в сторону человека-субъекта мысли и речи и появлением российской разновидности антропологической лингвистики – лингвокультурологии – столь значимая для этнического менталитета категория как счастье привлекла внимание исследователей: были описаны представления о нем в русском [10], английском [4], французском [2], калмыцком [9], киргизском [7] и других языках.

С большой долей вероятности можно предполагать, что в современных лингвокультурах в обязательном порядке присутствуют две базовых семантических *species felicitatis* – разновидности счастья: счастье-удача и счастье-блаженство – удовлетворенность жизнью в целом. В свою очередь в зависимости от типа личности счастье-блаженство распадается на две части. Одна из них, наиболее распространенная, – это счастье

«простое, человеческое», противостоящее несчастью, удовлетворенность нормальным, спокойным течением жизни, благополучием – тем, что на украинском языке называется «добробутом». Другая же, явно миноритарная, – это счастье пассионариев, людей «затратного» типа, героев и романтиков, которое противостоит скуке [3].

Если рассматривать счастье-блаженство как лингвокультурный концепт, то по дефиниционной части своей понятийной составляющей – это, безусловно, семантическая универсалия, присутствующая в любой языковой картине мира. В то же самое время, по «энциклопедической части» этой составляющей, а главное, по своей образно-метафорической, прецедентной и, конечно, «значимостной», собственно языковой составляющим – это семантическая уникалия, присущая определенной лингвокультуре.

Этническое счастье, безусловно, в психологическом плане – мощнейший психологический ресурс, мобилизуемый нацией в критические моменты её истории – войны, революций, катастрофы – и помогающий ей выжить и сохранить свою идентичность [12].

Поэзия – это, несомненно, наиболее идеализированная и идеологизированная область художественного дискурса, представления о счастье в текстах русской и советской поэзии разительно отличаются от представлений о нем в обыденном сознании [6, с. 71], тем не менее, очевидно, именно здесь присутствует этнический, национальный идеал «желанного настоящего».

Идея «национального счастья» в достаточной мере двусмысленна: с одной стороны, это этнически специфическая форма переживания успешности-неуспешности личной судьбы усредненного либо типичного представителя нации, с другой – переживания этого представителя относительно благополучия и предназначения той социальной общности, с которой он себя отождествляет, острота которых зависит от степени ощущения причащенности к её судьбе. Степень эта, конечно, отличается от человека к человеку: есть люди, которым, по словам Ж. Лабрюйера, «перед лицом иных несчастий как-то стыдно быть счастливыми» и для которых «нет счастья в доме, когда его нет в стране» [14, с. 122], но есть другие, для которых «круг счастья» ограничивается в лучшем случае семьей.

Как представляется, можно с достаточной уверенностью предполагать, что семантический прототип определенного национального счастья отличается от всех прочих прототипов не столько лакунарными признаками, а главным образом «долей» повторяющихся от лингвокультуры к лингвокультуре признаков, что и составляет его специфичность. И, если человек таков, каково его представление о счастье, то и народ таков, каково его представление об успешности собственной судьбы.

Лингвоконцепт «русское счастье», включающий помимо прочих специфических компонентов отношение к благополучию и судьбе России, описывается на материале поэтических текстов 19–20 веков, однако следует, видимо, постоянно иметь в виду, что «книжная» языковая

личность, представленная в этих тестах, если и совпадает с обыденной языковой личностью, то с определенной поправкой на давление публичности речи.

Наиболее частотной и выраженной характеристикой «русского счастья» является его всеобщность как производность от благополучия социума: *За личным счастьем не гонись / И богу уступай – не споря...* (Некрасов); *И мы в ответе перед всей вселенной, / Перед народами, перед веками, / Перед всеобщим счастьем, общим горем – / На то был создан русский человек!* (Луговской); *Нам положено было заветное в пути – / Для пяти континентов все счастье найти* (Луговской); *Мой тост и слово и присловье... / За мир, где хватит счастья вдоволь / Для всех людей, для всей земли!* (Исаковский); *Нам счастье всех людей – награда / За путь, проложенный к нему* (Долматовский); *Во имя человеческого счастья, / Того, что впрок горстями не берут, / Мы сквозь огонь прошли* (Рыленков); *Я не сумел бы стать счастливым, / коль счастье лишь в моем доме* (Дементьев); *Счастливым, / Я не нужен никому, / Счастливым быть / Мне стыдно одному* (Федоров). Можно назвать это «коллективизмом», можно – «соборностью», однако быть счастливым среди несчастных у русского человека «совести не хватает» [8, с. 32, 36]. Может быть ярче всех это чувство (правда, по отношению в несколько иной «общности») выразил В. Маяковский: *Я счастлив, что я этой силы частица, / что общие даже слезы из глаз.*

Чаще всего русский человек декларирует свою открытую причащенность к судьбе Родины, с которой он навеки связал *желанья свои и надежды* (Исаковский), к счастью которой он *на собственный лад приобщен* (Твардовский): *Не знаю счастья большего, / Чем жить одной судьбой: / Грустить с тобой, земля моя, / И праздновать с тобой!* (Шаферан); *Мне всю жизнь тобой гордиться, без тебя мне счастья нет!* (Ножкин); *И без меня ты можешь быть счастливой – / я без тебя, Россия, не могу* (Викулов).

Почти столь же частотной чертой «русского счастья», как и «всеобщность», является его обусловленность страданием и несчастьем, причем «страдальческий вектор» здесь направлен от несчастья к счастью, от минуса к плюсу. Русская поэзия утверждает, что подлинность и «качественность» его счастья зависит от предварительного страдания: *Поверь, мой друг, страданье нужно нам; / Не испытай его, нельзя понять и счастья* (Баратынский).

Однако страдание, ведущее к счастью, в представлении русского человека – это не страдание вообще, а страдание, обладающее этической значимостью: подвижническое и героическое. «Русское счастье» заслуживается человеком, который получает его в награду за труд и подвиг: *Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой, / В заботах тяжких истоцил* (Плещеев); *Ты понял, что праздность – проклятье / И счастья без подвига нет* (Пастернак). В каждой шутке есть доля шутки, и ирония

не делает менее верным утверждение Игоря Губермана: *Только в мерзкой трясине по шее, / на непрочности зыбкого дна, / в буднях бедствий, тревог и лишений / чувство **счастья** дается сполна.* Будучи подвижническим, счастье русских людей, которые не созданы для легких путей (Долматовский), непременно трудное: *Трудное **счастье** – награда для нас, / К подвигам наша дорога* (Морозов); *Нам выпал **счастливым**, но трудный билет – / Мы дети двадцатого века* (Энтин); *Лишь трудное время – **счастливое** время, Лишь трудная жизнь – **счастливая** жизнь* (Долматовский).

Самоотверженное и трудное, ставящее общественный интерес выше личного, «русское счастье» тем самым выступает как стоическое – награда за добродетель. Однако добродетель, ведущая русского человека к счастью, весьма специфична и отнюдь не сводится к воздержанию от нарушения этических запретов: *Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради... Не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего...* (Исх. 20: 12–17). Добродетель русского счастья активна и восходит, скорее, к восьмому евангельскому «блаженству»: *Блаженны гонимые (изгнанные) за правду, ибо их есть Царство Небесное* (Мф. 5: 10). «Русское счастье» – это счастье исполненного долга: *Пойду на плаху с ощущеньем **счастья**, / Исполнен долг...* (Долматовский).

«Трудное», самоотверженное, агонистичное («бойцовское»), предваряемое страданием, «русское счастье» с неизбежностью амбивалентно: вместе с радостью и восторгом содержит в себе муку и горечь: *И чем-то **горьким** отзывался / Избыток **счастья** и сил* (Фет); *И к сердцу уже подступает песня, / Как **слезы счастья*** (Рыленков); *Слышишь, **плачет** иволга от **счастья*** (Рыленков); *Я хочу стремиться к боли, / В этом **счастье** мое* (Бальмонт); *Загрущу, / Затоскую, / Если стану **счастливым*** (Федоров).

«Русское счастье» – беспокойное счастье, счастье людей пассионарного, «затратного» типа, для которых *жизнь скучна, когда боренья нет* (Лермонтов), в «фелицитарной логике» которых место несчастья занимает скука и которым в ситуации полного материального благополучия, как Несчастливцеву, герою пьесы А. Островского, «удавиться хочется»: *В звоне каждого дня / Как я **счастлив**, что нет мне покоя* (Ваншенкин); *Что мне нужно для **счастья**? Тревога нужна – вторых, / Да такая, чтоб вовсе минут не осталось пустых* (Долматовский); *Наше **счастье** в борьбе и в пути, / В том, чтоб Родине ярче цвести* (Ошанин); *Потоки солнца плещут, на полу, / И по дивану слоники гуляют, / Размеренное обещаю **счастье**. / Мне в жизни ненавистно это **счастье*** (Луговской); *Только в борьбе можно **счастье** найти* (Гребенников-Добронравов); *...За мною / Огромный опыт **бедственного счастья**, / Разлук, тревог. Покоя нет на свете* (Луговской). Русский человек – принципиально «антиэпикурец», он – «беспокойно счастлив»: *мечтает всю жизнь прожить молодым, / Чтоб не хотелось покоя*

(Морозов»); ему *по душе непокой* (Долматовский) и он *не ждет тишины* (Долматовский).

На понимании русским человеком счастья не могла не отразиться «парадоксальность и антонимичность русской истории» [1, с. 273], определившие такую его национальную черту, как максимализм – все или ничего: *Жить не украдкой, жить не ползком, / Подобно горной лететь лавине. / Мне нужно **счастье** все, целиком, / Мы не сойдемся на половине* (Матусовский); *Я не хочу половины **счастья**, / ни половины горя не хочу* (Евтушенко). И не случайно, видимо, на могильной плите старого русского (эмигрантского) кладбища в Ментоне – центре русской эмиграции и русской диаспоры во Франции в конце 19-начале 20 века, где имела дачу помещица Раневская, героиня чеховской пьесы, – написаны строки: *Пусть это будет памятью / Нашей великой любви, / Нашего **счастья** бесконечного / И нашего бездонного страдания*. Если любовь, то великая, если счастье, то бесконечное, если страдание, то бездонное...

«Русское счастье» ориентировано на идеальное, на запредельное, оно в значительной мере «не от мира сего» и служит «секулярным аналогом» [15, с. 179] небесного блаженства.

Парадоксальность «русского счастья» состоит в том, что о нем пекутся как раз несчастные люди – расхожий афоризм «Человек создан для счастья, как птица для полета» пишет ногою на мольберте безрукий калека, менее всего «созданный для полета», и добавляет затем «на словах», что *человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него* (Короленко).

«Русское счастье» – счастье «компенсаторного типа», подобно небесному блаженству, оно не имеет настоящего – футурально либо претеритно, будет либо уже было: *А **счастье** где? Не здесь, в среде убогой, / А вон оно – как дым. / За ним! За ним!* (Фет); *Для веселия планета наша мало оборудована. / Надо сделать **счастье** для грядущих дней* (Маяковский); *Видеть солнце порой предрассветной – / Только так можно **счастье** найти* (Долматовский); *Пора за будущность заранее не пугаться, / Пора о **счастье** учиться вспоминать* (Фет); *О **счастье** мы всегда лишь вспоминаем* (Бунин); *Настоящее **счастье** всегда впереди* (Луговской). Единственно верный способ его достижения – неустанные попытки его обрести: *Ступенями к томительному **счастью** / Не меньше я, чем счастьем, дорожу* (Фет); *Не постичь ни душе, ни уму, / что мечта хороша вдалеке, / ибо **счастье** – дорога к нему, / а достигнешь – и пусто в руке* (Губерман). Мечтательность и терпение, лежащие в основе исторического оптимизма русского народа, позволяли ему долгое время компенсировать недостаток счастья в настоящем надеждой на лучшее будущее: *Товарищ, верь: взойдет она, / Звезда пленительного **счастья*** (Пушкин).

«Русское счастье» – трудное и эфемерное, и об этом, наверное, никто не сказал лучше Николая Заболоцкого:

*...счастье наше – лишь зарница,
Лишь отдаленный слабый свет.
Оно так редко нам мелькает,
Такого требует труда!
Оно так быстро потухает
И исчезает навсегда!
Как ни лелей его в ладонях
И как к груди ни прижимай, –
Дитя зари, на светлых конях
Оно умчится в дальний край!*

И, наконец, «русское счастье» ригористично – это, скорее, счастье исполненного долга, в то время как «счастье в личной жизни» в иерархии ценностей русского человека занимает весьма скромные позиции [8, с. 29], к нему он относится скептически и недоверчиво.

Теперь можно попытаться сформулировать семантический прототип «русского счастья» по данным поэзии.

Счастье – это душевное состояние, обусловленное в первую очередь благополучием страны, в которой он живет. Оно заслуживается самоотверженным трудом во имя всеобщего блага, борьбой за высокие цели и предваряется страданиями, вызванными правдоискательством и попытками восстановить справедливость. Такое счастье дается людям, отвергающим покой и благополучие, обрести его можно только в процессе его достижения.

Сопоставление этого прототипа с прототипом сегодняшней «обыденной» языковой личности, полученным в результате опроса информантов [5, с. 102–114], показывает разительное несовпадение семантических признаков, наполняющих эти прототипы – счастье «книжное», публичное и счастье личное, «простое человеческое» оказываются как бы «вещами несовместными».

Прежде всего, в ответах респондентов полностью отсутствует упоминание о «счастье Родины» и какие-либо намеки на пассионарность – готовность чем-нибудь для неё жертвовать. Из двух сотен человек, которым был задан вопрос «Что такое, по вашему мнению, счастье?», только один разделяет стоическую концепцию – поступай по совести, и будешь счастлив, только четверо озабочены счастьем других и только пятеро отметили эфемерность счастья.

Объяснить это можно двумя способами: либо «поэтическая» и «обыденная» языковые личности в этнической культуре изначально не имели и не имеют ничего общего, либо за последние четверть века менталитет нации кардинально изменился и речь идет о смене модального типа личности.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: ЭКСМО, 2004. 736 с.
2. Богданова М. А. Идея счастья и способы её актуализации (на материале русского и французского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 25 с.

3. Воркачев С. Г. «Две доли» – две концепции счастья // Языковая личность: проблемы креативной семантики. Волгоград: Перемена, 2000. С. 54–61.
4. Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): Волгоград: Перемена, 2003. 164 с.
5. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
6. Воркачев С. Г. К эволюции языкового менталитета: «русское счастье» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия филология. 2012. № 2 (18). С. 69–75.
7. Дербишева З. К. Концепт «Счастье» // Язык и этнос. М.: Флинта-Наука, 2017. С. 192–195.
8. Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001. 242 с.
9. Лагаева Д. Д. Лингвокультурный концепт «счастье» в калмыцком и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2009. 20 с.
10. Ле Минь Нгок. Особенности языковой репрезентации русского концепта «счастье» (с позиции носителя вьетнамской культуры): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.
11. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
12. Русское счастье. Доступ: www.русское-счастье.рф
13. Степин В. С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 341–347.
14. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 366 с.
15. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГОРДОСТИ

Ольге Леонидовне Бессоновой

с уважением и самыми добрыми пожеланиями

Анализируется осмысление гордости в русской и английской лингвокультурах. Определены основные понятийные векторы этого осмысления и направления уточнения концепта «гордость» в семантическом поле оценки социального статуса человека. Раскрыта дискурсивная специфика осмысления гордости в обиходном и религиозном дискурсе в русской и английской лингвокультурах. В паремиологии в основном осуждается гордость, в афористике констатируется ее амбивалентная природа.

Ключевые слова: *концептуализация, лингвокультура, дискурс, понятие, образ, ценность.*

Человек как существо общественное постоянно соотносит себя с другими людьми, и важнейшим параметром такой самооценки является осмысление своей значимости. Такое осмысление носит градуальный характер и варьируется от минимальной до максимальной оценки своего места в обществе, при этом полярные позиции вызывают осуждение со стороны других людей (комплекс неполноценности и комплекс превосходства), а взвешенная положительная самооценка понимается как чувство собственного достоинства и получает одобрение со стороны окружающих. В этой связи представляет интерес изучение концептуализации гордости как чувства удовлетворения собственной значимостью или причастностью к значимости кого-либо или чего-либо. Представляется, что в языковом сознании это чувство проявляется в нескольких типичных модусах, эти модусы имеют культурно-ситуативную обусловленность и характеризуются определенной этнокультурной спецификой.

Для изучения языкового осмысления гордости используется стандартная теория лингвокультурных концептов, в рамках которой концепт понимается как квант переживаемого знания, имеющий понятийное, образное и ценностное измерения [1; 2; 4; 6; 8; 10; 11; 12; 13].

Поскольку существительное «гордость» обозначает качество, опорным словом для выявления содержания анализируемой единицы целесообразно считать прилагательное «гордый». Обратившись к словарным дефинициям, мы устанавливаем признаковый состав рассматриваемого концепта.

Гордый – 1. *Обладающий чувством собственного достоинства, самоуважения.* 2. *Испытывающий чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов, чувство своего превосходства в чем-л.*

3. *Считающий себя выше, лучше других и с пренебрежением относящийся к другим, заносчивый, высокомерный* (МАС).

Proud – 1. *Pleased about something that you have done or something that you own, or about someone or something you are involved with or related to.* 2. *Proudest moment/achievement/possession – the moment etc that makes you feel most proud.* 3. *Too high opinion – thinking that you are more important, skillful etc than you really are – used to show disapproval.* 4. *Great self-respect – having respect for yourself, so that you are embarrassed to ask for help when you are in a difficult situation.* 5. *(informal) Do somebody proud; (old-fashioned) Treat someone well by providing them with good food or entertainment.* 6 *(literary) impressive* (LDCE).

Сравнив приведенные словарные дефиниции, мы можем построить следующий список признаков концепта «гордость»: 1) чувство, 2) собственного достоинства, 3) либо удовлетворения, 4) обусловленное своими достижениями, 5) либо причастностью к достижениям других, 6) переходящее в преувеличенно высокое мнение о себе, 7) и презрение к другим, 8) и выражающееся в отказе принять помощь от других.

Эти признаки складываются в трехуровневую схему. В ее основе лежит базовый признак – чувство собственного достоинства, т.е. самоуважение, признание своей значимости, обусловленное пониманием своего места в обществе, своей идентичности. Это чувство конкретизируется (второй признак) в виде удовлетворения своими успехами либо достижениями тех, с кем себя ассоциирует субъект. Базовый признак самодостаточен и не требует объяснения, считается, что у каждого человека должно быть чувство самоуважения. Производный признак требует объяснения того, почему человек испытывает гордость. Следующий признак выражает отрицательную оценку обществом преувеличенной самооценки субъекта. Такая самооценка выражается в презрении к окружающим и нежелании принять от них помощь. Такова трехуровневая схема основного содержания рассматриваемого концепта в его обиходном осмыслении. Эта схема соответствует структуре словарной дефиниции в толковом словаре русского языка (МАС).

Внутренняя форма слов, обозначающих гордость, толкуется этимологами как неясная в русском языке (Черных) и восходящая к идее удобства – в английском (лат. *prude* – из *prod-esse* – «перед» + «быть») (Klein).

Для осмысления идеи гордости оказывается важным значимостный анализ семантики этого слова [3], определение соотношения содержательных единиц в семантическом поле оценки социального статуса человека [5]. Можно выделить следующие линии уточнения признаков в рассматриваемом поле: 1) *стремящийся выделиться – не стремящийся выделиться (притязательный, амбициозный – непритязательный, скромный)*, 2) *стремящийся подавить других – готовый к уступкам (напористый, агрессивный – уступчивый, смиренный)*, 3) *демонстрирующий свою*

значимость – демонстрирующий отсутствие своей значимости (*гордый, имеющий самолюбие – кроткий, бесхарактерный*), 4) демонстрирующий неуважение к другим – проявляющий уважение (*наглый, бесцеремонный – уважительный, почтительный*), 5) имитирующий смирение (*тихоня, овечка, божья коровка*). Первые четыре линии выражают диаду признаков, при этом первый член такой диады характеризует активное поведение, а второй – пассивное, пятая линия является специфическим уточнением уступчивости и смирения, осуждается неискреннее поведение. Границы между выделенными областями поля оценки социального статуса человека размыты, и число этих линий может быть уточнено.

Особенности обозначения скромного и нескромного поведения в разных языках рассматривались в лингвистике [7; 9]. Характеристики скромного и уступчивого поведения имеют высокую коммуникативную значимость для социума, число таких слов в русском и английском языках достаточно велико. Приведем синонимы слова «кроткий» в русском языке и «meek» в английском: *кроткий, безгневный, безжелчный, беззлобный, безобидный, безответный, безропотный, добродушный, добросердечный, мирный, миролюбивый, мягкий, молчаливый, незлобивый, скромный, смиренный, смирный, снисходительный, терпеливый, тихий, тишайший, уступчивый, отходчивый, ангельский, елейный, безличный* (Баранов, 1999); *meek, modest, humble, submissive, unassuming, unambitious, unpretentious, mild, bland, patient, deferential, shy, retiring, lowly; tame, timid, weak, docile, compliant, submissive, yielding, acquiescent, docile, unaggressive, non-militant, tractable, manageable, subdued, repressed, spiritless, suppressed, broken, Colloq wimpish* (WNWThes). Как в русском, так и в английском языках в качестве близких по значению приводятся весьма разнородные лексические единицы.

В синонимических словарях детально уточняется идея высокомерной гордости: *гордый, горделивый, высокомерный, заносчивый, надменный, кичливый, спесивый, чванный; брезгливый, презрительный, пренебрежительный, претенциозный; самолюбивый, обидчивый, надутый* (Баранов); *гордость, горделивость, гордыня, высокомерие, заносчивость, надменность, кичливость, претенциозность, спесь, тщеславие, чванство, самолюбие, обидчивость, амбиция, гонор, самомнение; высокомерие, высокомыслие, высокоумие. Национальная гордость – шовинизм* (там же). Весьма представителен список синонимов для обозначения высокомерной гордости в английском языке: *conceited, self-important, self-esteeming, self-admiring, self-centered, egocentric, narcissistic, SI. stuck or hung up on oneself; vain, vainglorious, egotistical, puffed-up, inflated, swollen, swell-headed, Inf. big-headed; boastful, bragging, crowing, blustering, SI. full of hot air; cocky, cocksure, bumptious, assertive, self-assertive, self-assured, aggressive, Inf. pushy, Scot. vaunty; arrogant, fastuous, overbearing, overweening, presumptuous, assuming, Inf. too much; contemptuous, disdainful, scornful, derisive, insolent; imperious, lordly, magisterial, high-handed, highfalutin;*

haughty, snobbish, on one's high horse, high-and-mighty, too good for the rest of us, priggish, Inf. highhat, Inf. nose in the air. Si. snooty, SI. snotty, SI. sniffy, SI. stuck-up; supercilious, cavalier, condescending, patronizing, Inf. toplofty; aloof, remote, distant, detached, removed, above-it-all; unbending, stiffnecked, unapproachable, forbidding; pompous, pretentious, affected, hoity-toity. Можно заметить, что в качестве конкретизаторов высокомерия используются идеи раздутости, взгляда сверху вниз на других, презрения, снисхождения, дистанцированности, хвастливости, самовлюбленности, высокого мнения о своем уме.

Заслуживает внимания детальная дифференциация синонимических оттенков следующих слов: «*Гордость считает за собою достоинства; надменность основана на самонадеянности; высокомерие – на властолюбии; кичливость – гордость ума; чванство – гордость знати, богатства, тщеславие – суетность, страсть к похвалам, спесь – глупое самодовольствие, ставящее себе в заслугу сан, чин, внешние знаки отличия, богатство, высокий род свой и проч.*» (Даль).

В «Англо-русском синонимическом словаре» сравниваются слова *proud, arrogant, overbearing, haughty, lordly, supercilious, disdainful*, объединенные значением «'имеющий преувеличенно высокое мнение о себе, своих заслугах, достоинствах и т. п. или уверенный в своем превосходстве над другими' гордый, высокомерный, заносчивый, кичливый, чванливый, чванный, спесивый, напыщенный, надутый» и различающиеся по следующим признакам: 1) некто имеет чересчур высокое мнение о своих качествах и поэтому свысока относится к другим (*proud*); 2) некто постоянно подчеркивает свое превосходство, часто мнимое и переходящее в пренебрежение к другим, и проявляет склонность навязывать свое мнение (*arrogant*); 3) некто демонстративно навязывает свою волю и стремится подчинять себе (*overbearing*); 4) некто ставит себе в заслугу свое положение, звание, богатство и свысока третирует других людей, у которых нет этих преимуществ (*haughty*); 5) некто преисполнен сознанием собственного величия и неизмеримого превосходства над другими людьми (*lordly*); 6) некто ведет себя пренебрежительно и презрительно по отношению к другим людям (*supercilious, disdainful*) (АРСС).

Приведенные комментарии свидетельствуют о том, что преувеличенная самооценка выражается в пренебрежении к другим людям, в стремлении навязать им свою волю, в демонстрации оскорбительного презрения, в подчеркивании своего высокого положения. Распространенным выражением социального неравенства являются метафоры величины и высоты (титулы «Ваше Величество» и «Ваше Высочество»). Вспомним маленькие фигуры простых людей возле огромных изображений фараонов в древнем Египте.

Если преувеличенная самооценка превращает гордость в высокомерие в диалоге с другими людьми, то отрицание несоизмеримого с человеком величия Бога расценивается как один из смертных грехов. В

русском языке для этого используется особое слово «гордыня», в английском в этом смысле употребляется лексема «pride». Именно гордыня привела одного из ангелов к противоборству с Создателем в христианском библейском нарративе, и этот сюжет отражен в высказывании «*Pride goes before a fall*» – «Гордыня предшествует падению». Нежелание склонить голову отражено в библеизме «жестоковыйный» («выя» – шея).

Образная конкретизация гордости раскрывается в высказываниях, включающих наречия «гордо» и «proudly» (использовались данные русского и британского национальных корпусов www.ruscogroga.ru и www.natcorp.ox.ac.uk). Адвербиальное уточнение характеризует поведение субъекта, квалифицируемое как «гордое».

Хрестоматийно известны слова «Песни о буреветнике»:

Над седой равниной моря гордо реет буреветник (М. Горький).

«Реять» значит плавно парить в высоте. Наречие «гордо» акцентирует идею бесстрашия, презрения к буре и удовлетворения этим ощущением.

Чувство собственного достоинства ярко проявляется в критических ситуациях:

Я сказала: стреляй, сволочь! – повернулась и гордо вышла, а он выронил пистолет и зарыдал, ломая пальцы... (А. Славовский).

Героиня демонстрирует презрение к смерти и поэтому характеризует свой поступок, используя слово «гордо». Ее противник терпит моральное поражение.

Внешним выражением гордости является гордо поднятая голова:

Свое имя он носил, как корону, на гордо поднятой голове (Е. Сьянова).

Знак царского достоинства предполагает соответствующее сану поведение.

Типичные действия, которые совершаются гордо, это взгляд, движение и речь:

И пальма гордо смотрела зелёной вершиной на лес товарищей, раскинутый под нею (Вс. Гаршин).

Тогда Лёва должен был взять меня под руку, толпа расступиться, а мы – гордо пройти сквозь неё к дверям школы (А. Алексин).

Москвичи, то есть люди, прожившие в столице хотя бы месяц, гордо заявляют, что на Арбат не ходят никогда (И. Давыдов).

Пальма из известной притчи В. М. Гаршина является самым высоким растением в оранжерее и поэтому, глядя сверху на свое окружение, ощущает свою царственную исключительность. Пробив потолок, она погибает – такова участь тех, кто не готов смириться с реальностью. Толпа обычно расступается перед теми, кто внушает уважение или страх, и поэтому герои гордо шествуют вперёд. Интересно ироничное предложение, в котором говорится о людях, гордо заявляющих, что они не

ходят на Арбат: предполагается, что там бывают только туристы. Пресуппозиция этого высказывания такова: статус москвича вызывает чувство гордости.

Заслуживает внимания следующая фраза:

Вот сделаешь меня начальником отдела – тогда, пожалуйста, напечатаю себе визиток с фотками и буду со всеми гордо знакомиться (А. Маринина).

Героиня полагает, что указание должности начальника отдела на визитной карточке является престижным. Заметим, что визитная карточка как артефакт культуры – это статусный знак принадлежности к категории людей, испытывающих гордость по поводу своей должности.

Показателем гордости часто является отказ:

Да притом Григорий Александрович каждый день дарил ей что-нибудь: первые дни она молча гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанилице и возбуждали её красноречие (М. Лермонтов).

Пленница демонстрирует гордость, отвергая подарки Печорина. Поступок лермонтовского героя ярко иллюстрирует суть колонизаторской политики: вторгаясь в архаичный быт, завоеватели, считающие себя цивилизованными людьми, ведут себя как дикари, но полагают, что имеют право на такое поведение.

Людам свойственно гордиться своими достижениями:

А мой сосед, второгодник Женя Барановский, раскрывает свою тетрадку, гордо показывает – у него пятерка (А. Моторов).

Отличная оценка у второгодника – неподдельная причина гордости.

К числу таких причин относится ощущение своей силы:

Жить, ощущая гордо, что никто не посмеет встать поперек твоего пути, – в этом был для Васьки весь кайф жизни (В. Ремизов).

Сила, как известно, является важнейшим биологическим источником гордости. Мы знаем, как горделиво шествуют львы в естественной среде своего обитания.

Людам свойственно с гордостью говорить о том, что для них очень значимо:

– Вообще-то тираж нашей газеты – пять миллионов, – гордо ухмыляется журналист (Е. Додолев).

Надежда Михайловна гордо ответила: – Я никогда не вру! (М. Зосимкина).

Большой тираж – показатель престижности издания. Журналист гордится тем, что работает в такой газете. Гордый ответ во втором примере объясняется тем, что не все люди в разных ситуациях говорят правду, героиня относит себя к избранному меньшинству.

Высокой диагностической мощностью для понимания гордости субъектов обладают высказывания с адвербиальными биномами – два наречия уточняют семантику друг друга:

– *Что слышу я, прокуратор? – гордо и спокойно ответил Каифа, – ты угрожаешь мне после вынесенного приговора, утверждённого тобою самим? (М. Булгаков).*

Клёст сидел на своей жёрдочке торжественно и гордо, как командир на коне (Ю. Коваль).

Сочетание «гордо и спокойно» характеризует первосвященника как человека, осознающего свой высокий статус. Бином «торжественно и гордо» описывает поведение птицы, которая сравнивается с командиром на коне, принимающим парад.

Прецедентным текстом для русской культуры стала фраза Сатина из пьесы М. Горького «На дне»:

Человек! Это великолепно! Это звучит ... гордо! (М. Горький).

Это высказывание приобрело бесконечно разворачивающийся символический смысл – человек достоин уважения, нельзя унижать людей, следует сохранять человеческий облик в любой ситуации и т.д. Частотны аллюзии к этой реплике:

«Человек труда», «рабочий» – должно звучать гордо. Причем это должно не только звучать гордо, но и оцениваться по заслугам», – отметил в начале своего поздравления новгородцев с Первомаем губернатор Сергей Митин (А. Селезнева).

Заметим, что в речи политика модальная квалификация «должно звучать гордо» допускает интерпретацию «но не звучит». В публицистическом тексте объясняется, почему в прежние времена быть инженером было престижно:

Инженеры ценились – они могли рассчитать мост и организовать его строительство, наладить производство паровозов или судов или внести в них существенные улучшения. Звание «инженер» звучало гордо. Людей таких было немного и стояли в обществе они весьма высоко (Г. Малинецкий).

В наши дни ситуация изменилась: массовая подготовка инженеров привела к их девальвации, и поэтому сравнение в речи сатирика «как простой инженер» вызывает горькую улыбку у представителей этой профессии.

Обратим внимание на гордость в речи разработчиков информационных технологий:

Они гордо заявляют: «Мы уверены, что уже через несколько лет на каждом сайте, в каждой микроволновке и стиральной машине, в каждом банкомате и автомобиле будет жить свой информационный эльф – инф, виртуальное существо, с которым можно будет поговорить, дать приказ или получить справку (Г. Тарасевич).

Эти специалисты считают, что массовое внедрение роботов в наш быт радикально изменит жизнь человечества в лучшую сторону.

Интересен пример распространенного заблуждения, связанного со стереотипной формулой *stiff upper lip* – *неподвижная верхняя губа*:

Настоящий англичанин должен всегда держать голову прямо и гордо, ни в коем случае не шевелить верхней губой (и тем более, ему нельзя допускать заметного ее дрожания, выдающего эмоции!) (Коллективный форум).

Принято считать, что британские аристократы отличаются своей осанкой (даже болезненное искривление позвоночника называется «лордоз», т.е. осанка лорда). Но требование держать верхнюю губу неподвижной не соответствует реальности, от волнения или обиды у нас начинает дрожать нижняя губа.

Обратим внимание на ироническую квалификацию положения дел в следующей фразе:

«Ведомости» – московская газета, которая издается, как на ней гордо написано, «совместно с «Wall-Street Journal» (В. Пелевин).

Мы понимаем, что если московская газета выходит в свет совместно с мощным американским ежедневным деловым изданием, то говорить о гордости в данном случае можно только с усмешкой.

Обратимся к примерам на английском языке.

У людей вызывают гордость символы страны:

Jon proudly watched the Union Jack raised above his head. – Джон с гордостью смотрел на флаг Британии, поднимающийся над его головой.

Таким символом является государственный флаг.

Школьники и военнослужащие гордятся своей униформой:

Then she proudly showed off her new school uniform. – Затем она гордо продемонстрировала свою новую школьную форму.

They would be marshalled back to their digs, proudly wearing their uniforms – Затем они гордо пройдут в своих униформах назад в свои укрытия.

Униформа является знаком принадлежности к определенному сообществу. Известно, что в школах и университетах существуют особые галстуки, пиджаки и т.д., которые следует одевать в торжественных случаях.

Поддержание традиций способствует четкой самоидентификации англичан и американцев:

... a tablet on the gable of a former school proudly proclaims that the Bronte sisters were educated there in 1824-25. – Пластика на фронто́не бывшей школы гордо сообщает, что здесь учились сестры Бронте в 1824-1825 гг.

This is a region which proudly boasts its own distinct culture. Ancient tradition remains powerful. – Это регион, который гордится своей особой культурой. Древняя традиция остается сильной.

Traditional producers proudly maintain their commitment to traditional methods. – Традиционные производители гордо сохраняют свою верность традиционным методам.

Это проявляется в церемониях:

The Transatlantic Brides and Parents Association of Orlando also proudly laid a wreath. – Трансатлантическая ассоциация невест и

родителей из Орlando также с гордостью возложила венок.

Гордо произносятся официальные речи:

The United States proudly acknowledged the dependence of its founders upon the principles of the 'glorious revolution'. – Соединенные Штаты с гордостью признали приверженность отцов-основателей принципам «славной революции».

Люди гордятся тем, что работают в определенной компании или фирме:

... and the last of the men who used proudly to work for the old railway company have gone. – И последние из людей, которые с гордостью работали в этой старой железнодорожной компании, ушли.

Осмысление причин для гордости не дает оснований выделять их этнокультурную специфику.

Люди гордятся теми, кто проявил силу характера:

But she was a great little fighter, 'says Kim, proudly'. And six months later she left hospital. – Но она была великим маленьким бойцом, – с гордостью говорит Ким. – И через шесть месяцев она вышла из больницы.

Despite his overall fatigue and discomfort, Mark wore it proudly and explained and demonstrated how it worked to everyone involved in his care. – Несмотря на свою общую усталость и чувство неудобства, Марк гордо носил его, объясняя и демонстрируя всем, как это устройство работает.

Полгода в больнице люди проводят при серьезных заболеваниях и травмах. Освоение протезов требует больших усилий. Сила воли вызывает уважение.

Известная фотомодель с гордостью сообщает публике, что хочет воспитывать ребенка без няни:

And beaming proudly the 47-year-old superstar declared at London's Heathrow airport: 'Never let it be... – И сияя от гордости, 47-летняя звезда заявила в лондонском аэропорту Хитроу: «Этого никогда не будет...»

Женщина гордится своим ребенком, это естественно.

Люди гордятся своими профессиональными навыками:

The constable did investigate the incident and proudly told colleagues later how his discretion and instinct had proved correct. – Констебль все же провел расследование этого инцидента и затем гордо рассказал коллегам, что его благоразумие и инстинкт оказались верными.

Подчеркивается значимость затраченных усилий, которыми человек гордится:

Indeed, one old lady of 94 was interviewed on television and she proudly told the presenter 'I can now walk faster than my daughter. – В самом деле, 94-летняя пожилая дама сообщила в телевизионном интервью репортеру: «Я теперь могу ходить быстрее, чем моя дочь».

Поддержание дома в идеальном порядке является предметом гордости:

Mrs MacKenzie proudly showed me her minuscule immaculate palace. – Миссис Маккензи с гордостью показала мне свой миниатюрный

образцовый дворец.

В публицистическом тексте встречаются полемические фразы, в которых критически оценивается гордое наименование чего-либо:

Yet it sounds an oddly unrealistic assumption, especially for a theory proudly named Realism! The 'ideal-type' case is certainly very idealized. – Тем не менее, это странное предположение звучит нереалистично, особенно для теории, гордо названной реализмом! Идеальный случай, действительно, очень идеализирован.

Достопримечательности обычно вызывают чувство гордости у жителей страны:

Measuring over 200 feet from head to toe it stands proudly on the south of Windover Hill, a few miles inland from Eastbourne. – Высотой более 200 футов (60,9 м) от головы до пят она (статуя) гордо возвышается на западе Виндоверского холма в нескольких милях от города Истборна.

Можно заметить, что в английских примерах в большей мере подчеркивается идея гордой удовлетворенности положением дел, часто укорененных в традициях, а в русских высказываниях, иллюстрирующих чувство гордости, – идея особых обстоятельств, исключительности, эмоционального напряжения.

Прецедентным текстом для осмысления концептуализации гордости в религиозном смысле является Библия. В «Притчах Соломона» сформулированы четкие предписания по отношению к гордости:

Вот шесть, что ненавидит Господь, даже семь, что мерзость душе Его: глаза гордые, язык лживый и руки, проливающие кровь невинную, сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству, лжесвидетель, наговаривающий ложь и сеющий раздор между братьями (Притчи Соломона, 6: 16-19); гордость и высокомерие и злой путь и коварные уста я ненавижу (8: 13); Придет гордость, придет и посрамление; но со смиренными – мудрость (11: 2); В устах глупого – бич гордости; уста же мудрых охраняют их (14: 3); Погибели предшествует гордость, и падению – надменность (16: 18); Лучшие смиряться духом с кроткими, нежели разделять добычу с гордыми (16:19); Гордость очей и надменность сердца, отличающие нечестивых, – грех (21: 4); Надменный злодей – кощунник имя ему – действует в пылу гордости (21:24); Гордость человека унижает его, а смиренный духом приобретает честь (29: 23).

В списке объектов осуждения «глаза гордые» указаны на первом месте. В этом контексте гордость понимается как самомнение, приводящее к кощунству (т.е. глумлению над тем, что свято), она противопоставляется смирению и ассоциируется с глупостью.

Различные аспекты отношения к гордости детально отражены в корпусе пословиц. Можно выделить следующие оценочные установки:

Не следует проявлять (чрезмерную) гордость, поскольку это приводит к плохому результату: *Гордый покичился, да во прах скатился (рус.). Не гляди высоко: запорошишь око (рус.). Гордый рог сломит Бог*

(рус.). Гордая голова слетает с плеч первой (рус.). Кувшин гордился, пока не разбился (рус.). Гроза бьет по высокому дереву (рус.). Высоко летишь – где-то сядешь (рус.). Заносчивого коня построже зануздывают (рус.). Гордость редко до добра доводит (франц.). Гордость навлекает беду (кит.). Гордость выезжает верхом, а возвращается пешком (итал.). За гордость – расплата, за скромность – уважение (туркмен.). Идущий с задранной вверх головой может повстречать идущего с палкой (осетин).

Эти речения выражают важное предписание коллективистской культуры – не следует выделяться из массы. Имеют место и уточнения данной прескрипции:

Не следует проявлять (чрезмерную) гордость, поскольку это неуютно Богу: *Убогая гордость – дьяволу потеха (рус.). Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать (рус.). Сатана гордился, с неба свалился; фараон гордился, в море утопился (рус.).*

Не следует проявлять (чрезмерную) гордость, поскольку так ведут себя глупцы: *Гордым быть – глупым слыть (рус.). Глупец всегда важничает (евр.).*

Не следует проявлять гордость тем, кто беден: *Нищему гордость, что корове седло (рус.). Бедняка гордость не по карману (рус.).*

Не следует проявлять гордость, поскольку это не приносит прибыли: *От гордости мало корысти (рус.). Гордостью не разбогатеешь (ирл.).*

Вместе с тем встречаются речения, в которых говорится, что гордость, проявляемая в меру, заслуживает одобрения: *Без гордости человек что тряпка, всяк ноги вытрет (рус.). Гордость хороша в меру (рус.). Перед гордым будь горд – он не сын пророка; с вежливым будь вежлив – он не раб твоего отца (казах.).*

Заслуживают внимания пословицы, в которых дано объяснение неподобающей гордости: *От легкого успеха рождается зазнайство, от легкой удачи – чванство (рус.). Кому повезло, тот и зазнался (рус.). Богатство порождает заносчивость (вьет.). Трудности – лекарство от гордости (амхар.).*

Интересны речения, фиксирующие психологию гордых людей: *Гордые друг другу не нравятся (арм.). За излишней скромностью скрывается гордость (япон.).*

В русской паремииологии есть много ироничных высказываний с назидательным смыслом: *Что вашему пригожеству до нашего убожества? (рус.). Всякая козявка лезет в букашки (рус.). Как пышка ни дуйся, выше пирога не будет (рус.). Где нам с вами чай пить, когда мы не умеем, как вы, морщиться (рус.).*

Ироническая оценка высокого самомнения весьма действенна.

Концептуализация гордости и сопряженных ментальных образований вариативно представлена и в афористике.

Отмечена общечеловеческая природа гордости: *Гордость свойственна всем людям, разница лишь в том, где и когда они ее*

проявляют (Ф. Ларошфуко).

Гордость оказывается амбивалентным регулятором поведения: *Гордость часто побуждает нас к зависти, и та же самая гордость нередко помогает нам ее умерить* (Ф. Ларошфуко).

Осуждается гордость как свидетельство человеческой слабости: *Гордость всегда бывает слабым пособием и суетной декорацией посредственности* (Ж. Массийон). *Бесконечно маленькие люди имеют бесконечно великую гордость* (Г. Вольтер). *Чрезмерная гордость – вывеска ничтожной души* (И. Тургенев).

Заслуживают внимания рассуждения о гордости, уничтожающей душу: *Гордость – совсем не то, что сознание человеческого достоинства. Гордость увеличивается по мере внешнего успеха, сознание своего человеческого достоинства, напротив, по мере внешнего унижения* (Л. Толстой). *Гордый человек точно обрастает ледяной корой. Сквозь кору эту нет хода никакому другому чувству* (Л. Толстой). *Гордость сокрушает ангелов* (Р. Эмерсон). *В целом, гордость лежит в основе всех великих ошибок* (Дж. Рескин). *Гордец сам себя пожирает. Гордость – его собственное зеркало, собственная его труба, собственная летопись. Всякий, прославляющий себя не только делами, пожирает дела самохвальством* (У. Шекспир).

Интересно изречение, в котором гордость рассматривается как мера самоуважения: *Щедрость состоит в том, чтобы давать больше, чем можешь, а гордость – в том, чтобы брать меньше, чем тебе нужно* (Х. Джибран).

В отличие от многих других чувств гордость не имитируется: *Ложной может быть скромность, но не гордость* (Ж. Ренар). *Гордящиеся своим смирением горды тем, что они не горды* (Р. Бартон).

В парадоксальных изречениях У. Блейка раскрывается диалектика гордости: *Позор – одеяние гордости. Стыд – маска гордости* (У. Блейк).

Уточняется отличие гордости от высокомерия: *Высокомерие – это испорченная эгоизмом гордость. Гордость – естественное и благодарное чувство удовлетворенности достижением. А высокомерие – чувство превосходства, в котором «я» одерживает победу над «мы»* (В. Уоттс). *Высокомерие индивидуума всегда пропорционально отсутствию веры в себя* (О. Вейнигер). *Высокомерие – плебейский порок* (М.-Э. Эшенбах).

Вместе с тем в афористике мы находим высокую оценку высокомерия: *Остроумие – отшлифованное высокомерие* (Аристотель). *Высокомерие – вполне подходящее оружие, которое нужно использовать против враждебного мира, этот мир боится и уважает его, даже если, как в моем случае, оно притворно* (Т. Бернхард).

Обратим внимание на саркастическое наблюдение немецкого философа: *Самый распространенный вид гордости – национальная гордость* (А. Шопенгауэр).

Люди считают естественной собственной гордость, но с неприязнью относятся к этому чувству у окружающих: *Гордец ненавидит гордость других* (Б. Франклин).

Отмечено, что здравый смысл требует учитывать обстоятельства, в которых уместно или неуместно проявление гордости: *Глупо идти с гордо поднятой головой – по сильно пересеченной местности* (Э. Севрус).

Подведём основные итоги.

Концептуализация гордости в языковом сознании отражает трехъярусное представление самоидентификации человека: 1) самоуважение как признание своего места в обществе, 2) удовлетворение по поводу своих успехов или достижений тех, с кем себя ассоциирует субъект, 3) чрезмерно высокая самооценка своей личности. Ментальное образование «гордость» является смысловым центром семантического поля оценки социального статуса человека и уточняется в нескольких направлениях: 1) стремление выделиться, 2) стремление подавить других, 3) демонстрация своей значимости, 4) демонстрация неуважения к другим, 5) имитация смирения. Эти характеристики личности детально номинируются в лексической семантике и получают в преобладающем числе единиц отрицательную оценку. Выражением социального неравенства являются метафоры величины и высоты. В религиозном осмыслении акцентируется отрицательная оценка гордости. В обиходном осмыслении на материале русского языка гордое поведение осмысливается как подчеркнутая актуализация чувства собственного достоинства, особенно в критической ситуации, на материале английского языка – как соблюдение традиций и проявление силы воли и получает положительную оценку. В паремиологии в основном осуждается гордость, при этом в русских пословицах активно используется ирония как способ критики чрезмерно высокой самооценки субъекта. В афористике констатируется амбивалентная природа гордости. Концептуализация гордости отражает противоречие между самооценкой человека и квалификацией этой самооценки со стороны общества.

Список литературы

1. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 780 с.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1. С.64-72.
3. Воркачев С. Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С.8-93.
4. Демьянков В. З. *Понятие и концепт* в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. №1. С.35-47.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
7. Кошманова О. В. Концепт «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 20 с.

8. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
9. Мушаева О. К. Презентационные регулятивные концепты в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 20 с.
10. Пименова М. В. *Душа и дух*: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.
11. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
12. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
13. Стернин И. А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. Вып.1. С. 8-20.

Лексикографические источники

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999.
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Сов. Энциклопедия, 1969. 600 с. [ССРЯ].
3. Англо-русский синонимический словарь / под рук. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна. Рус. язык, 1979. 544 с. [АРСС].
4. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка: 4166 статей. М.: ЭТС, 1995. 820 с. [Баранов].
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с. [БТС].
6. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2-х т. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1. 432 с.; Т. 2. 422 с.
7. Пермьяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Лабиринт, 2001. 624 с.
8. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. / ИЛИ РАН; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Астрель – АСТ, 2001. [ССРЯ].
9. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1999. [Черных].
10. Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam: Elsevier, 1966. 1776 p.
11. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow and London, 1978. 1303 p. [LDCE].
12. Webster's New World Thesaurus. Prepared by C.G.Laird. New York: Meridian, 1971. 678 p. [WNWThes].

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Данная статья посвящена особенностям функционирования личных имен в аспекте межкультурной коммуникации, в частности аспектам переноса и заимствования личных имен из английского и немецкого языков. Особое внимание уделяется описанию процессов прямого переноса имен, транслитерации и транскрипции имен, а также возникновению различных межкультурных вариантов личных имен.

Ключевые слова: личное имя, межкультурная коммуникация, транслитерация, транскрипция, прямой перенос личных имен

Имена и названия всегда играли особую роль в жизни человека. С выяснения имени начинается знакомство людей друг с другом. Собственные имена чрезвычайно важны для общения и взаимопонимания людей. От нарицательных слов их, кроме прочего, отличает тенденция к универсальности использования. Например, переходя к разговору на другом языке, нам приходится использовать иные нарицательные слова в отношении знакомых предметов и понятий, однако знакомого нам человека мы будем называть одним и тем же именем, независимо от того, на каком языке мы станем к нему обращаться [1, с. 3].

Таким образом, имена собственные становятся как бы опорными точками в межъязыковой коммуникации и тем самым в изучении иностранного языка и переводе с него. Они исполняют функцию межъязыкового, межкультурного мостика.

Имена собственные действительно помогают преодолеть языковые барьеры, но в своей изначальной языковой среде они обладают сложной смысловой структурой, уникальными особенностями формы и этимологии, способностями к видоизменению и словообразованию, многочисленными связями с другими единицами и категориями языка. При передаче имени на другом языке большая часть этих свойств теряется. Если не знать или игнорировать эти особенности, то перенос имени на другую лингвистическую почву может не только не облегчить, но и затруднить идентификацию носителя имени. Имена собственные, в общем, и личные имена, в частности, обладают сложными формальными, содержательными и ассоциативными характеристиками, знание которых совершенно необходимо людям в процессе преодоления языковых и межкультурных барьеров.

Представления и знания, связываемые разными людьми с одним и тем же референтом, конечно, могут различаться. Например, разные люди, говорящие на английском языке, как родном или иностранном языке, могут связывать разные представления, например, с именем *Nelson* (*Nelson Mandela* – известный общественный деятель, лауреат Нобелевской премии,

Nelson Demarco – известный баскетболист, Nelson Diebel – известный пловец). Однако в той местности, где это имя имеет особую популярность и существенное значение, например в Англии общим для говорящих будет знание о том, что *Nelson* – адмирал Lord Horatio Nelson (1758-1805), под его командованием Англия выиграла Трафальгальскую битву и разбила флот Наполеона.

Антропоним называет, но не приписывает никаких свойств. «Неоценимое прагматическое удобство собственных имён как раз в том и состоит, что они дают возможность публично говорить о ком-либо, не договариваясь предварительно, какие именно свойства должны обеспечить идентичность референта» – писал Дж. Сирль [12, с. 47].

Антропонимы не являются лишь ярлыками, не приписывающими референту абсолютно никаких свойств и не сообщающими о нём никакой информации. Но это информация несколько другого рода, чем те признаки, из которых складывается значение имён нарицательных. Антропонимы обладают понятийным значением, в основе которого лежит представление о категории, классе объектов. Этому значению присущи, как правило, следующие признаки: а) указание на то, что носитель антропонима – человек: *Barbara, Thomas* в отличие от *London, Ireland* б) указание на принадлежность к национально-языковой общности: англ. *John* в отличие от нем. *Jenz*; в) указание на пол человека: мужские имена: англ. *Mason*, нем. *Liam* в отличие от женских имен: англ. *Sophia, Isabella*, нем. *Selina, Tanja*.

В значении личных имён в английском и немецком языках присутствуют (в большинстве случаев) все три признака, в значении фамилий – только первый и второй признаки. Поскольку набор возможных признаков очень ограничен, получается, что на общезыковом уровне многие антропонимы обладают одинаковым обобщённо предметным значением. Действительно, имя англ. *Arthur* обладает тем же набором признаков денотата, что и нем. *Moritz*. и др. Поэтому в качестве дифференцирующих эти признаки выступают не столько для отдельных имён, сколько для обширных групп антропонимов.

Вопрос о значении личных имен имеет не только теоретический интерес. Он становится чрезвычайно актуальным при межкультурных и межъязыковых контактах. Казалось бы, имена собственные легко пересекают межъязыковые барьеры, поскольку стремятся сохранить свою внешнюю форму и при использовании вне сферы «родного» языка. Однако иной раз весьма существенным элементом их содержания бывает гораздо труднее преодолеть такие барьеры. А без сохранения своего значения личные имена не могут функционировать в иной языковой среде. Отсюда – возможные проблемы непонимания и неточного восприятия текстов, содержащих имена [1, с. 13].

Одна из важнейших особенностей личных имен заключается в том, что, поскольку они закрепляются за предметом в индивидуальном порядке, то должны в принципе служить для обозначения этого предмета не только

в какой-то одной языковой среде, но и в других языковых и культурных средах. Другими словами, имя собственное не должно (в принципе) заменяться на какое-то другое обозначение, когда о его носителе говорят или пишут на другом языке. Следовательно, имя личное – это объект межъязыкового и межкультурного заимствования. Применительно к переводу с одного языка на другой говорят о передаче.

Представляется возможным выделить трех вида передачи личных имен в аспекте межкультурной коммуникации:

1) прямой перенос: англ. *Maya* > нем. *Maya*, нем. *Björn* > англ. *Björn*.

2) транслитерация: англ. *Freya* > нем. *Freja*, нем. *Jürgen* > англ. *Jurgen*.

3) транскрипция: англ. *Chris* > нем. *Kris*, нем. *Jung* > англ. *Yung*.

Можно утверждать, что явлению заимствования имени из одного языка в другой свойственна вообще некоторая диалектическая противоречивость. Дело в том, что стремление сохранить за объектом уникальное имя подразумевает целый ряд задач. К сожалению, эти задачи не могут быть реализованы во всей полноте в силу ряда объективных ограничений, а также потому, что некоторые из этих задач в конкретных ситуациях заимствования противоречат друг другу [1, с. 14].

Обычно лингвисты рекомендуют ориентироваться на фонетику имени при межъязыковой передаче имен личных. При этом они исходят из того, что устная речь первична, а письменная вторична. Это справедливо лишь в плане истории языка, но далеко не всегда в реальной межъязыковой коммуникации. Часто как раз имеет место обратное – знакомство с именами и названиями на чужом языке происходит с помощью письменных источников.

При заимствовании личных имен их передача может ориентироваться и на письменную (графическую) форму. Возможен простой **перенос графической формы имени** без изменений из текста на одном языке в текст на другом языке. Такое чаще всего практикуется, когда языки пользуются общей графической основой письменности. Такой практики придерживаются в большинстве стран, пользующихся латинской графикой, в частности и в двух анализируемых языках, английском и немецком. Например: англ. *Layla* > нем. *Layla*, англ. *Finley* > нем. *Finley*, нем. *Katja* > англ. *Katja*, нем. *Klaus* > англ. *Klaus*.

Письменный облик имени выполняет ещё и функцию юридической идентификации. В западноевропейских языках имена собственные, заимствуемые из одного языка в другой, как правило, не меняют орфографию: так удобнее читателям, которые благодаря этому подходу могут легко ориентироваться в любых письменных источниках [1, с. 15].

Например, при использовании в англоязычном тексте имени из языка, письменность которого основана на латинице, например, немецкого не претерпевает изменений: При этом в принципе желательно, чтобы воспроизводились и те буквы, и диакритические знаки, которые

отсутствуют в английском алфавите, в частности умлатизированные гласные *ü, ö, ä*, и согласная *ß*. Например: нем. *Jörg* > англ. *Jörg*. Так, при передаче немецкого имени *Jürgen*. в серьёзных публикациях и изданиях научного характера (энциклопедиях и т. п.) сохраняется буква *ü*. Однако в реальной практике (особенно в газетах, журналах, популярных справочниках) эта рекомендация часто игнорируется, и необычные для английского языка дополнительные элементы при передаче иноязычных личных имен просто опускаются или заменяются схожими по написанию графическими элементами английского языка *Jurgen*.

Недостаток практики прямого переноса состоит в том, что говорящие на другом языке часто не могут определить по написанию, как произносится иноязычное имя личное.

Перенося имя в неизменной форме, носители принимающего языка нередко навязывают имени произношение, соответствующее правилам чтения на их родном языке. Например, в английском языке широко распространено чтение немецкого имени собственного *Schwarzenegger* как [*'ʃwɔ:tsə,nɛgə*], хотя по правилам немецкого языка, это имя произносится как [*ʃwa:rtsən 'ɛgər*].

О **транслитерации** говорят тогда, когда языки пользуются различными графическими системами (например, английский, русский, греческий, армянский, грузинский), но буквы (или графические единицы) этих языков можно поставить в какое-то соответствие друг другу, и согласно этим соответствиям происходит межъязыковая передача личных имен. Поскольку, например, латиница, греческий алфавит и кириллица имеют общую основу, то большинство букв этих двух алфавитов могут быть поставлены в соответствие друг другу с учётом тех звуков, которые они регулярно обозначают.

Транслитерация имеет как преимущества, так и недостатки. Преимущества очевидны – письменный вариант имени не искажается, его носитель имеет универсальную, независимую от языка идентификацию: нем. *Tanja* > англ. *Tanya*, англ. *Gaby* > нем. *Gabi*.

При транслитерации в ещё большей степени, чем при прямом переносе, заимствующий язык навязывает имени произношение по собственным правилам.

Особенно ярко эта тенденция проявляется в отношении античных и других историко-мифологических имён, чтение которых в западноевропейских языках почти стопроцентно следует правилам принимающего языка: например, англ. *Aphrodite* > др. греч. Αφροδίτη, *Phoebe* > др. греч. Φοίβη (*Phoibe*), *Jason* > др. греч. Ιάσων (*Iason*), нем. *Linus* > др. греч. Λίνος (*Linos*), *Cassandra* > др. греч. Κασσάνδρα (*Kassandra*)

Сегодня транслитерация в чистом виде в межкультурной коммуникации не применяется. Дело в том, что в английском, французском, немецком, венгерском и других языках многие буквы латинского алфавита либо изменили своё звуковое значение, либо

читаются нестандартно в определённых буквосочетаниях и словах. Поэтому транслитерация, если её проводить последовательно, будет порождать варианты этих имён, мало похожие при чтении на оригиналы.

Поскольку звуковая система языка первична, а письменная вторична, логично при заимствовании имени руководствоваться принципом достижения фонетической близости к оригиналу. Другими словами, при передаче личных имен прежде всего ставится задача как можно точнее передать средствами принимающего языка (то есть языка перевода) звучание исходного имени. Этот принцип получил название **транскрипции**, и он является третьим современным принципом передачи личных: нем. *Jenz* > англ. *Yents*, англ. *Carl* > нем. *Karl*,

При этом цель, к которой должна стремиться система транскрипции, состоит не столько в том, чтобы как можно ближе передать звучание иноязычного имени буквами принимающего языка, сколько в том, чтобы соблюсти принцип взаимно однозначного соответствия между фонемами оригинала и их графическими соответствиями в принимающем языке.

Сразу надо отметить, что эта цель далеко не всегда достижима. Фонологические системы различных языков, как правило, настолько специфичны, что их звуки невозможно поставить во взаимно однозначное соответствие. Часто заимствующий язык навязывает имени иное ударение.

Таким образом современная практика межкультурной коммуникации выработала принцип **практической транскрипции**, который нацелен на передачу звучания личных имен, но в то же время включает в себя некоторые элементы **транслитерации**. Ведь нельзя не учитывать, что при межъязыковой коммуникации огромные объёмы информации передаются именно в письменном виде, поэтому особенности написания личных имен также служат более точному указанию на носителя имени. Благодаря элементам транслитерации легче бывает восстановить исходную форму личных имен на языке оригинала, а это подчас очень важно для правильно понимаю собеседниками друг друга [1]. Хотя личное имя призвано идентифицировать предмет в любой ситуации и любом языковом коллективе, оно в подавляющем большинстве случаев обладает национально-языковой принадлежностью. В каждом языковом коллективе имеются лица иной национальной принадлежности. Если их имена подлежат передаче на другой язык, то последовательное воспроизведение их фонетического или графического облика на языке перевода требует ответа на вопрос: в какой мере эти имена сохранили своеобразие того языка, из которого пришли?

Лица, приезжающие в США, не могут произвольно изменять своё имя, в том числе и его орфографию, тем более если их национальный язык пользуется латиницей, как в случае с немецким языком, следовательно, для таких случаев применяется принцип прямой передачи имен.

Проблема национально-языковой принадлежности связана также с античной и библейской этимологией имён. Носители современных имён

могут, по ассоциации быть сравнены со своими тёзками в истории и мифологии: *Anna > Hannah, Mathew > Mattithiah*.

В таких случаях агенты межкультурной коммуникации стоят перед дилеммой: ориентироваться ли на современную форму данного имени в исходном языке или на его исторический или мифологический прототип в том виде, в каком он зафиксирован на языке перевода (соответственно).

Помимо всех вышеуказанных аспектов межкультурной коммуникации, агенты сталкиваются еще с проблемой вариативности личных имен. Имена собственные обладают вариативностью, то есть один и тот же носитель имени часто возможно называть несколькими разными способами, видоизменяя его имя. У антропонимов это проявляется в образовании уменьшительных и сокращённых форм (например, от личных имён), а также фамилий членов одной семьи с различным морфологическим оформлением.

Схемы вариативности личных имён обнаруживают существенные различия в разных языках. В английском и немецком языках краткие и некоторые гипокористические формы всё больше обнаруживают тенденцию к изоляции от полных форм и других уменьшительно-ласкательных вариантов. Выбор того или иного варианта диктуется не ситуацией, а определённым предпочтением носителя имени: англ. *Benjamin > Ben, Benj, Benji, Benju, Bennie, Benny*, нем. *Dominik > Domi, Dome, Dommi, Dom, Niki*.

Однако, как бы ни варьировалось одно и то же личное имя, говорящие знают, что оно указывает на одного и того же носителя, то есть в этой главной для личного имени функции – функции указания на определённое лицо – разные варианты имени тождественны друг другу.

Однако связь между вариантами имени далеко не всегда сохраняется при заимствовании имени или его передаче на другом языке. Так, например, в английском и немецком языках укоренились и используются в качестве самостоятельных имен уменьшительно-ласкательные формы русских имен. Например, англ. *Lara < Larissa, Lana < Svetlana*, нем. *Nadja < Nadezhda, Tanja < Tatjana*.

Межкультурные и межъязыковые контакты имеют многовековую историю. Имена и названия давно заимствуются из одного языка в другой, претерпевая самые разнообразные искажения или меняя свой облик в ходе развития и трансформации языков. Эти изменения могут быть незначительными, и разные национальные варианты имен являются вполне узнаваемыми и легко соотносятся друг с другом в процессе межкультурной коммуникации: *Marcus* (английский, латинский), *Marco* (нидерландский, итальянский, испанский), *Markus* (шведский, норвежский, датский, немецкий), *Markos* (греческий), *Marko* (болгарский, хорватский, македонский, сербский, словенский), *Marc* (каталонский, французский, валлийский), *Margh* (корнуэльский), *Marek* (чешский, польский, словацкий), *Markku* (финский), *Márk* (венгерский), *Marcas* (ирландский),

Markuss (латвийский), *Marquinhos* (португальский), *Marcas* (шотландский). Сюда относятся чаще всего имена библейского, мифологического, латинского, или древнегреческого происхождения, т.е. языки и литературные памятники которые послужили базисом для развития многих культур. Однако существуют также примеры, когда орфографические изменения были настолько значительными, что национальные варианты имен сложно соотнести друг с другом, хотя они имеют общее происхождение: *John* (английский) *Deshawn*, *Deshawn* (афроамериканский английский), *Gjon* (албанский), *Yahya* (арабский), *Hovhannes* (армянский), *Ivan*, *Yan* (белорусский), *Hans* (немецкий), *Sean*, *Shane* (ирландский), *Giovanni*, (итальянский), *Ivan* (русский), *Eoin*, (шотландский).

При сопоставлении многих личных имен, которые имеют одну и ту же этимологию (но апеллятивы лежащие в основе этимологии имен могут иметь происхождения из разных языков, но обозначать одни и те же концепты в культуре и ментальности народов), но используются в разных языках, часто заметно, как они непохожи, например: англ. *Christmas* 'Рождество' – фр. *Noel* 'Рождество' – лат. *Natalie* 'Рождество'.

Таким образом, явление заимствования находится под влиянием самых разных, подчас противоречивых факторов, что объясняется взаимодействием структурно различных языковых систем. При передаче личных имен на другом языке следует руководствоваться целым рядом принципов, но эти принципы не могут быть соблюдены все сразу и в равной мере.

Проблема передачи имён собственных в межъязыковой и межкультурной коммуникации изучается уже очень давно, как и само общение между народами. Связанные с ней сложности и ошибки возникали и, к сожалению, будут возникать в силу как субъективных, так и объективных причин. Однако количество неточностей и ошибок зависит от того, насколько осознанно мы подходим к разрешению трудностей и анализу их причин.

Итак, объективные причины сложностей связаны прежде всего с особенностями личных имен как лингвистических знаков. С одной стороны, для личных имен играют особую важную роль различительные свойства их внешней (звуковой и письменной) формы, позволяющие разграничивать одних индивидуальных носителей от других. С другой стороны, и содержательная структура личных имен не только не пуста, но и во многих случаях настолько богата, что служит источником для образования разнообразных переносных значений, а также нарицательных дериватов, которые образуют отдельную группу прецедентных личных имен. В этом и состоит главное объективное диалектическое противоречие, с которым связаны трудности при передаче личных имен в процессе межкультурной коммуникации. Оно связано с внутренними свойствами личных имен как словесных знаков.

Другие объективные противоречия носят внешний характер и определяются той языковой средой, которая пытается использовать и освоить личные имена. Следует чётко понимать, что любое использование иноязычного личного имени в речи есть именно акт межъязыковой и межкультурной коммуникации и результатом его является взаимодействие двух языковых и речевых систем, двух культурно-психологических традиций, с их ментальными концептами, ценностями и картиной мира.

Список литературы

1. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 198 с.
2. Системы личных имен у народов мира / отв. ред. М. В. Крюков. М.: Наука, 1986. 382 с.
3. Суперанская А. В. Имя и культура // Наука и жизнь. М., 1991, №1. С. 79-85.
4. Суперанская А. В. Имя – через века и страны. М.: Наука, 1973. 188 с.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. 624 с.
6. Bahlow H. Dictionary of German names. Madison, Max Kade Institute for German-American Studies, 2002. 579 p.
7. Hanks P., Hodges F. A Dictionary of First Names. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006. 443 p.
8. Horst N. Das kleine Vornamebuch. Leipzig, 1970. 176 S.
9. Gottschald Max Deutsche Namenkunde. Walter De Gruyter Incorporated, 2006. 622 S.
10. Kaplan J., Bernays A. The Language of Names, 1997. 256 p.
11. Macleod I., Freedman T. The Wordsworth Dictionary of First Names. Hertfordshire: Wordsworth Editions, 1995. 223 p.
12. Searle. Speech acts. Cambridge, 1969. 203 p.

УДК 811.133.1'373.613 (=111)

А. С. Клименко

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Владимира Даля»

ПОДХОД К ОПТИМИЗАЦИИ ВЛИЯНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК ЕВРОПЕЙСКОГО ИНСТИТУТА ПЛЮРИЛИНГВИЗМА

В статье раскрывается содержание первого, предварительного этапа оптимизации влияния английского языка (главным образом его американского варианта) на современный французский язык. Излагаются основные черты спонтанной нормы в отношении англо-американизмов и их французских аналогов, которые преимущественно не находят отражения в словарях французского языка.

Ключевые слова: лингвокультурология, нормативно-оценочная компетенция, оптимизация заимствования, спонтанная норма, перспективная нормализация, плюрилингвизм, англицизм.

В январе 2018 года Европейский институт плюрилингвизма (Observatoire européen du plurilinguisme – OEP) открывает в электронном формате рубрику «10 anglicismes à remuer les méninges» («10 англицизмов по здоровом размышлении»). Об открытии сайта будет сообщено на страницах бюллетеня OEP № 73 и журнала ассоциации «Défense de la langue française» («Защита французского языка» – DLF), а также в национальном СМИ «Le Figaro littéraire», что облегчит его «находимость» для пользователей Интернета.

При этом OEP исходит из того, что его амбициозные проекты в областях образования, научных исследований, экономики и промышленности не могут быть реализованы в условиях растерянности в нормативно-оценочной компетенции говорящих на французском языке в отношении англицизмов. Назначение рубрики согласуется с генеральной линией OEP: способствовать оптимизации заимствования из американского варианта английского языка. Заимствование рассматривается как источник обогащения французского языка (как и любого другого). Влияние иностранного языка не может быть систематическим на грани доминирования.

В основу сайта будут положены наши материалы, одобренные консультативным советом OEP, в редакции корректоров DLF.

Проблема оптимизации влияния американского варианта английского языка на современный французский язык решается в рубрике в два этапа.

Сначала необходимо показать – это и составит **цель** данной статьи, – что французский язык наряду с принятием необходимых заимствований (*bluesman, sponsor, star*) противодействует англизации. Рубрика станет первым лексикографическим собранием, в котором франкофоны узнают

реальную норму в отношении англицизмов и их французских аналогов (синонимов, франсизаций, эквивалентов, замен), которая является коллективным творчеством языкового сообщества. Эта спонтанная норма является глубинным явлением, которое может заслоняться преходящими перегибами чрезмерной англизации в подязыках экономики, медицины, психологии и социологии, информационных технологий, рекламы и др., которые можно сравнить с поверхностной пеной.

Поэтому рубрика сможет рассеять опасения и восстановить кредит доверия к нормативной лексикографии, утраченный в результате пуристского подхода к нормализации, который стремится заменить все англицизмы (ср. приложение к словарю «Nachette» [5]), или подхода, не имеющего в своей основе достаточно разработанной концептуальной базы (помета «Anglicisme» в словарях «Робер», помета «Recomm. Offic – официально рекомендованный термин» в словарях французского языка) [2, с. 76-77].

Изложим основные черты спонтанной нормы, которая смутно осознается говорящими по-французски, и которые ей неосознанно следуют. Эти особенности преимущественно не находят отражения в словарях французского языка.

1. Полезные интегрированные заимствования обогащают свои семантические структуры на французской почве.

Так, в дополнение к значениям заимствования *patchwork* n.m. et adj. invar. «1. Tissu, cuir, etc. fait de morceaux disparates cousus les uns aux autres. – Лоскутная ткань. 2. N.M. Ouvrage (couverture, plaid, couvre-pieds, carpette, etc.) en patchwork. – Лоскутное одеяло; коврик из разноцветных лоскутков. 3. Fig. (et péj.) Mélange d'éléments gétérogènes. – Объединение разрозненных или разнородных элементов; мешанина» («Малый Робер» (PR) [8], «Малый Ларусс» (PL) [7]) мы регистрируем новые значения «4. Quelque chose qui rappelle un patchwork. – Что-либо похожее на лоскутную ткань. 5. Adj. invar. Tissu imprimé, tapisserie, cloison, etc. à motifs patchwork. – Набивная материя, обои, перегородка с рисунком, имитирующим лоскутную ткань. *La femme est vêtue d'une jupe patchwork* [...] [8, p. 6]. 6. Artisanat d'art correspondant. – Соответствующий промысел. [...] *les détails artisanaux s'affichent par la présence du travail du crochet, du patchwork, du cousu main, de la broderie de couleur* [...] («Paris Match» (PM), 16.09.09). 7. Œuvre, collection, édition, document, liste, etc. non ordonnés. – Неупорядоченный сборник, коллекция, список и т.п. *Cannes tente de décrypter le dernier Godard. [...] Luc Godard, «Adieu au langage», une oeuvre inclassable, en 3D, patchwork frénétique de scénettes et citations philosophiques qui en met plein les rétines* («Le Point» (P), 21.05.14). 8. Compilation de courts métrages. – Подборка короткометражных фильмов. [...] *un grand patchwork de courts métrages* («Le Figaro» (F), 31.01.04). 9. Collection d'épisodes sur un sujet donné tournés par plusieurs cinéastes. – Эпизоды на один сюжет, снятые разными кинорежиссерами. *Cloud Atlas, de Lana Wachowski, Andy Wachowski et Tom Tykwer. États-Unis, 2012* [...]

Patchwork. Saga mammouth en six époques tournée par trois réalisateurs [...] («L'Humanité» (H), 13.03.13)».

2. Англицизмы подвергаются семантической адаптации, одним из проявлений которой является формирование семантической структуры англографической формы с отражением французских социальных реалий. Так, номинативная ценность англицизма *look* п. м. заключается в том, что он является ключевым словом лук-поколения, феномена общественной жизни Франции конца 60-х – начала 70-х годов XX-ого века [3], и служит для обозначения его различных проявлений: «**1. Fam.** Aspect physique (manière de s'habiller, se coiffer, se maquiller, etc.) élaboré afin d'acquérir un style particulier ou typé. – **Разг.** Сознательно созданная, выработанная внешность: *Un look branché. Un look très classe. Un look David Bowie. Un look classique.* **2. Fam.** Style, mode de vie volontairement étudié. – Сознательно созданный стиль, образ жизни. *Plus d'attaché-case, c'est «square» (sans nuances), tandis qu'une serviette en cuir, d'autruche de préférence, c'est «classe». Le look ne se contente donc pas d'apparence. La mère prend des leçons de smurf, le fils adore Carmen* («L'Express» (E), 01.06.84, p. 50). (**Choses**) Style qu'on crée sciemment. – (О вещах) Сознательно созданный, выработанный стиль. *Faire salon au jardin: [...] Côté style, on retrouve à l'extérieur toutes les grandes tendances de nos intérieurs: du chic minimaliste contemporain au look écolo-baba en passant par le design nordique.* («Le Nouvel Observateur» (NO), 14.07.05). **3. Au figuré, fam.** Image de marque (d'une organisation, d'un politicien, d'une star, etc.). – **Перен., разг.** Имидж (организации, политического деятеля, кинозвезды и т.п.). *Rafsandjani, le pragmatique en turban. Durant sa campagne, cet ancien conservateur s'est taillé un look de réformiste modernisateur* (F, 24.06.05). **4. Au figuré, fam. (Choses)** Style; conception, élaboration, étude. – **Разг. (О вещах)** Стиль; задумка, концепция, разработка. *Le best-seller, c'est d'abord un genre, un look, le volume lui-même, assez gros, pouvant se déplier en guise de parasol* [1, p. 344]. **5. (Sous l'infl. du faux anglicisme new-look)** **Fam.** Style nouveau et original, conception, courant, tendance (en politique, mode, sport, etc.). – **Разг.** Нечто новое и оригинальное: стиль, направление, концепция, течение. *Toulouse veut changer de look. [...] Pour dessiner la ville de 2030, la Fabrique [un laboratoire d'idées] [...] a posé les fondations du projet urbain de Toulouse et de son agglomération* (NO, 19.06.12). **6. (Sous l'influence du faux anglicisme new-look)** **Fam.** Aptitude à se renouveler, à «marcher au pas» avec le monde en changement perpétuel. – **Разг.** Способность к постоянному обновлению, умение «идти в ногу» с современным постоянно меняющимся миром. *Les cocos ont le look. Lutter, rassembler, construire du neuf. Le 25-e congrès du PCF (février) invite à l'action pour sortir de la crise. Il en étudie les moyens et les conditions : développer les luttes et renforcer le PCF* («Humanité Dimanche» (HD), 27.12.85, p. 5).

3. В языке образуются парадигмы, связывающие англицизмы с их французскими аналогами, с неконкурентным (=синонимическим) характером отношений.

3.1. Глубоко интегрированные заимствования притягивают параллельные неконкурентные французские наименования. Так, примеры реального употребления опровергают данные «Малого Робера» об устаревании англицизма *tennisman* n.m. «теннисист».

Toujours attaché à ses messages d'optimisme et de tolérance, Yannick Noah, l'ancien tennisman devenu l'un des chanteurs les plus populaires de France, dévoile aussi une facette intime sur « Combats » [...] (Р, 02.06.14)

Однако параллельно с заимствованием широко употребляется замена – толкование *joueur* n.m. *de tennis* или более употребительное наименование широкого значения *joueur* n.m. в контексте теннисной тематики.

La dure réalité d'un joueur de tennis de seconde zone. L'été coûte cher, même pour un joueur de tennis, nous raconte le Français Charles-Antoine Brezac (NO, 24.08.12).

Andre Agassi: «On peut assister à l'une des plus grandes finales de l'histoire du tennis». [...] Avant, le tennis était peut-être plus incertain, il n'avait peut-être pas la même dramaturgie. Cette année, par exemple, pour la première fois, j'avais prévu de manière catégorique quels seraient les deux joueurs en finale de Roland-Garros: Nadal et Djokovic («Le Monde» (M), 10.06.14).

3.2. Проходит синонимизация французских слов с изменением их словарного значения с англицизмами. К примеру, в настоящее время отмечается богатая синонимизация заимствования *poster* n.m. во всех значениях «**1.** Reproduction, affiche illustrée, photo à grand format et à gros tirage destinées à la décoration d'un intérieur. – Крупноформатная репродукция, фотография, отпечатанная большим тиражом, предназначенная для украшения интерьера. **2. Éd.** Planche séparée à grand format et non brochée dans un album ou un carnet. – **Издат. дело** Несброшюрованный лист альбома. **Éd.** Photo ou reproduction à grand format intercalée dans un journal ou un magazine. – **Издат. дело** Крупноформатная фотография или репродукция в газете или журнале. **Photo** Photographie à grand format. – **Фото** Крупноформатная фотография. **3. Par ext.** Affiche, placard, banderole, stand à grand format, destinés à des fins politiques, électorales, publicitaires, etc., installés dans un lieu public. – **Расшир.** Крупноформатный стенд или транспарант, установленный в общественном месте (рекламный, избирательный). **4.** Affiche officielle ou de promotion d'un film, d'une production théâtrale, d'un concert, d'une exposition, d'une tournée, d'un album. – Официальный или рекламный плакат фильма, театральной постановки выставки и т.п.» и его французских аналогов прежде всего *affiche* n.f., а также *banderole* n.f., *bannière* n.f., *panneau* n.m., *placard* n.m., *planche* n.f.

При этом условием синонимизации *affiche* n.f. с *poster* n.m. стало изменение словарного значения французского слова с устранением

сложной семьи «[feuille imprimée] placardée sur les murs ou des emplacements réservés» (PR).

Cela m'amusait de me trouver chez elle [Diana], dans cette espace étroit et tout imprégné d'elle. Les livres alignés sur les rayons, les affiches dont elle avait tapissé les murs, me donnaient d'elle une image différente, plus conventionnelle. Elle prétendait avoir coupé les ponts avec sa ville natale, mais elle s'était procuré de grandes photographies de la Bourges et du palais de Jacques Cœur [11, p. 207].

Le bel accueil de NY pour Villa. [...] Les Américains font les choses en grand. David Villa, qui vient de s'engager officiellement en faveur de New York City, a ainsi pu découvrir une grande affiche en son honneur sur Times Square. Une affiche où la ville de New York souhaite la bienvenue à l'attaquant espagnol de 32 ans (F, 03.06.14).

Un titre et une affiche officiels pour Batman vs Superman (F, 22.05.14).

3.3. Бывшие замены-регионализмы получают распространение в метропольном французском языке. Действительно, хотя любые попытки вывести из употребления англицизм *week-end* n.m. (1906) «1. Congé de fin de semaine, comprenant le samedi et le dimanche, consacré généralement au repos et à la détente, aux loisirs. – Уикэнд, выходные с вечера пятницы до вечера воскресенья, которые посвящаются отдыху и досугу. 2. Le samedi et le dimanche. – Суббота и воскресенье», учитывая давность заимствования, его интернациональное распространение, высокую частотность и развитую сочетаемость, заранее обречены на неудачу, в реальной норме закрепляются французские параллельные наименования *fin de (la) semaine, samedi-dimanche*. Употребление синтагмы *fin de (la) semaine*, прежде имевшей хождение во франкоязычной Канаде (ср. PR, «Trésor de la langue française» (TLF)), распространилось сегодня на метропольный французский язык, где имеет развитую сочетаемость, сравнимую с сочетаемостью *week-end*.

Ces plaisirs de fin de semaine (F, 30.04.01), passer une fin de semaine calme («Libération» (L), 23.04.04), les libations de fin de semaine (L, 24.02.05).

Minés par les angoisses pour la zone euro et par la chute sans fin des cours du pétrole, les indices actions européens se dirigent vers une fin de séance bien morose [...] (E, 12.12.14)

Le tournage d'un biopic sur le coureur cycliste déchu Lance Armstrong signé du réalisateur britannique Stephen Frears va débiter à la fin de la semaine (E, 16.10.13).

3.4. Проходит стилистическая дифференциация англицизмов и их французских аналогов.

Так например, парадигматические отношения между англицизмом *overdose* n.f. «Dose excessive d'une drogue dure (PR) – Сверхдоза, чрезмерная (смертельная) доза наркотика» и его официально рекомендованной морфологической калькой *surdose* n.f. не складываются в сторону вытеснения англицизма, входящего в заметно англизированную

лексико-семантическую группу «наркотики и наркомания». Англицизм *overdose* n.f. широко употребляется в языке газеты, особенно в случаях сочетаемости *mort d'(une) overdose, mort par overdose* (368 употр. в газете «L'Humanité» с 1990 г.; 105 употр. в журнале «Le Point» с 1995 г.; 201 употр. в журнале «L'Express» с 1993 г.; 503 употр. в журнале «Le Nouvel Observateur» с 1993 г.). Об укоренении *overdose* свидетельствуют переносные употребления «чрезмерное количество; чрезмерность», «немереное количество», «перенасыщение; пресыщенность, ощущение пресыщенности», появившиеся на французской почве.

[...] *comme écœuré par une overdose d'amoralité politique* (L, 1989 – in PR).

Si je quitte la route des yeux, un signal sonore retentit? Si je ne réagis pas, la voiture freine seule. Tout cela est bien joli, mais l'overdose de béquilles sécuritaires risque de déresponsabiliser le conducteur (P, 11.01.07).

Nous pensions être dans un pays laïque. Quand on allume la télé ou feuillette un magazine, comme le vôtre, on s'aperçoit que non [...] Nous subissons une overdose papale [...] Tout le monde n'est pas « catho »; on peut rendre hommage à un homme, mais trop, c'est trop! (P, 14.04.05).

Pour les jeunes qui voyagent avec des parents amateurs d'art, le risque, c'est l'overdose (P, 22.03.07).

Тем не менее *overdose* является малопримлемым заимствованием как принадлежность нейтрального стиля в силу его семантико-структурного членения. Несмотря на существование во французском языке образца реализованной нормы (-)over(-), который вычленился в составе интегрированных давних заимствований (например, *overarm (over arm stroke)* n.m. (1898) «оверарм (стиль плавания з выносом руки)», *pull-over* n.m. (1925) «пуловер»), показатель заимствованного нормативного образца нейтрализуется в случае *overdose*, в котором в сочетании с корнем *-dose*, общим для английского и французского языков, английский префикс *over-* воспринимается как неуместный морфологический дублет французского *sur-*.

В силу вышеизложенного намечается стабилизация конкуренции «*overdose / surdose*» с переходом англицизма с нейтрального уровня *le français standard* на уровень разговорного языка *le français parlé*.

Второй член парадигмы – *surdose* n.f. перерос в настоящее время статус факультативной официально рекомендованной франсизации и вошел в состав широкоупотребительной лексики (122 употр. в газете «L'Humanité» с 1990 г, 150 употр. в журнале «Le Nouvel Observateur» с 1993 г., 314 употр. в журнале «Le Point» с 1995 г., 32 употр. в журнале «L'Express» с 1993 г.) с той же типичной сочетаемостью, что и *overdose*. *Surdose* имеет те же расширительные и переносные значения.

Ses copains meurent de surdose (P, 23.11.06); *une mort par surdose de cocaïne* (P, 16.08.02)

Les dirigeants saoudiens ne sont nullement les complices de Ben Laden, mais ses cibles potentielles. Tout ce qui affaiblit la monarchie saoudienne

reforce les cicaires du chef d'Al-Qaeda. Tous ceux qui, à Washington, rêvent d'en finir avec le systhème wahhabite ou de lui insuffler de force une surdose de modernité sont de dangereux apprentis sorciers (P, 14.11.03).

Riche d'un patrimoine fabuleux et de ses différentes communautés, le Marais n'en finit plus de voir sa cote grimper. Mais l'embourgeoisement et l'afflux des touristes gâchent la vie de ses habitants. [...] «Nous avons eu une surdose de foule, et de ces ghettos qui se juxtaposent». (P, 06.10.00).

Attention à la surdose d'œuvres d'art en voyage (NO, 1989. – in PR).

4. Наряду с парадигмами с неконкурентным характером отношений в норме существуют конкурентные парадигмы, а именно: связи с преобладанием французских замен или адаптированных форм, а также связи, в которых обозначается противоборство между укоренившимися, однако малопринимлемыми англицизмами и их французскими эквивалентами. Результатом конкуренции в таких парадигмах также может быть вытеснение англицизмов.

4.1. Французские слова принимают значения англицизмов без смещения смыслов. Так, ложный англицизм *perchman* n.m. (образованный во французском языке от французской основы *perch(e)* и заимствованного, однако неинтегрированного суффикса *-man*) «**1. Audiovis.** Assistant de l'ingénieur du son qui tient la perche pour micro au-dessus de la personne qui parle. – Ассистент звукооператора, работающий с микрофонным журавлем. **2.** Employé d'un télési qui tend les perches aux skieurs en veillant à leur sécurité. – Служащий лыжного подъемника, подающий приводные шесты горнолыжникам «ограниченно употребляется в прессе в пропорции значений 1 и 2 – 63: 22. Примеры употребления французского *perchiste* n., первоначально имевшего значения «прыгун (-нья) с шестом; **редко** канатаходец» в двух значениях ложного заимствования (в пропорции значений 1 и 2 – 14: 7), показывают, что вопреки бытовавшим опасениям, оказавшимися ложными, о смещении смыслов структура значений французского слова принимает значения ложного англицизма.

Blanchard, dans la partie documentaire de son film, n'a pas voulu qu'on sache de quoi étaient coupables les prisonniers, «comme quand on rencontre quelqu'un dans la rue, c'est normal et respectueux». Il n'y avait pas de moyens, juste une petite DV et un perchiste, pas d'éclairage (L, 12.11.07).

La Haute-Savoie sur la piste d'un développement durable.[...] «Aucune année ne se ressemble vraiment, tempère un perchiste de la Vallée verte. Mais la tendance générale est bien que la neige se fait de plus en plus attendre au-dessous de 1 500 mètres» (M, 21.12.02).

4.2. Происходит понижение профессионального статуса английских денотатов в сравнении с их французскими аналогами. Например, англицизм *caméraman* n.m., первоначально принятый в значении «Agent chargé des prises de vues de cinéma ou de télévision – кинооператор; телеоператор», сейчас употребляется преимущественно для обозначения технических или вспомогательных работников кино и телевидения.

J'ai même vu, de mes yeux vu, dans un restaurant à Montréal, un cameraman français s'emparer d'un bloc de factures vierges pendant que son camarade distrayait la serveuse en la draguant innocemment. Devant ma mine déconfite – j'étais, en fait, scandalisée, – il m'expliqua que la télévision française pratiquait la radinerie sur les frais de séjours et qu'il fallait «rattraper le coup» [4, p. 48].

Его полным французским синонимом в техническом значении является замена *cadreur* п.м.

«La ligne droite n'est pas mon fort». Les techniciens paniquaient un peu parce qu'à leurs yeux de cadreur ou de preneur de son, les scènes étaient pleines d'erreurs (L, 03.03.04).

Un cadreur de Reuters détenu par l'armée américaine. [...] L'agence de presse affirme que son cadreur, Ali al-Machhadani, est détenu depuis près d'une semaine sans avoir été inculpé. C'est la troisième fois que le cadreur irakien aurait été détenu par les forces américaines (NO, 01.08.08).

Творческие работники этой кинематографической профессии обозначаются серией синонимов *opérateur* п. м. (*de prise de vues*), *chef opérateur* п.м., *directeur* п.м. *de photographie*.

Il [Pierre] prit sa revanche avec le cinéma, domaine où il était imbattable. Il pouvait citer les noms des opérateurs japonais, des scénaristes turcs, des seconds rôles brésiliens et, cela va de soi, de tous les films de Griffith et de Louise Brooks, son idole [6, p. 193].

«Ma vie avec Liberace» sera (peut-être) son ultime long-métrage [du réalisateur américain Steven Soderbergh]. [...] [Le chef opérateur du filme] : « J'aurais beaucoup de mal à renoncer à l'intimité que procure le fait d'être son propre directeur de la photographie, son propre cadreur. Ce n'est pas parce qu'il n'y a pas de meilleur chef opérateur que moi, c'est simplement que c'est une méthode de travail très fluide [...]» (M, 28.09.13)

4.3. Англицизмы, как правило, не преодолевают противодействие французской рациональности (состоящей в преобладании слов с интеллектуальной доминантой в семантике и в неразвинности экспрессивного словообразования), составляющей одну из отличительных черт «французскости». Так, образный американизм *jumbo-jet* п.м. et adj. «Avion de transport ou de ligne de très grande capacité – Реактивный самолет большой грузоподъемности или пассажировместимости» (буквально: реактивный слон) находится на стадии вытеснения "рациональным" французским эквивалентом *gros-porteur* п.м. et adj. В дополнение к французской рациональности фактором, благоприятствующим вытеснению заимствования, послужила конкуренция в области авиастроения. Франция участвовала в европейском проекте, который опередил американский «Боинг», по созданию аэробуса очень большой пассажировместимости (аэробус А 380, вышедший на авиалинии в 2006 году, берет на борт до 840 пассажиров).

В нижеследующих примерах *gros-porteur* употребляется по отношению к американским самолетам большой грузоподъемности и пассажировместимости, что является дополнительным свидетельством интеграции французского субститута.

Centrafrique: les Etats-Unis vont apporter assistance à la France. [...]

Quelque 850 soldats burundais doivent ainsi être transportés par deux gros porteurs C-17 dans les prochains jours, selon un responsable américain de la Défense (E, 09.12.13).

Le constructeur aéronautique américain Boeing a annoncé vendredi qu'il allait abaisser sa production de gros porteurs 747-8 pour la seconde fois cette année en raison d'une demande plus faible que prévu (E, 19.10.13).

4.4. Ложные авторские англицизмы подвергаются частичному калькированию, при этом исходная и частично калькированная формы распределяются по разным частям речи. К примеру, ложный англицизм *new-look* n.m. et adj. invar. «Style nouveau, ligne nouvelle des vêtements de dames (qui reprend la grâce féminine avec la silhouette coulante, la jupe allongée, la taille fine). – Новый стиль, новая линия женской одежды (с плавным силуэтом, удлиненной юбкой, тонкой талией)», созданный в 1947 году К. Диором, сегодня используется только как историзм моды.

Christian Dior: le pape de l'indémoudable aurait 100 ans. L'amour de la maison familiale. Le centenaire de la naissance de ce couturier qui a révolutionné la mode du milieu du XXe siècle avec le new-look sera célébré par une série d'événements, du 15 mai au 25 septembre, autour d'une exposition majeure dans la villa de son enfance, Les Rhumbs (M, 20.04.05).

Paris, 28 février 2013: défilé Dior automne-hiver 2013-2014, Raf Simons présente une série de hauts et de robes, entièrement réalisés en tricot, imitant les volumes new-look de la célèbre veste (E, 23.10.13).

Переносное значение *new-look* n.m. «Style nouveau, approche nouvelle (en politique, économie, dans la vie sociale, etc.); aspect nouveau (d'un état, d'une situation); changement radical (de forme ou de substance). – Новый стиль (в моде, политике и т.п.), новый аспект (положения, ситуации; радикальное изменение (формы или сущности)» вышло из употребления, вытесненное частичной калькой *nouveau look*.

4 questions à Jean-Marie Massaud. [...]Auteur du Sephora blanc à Paris et du Holispa à Nice, le designer a réalisé, en duo avec l'architecte Daniel Pouzet, le nouveau look de l'institut Lancôme (P, 03.01.05).

Dans Newsweek : Facebook se soucie (un peu) de ce que vous pensez de son nouveau look. Quand Facebook modifie l'allure de son site, les utilisateurs se révoltent par millions (NO, 17.02.10).

Однако прилагательное *new-look* остается широкоупотребительным словом, так как адъективные употребления *nouveau look* редки.

La socialiste [Ségolène Royal] a dévoilé sa stratégie de campagne new-look (NO, 04.10.06).

France Télécom s'accroche à ses cabines téléphoniques. Dès cet été, des cabines new look surgiront dans quelques campings, salles de cinéma, aires d'autoroute[...] (NO Challenges, 09.06.05)

4.5. Такая особенность французской стилистики, как непременное избежание повторов понуждает говорящих употреблять англицизмы *indoor* adj invar., n.m et adv. «**1. Adj.** Relatif aux jeux sportifs en salle. – (Спортивные игры) в закрытых помещениях. **N.M.** *L'or planétaire en indoor* (E, 12.08.13). **2. Par ext. Adj.** À l'intérieur; dans le local. – **Расшир.** Внутри помещения [...]. **N.M.** *la grillade en indoor* (NO, 12.07.12). ◇ **Adv.** *La production de cannabis est assurée « indoor »* (E, 10.01.14 », *outdoor* adj invar., n.m et adv. (rare) «À l'extérieur, en plein air; en pleine terre. – Снаружи, на открытом воздухе, в открытом грунте» в макроконтекстах параллельно с *en salle, à l'extérieur (d'extérieur)*. Тем не менее в прессе нередко собственные способы избежания повторов, которые рубрика рекомендует к употреблению вместо англицизмов.

En salle / (d') intérieur: *un aviron d'intérieur* (H, 07.02.03), *la piste intérieure du vélodrome* (H, 13.03.99); **(à l', d', en) extérieur / (en, de) plein air:** *un sport d'extérieur* (M, 30.01.14), *, piloter en extérieur* (E, 06.11.13), *les courts extérieurs* (E, 16.01.14), *je pratique des séances «outdoor» (à l'extérieur)* (M, 23.10.06), *un étalage de tables et chaises d'extérieur* (L, 16.09.12)) / *les fans de l' «outdoor» (plein air)* (M, 26.08.01), *le succès des activités de plein air (pardon, du concept de l'outdoor)* (M, 12.02.10), *des activités ludiques que les Anglo-Saxons regroupent sous l'appellation d'outdoor, «plein air» en français* (M, 04.08.04), *Bubka avait sauté 6,15 m en 1993 en salle et 6,14 m en 1994 en plein air* (E, 17.02.14), *je la [la reine Mathilde de Belgique] comme une « outdoor girl », une fille de plein air* (PM, 27.09.13); **(en, d') extérieur / (en) pleine terre (plein champ):** *vivre du travail de la terre, [...] rejeter la société de consommation et la famille traditionnelle, rester solidaire de la société «extérieure»* (H, 11.09.99), *l'interdiction d'arrosage en extérieur visant jardins et pelouses* (M, 20.01.14) / *des coopératives chanvrières outdoor [plein champ]* (M, 16.06.06), *merveille en pleine terre [des narcisses et des crocus]* (F, 27.09.13), *les endives pleine terre* (F, 28.01.13).

4.5. Англицизмы вытесняются из употребления в силу предпочтения, которое французский язык отдает словам широкого значения. Так, можно с достаточным основанием предположить, что французское слово широкого значения *planche* n.f. «доска» (+ 9 основных значений в PR), а также словосочетание *planche à voile* и производные соответственно *planchiste* n., *véliplanchiste* n. останутся в перспективе единственными наименованиями водного спорта и тех, кто им занимается, имеющими хождение среди любителей. Сфера распространения заимствований *funboard* (сокращение *fun*) n.m. «**1.** *Planche à voile courte, légère et sans dérive, permettant la pratique du sport nautique acrobatique.* – Короткая, легкая доска для серфинга без киля, позволяющая выполнять прыжки. **2.** *Sport pratiqué avec cette planche* –

Соответствующий водный спорт», *funboarder* n. «спортсмен, занимающийся этим видом серфинга» скорее всего будет ограничена употреблением в профессиональном спорте. Такой прогноз подкрепляется фактом незначительной употребительности *funboarder* (1 – 7 употр. в прессе), варьированием *planche / funboard*, *planchiste / funboarder*, *planche à voile / funboard*, *planche à voile / funboarder*, адъективацией *funboard* для сужения экстенционала *planche* n.f.

La championne olympique de planche n'a pas cédé aux sirènes médiatiques, préférant se consacrer à ses études. [...] «Avec des amis, on court après cela, tous les week-ends», raconte Faustine Merret, qui vient de signer une quatrième place en finale du championnat de France de funboard (planche non-olympique) (M, 31.12.04).

Le Français Julien Bontemps, 29 ans, termine « totalement mort » mais couvert d'argent après dix jours d'éprouvantes régates la compétition de planche à voile aux Jeux olympiques de Pékin. [...] Et le Nantais se tourne déjà vers Londres en 2012. « Mais je ne ferai certainement pas quatre ans non-stop. Je vais m'accorder des petites parenthèses de funboard pour changer d'air », confie-t-il à Reuters (P : 20.08.08).

Robby Naish? Doit-on encore le présenter? Cet homme a tout gagné en funboard. Pendant près d'une bonne vingtaine d'années, il a été l'icône de tous ceux qui ont mis les pieds sur une planche à voile (H, 12.08.03).

Les sports nautiques sur le lac d'Annecy. Fun d'hiver. [...] Plus il fait froid, plus les amateurs de planche à voile se sentent des envies d'eau chaude. En hiver, ce sont les alizés qui souffleront dans leurs voiles. D'est en ouest, le funboarder avisé sait qu'il peut s'arrêter dans l'archipel du Cap Vert et, plus particulièrement, dans l'île de Sal [...] (M, 29.12.90).

Super X. Le vent du renouveau. [...] Cette course à plusieurs planchistes et sur un parcours aménagé privilégie le spectacle. [...] Avril 2004, sur plage de la Franqui à Leucate dans le sud de la France, huit funboarders casqués et harnachés de gilet de protection n'attendent que le signal de départ pour se jeter sur leurs planches [...] (H, 02.08.04).

Le lac d'Annecy (Haute-Savoie), encerclé par les montagnes, avec son eau 20 degrés d'un bleu profond, est l'endroit idéal pour les adeptes des sports nautiques. En témoigne la multitude de voiles multicolores, de canoës-kayaks, de planches de funboard [...] (E, 18.07.05).

Вернув доверие франкофонов к нормализаторскому институту путем экспликации реальной нормы употребления англицизмов и их французских аналогов, рубрика сможет приступить с достаточно обоснованной надеждой на успех ко второму этапу оптимизации англо-американского влияния, который будет состоять в перспективной нормализации неукоренившихся инноваций (*notebook* n.m. "Ноутбук" < *mini-ordinateur*, *ordinateur (PC) portable (portatif, mobile), portable*) или довольно употребительных, однако малопримлемых заимствований (*newsletter* n.f. «Информационный бюллетень, рассылаемый по утрам

подписчикам на их электронную почту» / *actualité n.f. (ce matin), burn-out n.m.* «Физическое и моральное истощение под тяжестью профессиональной рутины» / *épuisement n.m. professionnel, start-up n.m.* «Новое предприятие» / *jeune pousse n.f.*).

Успешный результат может быть достигнут путем применения взвешенного подхода с использованием нежестких или жестких приемов нормализации в зависимости от характера отношений в парадигмах В случае успеха спонтанная норма употребления англицизмов и их французских аналогов, которая выполняет роль фильтра, не пропускающего бесполезные или вредные англо-американизмы, и способствует принятию взвешенных нормативных рекомендаций и предписаний, будет постоянно крепнуть.

Список литературы

1. Гринева Е. Ф., Громова Т. Н. Словарь разговорной лексики французского языка (на материале современной художественной литературы и прессы). М.: Цитадель, 1997. 640 с.
2. Клименко О. С. Принципи складання словника англо-американських запозичень у сучасній французькій мові // Филологические исследования Далевого университета. Язык и литература в контексте культуры и межкультурной коммуникации. Луганск, 2016. Вып. 2. С. 73-92.
3. Baudrillard J. New Look Generation: interview // *Le Nouvel Observateur*. 1983. February. P. 15.
4. Bombardier D. Lettre ouverte aux Français qui se croient le nombril du monde. Paris: Albin Michel, 2000. 137 p.
5. Dictionnaire Hachette encyclopédique illustré. Paris: Hachette Livre, 1997. XIV. 2006 p.
6. Giroud F. Le bon plaisir: roman. Paris: Mazarine, 1983. 298 p.
7. Le Petit Larousse multimédia. Paris: Larousse, 2010. 1 disque optique numérique (CD-R): coul.; 12 cm. Configuration requise: PC Pentium III 800 MHz pour l'installation serveur (Pentium II 300 MHz pour l'installation client); Windows 2000 Server, NT server 4 SP 6 pour l'installation serveur (Windows 98, 2000, NT4.0, XP pour l'installation client). Titre provenant de l'écran-titre.
8. Le Petit Robert de la langue française: version électronique / réalisation informatique, Bureau Van Dijk. Paris: Dictionnaires le Robert-Sejer, cop. 2012. 1 disque optique numérique (CD-ROM): coul., son.; 12 cm + 1 manuel d'utilisation (23 p.).
9. Perec G. La vie. Mode d'emploi: roman. Paris: Hachette, 1978. 700 p.
10. Savatier P. Le Photographe: roman. Paris: Gallimard, 1983. 358 p.
11. Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècles.: en 16 vol. / conception et réalisation informatique: Jacques Dendien. 2009. Mode d'accès: [http // atilf.atilf.fr/tlf.htm](http://atilf.atilf.fr/tlf.htm).

УДК 811.161.1+811.111

А. Э. Левицкий

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ПЕРСПЕКТИВЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Среди основных мировоззренческих перспектив лингвистики начала XXI века на передний план выходит сопоставление данных разных языков в связи с особенностями культур и использованием в процессе межкультурного взаимодействия. При этом речь идет об освещении актуальных вопросов взаимосвязи языка и мышления, языка и общества, языка и культуры в когнитивном и дискурсивном аспектах.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология, языковая личность, картина мира, дискурс

Ольга Леонидовна Бессонова в целом ряде своих исследований активно анализирует соответствия единиц разноуровневых языковых данных. Среди них особое внимание уделяется единицам, объединенных лексической семантикой, а также словообразовательными и синтаксическими структурами; сопоставлению текстов на материале разных языков.

Отметим, что в поле зрения О. Л. Бессоновой также попадают такие понятия, как «языковая личность», «языковые и концептуальные картины мира», «дискурс», различные аспекты межличностного (в том числе, вербального и невербального характера с учетом гендерных, возрастных и социально-статусных параметров), а также межкультурного общения. Перспектива таких работ заключается в том, что исследователь может получить данные о портрете определенной языковой личности-носителя соответствующего языка. Современная лингвистика в последнее время все больше приобретает антропоцентрический характер [8, с. 207], благодаря чему язык изучается как система, отражающая особенности этнического и социального мировосприятия. Философской основой проведения сопоставительных исследований в этом ракурсе выступает учение В. Гумбольдта [3, с. 349]. Языковая личность, в частности, как предмет сопоставительного исследования является обобщенным образом носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций на каждом из уровней своей структуры (вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом [4]). Именно взаимосвязь перечисленных выше уровней формирует языковую личность и проявляется в её когнитивном профиле и актах коммуникации.

Значительной научной новизной отличается выявление изоморфных и алломорфных особенностей различных типов и видов дискурса. Дискурс-анализ в таком плане предполагает сопоставление не только его вербальных (текстовых), но и экстралингвистических составляющих, если

подходить к нему как к «тексту, погруженному в жизнь» (по Н. Д. Арутюновой [1, с. 136-137]).

Стереотипы сознания облегчают такое общение, делая его более надежным, т. е. обеспечивая взаимопонимание. Стереотип представляет собой стандартное суждение о социальной и национальной группе и отдельных их представителях. Он выражается в виде высказываний типа «Немцы пунктуальны. Британцы холодны», которые описывают представления, широко распространенные в определенной этнической группе. Важной чертой национального восприятия «чужих» при этом выступает принципиальная антонимичность любой черты, которая может относиться к прямо противоположным полюсам ее оценки внутри нации и снаружи. В оценке национального стереотипа изнутри наблюдается то же приукрашивание, что выявляется в оценке индивидом собственных качеств, и наоборот. Они выступают следствием национальных установок восприятия как себя самого, так и представителей других групп. Развиваясь в неодинаковых природных, социальных условиях, разные народы аккумулировали большое разнообразие характеров, типов мышления, форм поведения, каждый из которых больше или меньше отвечает условиям, которые его породили. О состоянии и развитии стереотипов мышления и мировосприятия разных этнических групп свидетельствуют языковые данные [12].

Стереотипы как элементы картины мира в сознании индивида проходят все стадии, характерные динамическим образованиям. Стереотипы восприятия иностранцев могут подвергаться изменениям и, как следствие, не отвечать действительному положению вещей в определенный исторический период. Учтем также отсутствие у них универсального характера, что открывает значительные перспективы сопоставления данных номинативных единиц на материале разных языков. Это же относится и к другим этнокультурным маркерам, изучение которых призвано обогатить лингвистическую науку.

Подобные элементы выступают идиоэтническими маркерами языковой картины мира и дают представление о структуре концептуальной картины мира [2; 5; 6; 9]. Кроме того, поскольку любая национальная картина мира по-своему неповторима, актуальным для сопоставительной лингвистики на современном этапе является выявление изоморфных и аломорфных черт ее фрагментов, а именно особенностей вербализации отдельных концептов [7].

Языковая картина мира является представлением предметов, явлений, фактов, ситуаций, ценностных ориентиров, жизненных стратегий и сценариев поведения в языковых знаках, категориях, которые выступают семиотическим результатом концептуальной репрезентации действительности в этносознании [10, с. 365].

В языке находят свое выражение социально весомые национально значимые материальные и духовные явления. Приведенные выше аргументы свидетельствуют о национальной маркировке концептуальной картины мира определенного этнического сообщества, что выражается не только в существовании специфических показателей жизни народа (ср. составляющие концептосфер ЕДА, ОДЕЖДА, БЫТ, РОДИНА, РЕЛИГИЯ, ИГРА и т. п.), но и в неповторимом семантическом наполнении концептов, вербализуемых в разных языках мира, которые не полностью совпадают по объему (например, НАУКА, ВОДА в английском и русском языках). Так, концепт СОН занимает одно из главных мест в русской картине мира. Он определяется как: 1) физиологичное состояние покоя организма человека и животного, которое наступает периодически и сопровождается полной, или частичной потерей сознания и ослаблением ряда физиологических процессов; 2) то, что снится, сновидение; о чем мечтает человек; что воспринимается как нереальное, обманчивое. Вполне очевидно, если в первом случае содержится определение определенного физиологического процесса, то во втором – лишь описывается то, что происходит с человеком во время этого физиологического процесса.

Неоднозначность и многовекторность концепта СОН проявляется и в наличии широкого синонимического ряда существительных-номинативов, которые используются на его обозначение в современном украинском языке: *сон, сновидение, видение, грезы, бред, привидение, дрема, забытье, полудрема, полузабытье, сон-дремота*.

В современном русском языке вербализация концепта СОН активно происходит также с помощью фразеологических средств: *сон в голову не идет; ни сном, ни духом; сном праведника; сон в руку; как во сне*. В приведенных фразеологических единицах *сон* максимально хранит свою семантику, что свидетельствует о доминировании одного базового значения над другими.

Ядерную зону соответствующего концепта занимают слоты ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ, СНОВИДЕНИЕ и ЗАБЫТЬЕ. Периферию же – слоты ПРИЗРАК, БРЕД, которые обозначают особенный вид сна, когда активизируется индивидуально-психологическая плоскость подсознательного. Сон превращается в своеобразный параллельный мир, который воспроизводит сферу подсознательных чувств и инстинктов индивида. Этот параллельный мир отмечается размытыми и нечеткими границами, в нем накапливаются определенные воспоминания. Сон превращается в определенный призрак прошлого или будущего, когда индивид окунается в забвение. События во сне разворачиваются не в физической, а в психологически эмоциональной и духовной плоскости. Индивид руководствуется не здравым смыслом, а подсознательными чувствами и инстинктами.

Английская лексема *dream*, являющаяся вербализатором концепта DREAM, обозначает чувства, образы или фантазии, которые приходят к нам во сне; сам процесс, когда это происходит; виденье, мечта, образ, который мы видим или чувствуем сознательно или подсознательно, когда не спим; очень красивая, удивительная или приятная вещь или личность; что-то, чего мы очень хотим и к чему стремимся; объект, который мы видим в виденье. Итак, *dream* имеет два значения: 1) мысли и чувства, которые присущи человеку во время сна; 2) большое желание.

Очевидно, что лексема *dream* используется для обозначения как конкретных объектов, так и абстрактных явлений и ощущений. Лексикографические источники удостоверяют, что концепт DREAM в современном английском языке вербализуется синонимическим рядом: *dream, fantasy, illusion, imagination, vision, conceit, hallucination, romance, trance, reverie, chimera, delusion, fallacy*.

Ядро вербально выраженного концепта содержит такие лексемы-доминанты: *dream, illusion, fantasy*. Они отражают, передают ключевую информацию, раскрывая суть концепта. Семантическое поле, составляющими частями которого являются эти элементы, охватывает преимущественно абстрактные понятия и ощущения. Следовательно, концепт DREAM сконцентрирован именно вокруг абстрактного, где сознательное переплетается с подсознательным.

Периферия же концепта DREAM представлена слотами IMAGINATION, HALLUCINATION, CHIMERA, DELUSION, TRANCE, которые охватывают определенный вектор его семантики. Они преимущественно относятся к абстрактным понятиям, которые доминируют на периферии.

Вербализация концепта DREAM в современном английском языке происходит и с использованием идиоматических выражений. В частности, англоязычные лексикографические источники приводят такие примеры: *a pipe dream* – пустые мечты; *love's young dream* – юношеская влюбленность; *in your dreams* – не стоит мечтать о чем-то; *like a dream* – как будто во сне, как будто в сказке; *a dream come true* – желаемое становится реальностью, осуществление мечты или стремления.

В целом, рассматриваемые концепты можно охарактеризовать как общечеловеческие, присущие как сообществу людей, так и каждому индивиду, в частности. Этнокультурная специфика концептов СОН и DREAM проявляется в особенностях их смыслового содержания; наличии определенных аксиологических лакун и различиях места номинаций квазиреальности в картинах мира, т.е. отражении мировосприятия.

Слоты МЕЧТА, СОН, ОБЪЕКТ ЖЕЛАНИЯ, ОБОЛЬЩЕНИЕ и СНОВИДЕНИЕ представляют разные имплементации лексем *dream*.

Семантический объем концепта DREAM является широким и в русской картине мира соответствует концептам СОН и МЕЧТА. DREAM

используется для обозначения как физиологического процесса, так и отображает желание и стремление человека. Именно поэтому его нельзя передать исключительно концептом СОН, семантическая структура которого является более простой.

Однако, если DREAM имеют преимущественно позитивное наполнение, то в русской лингвокультуре такая однозначность отсутствует. Оппозиция «хороший :: плохой сон» тяготеет к последнему, подчеркивая негативные (болезненные) качества явлений, которые индивид переживает во сне, что пересекается с ощущением угрозы. Добавляются также оттенки печали и неопишуемой тоски, которые отражаются лексемами *тревожный, плохой, напряженный*. Лексические единицы *страшный* и *крепкий* модифицируют концепт СОН, добавляя ему отрицательный оттенок. Плохой сон может также обозначаться сочетанием *ночной кошмар*.

Для российского этноса естественной является ассоциация сна со смертью и потусторонним миром. Такие коннотации проявляются при модификации соответствующих лексем единицей *мертвый*. В русском языке распространено устойчивое словосочетание – эвфемизм *заснуть вечным сном*, что означает умереть. Если для западных германцев сон – это преимущественно условное состояние, переход из одного мира в другой, из одной реальности в другую, то для русского народа *сон* и *вечный сон* являются атрибутами потустороннего мира и символизируют смерть. Все это приводит к тому, что концепт СМЕРТЬ частично пересекается с концептом СОН. Происходит отождествление его концептуальных составляющих с концептуальными составляющими концепта СМЕРТЬ.

Наиболее же значимыми образными ассоциациями сна в русской картине мира связаны с 1) жидкостью (*сон тает; сон течет; погрузиться в сон*); 2) вещью (*видеть сон*); 3) живым существом (*сон пришел; сон не шел*); 4) феномен, находящийся вне понимания человеком (*сон нагрязнул; сон спустился*). В английской миропонимании сон воспринимается либо 1) как вещь (*to dream a dream*); 2) феномен, находящийся вне понимания человеком (*to fall asleep; a dream or sleep dawns upon somebody*). Таким образом, разнообразный ассоциативный ряд для русских и широкая аксиологически маркированная структура (от позитивного до негативного) показывает большую важность концепта СОН картине мира, в сравнении с английской. Вместе с тем отметим, что отсутствие сна никак не является позитивным для рассматриваемых этносов (ср.: *бессонная ночь, a sleepless night*).

Существует общее в принципе образование абстрактных существительных *сон / dream* от мотивационных глаголов в языках разных групп (славянской и германской) одной языковой семьи (индоевропейской).

Имена, которые обозначают концепт СОН / DREAM, являются производными от глаголов, и становятся доминирующими среди языковых единиц, вербализующих данный концепт, что и позволяет номинировать его субстантивами. Упомянутые абстрактные существительные принимают прототипическую семантику мотивирующего глагола и изначально совпадали с ним по своему лексическому составу. Затем происходит развитие значения имени, которое имеет разное направление действия метонимии в соответствующих лингвокультурах: в русской – от состояния к кванту этого состояния (*сон*: ‘состояние’ > ‘виденье во время этого состояния’); в английской – от кванта состояния к состоянию (*dream*: ‘образ, виденье в определенном состоянии’ > ‘наименование этого состояния’).

В семантической структуре имени концепт СОН приоритетной является сема ‘состояние’, в английской и немецкой лексемах *dream* – сема ‘образ, виденье’, что позволяет говорить о приоритетности разных базовых концептуальных признаков концепта СОН / DREAM в сознании носителей соответствующих лингвокультур.

Прототипическая прослойка концепта СОН («определенное состояние») в сознании носителей русской лингвокультуры на протяжении веков остается неизменным, в то время как прототипическая прослойка концепта DREAM («образ, виденье в определенном состоянии») в сознании носителей английской лингвокультуры с течением времени изменился достаточно сильно, сохранив лишь общий коннотативный признак ‘немного странно’ [11, с. 12-13].

Кроме того, СОН и БУДУЩЕЕ являются базовыми концептами профетической картины мира, охватывающей мировидение *Nemo somnus* (человеком спящим). Во сне у человека рождаются проекции будущего на основе жизненного опыта, которые он пытается понять и трактовать согласно традициям и верованиям, бытующим в этнокультурном социуме. Данная информация содержится в сонниках как особой форме картины мира этноса – профетической, которая является её производной, преломляясь сквозь призму сознания и психики индивида. Фиксация традиционных данных модифицирует национальную картину мира, делая акцент на наивном восприятии человеком окружающего мира, сформировавшемся в течение длительного развития и становления данного этнокультурного сообщества.

Профетическая картина мира актуализируется лишь вследствие желания индивида получить информацию о будущем. Именно для достижения данной цели продуцент фокусирует своё внимание на таких сферах, как ЗДОРОВЬЕ, ЛЮБОВЬ, ДОМ, СЕМЬЯ, УЧЁБА, РАБОТА, ФИНАНСЫ, ДРУЗЬЯ, ПОЕЗДКИ, ОТДЫХ, ПОКУПКИ, ВНЕШНИЙ ВИД, ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ, что позволяет сделать вывод о предпочтениях современного человека, его страхах и устремлениях. Кроме того, сонники, как правило, отдают предпочтение краткосрочной информации. Они

представляют собой компендиум толкований различных снов и сновидений, что даёт основания для представления их данных в форме картины мира, которая не носит научного характера. Она является одной из форм наивной картины мира, актуализированной в специфической профетической форме.

Среди концептосфер, отражённых в профетической картине мира, значительное место уделено ПРОСТРАНСТВУ. Так, позитивными чертами наделены такие составляющие ПРОСТРАНСТВА, как *деревня* (скоро наступят хорошие времена; к счастью), *река* (хороший отдых; дорога, исполнение намеченного). Негативным же знамением для носителей английского языка считается видеть во сне *Африку* (угнетение врагами), *Америку* (тревоги на пороге), *Азию* (материальные затруднения), а *море* (отсутствие любви и друзей; печаль, убыток) отрицательно маркировано в обеих лингвокультурах. Большое разнообразие форм пространства в профетической картине мира носителей английского языка подтверждает стереотипное представление о них, как склонных к путешествиям и передвижениям. Среди средств передвижения в их профетической картине мира присутствуют *корабль* (уважение и карьерный рост; скорый брак), *поезд* (путешествие), *такси* (победа над врагами), *автобус* (недоразумения с друзьями), *метрополитен* (потеря репутации). Любое же средство передвижения (*vehicle*) во сне является предзнаменованием болезни.

Что же касается представления сна в профетической картине мира, то, как ни странно, ему там также отведено значительное место. При этом, в сопоставляемых лингвокультурах сделаны разные акценты на трактовке данного символа. Для носителей английского языка важен не столько сам сон, сколько связанные с ним объекты, предметы и люди. Так, спать на свежей чистой постели считается знаком полного взаимопонимания с родными; заснуть в неподходящем для этого месте – угроза болезни; спать рядом с маленьким ребенком – знак взаимной любви, и Вы создадите прекрасную семью; спящие люди – Вы любыми средствами постараетесь завоевать чье-то расположение; спать рядом с кем-то, кто Вам неприятен – Вы быстро разочаруетесь в человеке, которого полюбили; для девушки – спать рядом со своим возлюбленным – Вам не следует быть слишком уступчивой, иначе Вы превратитесь в безвольную жертву страстей. В русской же профетической картине мира сон, в котором человек бьётся над расшифровкой сновидения, означает, что он запутался в делах и попусту тратит время на дело, которое выеденного яйца не стоит. Лишиться сна во сне – знак беспокойства.

Отметим, что картина мира предстаёт как слепок жизни и быта этнокультурного сообщества, отражая присущие ему категориальные ориентации, что отражено в наполнении рассмотренных концептосфер и их аксиологической маркировке.

Итак, язык рассматривается как инструмент проникновения в ментальность, а следовательно, и ключ к этнической, культурной и социальной группе, к которой принадлежит индивид. Изучение языковых и этно- и социокультурных данных в кросс-культурном ракурсе позволяет исследователю ограничиться сопоставлением отобранного материала для выведения сходных и отличительных черт. Следовательно, речь идёт о создании «портретов» языка и культуры определённого этноса на основе выявления их наиболее значимых свойств. Мало быть понятым, надо быть правильно понятым до мельчайших нюансов, чтобы информация, поданная как эксплицитно, так и имплицитно, была однозначно и адекватно декодирована. Таким образом, перспективными направлениями раскрытия особенностей познавательных процессов в сопоставительном аспекте можно считать: структурация языковых данных в картинах мира; моделирование этнокультурных типов языковой личности разного этнического или социального типа. Новые подходы позволяют сопоставить конкретизировать наше представление о системах и структурах языков; раскрыть и сравнить роль этнокультурного фактора в обеспечении отображения действительности вербальными средствами.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // ЛЭС. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. Голубовская И. А. Этнические особенности языковых картин мира. К.: ВПЦ «Київський університет», 2002. 294 с.
3. Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1984. 445 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
5. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: КомКнига, 2006. 128 с.
6. Корнилов О. А. Языковая картина мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2013. 348 с.
7. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 134 с.
8. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во II половине XX века // Язык и культура конца XX века. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С. 144-238.
9. Кубрякова Е. С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65, № 2. С. 3-13.
10. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава : Довкілля-К, 2006. 716 с.
11. Черкашина Э. А. Вербализация концепта “сон / dream” в разноязычных культурах : дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 210 с.
12. Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1996. 227 с.

**ХРОНОПОЭТОНИМЫ В ПОЭТОНИМИКОНЕ КЕНА ФОЛЛЕТТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ДИЛОГИИ «СТОЛПЫ ЗЕМЛИ»
И «МИР БЕЗ КОНЦА»)**

Статья посвящается изучению хронопоэтонимов в поэтонимиконе Кена Фоллетта на материале дилогии «Столпы Земли» и «Мир без конца». В статье рассматривается термин хронопоэтоним, анализируются структурные модели хронопоэтонимов, устанавливаются их семантические особенности. В ходе исследования выявлено, что хронопоэтонимы функционируют в качестве временных или событийных ориентиров художественного произведения, способствуют реалистичному изображению культуры народа, национальных традиций и особенностей быта.

Ключевые слова: хронопоэтоним, поэтонимикон, временной ориентир, событийный ориентир.

Среди различных семантических разрядов имен собственных в художественном произведении особое место занимают хронопоэтонимы как «ведущие темпоральные маркеры художественного контекста; без них невозможно построение сюжетного движения, образной системы, всех уровней художественности. Они являются уникальным носителем исторической информации, аккумулятором памяти народа о важных вехах на историческом пути» [5, с. 29]. Хронопоэтонимы, один из периферийных разрядов поэтонимов, часто считаются вспомогательными и незаслуживающими серьезного внимания, и, к сожалению, до сих пор остаются мало исследованными.

Изучением хрононимов занимались такие ученые как: А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Е. Ю. Карпенко, Чжоу Шао Бо, С. А. Реммер, А. Ф. Немировская, В. Ю. Неклесова и др. Вслед за В. Ю. Неклесовой считаем, что до сих пор нет единого мнения относительно четкого определения хрононимов среди ученых постсоветского пространства, а специалисты по ономастике англоязычных стран вообще не выделяют хрононимы в целом [4, с. 64] и хронопоэтонимы в частности. Актуальность нашего исследования вытекает из отсутствия унифицированного определения термина *хрононим* и отсутствия работ по изучению хронопоэтонимов и их роли в создании временно-событийных ориентиров произведения. Итак, целью нашей статьи является исследование роли хронопоэтонимов как временных и событийных параметров на примере дилогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца». Достижение этой цели предполагает сравнение существующих подходов к определению хрононима, установление

особенностей хронопозитивов, основных функций и семантического состава, а также их исследования с временной или событийной точки зрения. Выполнение этих задач посредством анализа хронопозитивов конкретных произведений внесет свой вклад в дальнейшее понимание этого разряда позитивной лексики и его возможностей в реализации творческого замысла писателя.

Согласно А. В. Суперанской, «обозначение определенных отрезков и точек времени – хрононимы – это собственные имена, различные по своим характеристикам» [10, с. 197]. Исследовательница выделяет хрононимы, которые указывают на регулярно повторяющиеся явления и явления единичные в своем роде. Она также отмечает, что «чем чаще и регулярнее повторяется обозначение, тем ближе оно к апеллятивной лексике» [10, с. 197]. А. В. Суперанская отделяет от понятия хрононимы названия дней и месяцев, которые «относятся к классам и не имеют строго определенных объектов», названия праздников, торжеств, юбилеев, мероприятий, кампаний и войн, но она согласна с тем, что они «могут служить одновременно и своеобразными хрононимами, если они приурочены к определенным датам» [10, с. 197-198]. Другая исследовательница Е. Ю. Карпенко рассматривает хрононимы с точки зрения когнитивной ономастики и отмечает, что «имена, существующие в ментальных лексиконах разных индивидов, реализуются в языке как индивидуальные онимные фреймы» [2, с. 106-107]. Она констатирует, что «мы говорим о хрононимах как о названиях отрезков времени, поскольку именно время является определяющей чертой этого онимного фрейма. Однако фактически хрононимы – это не только время. Это имя собственное объединяет три компонента – время, событие (и особый признак, что приводит к выделению и номинации определенного отрезка времени) и место (событие происходит на какой-то территории, которая может охватывать весь земной шар)» [3, с. 114]. По ее словам, существует линейное понимание времени – движение из прошлого в будущее, и есть цикличное – повторяется ежегодно или еженедельно. Соответственно и события и их названия, хрононимы, тоже бывают линейными и цикличными, повторяющимися [2, с. 207]. В соответствии с этим, исследовательница предложила определение хрононимов как «линейных или циклических названий отрезков времени, отделенных определенным событием (какой угодно продолжительности) и привязанными к определенной территории» [3, с. 117].

По мнению Чжоу Шао Бо, хрононимы «представляют собой обозначения четко определенных, хронологически очерченных отрезков времени и являются неотъемлемой составной частью онимного пространства» [13, с. 9]. Она разделяет хрононимы согласно понятиям о времени: историческое время – время истории, воплощенное в триаде «прошлое – настоящее – будущее» и астрономическое время – время

годового круга, воплощенное в гражданском, церковном или народном календаре [13, с. 10]. Н. В. Подольская определяет хрононим как «собственное имя исторически значимого отрезка времени» [6, с. 147]. Именно эта исследовательница вводит новый термин, соотносимый с понятием «хрононимы», – геортоним и определяет его как «название любого праздника, памятной даты, торжества, фестиваля» [6, с. 48]. Разделяя в целом мнение вышеупомянутых ученых относительно определения хрононимов, ономаст С. А. Реммер не согласен с распределением хрононимов на собственно хрононимы и геортонимы и с определением хрононимов как имен только исторически значимых отрезков времени. Исследователь определяет хрононимы как «особый разряд имен, каждое из которых называет события истории и явления культурной жизни, быта народа, соотнесены с определенным отрезком времени, который (благодаря этим событиям) стал важным моментом в историческом и культурном развитии народа, человечества в целом. Таким образом, денотат хрононима – время реальных исторических и культурных событий, или время социальное, – характеризуется: а) четкими хронологическими пределами; б) историческим и социокультурным значением для народа или всего человечества» [9, с. 3]. С. А. Реммер считает, что хрононимами могут быть наименования: 1) дней, посвященных святым, религиозных праздников, постов, а также дней и недель, связанных с последними; 2) общенародных и государственных праздников; 3) исторических периодов, войн и памятных дат, источниками которых являются исторические события; 4) периодов, характеризующихся особым общественно-политическим содержанием, и связанных с именами конкретных исторических деятелей; 5) памятных дат, отражающих национальные традиции; 6) конференций, совещаний, встреч, имеющих историческое значение; 7) дат и периодов, отражающих особенности культуры народа [7, с. 91].

На наш взгляд, все подходы к определению хрононимов достаточно целесообразны, поскольку хрононимы действительно представляют собой разряд имен собственных, указывающих либо на определенные хронологически указанные и исторически значимые отрезки времени, которое может быть линейным и цикличным, либо на исторические и культурные события, соотнесенные с отрезком времени. Исходя из того, что главной функцией имен собственных является отражение истории и культуры народа, национальных традиций, особенностей национального быта, национального менталитета и национально-языковой картины мира [5, с. 28], мы придерживаемся мнения, что и хронопоэтонимы – это поэтонимы, основное назначение которых выступать временным или событийным ориентиром художественного произведения. Ученый С. А. Реммер отмечает, что хрононимы наиболее полно реализуют это назначение, функционируя в тексте литературного произведения [8, с. 188], ведь «именно связь с культурой народа, превращает имена

собственные в выразительные средства художественной литературы. В отличие от реальных ситуаций, в которых национально-культурные черты, разбросанные на большой территории, по крупницам можно проследить в каждом социуме, художественная литература все это концентрирует, увеличивает и сближает» [11, с. 127].

Если хронопоэтонимы выполняют две основные функции: временных ориентиров и наименование событий, исторических фактов, их функционирование можно рассматривать с событийной или временной точки зрения. Анализируя хронопоэтонимы поэтонимикона дилогии Кена Фоллетта, применим семантическую классификацию, предложенную С. А. Реммер. Мы также остановимся на структурных типах хронопоэтонимов, ведь все многокомпонентные хронопоэтонимы являются апеллятивно-онимичными комплексами, в составе которых терминологический апеллятив обычно указывает на временной или событийный характер хронопоэтонима в тексте произведения. Стоит отметить, что хронопоэтонимы дилогии Кена Фоллетта используются весьма ограниченно и насчитывают всего 62 единицы, но, бесспорно, они являются неотъемлемым элементом описания жизни и быта Средневековья.

На наш взгляд, большинство однокомпонентных хронопоэтонимов дилогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца», общее количество которых в произведении составляет 26 единиц (41,94% всех хронопоэтонимов) используются именно в качестве временных ориентиров. Так среди однокомпонентных хрононимов встречаем названия религиозных праздников (*Christmas, Easter, Epiphany, Trinity, Whitsun*), дней, посвященных святым (*Michaelmas*), постов (*Lent*). Все указанные религиозные праздники используются в тексте как временные вехи, поэтому очень часто им предшествуют характерные предлоги *by, after, before, at, until, past*: «*By Christmas they were starving*», «*I was there at Easter*», «*... when he set out for Earlcastle on the day after Epiphany*», «*On the Sunday before Whitsun, William Hamleigh got married*» [14, с. 56, 455, 174, 862]. Для названия праздника Троица писатель использует две взаимозаменяемых формы *Trinity* и сокращенное от *White Sunday – Whitsun*. Хронопоэтоним *Michaelmas* – день или праздник в честь Святого Архангела Михаила – также является одним из ключевых временных ориентиров, за которым в то же время закреплена информация о быте средневековых горожан: «*... women bathed once a month, and men at Easter and Michaelmas*» [14, с. 701]. Поскольку хронопоэтоним *Lent* (от англ. «Великий пост») предусматривает период голодания и покаяния продолжительностью в сорок дней со Дня покаяния до Пасхи [12, с. 16], то совсем не случайно писатель употребляет перед ним предлоги *during* или *throughout*: «*These will deaden our appetites during Lent*», «*The king was normally at Winchester throughout Lent ...*» [14, с. 140, 386]. В дилогии также употреблены еще два однокомпонентных хронопоэтонима:

праздник, отображающий национальные традиции (*Hallowe'en*), и памятная дата исторических событий (*Crusades*). Хронопоэтоним *Hallowe'en* воспринимается двояко: как событие, имеющее четкие временные границы, ведь известно, что этот день празднуется католическим миром накануне Дня всех святых 31 октября, и как его национально-культурное наполнение (с необходимой атрибутикой из тыквы, сладостей и костюмированных действ). Бывают случаи, когда хронопоэтонимы ассоциируется больше с событием, чем с хронологией. Таким оказался хронопоэтоним *Crusades* – в переводе с английского «крестовые походы», который прежде всего подчеркивает событие, а не время: «*Some men face danger every day, in battle, at sea, and on hazardous pilgrimages or Crusades*» [14, с. 118]. Как видим, однокомпонентные хронопоэтонимы выступают временными ориентирами произведения, акцентируя реальность изображаемых событий, что совпадает с утверждением А. Ф. Немировской относительно следования хронопоэтонимии в жанре исторической прозы законам реалистического письма и истинному отражению исторических событий [5, с. 30].

Группа двухкомпонентных хронопоэтонимов насчитывает 27 единиц и составляет 43,55% всех хронопоэтонимов диалогии, также представлена названиями религиозных праздников, праздников в честь святых и дней, связанных с религиозными праздниками (*Christmas Day, Day of Judgement, Easter Sunday, Judgement Day, Michaelmas Day, Quinquagesima Sunday, Whit Sunday*), названиями праздников, отражающих национальные традиции и особенности культуры и быта народа (*Lammis Day, Midsummer's Eve*) и названиями исторических периодов и памятных дат исторических событий (*Battle of Lincoln, Golden Age*). Большинство моделей хронопоэтонимов, которые относятся к первой и второй подгруппам, созданы путем добавления к однокомпонентным названиям праздников лексем *day* или *Sunday*, например: *Christmas Day, Easter Sunday, Michaelmas Day, Whit Sunday, Quinquagesima Sunday*, последнее название происходит от лат. «пятидесятый», то есть этот хронопоэтоним указывает на пятидесятое воскресенье перед Пасхой. В целом названия с лексемой *Sunday* уточняют время, подчеркивая, что праздник приходится именно на воскресенье, то есть праздник имеет четкое отношение к определенному дню. «У части хрононимив есть варианты, что выражается в использовании различных структурных типов одних и тех же наименований» [1, с. 27]. Так в диалогии используются хронопоэтонимы с лексемой *day* – *Day of Judgement* или его вариант *Judgement Day* – библейское «Судный день», хронопоэтоним, который в первую очередь акцентирует внимание на событийной характеристике, ведь никто не знает точной хронологической даты этого дня, но все знают о событиях, которые должны произойти в этот день: оживут мертвые, состоится второе пришествие Иисуса Христа, и мертвые, и живые предстанут перед судом божьим [16]. Хронопоэтонимы *Lammis*

Day и *Midsummer's Eve* являются отражением традиций и обычаев, быта англичан Средневековья, они реализуются с двух сторон: временной и событийной, где событийная сущность раскрывается в контексте произведения. *Lammass Day* (староангл. «Loaf mass day» – от англ. «День мессы в честь хлеба») празднуется 1 августа и представляет собой фестиваль первого урожая [15], *Midsummer's Eve* (от англ. «канун середины лета») – день, связанный с летним солнцестоянием, который празднуется 21 или 23 – 24 июня [15], оба праздника сопровождаются различными торжествами и соревнованиями.

Третью подгруппу составляют название исторического периода *Golden Age* и памятная дата исторического события *Battle of Lincoln*. Эти два хронопозтонима обозначают скорее не время, а исторические события. Первый из пяти исторических периодов – *Golden Age* (от англ. «Золотой век») – значимый для всего человечества, период изначального согласия и спокойствия, гармонии, стабильности и расцвета. В произведении «Столпы Земли» писатель сравнивает юность настоятеля Филиппа с данной исторической эпохой: «*When he looked back on his youth, it seemed to Philip that there had been a brief Golden Age, a year or perhaps less, between the end of his rebellion and the onslaught of fleshly lust*» [14, с. 96]. Хронопозтоним *Battle of Lincoln* – название битвы – обозначается топопозтонимом, по названию ближайшего географического объекта. На первый взгляд топопозтоним по форме (пространственное обозначение) становится хронопозтонимом по содержанию (темпоральное обозначение). Такое часто случается, ведь, по словам Е. Ю. Карпенко, хронопозтонимы часто пересекаются с топопозтонимами, поскольку топопозтонимы часто привязаны к месту, хотя имеют связь и со временем. Хронопозтонимы, в свою очередь, называют темпоральные отрезки, но эти отрезки привязаны к определенным территориям. По мнению исследовательницы, пересечение хронопозтонимов и топопозтонимов является фактическим пересечением времени и пространства. «Хрононимы – имена временных отрезков – событий, происходящих в какой-то период и поэтому локализованы во времени, а не в пространстве. Для события главное: когда? Поэтому оно и определяется прежде всего временем, принадлежит к отдельному онимному разряду – хрононимии. Но каждое событие происходит где-то, в каком-то месте. Поэтому хрононимы имеют и пространственную локализацию. Что отражается в их наиболее характерном обозначении – топонимическом» [3, с. 112].

И наконец к последнему структурному типу хронопозтонимов принадлежат трехкомпонентные модели. Их в дилогии Кена Фоллетта насчитывается только 2 единицы, что составляет 3,22% всех хронопозтонимов, использованных в дилогии. Трехкомпонентные хронопозтонимы включают названия католических религиозных праздников *All Saints' Day* и *St Augustine's Day* с характерной компонентой

day, первое в честь всех святых, празднуется 1 ноября, второе – в честь Святого Августина, философа и богослова IV–V веков, день которого в католичестве празднуют 28 августа. Оба праздника посвящены святым, но обычно в эти дни не происходит никаких значительных торжеств, поэтому очевидно, что оба хронопоэтонима выступают прежде всего как временные ориентиры и в дилогии употребляются с предлогом *on*: «*It was done on All Saints' Day*», «*Work stopped at noon on St Augustine's Day*» [14, с. 611, 573].

Как показал анализ, хронопоэтонимы являются либо временными ориентирами, либо одновременно отображают событие и время, либо служат исключительно событийными ориентирами литературного произведения. Для отображения реального исторического времени и воспроизведения исторической правды писатель использует хронопоэтонимы в соответствии с законами реалистического письма. Хронопоэтонимы в поэтонимиконе дилогии Кена Фоллетта выполняют функции временных ориентиров и наименования событий или исторических фактов, помогают раскрыть авторский замысел в изображении культуры народа, национальных традиций и особенностей быта. Следует отметить, что в дилогии Кена Фоллетта преобладает использование хронопоэтонимов как временных вех, что собственно подтверждает тенденцию, выявленную еще С. А. Реммер [8, с. 188-189]. Является ли это характерным признаком идиостиля писателя, или это дань эпохе, в которую происходят события произведения? Выявление таких закономерностей употребления хронопоэтонимов в творчестве Кена Фоллетта требует дальнейшего исследования на материале других произведений писателя.

Список литературы

1. Воронова И. А. Структурно-семантическая характеристика английских хрононимов (на материале учебной литературы) // Тези доповідей і повідомлень Шостої республіканської ономастичної конференції «Описова та прикладна ономастика». Част. II. Одеса, 1990. С. 26-28.
2. Карпенко О. Ю. Проблематика когнітивної ономастики: монографія. Одеса: Астропринт, 2006. 378 с.
3. Карпенко О. Ю. Структура хрононімічного фрейму // Записки з ономастики: зб. наук. пр. Одеса: Астропринт, 2008. Вип. 11. С. 111-118.
4. Неклесова В. Ю. Хрононіми у руслі когнітивної ономастики // Записки з ономастики: зб. наук. пр. Одеса: Астропринт, 2009. Вип. 12. С. 64-73.
5. Немировська О. Ф. Хрононіми як показник історичного часу (на матеріалі роману І. С. Нечуя-Левицького «Гетьман Іван Виговський») // Записки з ономастики: Збірник наукових праць. Вип. 11. Одеса: Астропринт, 2008. С. 28-36.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
7. Реммер С. А. К вопросу об определении хрононимов // Восточноукраинский лингвистический сборник: сб. науч. тр. Донецк: ДонГУ, 1996. Вып. 2. С. 89-97.

8. Реммер С. А. Употребление хронимов в тексте литературного произведения // Восточноукраинский лингвистический сборник. Донецк: Донеччина, 2000. Вып. 6. С. 188-194.
9. Реммер С. А. Хроніми як особливий розряд власних імен: автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 2005. 18 с.
10. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 368 с.
11. Суперанская А. В. Теория и методика ономастических исследований. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.
12. Томахин Г. Д. Американские праздники и народные поверья: пособ. по англ. языку. М.: Стелла, 1994. 32 с.
13. Чжоу Шао Бо Номінація відрізків часу в різноструктурних онімічних просторах: автореф. дис. ... канд. філол. наук. Донецьк, 2004. 21 с.
14. Follett, Ken. The Pillars of the Earth. London: Pan Books, 1990. 1076 p.
15. Harper, Douglas .Online Etymology Dictionary. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=Lammas&searchmode=none (дата обращения 3.11.2017).
16. New American Bible, Gospel of Matthew 25: 31-46. URL: http://www.vatican.va/archive/ENG0839/_PVY.HTM (дата обращения 3.11.2017).

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТ *ХАРАКТЕР*

Данная работа посвящена выявлению семантических особенностей оценочных прилагательных, вербализующих концепт ХАРАКТЕР в английском языке. Выделяются семантические типы оценочных прилагательных по знаку оценки и определяются семантические признаки концепта ХАРАКТЕР.

Ключевые слова: *оценочное прилагательное, оценочное значение, концепт, характер.*

1. Вводные замечания

Одним из актуальных направлений современного языкознания является исследование концептов в лингвокультурологической и лингвокогнитивной парадигме. В этом направлении работают такие известные современные лингвисты как А. П. Бабушкин, О. Л. Бессонова, С. Г. Воркачев, С. А. Жаботинская, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, М. В. Пименова, Ю. С. Степанов и др. Так, концепт вошел в понятийный аппарат когнитивистики, семантики, лингвокультурологии. Актуальность использования термина «концепт» обусловлена развитием когнитивного направления в психологии, психолингвистике, когнитивной лингвистике. Сущность и содержание концептов изучаются в разных направлениях и разными способами, но многие аспекты остаются спорными. Определение концепта является неотъемлемой частью концептологических студий. Существует множество подходов к определению концепта. Знакомство с разными определениями термина «концепт» свидетельствует о том, что с одной стороны концепт – это основная единица сознания, часть «коллективного неосознанного», оперативная содержательная единица памяти, единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания, «кирпичик» концептуальной системы, который отображает знания и опыт человека в виде «квантов» знания; вербализуется языковыми средствами и содержит значительную часть невербализованной информации (словарь когнитивных терминов). С другой стороны, концепт – это то, благодаря чему человек входит в культуру [4]. Это определение стало почти классическим для лингвокультурологии.

В когнитивной лингвистике концепт понимается как «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отображает знания, опыт человека; оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона,

концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, которая отображена в психике человека» [4].

Мы понимаем концепт, вслед за Ю. С. Степановым, В. Н. Телия, Н. Д. Арутюновой как понятие, погруженное в культуру, обладающее эмотивностью, коннотациями, аксиологическое культурно-специфическое по своей природе образование, имеющее «имя» / «имена» в языке [1; 8].

Целью статьи является описание семантических особенностей оценочных прилагательных, вербализующих концепт *ХАРАКТЕР*. Корпус языкового материала составляет 1200 оценочных прилагательных, выбранных методом сплошной выборки из англоязычных толковых словарей.

2. Критерии отбора языкового материала

Концепт *ХАРАКТЕР* можно охарактеризовать, с одной стороны, как общечеловеческую, с другой, как личную ценность, которая имеет важное значение для каждого индивида как в социальной, так и в личной жизни. Одним из самых главных средств выражения ценности является оценка. Наиболее продуктивными лексическими средствами выражения оценки являются прилагательные [2]. Имена прилагательные могут объединять два аспекта – определять собственно признак и определять оценку. Объектом оценки прилагательных выступает человек, его деятельность, абстрактные и конкретные понятия, ситуации [2]. В отличие от имени существительного, прилагательные не указывают на предмет, а приписывают ему определенный признак, качество, свойство. Они предстают абсолютно разнообразными по своей семантике и могут иметь признаки, связанные с действием и модальные признаки. А это значит, что категорийным определением данной части речи является признак в широком его понимании. В структуре значения исследуемых прилагательных признак конкретизируется семами, которые определяют особенности употребления, восприятия и отображения черт характера человека.

Анализ материала дает возможность выделить семантические типы оценочных прилагательных по знаку оценки: прилагательные с семой «отрицательные черты характера» и прилагательные с семой «положительные черты характера» (см. табл. 1).

Таблица 1

Количественная характеристика прилагательных по знаку оценки

Знак оценки	Кол-во единиц	%	Примеры
Отрицательный	720	60	<i>cruel</i> 'жестокий', <i>insidious</i> , <i>sly</i> 'хитрый', <i>crabby</i> 'раздражительный'
Положительный	480	40	<i>sympathetic</i> 'отзывчивый', <i>brave</i> 'храбрый', <i>affable</i> 'приветливый'
Всего	1200	100	

Абсолютное преобладание отрицательной лексики связано со структурой оценочной шкалы, где нормой является положительная оценка. Внимание говорящих концентрируется на отклонениях от нормы, отсюда количественное преобладание лексики минус-оценки. Следует отметить, что результаты анализа совпадают с выводами О. Л. Бессоновой о том, что большинство концептов расположено на противоположных полюсах аксиологической шкалы с наклоном в сторону отрицательной оценки [2]. Одновременно, следует отметить, что количественная разница между прилагательными с семемами положительной и отрицательной оценки (40% и 60% соответственно) несколько отличается от соотношения существительных положительной и отрицательной оценки (30% и 70% соответственно) (см. [2]). Этот факт может свидетельствовать о том, что атрибутивная лексика более разнообразна в выражении положительных черт характера человека.

При рассмотрении оценочных прилагательных можно выделить общую и частную оценку и, соответственно, общеоценочные и частнооценочные признаки. В данном исследовании в фокусе внимания – частнооценочные прилагательные, которые в отличие от общеоценочных, дают оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения. Разновидностью частной оценки являются эстетические и этические оценки, которые основываются на синтезе сенсорных и психологических оценок. В данном исследовании вышеуказанные оценки вербализуются оценочными прилагательными с семой «характер».

Следует отметить, что главным критерием отбора языкового материала является наличие оценочного компонента в конотативном и денотативном аспектах значения. Этот критерий актуализует наличие положительной или отрицательной оценки в значении прилагательного. В большинстве случаев основными лексикографическими показателями оценочных лексем являются маркеры, пометы отрицательной и положительной оценки, специальные пометы в дефинициях (в английском языке – *offensive, derogatory, vulgar, humorous*), например, *smug* ‘самодовольный’ (*disapproving* ‘осуждающий’) – *feeling or looking too pleased about smth you have done or achieved* ‘человек, который чувствует себя или выглядит очень довольным собой или своими действиями’ [12]. Однако, такие пометы не могут считаться основным критерием, так как в дефинициях большинства прилагательных с семой «характер» они отсутствуют. Главной характеристикой словарной дефиниции в толковых словарях являются толкования значения прилагательных с семой «характер» при помощи синонимического ряда, например: в англ. *gloomy* ‘унылый’ – *sullen, depressed, despondent* ‘замкнутый, сердитый, упавший духом’; *crabby* ‘раздраженный’ – *bad-tempered, petulant* ‘раздражительный, обидчивый’ [12]. Анализ лексикографических дефиниций оценочных прилагательных выявляет тенденцию к унификации словарных значений,

которая проявляется в использовании словарями закрепленных формул толкования для обозначения положительных или отрицательных маркеров оценочных прилагательных:

– of a person, например: *pert* ‘дерзкий’ – *of a person, esp. young one: formal, presumptuous or impudent in speech or behavior* ‘человек, в особенности молодой, который ведет себя нагло, самоуверенно’ [12].

– of character, например: *sloppy* ‘небрежный’ – *of character: careless, untidy, slovenly* ‘черта характера – беззаботный, неаккуратный, неряшливый’ [12].

Следует отметить трудности выделения прилагательных, репрезентирующих черты характера человека. Это связано с тем, что любой характерный признак личности может быть частью этого фрагмента картины мира. Можно говорить о высокой продуктивности прилагательных с семей «характер» и о их тесной смысловой связи с прилагательными с семей «поведение» и «моральные качества человека». Эту точку зрения подтверждает анализ словарных дефиниций слова «характер», которое пришло в английский язык из греческого (*kharakter* «instrument for making») через языки-посредники латинский и французский в среднеанглийский период.

3. Семантический объем концепта *ХАРАКТЕР*

Характер (с греческого – отчеканивание, отпечаток) в психологии понимают как совокупность индивидуально-своеобразных качеств личности, которые проявляются в способах ее деятельности, работе, окружающей действительности и самой себя. Особенности, которые проявляются в поведении человека, называются чертами характера. Черта характера – это фиксированная установка личностного значения, которая проявляется в разных видах деятельности, существенных для определенной личности [7, с. 457].

Результатом анализа словарных дефиниций имени концепта является наличие таких семантических признаков концепта как ‘совокупность стойких индивидуально-психологических способностей человека’, ‘ментальные или моральные качества’, ‘индивидуальные качества’, ‘качества человека, которые отличают его от других’. По данным *The Shorter Oxford English Dictionary On Historical Principles* [12], *character* ‘характер’ – *all the qualities and features that make a person different from others; strong personal qualities such as the ability to deal with difficult or dangerous situations; the interesting or unusual quality that a person has* ‘совокупность способностей и качеств, которые отличают человека от других; сильные личные качества такие как способность действовать в трудной или опасной ситуации; интересная или необычная черта характера человека’; *character* ‘характер’ – *the mental and moral qualities distinctive to an individual; the quality of being individual; strength and originality in a person’s nature* ‘ментальные или моральные качества, отличающие

личность; индивидуальные качества; сила и оригинальность природы человека' [12].

Значение этимологии концепта сводится к наличию таких семантических признаков как 'гравировать, ставить печать', 'особенное качество'. Слово *character* 'характер' происходит от греческого *kharakter* 'гравировальный знак, штамп', которое произошло от *kharassein* 'гравировать, ставить клеймо', и от *kharax* 'заточенный кол', со временем значение расширилось [11].

4. Семантические особенности оценочных прилагательных как способа вербализации концепта *ХАРАКТЕР*

Под вербальной объективизацией мы понимаем способ эксплицитной и концентрированной реализации концепта при помощи конкретной языковой единицы, которая сохраняет номинативную связь с концептом и вне концепта [8].

В языке концепт *ХАРАКТЕР* репрезентируется на уровне лексем, которые характеризуют личностные качества человека. Но следует отметить, что для лексических единиц, семантически ориентированных на человека, большое значение приобретает коннотативное значение, потому что то, что характеризует человека, вызывает эмоционально-оценочное отношение.

Оценочные прилагательные, которые вербализуют концепт *ХАРАКТЕР*, можно разделить на те, что объективируют положительные черты, и на те, что репрезентируют отрицательные черты характера.

Наиболее продуктивными в количественном плане являются группы прилагательных, вербализующие такие негативные черты характера человека, как бессердечность – 10% (*cold-hearted* 'бессердечный', *cruel* 'жестокий'), замкнутость – 9% (*gloomy* 'хмурый', *morose* 'нелюдимый'), раздражительность – 8% (*crabby* 'раздражительный', *petulant* 'вспыльчивый'). Менее продуктивными оказались прилагательные, обозначающие такие черты характера, как хитрость – 5% (*cunning* 'хитрый', *sly* 'коварный'), эгоизм – 4% (*selfish*, *self-interested* 'эгоистичный'), небрежность – 3% (*frowsy*, *sloppy* 'небрежный'). Соглашаясь с точкой зрения В. И. Карасика, считаем, что преобладание отрицательной лексики свидетельствует о тенденции говорящего давать отрицательную оценку человеку, тем самым повышая свою значимость и важность [5]. Вышеперечисленные прилагательные являются наиболее продуктивными в английском языке, так как данные черты характера являются наиболее важным участком оценочной шкалы, по которой дается оценка человеку в языковом коллективе.

Оценочные прилагательные, характеризующие положительные черты характера относятся к периферии концепта *ХАРАКТЕР*, что доказывает тот факт, что положительные черты характера воспринимаются как должное и внимание на них не концентрируется, а отрицательные черты не оставляют человека равнодушным и внимание на них

концентрируется чаще.

Наиболее продуктивными прилагательными являются единицы, обозначающие такие черты характера как: коммуникабельность, дружелюбие (13% – *affable* ‘приветливый’, *amiable* ‘любезный’), сочувствие (12% – *big-hearted* ‘великодушный’, *careful* ‘заботливый’), честность (11% – *fair* ‘честный’, *fair-minded* ‘справедливый’), уравновешенность (10% – *balanced* ‘уравновешенный’, *well-balanced* ‘рассудительный’).

Менее продуктивными являются прилагательные, обозначающие такие черты характера как смелость (6% – *courageous* ‘смелый’, *brave* ‘отважный’), щедрость (5% – *generous* ‘щедрый’, *lavish* ‘гостеприимный’), вежливость (4% – *civil*, ‘вежливый’, *polite* ‘любезный’), терпение (9,4% – *calm* ‘спокойный’, *patient* ‘терпеливый’).

Оценочные прилагательные, характеризующие положительные черты характера относятся к периферии концепта *ХАРАКТЕР*, что доказывает тот факт, что положительные черты характера воспринимаются как должное и внимание на них не концентрируется, а отрицательные черты не оставляют человека равнодушным и внимание на них концентрируется чаще.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт. М.: Наука, 1988., 337 с.
2. Бессонова О. Л. Оценка как семантический компонент лексического значения слова (на материале существительных-наименований особы в английском, французском и украинском языках): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Донецк, 1995. 186 с.
3. Бессонова О.Л. Ценностная картина мира и ее отражение в оценочном тезаурусе английского языка. Человек. Язык. Культура. К юбилею В. И. Карасика. К., Издательский дом Бураго, 2013. Ч. 1. С. 5-11.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической проблемы в языкознании // Филологические науки. 2001. С. 64-72.
5. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 75-80.
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд. Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
7. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология: учеб. для высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр Академия, 1998. 512 с.
8. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 602 с.
9. Стернин И. А., Быков Г. В. Концепты и лакуны // Языкознание: формирование и функционирование. М., 2000. С. 55-67.
10. Харитончик З. А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. Минск: Высшая школа, 1986.
11. An Etymological Dictionary of Modern English / compiled by E. Weekley. – London: John Murray, 1921; reprint 1967, Dover Publications., 1660 p.
12. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford University Press, 2002. Vol. 1, 2. 3809 p. [SOED].

УДК 81.111'23

Ю. В. Сергаева

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)*

МОДЕЛИ КРЕАТИВНОГО ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В АНТРОПОНИМИКОНЕ США И РОССИИ

В статье на материале антропонимов рассматриваются такие модели креативного имянаречения в американской и русской культурах, как рециркуляция винтажных имен, гендерная нейтрализация, транспозиция, заимствования имен из других культур и собственно словотворчество. Особое внимание уделяется референциальным свойствам креативных антропонимов, способных передавать скрытую информацию об антропонимической языковой личности.

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, креативное имянаречение, референция, антропонимическая языковая личность.

Имя собственное в современных ономастических исследованиях рассматривается как многоплановая категория, включающая следующие аспекты создания, функционирования и восприятия имени: *лингвосемантический* (имя как функциональный языковой знак), *лингвокогнитивный* (имя как часть языковой картины мира), *дискурсивный* (имя как часть текста, дискурса), *лингвопсихологический* (восприятие имени индивидом и окружающими), *социолингвистический* (имя как знак социального статуса), *лингвогеографический* (бытование имени в разных странах, регионах), *этнолингвистический* (имя как знак этнической принадлежности), *исторический* (имя в динамике структурно-семантических процессов), *лингвокультурный* (имя как часть культуры) и *прагматический* (имятворческие процессы и имя как речеповеденческая категория) [2, с. 7]. Таким образом, личные имена не являются всего лишь некой формальной системой асемантичных ярлыков, а обладают референциальными свойствами глобальной и локальной значимости, представляя собой сжатую историю всего лингвокультурного сообщества и особую модель речевого поведения отдельной антропонимической языковой личности [3, 4, 5, 6 и др.].

Одной из характерных черт речевого поведения антропонимической языковой личности (включая имядателя и носителя имени) является креативное имянаречение с целью дать ребенку неизбитое, оригинальное имя, подчеркивающее его индивидуальность: «A parent wants to give their child individuality and competitive advantage. People have become conscious of the power of names and they want a name that is going to stand out in a world of Williams and Elizabeths» [7]. При этом необычные, редкие имена детей, как правило, характеризуют больше номинатора (родителей и пр.), чем собственно носителя имени, который нередко может страдать от креативного антропонима.

Далее обратимся к некоторым моделям креативного имянаречения в русской и американской культурах, способствующим обогащению национального ономастикона за счет заимствования имен из других культур, словотворчества, транспозиции апеллятивов, топонимов и пр.

Введение в обиход винтажных имен. Мода на *винтажные* (считавшиеся ранее устаревшими, а теперь вновь вошедшие в моду) имена наблюдается в обеих рассматриваемых культурах: ср. *Tobias, Abigail, Hannah, Amabel, Rosamond, Eleanora, Ульяна, Варвара, Прохор*. Однако для более традиционного русского ономастикона модель «рециркуляции» является весьма продуктивной и за последние годы были зарегистрированы следующие «возродившиеся» имена – женск. *Глафира, Гликерия, Серафима, Устинья, Степанида, Василиса, Любава, Пелагея, Клавдия, Евфросинья, Прасковья*; мужск. *Тимофей, Нестор, Афанасий, Светозар, Лучезар, Емельян, Спиридон, Ермолай, Платон, Елисей, Любомир, Парог, Первосвет* и др.

Заимствование инокультурных имен. Современные справочные пособия и сайты по выбору имени для ребёнка [напр. 8, 9, 10] активно предлагают имена разного происхождения с учетом их семантики, благозвучия и вариативности: *Zane* (Swahili) – well-born, noble; *Misha* (Russian) – who is like the Lord; a familiar form of Michael, also meaning bear cub in Russian; *Miya* (Japanese) – beauty; *Quinn* (Celtic) – wise; *Astrid* (Danish) – beautiful goddess; *Zipkiyah* (Yiddish) – defends mankind, variant of Alexander; *Armand* (French) – soldier, warrior; *Ivana* (Czech) – God has been gracious; fem. form of Ivan и др.

Русский антропонимикон, в свою очередь, пополнился как легко ассимилирующимися антропонимами *Кристина, Диана, Каролина* и т.п., так и более экзотичными именами – в последние годы в России были зарегистрированы дети с именами *Аматерасу* (богиня Солнца и прародительница японских императоров), *Лоренцо, Максимилиан* и пр.

Использование аллюзивных имен. Среди оригинальных имен встречается достаточное количество *медийных и литературных антропонимов*, содержащих аллюзию к героям сериалов, фильмов, художественных произведений (напр. *Изаура, Круз, Ассоль, Cinderella, Aurora, Hermione, Orlando*), к знаменитостям, часто упоминаемым в прессе (*Принцесса Диана, Monroe*). Так, сын американского актера Н. Кейджа носит имя героя комиксов о Супермене *Kal-El*, а британская певица Дж. Холлиуэлл назвала дочь *Bluebell Madonna* в честь своего кумира.

Транспозиция апеллятивов. Расширение именослова США также происходит благодаря более интенсивному, чем в русском ономастиконе, образованию имен от апеллятивов. Наряду с традиционными семантическими категориями отапеллятивных имен – названиями камней и ценных пород (*Beryl, Amber, Emerald, Opal, Ebony, Crystal*); растений (*Aspen, Acacia, Clover, Ivy, Nettle, Violet, Jasmine*); животных и птиц (*Bird, Magpie, Hawk, Fawn, Gazelle, Panda*); месяцев и времен года

(*September, August, June, Spring, Autumn, Winter, Summer*); небесных тел (*Luna, Celeste, Nova, Kailani*), абстрактными понятиями с позитивной коннотацией (*Liberty, Destiny, Joy, Chance, Desire*) – появляются дериваты практически любых апеллятивов, принадлежащих разным частям речи. Так, фиксируется ономастическая транспозиция прилагательных цвета и других семантических групп (*Azure, Cinnamon, Crimson, Indigo, Precious, Unique, Misty, Stormy, Long*), названий профессий и других существительных (*Hunter, Piper, Man, Song, Bliss, Tequila*), наречий и числительных (*Soon, Seven*) и т.д.

Интересно отметить, что в последние годы новый виток моды на отапеллятивные имена наблюдается и в России, где наряду с древнерусскими именами с прозрачной этимологией (*Светозар, Лучезар, Добрыня, Доброслава, Огнеслава, Славяна* и др.) фиксируются антропонимы женск. *Заря, Луна, Руна, Июня* и мужск. *Ветер, Ангел, Дельфин, Север, Космос*. Среди отапеллятивных имен современного этапа встречаются и идеологические имена (*Приватизация, Выборина*), хотя интерес к их производству сейчас гораздо ниже, чем в 20-30е гг. прошлого столетия.

К варианту отапеллятивных имен относятся и составные антропонимы, представляющие собой лексикализованную фразу – женск. *Белая Ночь*, мужск. *Голубая Даль, Просто Герой*. В российской имятворческой практике это довольно редкое явление, тогда как в американской традиции такая модель имянаречения была популярна среди пуритан (напр., *Fear-God, No-Merit, Seek-Wisdom, Fly-Fornication, Safe-Deliverance, Jesus-Christ-came-into-the-world-to-save*), а сейчас нередко встречается в антропонимиконе штата Юта (*Paradise Sunrise, Precious Blessing, Mormon Beauty, Marvelous Man, Confederate American, Friends Forsaken, Miracles Precious One, Blessing Ream, Sincere Devotion* и т.п. [11]).

Также под влиянием западной тенденции выражать любовь к своим детям с помощью имен *Prince, Princess* (например, сыновей Майкла Джексона зовут *Prince Michael I, Prince Michael II*, а дочь модели Джордан – *Princess Tiaamii*), в России появляются зарегистрированные имена *Князь, Государь, Царь, Царица, Царина*.

Следует отметить, что отапеллятивные имена собственные в большей степени, чем другие, характеризуются наличием оценочного компонента, расширяя таким образом инвентарь оценочной лексики, которая «входит в более широкие семантические категории и пронизывает значительную часть лексической системы языка» [1, с. 10].

Транспозиция топонимов. Для антропонимии США, как и для англоязычной системы имен в целом, характерно образование имен от топонимов. Однако национально-культурная специфика отражается здесь в выборе географических названий, прежде всего связанных с Америкой, и далее со всеми континентами (*Dallas, Nevada, Florida, Montana, Indiana, Georgia, Trinidad, Argentina, Asia, India, Odessa, Kenya*). В русском ономастиконе такая практика только начинает закрепляться, в результате

чего появились новые имена *Москва, Россия*.

Транспозиция эргонимов. Всё большую распространенность в англоязычном антропонимиконе получают имена, производные от марок оргтехники и автомобилей *Canon, Bentley, Jaguar, Lexus* и т.п. В современной прессе периодически появляются сообщения о том, как при выборе имен родители действительно доходят до абсурда. Например, родившийся в Канзасе в 2000 г. *Iuma Dylan-Lucas Tornhill* обязан своим именем сайту компании Internet Underground Music Archive, www.iuma.com. Родители Айумы, назвав своего ребенка таким необычным именем, получили 5000 долларов по условиям маркетинговой кампании, промотирующей данный сайт. 9 лет назад такая акция вызвала негативную реакцию и саркастические ремарки относительно меркантильности родителей и незavidного будущего ребёнка [13], тем не менее практика манипулятивного использования антропонима для карьерного роста, улучшения благосостояния, продвижения своих идей, привлечения к себе внимания и т.п., заключающаяся в (чаще всего) временном официальном переименовании личности, становится популярной среди самих носителей имен. Официальное принятие таких имен, как например, *Pro Life* (урожд. Marvin Richardson), *KentuckyFriedCruelty.com*. (урожд. Chris Garnett), *Goveg.com* (урожд. Karin Robertson), [14] характеризует уже антропонимическую языковую личность, являющуюся номинатором и номинатом в одном лице.

В России такая практика манипулятивного использования антропонима-бренда не распространена в силу законодательной сложности его фиксирования.

Морфологические и орфографические модификации имени. Среди морфологических и орфографических особенностей образования англоязычных антропонимов можно отметить образование антропонима путем объединения (контаминации) 2-х имен (*Oliver + Louise = Oluisse; Annalisa, Maryberth, Maryjane*); соединения полного и уменьшительного имени (*Mary Jo*); редупликации слогов (*Lala, Deedee, Bibi, Dede, Gigi, Barabara*).

Среди зафиксированных в России имен тоже встречаются составные имена, чаще всего с дефисным написанием – *Галавиктория, Заря-Заряница, Умница-Красавица, Александр-Игорь, Иван-Джеймс, Александра-Софья, Александра-Анна и Екатерина-Виктория*.

По морфологической структуре и орфографии иногда можно судить о национальной и региональной принадлежности имен. Например, префиксы *De-, La-, Sha-* чаще всего встречаются в афро-американских антропонимах: *Dejuan, Deshawn, Delmore, Ladonna, Latisha, Shakirra, Shakur, Shafaye*. Имена афроамериканцев становятся одним из средств культурного самоопределения, указывая на этнические и религиозные (мусульманство) корни: напр., мужские имена *Muhammad, Hassan, Hashim, Ali*, женские – *Shawana, Naajila, Malaika*. Более того в последние

десятилетия появилась практика создавать для подчеркивания уникальности псевдоафриканские имена-неологизмы типа *Alexicor*, *Zikkiyyia*, *Laskesia*, *Rasheena*, *LaTanya*, *Najja*, что можно назвать «a distinctive form of black style» [6, p. 85].

Проживающие в штате Юта мормоны также известны своей системой уникальных во многих отношениях имен. Среди представителей этого сообщества популярны следующие механизмы создания имен: 1) необычные орфографические варианты часто с удвоением, и даже утроением, букв: *Abcde*, *Katlynn*, *Leee*, *Alysoon*, *Laalaa*, *Vvhs*; 2) использование начальных элементов *De*, *La* и *Le'* – *DeBekka*, но в отличие от афро-американских антропонимов *La* присоединяется к имени на французский манер – к прописной букве *LaJune* (ср. афроамер. *Latoya*, *Latifa*); 3) немотивированное использование заглавных букв, апострофа, частиц (*ClarEtta*, *M'Jean*, *DavidO*, *De'Anne*, *LaVeDrienne*, *NaLa'DeLuhRay*). [11].

Анаграммирование, кодирование референции. Имя ребенка может представлять собой своеобразную аббревиатуру или анаграмму: *Leumas* (= Samuel), *Evol* (= love), часто связанную с именем родителя (напр., отца и сына из штата Юта зовут, соответственно, *DeVerle* и *VerleDe* [11]) или других родственников (напр., среднее имя дочери актрисы Миллы Йовович – *Gabo* – сокращение имен бабушки Галины и дедушки Богдана).

В России редким примером аббревиатурного имянаречения является широко освещавшаяся в прессе история ребенка по имени БОЧ рВФ 260602 (Биологический Объект Человека рода Ворониных-Фроловых, родившийся 26 июня 2002 года), родителям которого уже несколько лет подряд отказывают в регистрации этого одиозного имени.

Гендерная нейтрализация имен. Постепенный отход современного общества от гендерных стереотипов проявляется, например, в тенденции к стиранию границ между женскими и мужскими именами. Это в первую очередь касается изначально универсальных апеллятивных (*Hunter*, *Piper*, *Robin*, *Baby*, *Angel*, *Young*, *Ivory*, *Dusty*) и отфамильных (*Reagan*, *Clinton*, *Parker*, *Kennedy*, *Taylor*) имен, бывших топонимов (*London*, *Dakota*, *America*, *Guadelupe*), но процессы нейтрализации вносят серьезные изменения и в устоявшуюся систему. Так, по данным переписи населения США [12], в списки женских имен попали традиционно мужские антропонимы *Shawn*, *Toby*, *Billie*, *Dylan*, *Kevin*, *John*, *James*, *Richard*, *Thomas*, *Frank*, *Arthur*, *Andrew*, *Paul*, *Mark*, *Robert*, *Charles* и наоборот, увеличивается число мужчин, носящих изначально женские имена *Carol*, *Lynn*, *Shannon*, *Courtney*, *Lester*, *Kelly*, *Dana*, *Mary*, *Kim*, *Jessie*, *Cory*, *Ira*.

Что касается русской системы имён, то гендерной нейтрализации препятствуют как социальные причины, так и морфологические особенности языка, и даже если имя приложимо к разным полам, т.е. является универсальным (*Саша*, *Женя*, *Валя*), то его полная или одна из гипокористических форм восстанавливает оппозицию.

Имятворчество в целом и креативное имянаречение, в частности,

является особым видом речевого поведения антропонимической языковой личности, своего рода игрой, кодирующей информацию не столько о носителе имени, сколько об имядатель – его хобби, пристрастиях, оценках, взгляду на мир, особенностях профессии и характера. Необычное имя может содержать скрытую референцию к определенному событию, значимому человеку, месту и т.п. Так, актриса Э. Лилли назвала сына *Kahekili* (в переводе с гавайского «гром»), т.к. он родился на Гавайях, во время грозы [15].

Таким образом, современные тенденции в сфере имянаречения отражают лингвокреативную деятельность антропонимической языковой личности, направленную на самовыражение и самоидентификацию, на расширение границ национального ономастикона за счет процессов рециркуляции, гендерной нейтрализации, транспозиции, заимствования имен из других культур и собственно словотворчества.

Наличие в русской и американской культурах сходных имятворческих моделей способствует взаимопроникновению ономастических систем, а также свидетельствует об открытости в принятии нового и креативном потенциале антропонимической языковой личности.

Список литературы

1. Бессонова О. Л. Структурные особенности оценочных наименований лица в английском, французском и украинском языках // Записки з романо-германської філології. 2010. № 25. С. 7-14.
2. Гарагуля С. И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида (опыт системного описания личных имен в США): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009.
3. Комова Т. А., Гарагуля С. И. Имя личное в англоязычном культурно-историческом пространстве. Москва: ЛИБРОКОМ, 2011.
4. Пак С. М. Ономастикон как объект филологического исследования (на материале американского дискурса XIX–XX вв.): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2005.
5. Суперанская А. В. Имя – через века и страны. Изд.3, стереот. М. URSS. 2010.
6. Kaplan J., Bernays A. The Language of Names. N.Y. 1999.
7. Marsh S. The Names that Will Get Your Baby into Oxbridge // The Times, July 31, 2007. Доступ: http://women.timesonline.co.uk/tol/life_and_style/women/families/article/2167868.ece.

Список источников

8. Satran P. R., Rozenkrantz L. Cool Names for Babies. N.Y., 2008. 213 p.
9. <https://www.babble.com/baby-names/>.
10. <https://www.nameberry.com>.
11. Utah Baby Namer, 2005. Доступ: <http://www.wesclark.com/ubn.html>.
12. US Census 2000 gateway, 2002. Доступ: <http://www.census.gov/genealogy>.
13. <http://www.enterstageright.com/archive/articles/0900iuma.htm>.
14. http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_unusual_personal_names.
15. <https://news.rambler.ru/starlife/18968959>.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА ДОБРО В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается семантическая составляющая концепта ДОБРО в англоязычном дискурсе. Описываются способы номинации концепта ДОБРО в английской лингвокультуре. Сравниваются характерные особенности духовного и морального сегментов структуры концепта ДОБРО.

Ключевые слова: концепт, оценка, добро, сегмент «духовное», сегмент «материальное».

Согласно Е. С. Кубряковой, концепты – это элементы когнитивных моделей [8, с. 99, 101-107; 11, с. 163-194]. В данном случае речь идет о когнитивных структурах, представляющих собой «пакеты информации, хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов, которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартной ситуации» [4, с. 8].

Как одно из предельных философских понятий, которое может быть описано через себя самого либо от противного, концепт ДОБРО уникален в том, что это протоконцепт: его толкование неотъемлемо от ситуации, в которой он формируется. Так, по наблюдению З. Вендлера, слово *good* соотносит предметное имя с определенной ситуацией, то есть входит в его толкование как предикат оценки, описывающий *типичный* способ использования предмета: *a good house* интерпретируется как *comfortable* по отношению к ситуации «жить в доме» [17, с. 543]. Применительно к оценке, лежащей в основе этого «универсального концепта» (термин А. Вежбицкой [3, с. 53]), предметно-образным содержанием ДОБРА является обобщенная ситуация оценивания, моделируемая нами на основе фрейма оценки, предложенного О. Л. Бессоновой. Он включает такие слоты, как имя фрейма, субъект и предмет оценки, характер и основания оценки, содержание оценочного действия, результат оценки [2, с. 46].

По мере развития нравственного сознания и оценочных категорий намечаются две линии в понимании ДОБРА. С одной стороны, оно идеализируется и приобретает специфически моральный смысл. В качестве «высших» ценностей вырабатываются и закрепляются признаки собственно морального добра. ДОБРО воспринимается как ценность, не зависящая от природных или стихийных явлений. Действия, которые можно определить как добрые, совершаются свободно, по доброй воле. С другой стороны, ДОБРО рассматривается с точки зрения утилитарных ценностей.

Нравственные добродетели иерархически организованы, цель, завершающая эту иерархию, является высшим благом. Оно всегда остается целью (эталоном) и никогда не может стать средством. ДОБРО осознается

как особого рода ценность, не касающаяся природных или стихийных событий и явлений. ДОБРО знаменует поступки, сознательно соотношенные с высшими ценностями, с высшим благом, и характеризует человека с точки зрения его духовного и нравственного совершенства.

Такое понимание областей опыта, закрепленное в словарных дефинициях, соответствует содержательному минимуму концепта ДОБРО. Акцент на моральном / духовном или материальном/утилитарном соответствует разным линиям понимания ДОБРА, которые можно объединить в идеализированной когнитивной модели. По определению Дж. Лакоффа, «идеализированные когнитивные модели (ИКМ) являются комплексным структурированным целым, гештальтом <...>, который структурирует ментальные пространства, описанные Фоконье» [8, с. 99]. Согласно Ж. Фоконье, ИКМ «служат заданными моделями» [10, с. 12], применимыми в условиях социально определенных объектов и качеств в различных ситуациях. Некое качество, которое проявляется в когнитивных конструкциях, является частью ИКМ, и такие ИКМ соответствуют реальному миру. При этом существует идеализированное допущение, что в заданной ситуации и для заданного соответствия между элементами ментальных пространств и объектами реального мира, пространство соответствует или не соответствует ситуации в том смысле, что объекты обладают или не обладают качествами, приписываемыми элементам ментального пространства, ассоциируемым с ними [11, с. 68].

Для концепта ДОБРО акцент на божественной природе и моральных качествах формирует и структурирует определенную когнитивную модель – ИКМ-I, которая соответствует ситуациям, соотносимым с духовным (божественным) и нравственным пониманием ДОБРА:

Good: what is considered to be desirable according to moral standards or religious beliefs [13].

Good: what is morally right or follows religious principles [14].

Good: something that is considered as belonging to the world's moral order [16].

Good: what is righteous or virtuous [15].

Концепт ДОБРО в рамках ИКМ-I вербализуется лексемами различной частеречной принадлежности: *good, goodness, virtue, kind, kindness, merit, worth, worthy, value, valuable, excellence, righteousness* и словосочетаниями типа: *righteous acts, moral qualities, moral acts etc.* например:

Emma could not think it too soon; for with all his good and agreeable qualities, there was a sort of parade in his speeches which was very apt to incline her to laugh [18].

If he would be so good as to read to them, it would be a kindness indeed! [18].

Области материального соответствует модель ИКМ-II, которая отражает вторую из двух линий в понимании ДОБРА, рассматриваемого

с точки зрения утилитарных ценностей. В словарных дефинициях обнаруживается:

Good: what is useful, advantageous, or profitable; appropriate or fitting for a particular purpose; wholesome; fertile or productive, as land [15].

Good: something of help, use, advantage, benefit, service; healthy, strong [13].

Good: something having high quality; satisfactory; desirable; in a good condition; beneficial; advantageous; useful [16].

Good: something of a high standard; of the right kind; strong; suitable; in a good condition; healthy [14].

Эта линия берет начало в учении Сократа, который признавал связь понятий блага и добродетели с понятиями пользы и счастья. Разрабатывая эту проблему, Платон разделяет блага на два класса: душевные и земные. Самое широкое значение добро (благо) принимает у Аристотеля. Для Аристотеля благо – это счастье, потому что, желая его, мы избираем многое. Благо – это также справедливость, мужество, умеренность, великодушие, щедрость и т.п., потому что это добродетели души. Красота и здоровье – тоже блага, потому что это добродетели тела, которые, в свою очередь, создают много благ: здоровье, например, служит причиной удовольствия и жизни, которые представляют для многих наибольшую ценность. Богатство есть благо, потому что служит причиной многих благ, справедливость – потому что она полезна всем. И, наконец, жизнь – это высшее благо, потому что, если бы она не была источником других благ, она желательна сама по себе [5, с. 115].

Стоит отметить, что утилитарное понимание ДОБРА, присущее философии нового времени, сводит его к полезности, естественным потребностям людей, законам природы.

По данным «Философского Словаря» [12], концепт ДОБРО связан с:

1) объективной характеристикой предмета, фиксирующей его совершенство в сочетании с эмоциональным одобрением (когда нечто называют добрым, при этом имеется в виду, что оно соответствует своему назначению);

2) ценностью, полезностью предметов для человека, а также самими ценными, полезными для человека предметами;

3) нравственным качеством человека и его поступками, деланием добра. Тем самым, в современной английской ККМ обе линии понимания концепта ДОБРО успешно сосуществуют и соответствуют выделенным нами областям опыта, которые структурируются идеализированными когнитивными моделями ИКМ-I и ИКМ-II. Концепт ДОБРО в ИКМ-II (Материальное) именуется как словом *good*, так и лексемами *benefit, advantage, gain, profit, prosperity, success, welfare, interest, well-being, improvement, service, favour, boon, enjoyment, happiness, wealth, blessing, godsend, prize, windfall* и др.

Характер оценки зависит также от социокультурного контекста. Его важность трудно переоценить, так как он задает и параметр нормы, который исторически и культурно изменчив, и параметр ситуативной роли субъекта оценки, в зависимости от которой объект оценивается как стоящий выше или ниже на шкале ценностей. Концепт есть некая идея, фрагмент общей человеческой культуры, «живущей» в сознании как целых народов, отдельных этносов, так и отдельных социальных групп и, более того, конкретных индивидуумов» [6, с. 56], например:

- благом для рабочего выступает отдых с семьей:

The harshness of those living-conditions, with the special emphasis on working-class housewives having to feed, clothe and generally look after a large family, was reflected by the lower standards of living, the deprivations all around, widespread poverty, with few families ever having experienced the beneficial effects of a holiday in the country or at the sea-side [19].

- благом для политика является женская занятость:

Only two of the current prison service staff are female, a fact much regretted by the Governor, who believes that up to 20 per cent of female staff would be beneficial in terms of elusive quality of life [19].

- благом для студента – снижение цены за обучение:

From every standpoint, the initiatives taken by the Cambridge Board had been entirely beneficial: to students, LEAs and to the District which had been relieved of significant administrative and financial burdens [19].

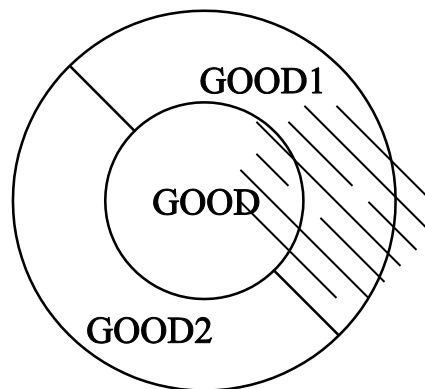
В приведенных примерах параметры концепта ДОБРО изменяются относительно шкал высоты и силы, оставаясь при этом в пределах понятийного пространства ДОБРО. Это свидетельствует о том, что наши представления об окружающем мире не являются точным отражением объективной действительности, а некими образцами, эталонами, идеалами, к которым мы стремимся, иногда осознано, иногда бессознательно. «Существует асимметрия между идеальными и неидеальными случаями: мы делаем оценки и ставим цели на будущее в терминах идеальных, а не отклоняющихся от идеала» [8, с. 123].

С точки зрения уровневой организации, выделяют одноуровневые, многоуровневые и сегментные концепты. Одноуровневые концепты включают только один базовый слой – чувственное ядро. Многоуровневые концепты включают несколько когнитивных слоев, различающихся по степени абстракции и наслаивающихся на базовый слой. И, наконец, сегментные концепты представляют собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции [9, с. 62].

Стереотипное представление о ДОБРЕ приложимо к сферам духовного и материального, что демонстрируют семы-признаки концепта. Как отмечает И. М. Кобозева, «для обозначения минимальной единицы значения используется целый ряд терминов: сема, семантический дифференциальный признак, семантический множитель, семантический

примитив» [5, с. 111]. В данном исследовании вслед за И. М. Кобозевой, М. В. Никитиным, М. А. Кронгаузом и др. используем термины 'сема' и 'семантический признак' для определения далее «не разложимых элементов смысла» [7, с. 133].

Лексикографические источники свидетельствуют, что концепт ДОБРО обладает значениями: *имеющий высокий стандарт; обладающий необходимыми качествами; обладающий умением, способностями; приятный; морально правильный; ведущий к успеху, прибыли; подходящий; полезный; воспитанный; здоровый; в хорошей форме; добрый; праведный; большой; уважаемый; полноценный; достаточный по количеству, степени; действительный; одобряемый*, позволяющими структурировать понятийное пространство ДОБРА в виде двух равноправных абстрактных областей «Духовное» и «Материальное». Сегментная структура концепта ДОБРО представлена на рис. 1.:

GOOD – Базовый чувственный слой
GOOD 1 – Сегмент «Духовное»
GOOD 2 – Сегмент «Материальное»

Рис. 1. Сегментная структура концепта ДОБРО

На рис. 1. чувственно-образное ядро – это образ некоего объекта (человека или предмета), оцениваемого субъектом как хороший. Заштрихованная зона (базовый чувственный слой) указывает на наличие таких общих значений для сегментов «Духовное» и «Материальное»: соответствующий высоким стандартам, качеству. Они наслаиваются на базовый образ и составляют вместе с ним базовый слой концепта.

Сегмент «Духовное» включает концептуальные признаки – **праведный, добрый, воспитанный** – которые дают представление об объекте с точки зрения его личностных характеристик.

Сегменту «Материальное» соответствуют концептуальные признаки – **высокий стандарт / качество, выгодный, полезный, здоровый**, дающие представление об объекте с точки зрения его значимости (выгодности, полезности, прибыльности и т.д.) для субъекта оценивания.

В целом, выделенные значения позволяют определить структуру концепта ДОБРО как организованную общим базовым слоем и двумя сегментами, равнозначными по степени абстракции, образующимися

иерархически организованными признаками и относящимися к материальному и духовному миру человека. По данным нашего корпуса, для концепта ДОБРО основным является сегмент «Материальное».

Таким образом, функционируя в ситуации оценивания, концепт ДОБРО формируется двумя ИКМ, которые соотносятся с областями опыта «Духовное» и «Материальное». Соответственно, структура концепта ДОБРО включает базовый слой (ядро концепта) – чувственный образ некоторого объекта, оцениваемого субъектом как хороший, и два сегмента – «Духовное» и «Материальное», где последний превалирует по количеству семантических признаков.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000. 350 с.
 2. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти. Донецьк: ДонНУ, 2002. 362 с.
 3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
 4. Герасимов В. И., Петров, В. В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 5-11.
 5. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебник. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.
 6. Красавский Н. А. Эмотивные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
 7. Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 399 с.
 8. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
 9. Полюжин М. М. Концепт як базова когнітивна сутність // Мовні і концептуальні картини світу. 2001. № 5. С. 182-184.
 10. Bolinger D. Language: the loaded weapon: The use and abuse of language. London: Longman, 1980. 214 p.
 11. Carston R. Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication. London: Blackwell, 2002. 418 p.
 12. Dijk T. A., van. Cognitive context models and discourse // Language structure, discourse and the access to consciousness / Ed. by M. Stamenow. Amsterdam: Benjamins, 1997. P. 189-226.
 13. Fauconnier J. Mappings in Thought and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 206 p.
 14. Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge (Mass): MIT Press, 1993. 322 p.
 15. Karasik V. Concepts and Linguistic Conceptology // Коммуникативные исследования. Современная антология. Волгоград: Перемена, 2003. С. 126-139.
 16. Katz J. Semantic Theory and the Meaning of “Good” // Journal of Philosophy. 1964. Vol. 61. No 23. P. 108-115.
 17. Lyons J. Linguistic Semantics: an Introduction. Cambridge: CUP, 1995. 386 p.
- Список иллюстративного материала**
18. Austen J. Emma. Доступ: <https://www.gutenberg.org/files/158/158-h/158-h.htm>.
 19. British National Corpus. Доступ: <https://corpus.byu.edu/bnc/>.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ТОЖДЕСТВО НОМИНАТИВНОЙ ЕДИНИЦЫ

Статья посвящена определению основы семантического тождества номинативной единицы. Автор приходит к выводу, что стержень номинативной единицы – это языковое, инвариантное, концептуальное, сигнификативное значение, реализующееся в речевых, вариантных, конкретных денотативно-коннотативных значениях её глосс.

Ключевые слова: денотация, коннотация, концепт, номинатема, слово, тождество

Понимание семантического тождества как ономазиологической сущности предполагает, что у слова (номинатемы) может быть только одно инвариантное языковое значение, изменение которого автоматически ведёт к распаду его тождества. Сущность понимания соотношения значения и лексико-семантического варьирования в этом случае состоит в том, что понятие «значение» переносится в сферу языка и определяется как некий семантический языковой (я акцентирую внимание именно на этом слове) инвариант, реализуемый в речи в своих лексико-семантических вариантах. Именно так интерпретирует процесс номинации В. А. Звегинцев, обозначавший языковой инвариант термином «общее значение». По мнению учёного, «слово не может иметь нескольких “значений”, напоминая некоторую совокупность синонимов, связанных известными смысловыми отношениями. Поскольку в лексическом значении слова закреплён результат определённого обобщения, и этот процесс обобщения не прерывается до тех пор, пока живёт и развивается язык, в одном слове не может происходить одновременно нескольких разных обобщений, проходящих по разным направлениям, что только и могло бы привести к образованию в слове нескольких лексических значений. Лексическое значение в слове одно, но оно может складываться из нескольких потенциальных типовых сочетаний, которые с разных сторон характеризуют единое смысловое целое. <...> Эти типовые потенциальные сочетания в описанном смысле правильнее назвать лексико-семантическими вариантами (термин А. И. Смирницкого) единого значения слова. В соответствии с этим собственно лингвистическое определение лексического значения слова должно принять следующий вид: значение слова – это совокупность его лексико-семантических вариантов» [11, с. 125-126].

Именно в работе В. А. Звегинцева явно семасиологическая сущность – лексико-семантическая вариативность – определяется через процесс номинации (от общего значения к типовым семантическим сочетаниям), то есть ономазиологически. Правда, учёный не рассматривает общее инвариантное значение в проекции противопоставления языковой и речевой номинаций, не определяет его как языковой обобщённый феномен в отличие от речевого актуализированного феномена – лексико-семантического варианта. Именно это, вероятно, и послужило для некоторых лингвистов, чьи убеждения строились на основе абсолютизации анализа речевых модификаций значения (теория

семантической деривации), основанием для отождествления такого инварианта с его речевой реализацией, что, в свою очередь, стало поводом для того, чтобы считать его «отвлечённой теоретической фикцией», «абстракцией, **с трудом поддающейся формулировке** (выделено мной. – В. Т.)» [18, с. 237-250]. Убеждённость противников теории общего значения в её неприемлемости основывается на сложности трактовки в ней «так называемых метафорических значений, когда последние связаны с “первичными”, “основными” значениями не какими-либо существенными “элементами смысла”, а так сказать, ассоциативно, на основе тех признаков, которые не являются семантически значимыми при определении первичных значений» [31, с. 83], например: *В брате кипело возмущение* (в противоположность – *В чайнике кипела вода*), *Спор разгорелся* (в противоположность – *Костер разгорелся*) и т.д. Отметим, что для утверждения того, что данные единицы действительно находятся в пределах тождества номинатемы, сторонниками теории семантической деривации, в сущности, был выдвинут только тезис, имеющий формальные основания, – данные значения образованы от других, прямых значений, соотносимых с идентичной звуковой оболочкой. Другими словами, они связаны с базовым значением через форму, поэтому-то, по мнению учёных, и могут быть признаны лексико-семантическими вариантами одной номинативной единицы. Данная трактовка, объясняющая лексическое через нелексическое, методологически неверна. Мотивировка убеждённости здесь базируется не на осознании глубинных механизмов номинации, а только на сложившейся традиции. Я же убеждён, что такие употребления номинатемы ни в коем случае не противоречат пониманию её языкового значения как инварианта.

Я исхожу из того, что основой тождества слова является тождество его лексического значения, реализованное по следующей схеме: «инвариантное общее значение» – «актуализированное общее значение» («частное значение»). Для понимания того, каким образом осуществляется актуализация общего (инвариантного, языкового) значения необходимо определение, что же оно собой представляет. Сейчас уже трудно согласиться с логической концепцией, согласно которой «в основе значения каждого знаменательного слова лежит <...> **понятие** (выделено мной. – В. Т.), содержащее общие существенные признаки какого-то отрезка действительности, то есть такие признаки, которые дают возможность объединить единичные предметы и явления в определённые классы» [31, с. 60]. Такое понимание значения, имеющее в своей основе логическое объяснение процесса означивания, очень удобно для сторонников теории семантической деривации, потому что позволяет перевести интерпретацию семантических процессов в область логических формул. Однако как раз именно такая трактовка делает невозможным определение приведённых выше коннотативных значений номинатом *кипеть*, *разгореться* как лексико-семантических вариантов их прямых значений. У слов *кипеть* и *разгореться* в этом случае другие «общие существенные признаки»: у *кипеть* вместо «бурлить при нагревании жидкости» – «нарастать, развиваться с силой», у *разгореться* вместо «загореться, начать гореть» – «развиваясь, усиливаясь, дойти до высокой степени развития». Логическое определение значения

вынуждает трактовать такие единицы именно как омонимы, с чем, повторяю, трудно согласиться.

Решением проблемы в этом случае будет использование представления о языковом, инвариантном значении номинатемы как о концепте. Моё понимание статуса концептов в языке во многом совпадает с пониманием, предложенным В. В. Колесовым, который определял концепты как «содержательные формы слова» [13]. То же находим, например, у М. В. Никитина, по мнению которого лексическое значение – это «концепт, связанный знаком» [22, с. 70].

В отличие от концепции, предполагающей несвязанность концепта и значения, теория концептуальной природы последнего стоит на позиции признания концепта «организатором» тождества знака, тем языковым элементом, который определяет возможности речевого означивания. Отметим, что Н. Н. Болдырев, не соглашающийся с тем, что можно отождествлять концепт и значение, все же констатировал, что «концептуальная информация, которую кодирует язык, является наиболее существенной, и **именно концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для его выражения** (выделено мною – В. Т.)» [5, с. 26]. Чем является это утверждение, если не указанием на то, что концепт – это единица уровня определения границ номинации, в нашей терминологии – уровня языковой номинации, содержания виртуального знака, языкового номинативного инварианта? Как пишет Т. И. Сайтаева, «акты семиозиса и номинативные акты предполагают предсуществование им определённой когнитивной инфраструктуры сознания с языковой способностью как ее главной составляющей» [25, с. 65]. Именно концепт является этой когнитивной инфраструктурой, хотя бы потому, что в его основе «лежит исходная, прототипическая модель <...> значения слова (т.е. **инвариант всех значений слова**)» [29, с. 2] (последнее выделено мной. – В. Т.). Иначе говоря, **соотношение концепта и значения следует определить так: концепт является не столько значением, которое обычно относят к уровню речи, сколько элементом организации системы значений, то есть – виртуальным инвариантным значением, обнаруживаемым на уровне языка.** Можно согласиться с утверждением Г. Н. Манаенко о том, что, определяя соотношение концепт – значение, «все же более уместно говорить лишь о части (фрагменте) концепта (концептуальной структуры), которую “схватывает знак”, поскольку концепты, по мнению большинства исследователей, существуют в ментальном пространстве индивидуума не в виде чётких понятий, а как “пучки” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают каждое слово и другое языковое выражение» [20, с. 38]. Необходимо только одно уточнение – в приведённой цитате речь идёт о речевом значении номинативной единицы. На уровне же языка значение и концепт совпадают, поскольку только это может быть причиной того, что через речевые значения мы познаем концепт – он осознаваем лишь потому, что существует **как возможность своей реализации в конкретных условиях коммуникации.** Следовательно, концепт как лингвальная сущность выступает только в качестве инварианта для всех возможных речевых значений номинатемы. Иначе говоря, абсолютно

справедливо мнение о том, что речевые лексические значения «возбуждают в памяти человека связанные с ними концепты» [16, с. 159]. Однако это «возбуждение» возможно только в том случае, если концепт находится на вершине системы этих речевых ситуативных значений одной номинативной единицы, если от него к речи направлен закон реализаций этой единицы в глоссах, а от этих единиц к номинатеме стремится знание о концепте. Поэтому фраза Н. Н. Болдырева о том, что «языковые значения передают лишь некоторую часть знаний о мире» [5, с. 27], должна быть несколько видоизменена – не языковые, а речевые значения передают лишь некоторую часть знаний о мире. Иначе эта фраза будет противоречить устоявшемуся в когнитивистике утверждению о том, что «мы можем добраться до мысли только через слова (никто еще пока не изобрёл другого способа)» [8, с. 293]. Если именно языковые значения передают только часть знаний о мире, то концепт абсолютно непознаваем. Ведь мы же не сможем к нему пробиться иначе, чем через номинативные языковые единицы. А вот если мы предположим, что:

а) в речи объективируется только часть концептуальных знаний, связанных со знаком;

б) вся совокупность концептуальных знаний может быть выведена путём протоколирования объективированных знаком в речи концептуальных знаний;

в) это возможно только потому, что лингвоконцепт является инвариантным, виртуальным значением знака, прототипическим знанием, связанным с моделью номинации, все сразу же станет на свои места. Кстати, косвенно тождество инвариантного значения номинативной единицы и концепта подтверждает и Н. Н. Болдырев, говорящий о том, что, во-первых, «системное значение слова описывает стоящий за ним концепт, и в речи на основе этого значения формируется соответствующий смысл» [4, с. 64] (экстенциональный аспект инварианта), а во-вторых, «значение слова энциклопедично по своей сути» [5, с. 28] (интенциональный аспект инварианта). Я сделаю только два уточнения. Во-первых, системное, читай, инвариантное, значение ничего не описывает. Оно существует как модель номинации. Если же мы признаем его энциклопедичность, мы одновременно признаем его тождественность концепту. Следовательно, системное, инвариантное значение не описывает, а является лингвоконцептом. Во-вторых, я сомневаюсь в том, что инвариантное концептуальное значение может быть приписано на уровне языка слову. Как показало моё исследование, слово – только один из формальных реализаторов концепта. На уровне языка существует не слово, а номинатема – модель номинации, объединяющие концептуально тождественные и формально взаимосвязанные номинативные единицы (слова и словосочетания, связанные модификационными, транспозиционными и эквивалентностными отношениями).

В. В. Колесов отмечает: «Соотнесённость знака с реальностью символична, и таково первое следствие наших уточнений: слово – это знак знака, т.е. **символ**, поскольку словесный знак указывает на что-то, одновременно передавая значение чего-то другого» [13, с. 37]. И далее: «В целом можно сказать, что знак указывает на вещь и тем самым фиксирует

уже известное знание о вещах; идея отражает общие свойства вещи и тем самым воплощает сознание данного социума» [13, с. 40]. Иначе говоря, процесс речевой номинации, границы которой определяет языковой инвариант-концепт, осуществляется одновременно как **референция**, то есть обозначение внеязыкового факта, что реализует номинативное направление «реальность → язык», и **коагуляция**, то есть актуализация коммуникативно значимых, а следовательно – формирующих языковое представление, компонентов концепта. Последние реализуются в инвариантном значении-концепте в виде сем. На это в своё время обратил внимание В. В. Левицкий, отметивший, что слоты (компоненты концепта) «во многом напоминают те элементы в сигнификативной или денотативной структуре слова, которые в традиционной лингвистике называются компонентами (семами. – В. Т.)» [19, с. 156]. Я же считаю, что не «напоминают», а являются ими. Структура концепта – инвариантного значения, следовательно, представляет собой семный (слотовый) комплекс. Этому семному (слотовому) комплексу, «с одной стороны, принадлежит все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» [27, с. 41].

Под семой-слотом понимается предельно минимальная часть элементарного языкового, концептуального значения, в составе которой выделяется **семантический множитель**, то есть параметр существования того или иного аспекта значения, и **семный конкретизатор**, то есть реальное наполнение этого параметра. Например, в значении слова *стул* «предмет мебели для сидения» реализуется сема «для сидения», в которой репрезентирован семантический множитель «назначение» и семный конкретизатор «для сидения». По отношению к языковой личности семы подразделяются на **референтные**, то есть указывающие на тот или иной аспект существования референта вне связи с языковой личностью, например, сема «конечность» у значения «верхняя конечность человека» слова *рука*, и **оценочные**, то есть указывающие на отношение говорящего, оценку им референта, например, пейоративная сема «очень глупый» у значения «очень глупый человек» слова *дурак*.

По месту в структуре семемы семы подразделяются на:

а) **архисемы**, которые «отражают признаки, свойственные целым классам объектов» [9, с. 14], например, сема «предмет мебели» в значении слова *шкаф*;

б) **дифференциальные семы**, которые «отражают непосредственные различия объектов» [9, с. 14] и «конкретизируют архисему в составе семемы» [28, с. 59]; например, в значении слова *шкаф* при архисеме «предмет мебели» реализуются семы: «для хранения одежды, посуды, книг», отличающая данную номинатему от номинатемы *сервант*; «в виде большого ящика с дверцами», отличающая её от номинатемы *этажерка* и т.д.

в) **периферийные семы**, которые обозначают либо переменные, либо устранимые признаки предметов [22, с. 46], например, сема «форма крышки» у существительного *стол*, которая может наполняться в зависимости от

ситуации конкретизаторами «круглый», «овальный», «квадратный» и т.п.

В архисеме и дифференциальных семах обычно реализуются референтные, онтологические признаки концепта, а в потенциальных семах, которые Ю. Д. Апресян тоже квалифицирует как «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого, которые выражают принятую в данном коллективе (а также в индивидуальном сознании и опыте носителей языка. – В. Т.) оценку соответствующего предмета или факта действительности» [2, с. 67] – несущественные референтные и оценочные. Я не случайно выше обратил внимание на роль индивидуального сознания и опыта носителя языка при означивании референтов, так как нередко в процессе актуализации значения в речи именно они становятся причиной для неожиданных окказиональных номинаций, обусловленных личностными коннотативными ассоциациями, например, для обозначения качественного продукта словом *монтана*, названием марки джинсов, чье качество для индивидуального носителя языка является эталонным; обозначения неприятной, но обязательной работы словосочетанием *манная каша*, которая у номинанта ассоциируется с неприятными ощущениями детства, и т.д.

Процесс речевого означивания на базе языкового инвариантного концептуального значения имеет вид актуализации сем последнего в связи с целями номинации. Именно различие целей и формирует лексико-семантическую вариативность. Существует два типа актуализации инвариантного концептуального значения номинатемы в ее лексико-семантических вариантах: **семная актуализация** при сохранении тождества денотата / референта и **абсолютизированная семная актуализация**, приводящая к **замещению денотата / референта**.

Сущность семной актуализации состоит в том, что «поскольку проявления могут быть у объекта обозначения самыми разнообразными, так как он «поворачивается» к воспринимающему лицу своими разными сторонами, то за одним и тем же обозначением могут скрываться различные аспекты поведения данного объекта» [3, с. 87]. Эти «аспекты поведения объекта» реализуются в процессе номинации в виде так называемого «актуального смысла номинатемы», под которым понимается «актуально значимая часть системного значения языкового знака, актуализировавшаяся (через актуализацию коммуникативно значимых сем инварианта. – В. Т.) в данных коммуникативных условиях» [7, с. 14]. Например, концепт, обозначенный номинатемой *иголка* «заостренный металлический стержень с ушком для вдевания нити, употребляемый для шитья», может быть реализован при тождестве референции в конкретных контекстах и с актуализацией семы «употребляемый для шитья» («дай мне *иголку*, мне надо пришить пуговицу») и с актуализацией семы «заостренный металлический стержень (представляющий опасность)» («смотрите, ваш ребенок взял *иголку*») и т.д. Такие варианты И. А. Стернин называет **семными вариантами слова** [28, с. 106].

Правильная трактовка ситуаций, когда номинатемой обозначаются реалии онтологически иного типа, когда она реализует так называемую когнитивную метафору, требует напоминания сущности процесса языкового означивания.

Возможность отождествления в метафоре двух несовместимых сущностей определяется возможностью актуализации в языке двух миров – онтологического, существующего как объект номинации, и лингвального, являющегося созданным человеком при помощи языка в процессе номинации артефактом, сферой языкового бытия субъекта-номинанта. В связи с этим мной предполагается реализация в акте номинации не одной, а двух номинативных функций – собственно номинативной, при помощи которой субъект пытается описать внеязыковой мир (референция мира), и перформативной, при помощи которой данный внеязыковой мир становится объективной реальностью языка (категоризация и концептуализация). При этом номинативная и перформативная функции существуют в тесном сплочении. Указанное различие между онтологическим и лингвальным мирами позволяет по-новому трактовать многие явления языковой структуры, чисто онтологическая интерпретация которых приводила к некоторым неточным, на мой взгляд, выводам.

Все ситуации изменения референтной роли номинатемы следует, в этой связи, определить как реализацию её перформативной коннотативной интенции. Данные изменения происходят в тех ситуациях, «когда слово, не теряя прежней связи с денотатом, получает и новую связь, с новым денотатом» [6, с. 19], что отмечается, например, в случае сосуществования значений «животное семейства ластоногих» и «человек, занимающийся купанием в холодной воде» у слова *морж*. Есть соблазн определить возникновение нового значения в последнем случае как деривационный перенос по семе «купание в холодной воде». Однако сущность процесса означивания здесь значительно глубже. Оно имеет в своей основе то, что «мышление есть оперирование концептами как глобальными единицами структурированного знания» [24, с. 6], и любое из его воплощений, образное в том числе, соотносимо с концептом, поскольку последний – «это многомерное смысловое образование, имеющее **образное** (фреймовое), описательное (понятийно-дефиниционное) и ценностное измерение» [10, с. 148] (выделено мной. – В. Т.).

Однако образ, как известно, «даёт знание не об отдельных изолированных сторонах (свойствах) действительности, а представляет собой целостную мысленную картину отдельного участка действительности» [23]. Иначе говоря, образ возникает как представление, созданное путем замещения, при котором один из отрезков действительности (в данном случае – «человек, занимающийся зимним купанием») воспринимается как другой отрезок действительности (в данном случае – как «северное животное») **целостно** – он не в реальности, но в языке, в лингвальном мире, детерминированном нашим образным мышлением, *становится моржом*.

Конечно же, такое образное отождествление осуществляется в результате актуализации семы «купающийся в холодной воде», однако это не перенос по сходству функций, декларируемый семантическим словообразованием, а образное осознание одного через другого, представление одного другим, мотивированное семной актуализацией с замещением денотата (референта). Вот как описывает этот процесс Н. А. Красавский: «В основе метафоры лежит какое-либо сравнение, определённое формальное или функциональное сходство

между различными фрагментами действительности. Человеческое сознание, фиксируя подобного рода сходства, **как бы уподобляет один предмет, его признаки, в целом одно явление другому предмету, явлению**. На основании такой предметно-ментальной операции, как сопоставление по аналогии, человек **переносит наименование одного предмета на другой**» [15, с. 23] (все выделено мной. – В. Т.). Точно так же определяется природа коннотативной / когнитивной метафоры в логико-философском аспекте, где, как указывает Е. А. Селиванова, «она трактуется как мыслительная операция неистинного фиктивного обозначения путем объединения двух мыслей о разных предметах, признаках, ситуациях преимущественно путем выделения определенного смежного понятия» [26, с. 97]. Перед нами «способ реализовывать одно из явлений реальности как другое, отождествленное с ним в лингвальном мире. Человек становится моржом именно в нем.

Доминанту образного отождествления различающихся референтов в номинациях данного типа не отрицают и сторонники семасиологического подхода, утверждая, что «наблюдения над семантическими дериватами – производными лексико-семантическими вариантами в русском языке – убеждают в том, что в структуре любого такого лексико-семантического варианта присутствуют образный и эмоционально-экспрессивный компоненты» [17, с. 77]. Я, однако, ограничиваю участие образного элемента только фактами замещения денотата, в то время, как семная актуализация инвариантного значения связана, скорее, не с образностью, а с осознанием ситуативно и коммуникативно значимых сторон одного и того же референта. Можно только отметить, что образное отождествление референтов через замещение денотата имеет в своей основе аналогизацию референтов. Как пишет Г. Кочерга, «выбор фрагмента ассоциативно-терминального компонента, его реляций с другими компонентами ментально-психонетического комплекса в целом предопределяет ассоциативно-терминальный тип мотивации, которая в свою очередь может иметь разную природу аналогизации донорской и реципиентной зон» [14, с. 91].

Ситуации актуализации сем без замещения референта я буду называть **денотацией**, имеющей своей целью определить коммуникативно значимые аспекты существования и функционирования обозначенного номинатомой через глоссу референта, а с замещением – **коннотацией**, представляющей собой коммуникативно значимое образное отождествление референтов. Инвариантное значение номинатомы реально настроено на денотацию. Коннотация же заложена в нем потенциально и проявляется в глоссах только в определенных речевых ситуациях.

Следует отметить, что я ни в коем случае не отрицаю возможности семасиологического описания лексико-семантического варьирования. Оно должно быть, и, более того, оно и составляет сущность собственно языкового подхода к этому явлению. Однако оно должно опираться на несколько иные методологические основания. Например, мнение А. А. Тараненко, определявшего метафору как «семантический процесс, при котором форма языковой единицы или оформление языковой единицы переносится с одного референта на другой на основе того или иного сходства последних при

отражении в сознании говорящего» [30, с. 108], требует корректировки в том смысле, что данный семантический процесс имеет не доминанту **переноса по сходству**, а доминанту **коннотативного лингвального отождествления в концептуальном «образе» двух референтов**, основанного на их сходстве в тех или иных референтных признаках. И поэтому семасиологическая трактовка моделей «лексико-семантической деривации», отмечаемая, например, в работе Л. А. Кудрявцевой [17, с. 49-105], должна быть несколько откорректирована не в фактурном плане, к которому никаких претензий нет, а в методологическом.

Во-первых, она должна быть определена не как система моделей «лексико-семантической деривации», а как система моделей лексико-семантического варьирования в пределах тождества номинатемы.

Во-вторых, в ее основе должен лежать не фактор «переноса», а факторы актуализации и отождествления, и поэтому модели лексико-семантического варьирования, как в их метафорических, так и метонимических разновидностях, должны быть распределены между процессами денотации и коннотации. Например, «расширение значения с сохранением архисемы» может быть трактовано как денотация, которая, кстати, иногда ошибочно воспринимается как коннотация. Это происходит тогда, когда инвариантное концептуальное значение обладает высокой степенью обобщенности и используется для обозначения разнородных референтов. Например, инвариантное значение номинатемы **двор** реализуется и в лексико-семантическом варианте «участок земли между домовыми постройками одного владения, одного городского участка», например: *Детская площадка во дворе*, и в лексико-семантическом варианте «крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками, отдельное крестьянское хозяйство», например: *Деревня в сто дворов*, и в лексико-семантическом варианте «отгороженный от улицы участок земли с надворными постройками при отдельном доме, усадьбе», например: *Сарай во дворе*» и т.д. Однако во всех этих случаях оно реализует одно и то же значение – «отграниченное от улицы пространство, включающее дом», что и позволяет предположить, что в указанных вариантах происходит только актуализация периферийной семы «статус» единого инвариантного значения номинатемы (*городской двор, крестьянский двор, сельский двор*), то есть акт денотации. В некоторых ситуациях такое варьирование может иметь на первом этапе своей реализации статус коннотации, например, в приведенных Л. А. Кудрявцевой случаях употребления номинатемы **всеобуч** в значении «широкое, повсеместно проводимое обучение чему-либо». Первоначально употребление глосс данной номинатемы в значениях «родительский всеобуч», «экономический всеобуч», «строительный всеобуч» имело своей целью образное отождествление указанных конкретных типов всеобщего обучения с «всеобщим обучением грамоте». Однако устойчивость и регулярность таких употреблений привела к коррекции инвариантного значения – вместо «всеобщее обучение грамоте» оно приобрело вид «широкого, повсеместно проводимого обучения чему-либо», и поэтому его реализации «обучение грамоте», «обучение строительному делу», «обучение родительским обязанностям» и т.п. стали фактами денотации с актуализацией семы «предмет обучения».

Итак, как пишет Н. Ф. Алефиренко, считающий термин *концепт*, вслед за Л. Витгенштейном и А. Вежбицкой, «размытым понятием с инвариантными признаками», «наборы таких инвариантных признаков, включаемых в описание концепта, репрезентируемых одним и тем же языковым знаком, могут не совпадать (в речи. – В. Т.). В таком случае каждый из таких комплектов признаков (в моем понимании – «актуализированных сем». – В. Т.) формирует свою семантическую структуру лексико-семантического варианта многозначной лексемы, а так называемое «размытое» понятие выполняет роль объединяющего фактора, в результате действия которого все ЛСВ не выходят за рамки единого полисеманта. Концепт, следовательно, представляет собой генетический корень или смысловой эмбрион, экспликация которого осуществляется только путем осмысления формирования семантической структуры слова» [1, с. 18].

С разных точек зрения значение номинатемы может быть определено по-разному: 1) с точки зрения его места в дихотомии «язык – речь» оно определяется мною как языковое и противопоставляется речевым значениям глосс; 2) с точки зрения структуры номинатемы оно определяется мною как инвариантное и противопоставляется реализованным в речи вариантным значениям глосс; 3) с точки зрения его вхождения в языковую картину миру – как общеконцептуальное и противопоставляется конкретным, коагулированным, актуализированным речевым значениям; 4) с точки зрения процесса референции – как сигнификативное и противопоставляется денотативно-коннотативным.

Иными словами, стержень номинатемы – это языковое, инвариантное, концептуальное, сигнификативное значение, реализующееся в речевых, вариантных, конкретных денотативно-коннотативных значениях её глосс.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурологический аспект когнитивной семантики // Русистика: сб. научн. тр. М.-К., 2002. № 2. С. 16-22.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
3. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957. 296 с.
4. Болдырев Н. Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура: материалы международной конференции 12-14 мая 1999 г. Тамбов, 1999. С. 62-69.
5. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 25-36.
6. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М.: УРСС, 2004. 408 с.
7. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика: учебн. пособие. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
8. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. I-XII, 780 с.
9. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков. М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
10. Дмитриева О. А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков): дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 202 с.
11. Звегинцев В. А. Семасиология. М.: Изд-во МГУ, 1957. 322 с.

12. Колесов В. В. Реализм и номинализм: определения и классификации // Русские философы о языке и познании. Красноярск: КГУ, 1999. Вып. 1. 64 с. Доступ: <http://katrina-z.fromru.com/lib/kolesovrealizm.htm/>.
13. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 446 с.
14. Кочерга Г. Асоціативно-термінальна мотивація відіменникових дієслів у сучасній українській мові // Вісник Львівського університету. Серія філологія. 2004. Вип. 34, Ч. I. С. 88-94.
15. Красавский Н. А. Немецкие инвективы: опыт лингвогендерологического описания // Концептосфера и языковая картина мира. Кемерово: Кемеровский полиграфический комбинат, 2006. С. 21-26.
16. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
17. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка. К.: ИПЦ «Киевский университет», 2004. 208 с.
18. Курилович Е. Р. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике: статьи. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 237-250.
19. Левицкий В. В. Семасиология. Вінниця: Нова книга, 2006. 512 с.
20. Манаенко Г. Н. Соотношение «Концепт – понятие – значение»: коммуникативный аспект // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сборник статей. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 37-44.
21. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир: Изд-во ВГУ, 1974. 160 с.
22. Никитин М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика): учебн. пособие. М.: Высшая школа, 1983. 127 с.
23. Образное мышление // Социально-гуманитарное и политологическое образование. М., 2004. Доступ: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/70066>.
24. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. 186 с.
25. Сайтаева Т. И. Языковая природа социальных стереотипов: дисс. ... канд. филос. наук. Ижевск, 2006. 147 с.
26. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология. К.: Фитосоциоцентр, 2000. 248 с.
27. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40-76.
28. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. 171 с.
29. Тазетдинова Р. Р. Языковой концепт как базовый термин лингвокультурологии // Межкультурный диалог на евразийском пространстве: международная научная конференция, Уфа, Башкирский государственный университет, 30 сентября – 2 октября 2002 г.: материалы. С. 1-3. Доступ: http://www.bashedu.ru/evrazia/f_s/f_tazetdinova.rtf.
30. Тараненко А. А. Языковая семантика в ее динамических аспектах. К.: Наукова думка, 1989. 254 с.
31. Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексикология: учебн. пособие. М.: Просвещение, 1977. 253 с.

УДК 811.111'373.7

С. Г. Ткаченко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

**РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
В РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ КОННОТАЦИИ АНГЛИЙСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ГРАДУАЛЬНОЙ
СЕМАНТИКОЙ**

Целью статьи является выявление и изучение особенностей экстралингвистических факторов, мотивировавших внутреннюю форму английских фразеологических единиц с градуальной семантикой. В ходе исследования были выявлены и проанализированы социальные, религиозные, политические и экономические реалии, нашедшие свое отражение в английских фразеологических единицах с градуальной семантикой.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, градуальная семантика, культурная коннотация, экстралингвистический фактор*

1. Вводные замечания. Фразеологический состав каждого языка является тем фрагментом языковой картины мира, в котором особенно ярко отображаются этно-специфические характеристики носителей определенного менталитета, то есть особенности социального, политического, исторического развития народа (Н. А. Баранник, О. Л. Бессонова, В. А. Маслова, С. В. Олейник, В. Н. Телия, Е. В. Трофимова, Т. З. Черданцева, С. Фолдес и др.). Значительное количество современных работ затрагивают лингвокультурологический аспект изучения фразеологической семантики (Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых, В. В. Красных, Г. В. Токарев), что обусловлено, с одной стороны, интересом исследователей к изучению связи между языком, мышлением и культурой, а с другой – самой природой фразеологической единицы (далее – ФЕ).

В. А. Маслова рассматривает фразеологизм как текст, своеобразный микроконтекст, который «навязывает носителям языка особое видение мира, ситуации» [5, с. 40]. Фразеологизм имеет двойную связь с культурой, которая, по мнению В. Н. Телии, реализуется, с одной стороны, через внешнюю форму фразеологизмов, то есть структуру ФЕ, а с другой, через ее внутреннюю форму, так как «образ осознается и интерпретируется носителями данного языка» [6, с. 251]. О. Л. Бессонова отмечает, что внутренняя форма фразеологизма выступает своеобразным посредником между ФЕ и культурной действительностью, в силу того, что фактуальный план внутренней формы ФЕ фиксирует реальный фрагмент культуры. Таким образом, внутренняя форма ФЕ является «застывшим» результатом действия сознания народа. [1, с. 68].

В фокусе данного исследования находятся английские фразеологизмы с градуальной семантикой, которые представляют собой устойчивые, воспроизводимые единицы, наделенные целостным значением, в структуре которых обязательно наличие градосемы [2, с. 5]. В исследуемых ФЕ градуальный смысл актуализируется с помощью градуатора, т.е. специального языкового средства, понижающего или повышающего степень проявления признака. К средствам, актуализирующим определенную степень проявления признака, относятся наречия меры и степени, степени сравнения прилагательных и наречий, показатели количества, например: *above board* 'абсолютно честный, открытый, прямой', (*completely* honest and legal), *blood is thicker than water* 'кровь не водица' (family relationships are *stronger* and *more important* than any others), *be rolling in the aisles* 'покатываться со смеху' (laughing *a lot* while watching or hearing something). Лингвокультурологический аспект изучения фразеологических единиц (ФЕ) с градуальной семантикой определяет актуальность исследования.

Целью данного исследования является выявление и анализ экстралингвистических факторов, мотивировавших внутреннюю форму исследуемых ФЕ. **Объектом** исследования послужили 1607 английских ФЕ с градуальной семантикой, чья внутренняя форма включает в себя лингвокультурную информацию. ФЕ были отобраны методом сплошной выборки из специализированных англоязычных словарей Longman Idioms Dictionary, Cambridge Idioms Dictionary, Collins Cobuild Dictionary of Idioms, Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. **Предметом** изучения являются особенности мотивации внутренней формы английских фразеологических единиц с градуальным признаком.

2. Основные положения. Влияние экстралингвистических факторов на формирование фразеологического состава проявляется в мотивации образов, лежащих в основе фразеологического прототипа, что позволяет аккумулировать историко-культурную информацию. Кодированные таким образом социокультурные реалии, обусловившие появление языковой единицы могут быть восстановлены посредством лингвокультурологического анализа. М. Л. Ковшова считает, что к факторам, влияющим на формирование фразеологического фонда любого языка, относятся «верования, обряды, ритуалы, уклад жизни, постоянные деятельностные практики человека» [3, с. 147]. Дж. Лакофф подчеркивает, что многое в естественном языке предполагает обращение к визуальному и другим видам чувственного опыта человека [4, с. 351]. Анализ исследуемого материала позволил выделить религиозные, социальные, экономические и политические типы экстралингвистических факторов. Данное разделение основано на типе актуализируемой информации, принадлежащей к той или иной сфере жизни общества. Количественная характеристика типов экстралингвистической информации представлена в таблице 1.

Типы экстралингвистических факторов, мотивирующих культурную коннотацию в английских ФЕ с градуальной семантикой

Типы факторов	Кол-во, ед.	Кол-во, %	Примеры
1. Социальные	735	45	<i>get on / come down off your high horse</i> '(перестать) задаваться, показывать высокомерие' (to disapprove of somebody for behaving as if they are superior to other people, and for refusing to accept any criticism of themselves)
2. Религиозные	589	37	<i>out of the ark</i> 'допотопный' (you are complaining in a ligh-hearted way that it is very old-fashioned and outdated)
3. Политические	153	10	<i>Bob's your uncle</i> 'дело в шляпе! 'вопрос решён' (a series of events that ends exactly as expected or in exactly the right way).
4. Экономические	130	8	<i>golden parachute</i> '«золотой парашют» специальный договор найма с топ менеджерами' (a contract including a large payment made to someone who has an important job with a company when that person is forced to leave their job)
Всего	1607	100	

Как следует из таблицы 1, чаще всего английские ФЕ с градуальной семантикой актуализируют информацию, принадлежащую к сфере социальных отношений, *get on / come down off your high horse* '(перестать) задаваться, показывать высокомерие'. Данное выражение основывается на том факте, что в Средние века очень большие лошади были признаком высокого ранга, так как ими владели исключительно рыцари.

Значительная часть английских фразеологических единиц является отражением религиозных верований народа. Так, в ФЕ *out of the ark* 'допотопный' является отсылкой к библейской истории о Всемирном потопе, а точнее на ковчег, благодаря которому Ной и его семья сумели пережить бедствие.

К числу менее распространенных ФЕ относятся единицы, указывающие на определенную политическую ситуацию или событие. Выражение *Bob's your uncle* 'дело в шляпе! вопрос решён' восходит к политическому скандалу, разгоревшемуся в Британии в 1886. Премьер министр Роберт (Боб) Сесил пожаловал своему племяннику пост генерального секретаря Ирландии, и многие люди критиковали его за это.

Реже ФЕ с градуальным признаком служат средством экспликации информации об экономической стороне жизни. Чаще всего, такие ФЕ включают относительно современные реалии (XX-XXI вв.), например: *golden parachute* '«золотой парашют» специальный договор найма с топ

менеджерами'. Подобный договор предусматривает крупные финансовые компенсации в случае изменения контроля над компанией и/или увольнения. Первое использование относится к 1961 г. в связи с попыткой кредиторов нивелировать контроль Г. Хьюза над крупной авиакомпанией США Trans World Airlines путем заключения подобного контракта с Ч. Тилингатом. Популярность этого метода возросла в 1980-х. После начала финансового кризиса в 2008 году, одной из причин которого являлась массовая выплата крупных бонусов топ-менеджерам банков и компаний во многих странах с развитой экономикой, проблема «золотых парашютов» оказалась в центре дискуссий, и в ряде государств начали вводиться ограничения на выплату и размер подобных вознаграждений при увольнении.

Детальный анализ каждого из представленных типов позволит комплексно рассмотреть особенности всех рассматриваемых аспектов английской национальной картины мира.

2.1. Социальные факторы. Экстралингвистические факторы, основанные на особенностях социальной среды, представляют, пожалуй, наибольшую ценность с точки зрения разнообразия эксплицируемой информации и актуализации ценностных стереотипов общества. В эту группу вошли ФЕ с градуальной семантикой, которые отображают специфику, характерную для общности на определенном этапе развития и включают аспекты актуализируемой информации, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Английские ФЕ с градуальной семантикой, мотивированные социальными факторами

Актуализируемая сфера жизни	Кол-во, ед.	Кол-во, %	Примеры
1. Развлечения и досуг	287	39	<i>hold all the aces</i> 'иметь на руках все козыри' (to have all the advantages in a situation so that you are sure to be more successful than other people)
2. Характеристики социальных групп	257	35	<i>the heat is on</i> 'становиться жарко, пора дать деру' (a time of great activity and/or pressure has begun)
3. Нормы поведения	140	19	<i>take pot luck</i> 'довольствоваться тем, что есть' (to take whatever is available or is found by chance, rather than something chosen, planned, or prepared)
4. Предметы обихода	51	7	<i>to a T / tee</i> 'тютелька в тютельку, в точности' (used in order to emphasize that something is done exactly right, or exactly what is wanted)
Всего	735	100	

2.1.1. Как проиллюстрировано в таблице 2, разновидности досуга (спорт, карточные и иные виды игр, теле- и радишоу, фильмы и пьесы)

мотивировали значительное количество английских ФЕ. Выражение *hold all the aces* ‘иметь на руках всё козыри’ основано на том факте, что в большинстве карточных игр туз является самой сильной картой. Среди единиц, содержащих экстралингвистическую информацию о способах проведения досуга, содержится наибольшее количество территориально-маркированных единиц, что объясняется степенью популярности того или иного вида деятельности в разных странах. Так, большинство американских ФЕ с градуальным признаком основано на правилах бейсбола, например: *hit a home run* ‘добиться успеха, превзойти ожидания’ (в бейсболе хоум-ран – наиболее благоприятная разновидность игровой ситуации), *be batting a thousand* ‘добиться вершин успеха’ (достижения игрока выражаются десятичной дробью (трехзначное число после запятой), таким образом выбить тысячу практически невозможное, чисто теоретическое достижение). Среди образов из фильмов широко представлены вестерны, например: *wear white / black hat* ‘вести себя как герой / негодяй’ (в американских вестернах положительные герои носили белую шляпу, а отрицательные – черную).

Для британской лингвокультуры более характерны ссылки на крикет, например: *knock somebody / something for six* ‘ошеломить; привести в крайнее изумление’ (в крикете, если мяч проходит прямо по краю площадки, подающий игрок получает шесть очков), боулинг – *drop / fall like ninepins* ‘падать как подкошенный (досл. как кегли)’ (в Британии кегли (разновидность боулинга), игра в которой мяч должен сбить девять объектов соответствующей формы). Помимо спортивных игр, среди британских ФЕ с градуальной семантикой распространены ссылки на театральные постановки, *pleased as Punch* ‘рад-радешенек’ (Панч – персонаж традиционного британского кукольного театра, который обычно насмехается и издевается над другими персонажами, получая от этого удовольствие).

2.1.2. ФЕ, требующие понимания характерных для определенных социальных сообществ особенностей, несколько менее частотны и включают жаргонизмы, диалектизмы, сленговые выражения и др. ФЕ *the heat is on* ‘становиться жарко, пора дать деру’ зародилось в криминальной среде. На жаргоне *the heat* обозначало полицейских, соответственно *the heat is on* использовалось чтобы предупредить что полиция ищет преступника, *a the heat is off* – что поиски прекратились. Примером соответствующей американской ФЕ служит *be on skid row* ‘быть на "скользящей дорожке"’ (*skid row* – название, которое дается в США той части города, которая населена преимущественно неблагополучными жителями, особенно теми, кто употребляет алкоголь или наркотики). В материале исследования присутствует целый ряд ФЕ с градуальным признаком отражающих особенности Кокни, например: *know your onions* ‘быть осведомленным о предмете, иметь опыт’ (искаженное от *onion rings* (луковые кольца), созвучное произношению *know your things* на Кокни).

Выражения этой группы могут также требовать представления об особенностях профессии – *a rule of thumb* ‘правило номер один, универсальное правило’ (пивовары использовали большой палец для проверки температуры пива, чтобы понять готово оно или нет). Как видно из примеров, ФЕ чаще актуализируют информацию о маргинальных группах, чем о сообществах, пользующихся почетом и уважением.

2.1.3. Информация о традициях, суевериях и нормах поведения не слишком широко представлена в ФЕ с градуальной семантикой. Так, идиома *take pot luck* ‘довольствоваться тем, что есть’ восходит к временам, когда нежданного гостя обязательно должны были накормить и угощали тем, что было приготовлено в хозяйском котле для семьи. В ФЕ *like turkeys voting for Cristmas* ‘как пчёлы, выступающие против меда’ информация о традиции есть индейку на Рождество служит фоном на контрасте с которым, показывается абсурдность ситуации. Чаще прототипом для ФЕ служит прецедент, выступающий далеко за границы общепринятой нормы: *the black hole of Calcutta* ‘душегубка’ (основано на ситуации произошедшей в 1756 г. когда большая группа людей была помещена на ночь в очень тесную тюрьму в Калькутте. Лишь немногим удалось дожить до утра), *your name is mud* ‘дело дрянь, у тебя плохая репутация’ (выражение предположительно указывает на доктора С. Мада, который действуя из лучших побуждений вылечил сломанную ногу незнакомого мужчины. Пациент оказался Д. Бутом, убийцей А. Линкольна, получившем травму при попытке побега. Несмотря на то, что доктор не знал личности преступника, он был помещен в тюрьму, а его семью ненавидели еще много лет).

2.1.4. Информация об особенностях быта также находит свое отражение в английской фразеологии, хотя и в достаточно редких случаях. Так, единица *to a T / tee* ‘тютелька в тютельку, в точности’ объективирует информацию об инструменте, рейсшине, который используется для выравнивания поверхности, проведения параллельных линий). В ФЕ *not know shit from shinola* ‘груб. вообще ни в чем не разбираться’ актуализирована информация о популярной торговой марке обувного крема *shinola*. Вхождение в обиход новых предметов в результате научно-технического прогресса находит свое отражение во фразеологии. В качестве примера такого новшества можно назвать паровой двигатель. Реалии, связанные с функционированием и обслуживанием парового двигателя, послужили прототипом для многих ФЕ: *pick up steam* ‘набирать обороты’, *full steam ahead* ‘на всех парах, полный вперед!’, *run out of steam* ‘выдохнуться’, *have steam coming out of your ears* ‘дышать огнем (от злости)’ и другие.

2.2. Религиозные факторы. Информация, основанная на религиозных верованиях и связанных с ними обычаях, достаточно широко представлена во фразеологии любого языка. В силу длительного доминирования христианства на территории Великобритании большинство английских ФЕ

с градуальным признаком имеют отсылки на христианские обычаи и текст Библии (см. табл. 3).

Таблица 3

Английские ФЕ с градуальной семантикой, мотивированные религиозными факторами

Актуализируемая сфера жизни	Кол-во, ед.	Кол-во, %	Примеры
1. Текст Библии	395	67	<i>manna from heaven</i> ‘манна небесная’ (something very useful or helpful that is received unexpectedly)
2. Христианские обряды	147	25	<i>sound the death knell</i> ‘звучать похоронным звоном’ (to be very likely to cause the activity or organization to end or fail)
3. Другие	47	8	<i>to be a name to conjure with</i> ‘быть влиятельным лицом’ (to be very important, influential or memorable)
Всего	589	100	

Как видно из таблицы 3, наиболее частотными являются английские ФЕ, включающие отсылку на текст Ветхого завета или канонических Евангелий. Так, в Ветхом завете манна – это хлеб который падал с небес, когда народ Израилев нуждался в пище в пустыне, что закрепилось в ФЕ *manna from heaven* ‘манна небесная’.

Другим способом репрезентации экстралингвистической информации в этой группе является использование символов и отсылок к христианским обрядам. ФЕ *sound the death knell* ‘звучать похоронным звоном’ актуализирует информацию о том, что церковные колокола обычно звонили на похоронах или как оповещение о смерти видного представителя общины.

Лишь небольшая часть английских ФЕ объективизирует знания о других религиях – иудаизме (*wear/don sackcloth and ashes* ‘посыпать голову пеплом’ основано на старом иудейском обычае использовать ряднину и пепел при совершении некоторых религиозных обрядов), языческих верованиях (*to be a name to conjure with* ‘быть влиятельным лицом’ связано с верованием в то, что личное имя используется в магических (языческих) обрядах) и др.

2.3. Политические факторы. Зафиксировано ограниченное количество ФЕ с градуальным признаком, которые апеллируют к фактам, связанным с политическими реалиями или событиями. Наиболее часто актуализируемые факты, которые упоминаются в подобных ФЕ представлены в таблице 4.

Как показано в таблице 4, чаще исследуемые ФЕ ссылаются на факты, связанные с внешней политикой, которые можно разделить на две основные подгруппы – военные действия и дипломатия.

Английские ФЕ с градуальной семантикой, мотивированные политическими факторами

Актуализируемая сфера жизни	Кол-во, ед.	Кол-во, %	Примеры
1. Внешняя политика	86	56	<i>the old guard</i> 'старая гвардия' (a group of people who worked in an organization)
1.1. Военные действия	55	36	<i>press-gang somebody into doing something</i> 'заставлять, принуждать' (to force someone to do something by not giving them the chance to refuse)
1.2. Дипломатия	31	20	<i>domino effect</i> 'эффект домино' (event causing another similar event, which in its turn causes a further event and so on)
2. Внутренняя политика	67	44	<i>a dream ticket</i> 'политический тандем' (a pair of people who are expected to work well together and have great deal of success)
Всего	153	100	

Примером ФЕ, принадлежащей к первой подгруппе, служит *the old guard* 'старая гвардия'. В оригинале «старая гвардия» наиболее опытные войска в армии Наполеона, в которую входят лучшие солдаты во французской армии. Выражение *press-gang somebody into doing something* 'заставлять, принуждать' отсылает к такому понятию как команда вербовщиков (*press-gang*), которые имели право принудительно заставлять моряков вступать в Британский флот. Достижения или напряженность в дипломатических отношениях нескольких стран реже находит отражение во фразеологии, например: *domino effect* 'эффект домино'. Употребление ФЕ зафиксировано в 1950-х американским политологом для описание предполагаемых последствий установления коммунизма хотя бы в одной из стран региона, которое спровоцирует быстрое распространение идеологии.

Вторая группа представлена меньшим количеством единиц, которые актуализируют информацию об особенностях внутренней политики, например: *a dream ticket* 'политический тандем'. В США предвыборный список (*ticket*) включает перечень кандидатов, которых политическая партия выдвигает на выборы.

4. Экономические факторы. Стремительное развитие и усложнение экономических отношений, наблюдаемое за последнее столетие, также отражается во фразеологическом составе языка. Английские ФЕ с градуальной семантикой, принадлежащие к этой группе, эксплицируют в основном информацию, касающуюся современных реалий экономики и бизнеса (см. табл. 5).

Английские ФЕ с градуальной семантикой, мотивированные экономическими факторами

Актуализируемая сфера жизни	Кол-во, ед.	Кол-во, %	Примеры
1. Работа с персоналом	75	58	<i>golden handshake</i> 'выходное пособие, вознаграждение за досрочный уход на пенсию' (a payment given to someone who is made redundant or retires earlier)
2. Документооборот	55	42	<i>the bottom line is</i> 'в итоге...' (used in order to tell somebody what you think the most important part of a situation is, or what the most important thing to consider is)
<i>Всего</i>	<i>130</i>	<i>100</i>	

Как видно из таблицы 5, единицы, эксплицирующие экономические реалии, не особенно многочисленны и отражают в основном современные особенности реалии ведения бизнеса, такие как работа с персоналом и документооборот. ФЕ *golden handshake* 'выходное пособие, вознаграждение за досрочный уход на пенсию' также как и отчасти синонимичное ему *golden parachute* основаны на способах избежать возможных конфликтов при разрыве контракта компании и топ менеджеров. Источником фразеологического прототипа *the bottom line is* 'в итоге...' является бизнес сфера, а точнее стандартная форма финансового отчета в котором после линии внизу подводится итог о финансовых доходах и потерях предприятия. ФЕ *be in the red* 'иметь задолженность, нести убытки', *be in the black* 'приносить доход' отражают способ ведения конторских книг, где полученная прибыль записывается чёрными чернилами, а долги и убытки – красными.

3. Выводы. В целом, преобладание единиц, основанных на специфических социальных особенностях этноса, оправдано тем фактом, что именно в ситуации неформального межличностного общения формируются и проявляются ценностные ориентиры общества. В силу доминирования христианства в течение большого отрезка исторического развития английской нации, единицы, эксплицирующие религиозную специфику демонстрируют высокую частотность при низком проявлении разнообразия. Роль политических и экономических факторов при формировании фразеологического фонда английского языка существенно меньше, однако именно эти факторы выходят на первый план на современном этапе, что позволяет прогнозировать постепенный рост их влияния в будущем.

Список литературы

1. Бессонова О. Л. Негативные эмотивные наименования лица в английской и украинской национальных картинах мира // *Studia Linguistica*. Санкт-Петербург, 2013. № XXII. С. 78-87.

2. Горшкова Н. Н. Градуальная семантика фразеологических единиц с временным значением // Проблемы современной филологии. Тамбов, 2004. С. 55-57.
3. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд-е 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 456 с.
4. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. X. Лингвистическая семантика. С. 350-368.
5. Маслова В. А. Национальный характер сквозь призму языка. Витебск, 2011. 68 с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
7. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке). Волгоград: «Перемена». 2003. 211 с.
8. Трофімова О. В. Фразеологія негативних емоцій в англійській та українській мовах // Лінгвокогнітивні та лінгвокультурологічні дослідження. Донецьк: ДонНУ, 2013. Т. 1. 269 с.

УДК 81'373.7:159.942:811.111

Е. В. Трофимова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья содержит результаты исследования компонентного состава фразеологических единиц, обозначающих отрицательные эмоции в английском языке. Описаны основные фразеологические компоненты, среди которых соматические компоненты, реалии социально-бытовой жизни, наименования эмоций, наименования явлений живой природы, глаголы действия и движения, наименования явлений неживой природы, компоненты цветообозначений, компоненты пространственных обозначений, нумеральные компоненты, компоненты измерения веса.

Ключевые слова: фразеологическая единица, отрицательная эмоция, компонент.

Фразеологизмы играют особую роль в создании языковой картины мира, поскольку отражают особенности национального мировосприятия, культурно-исторические традиции народа, они связаны с практическим опытом языковой личности. Фразеологическая система языка имеет антропоцентрический характер, отражая результаты категоризации и концептуализации субъективно значимых фрагментов объективно данной внешней действительности и внутреннего мира человека.

Как отмечает О. Л. Бессонова, в русле антропоцентрической направленности лингвистической науки актуальными представляются исследования в рамках когнитивно-дискурсивной и лингвокультурологической проблематики, которая концентрируется вокруг триады «язык – языковая личность – культура» [2]. В. Н. Телия подчеркивает, что фразеологическая природа фразеологических единиц (ФЕ) позволяет исследователям относиться к фразеологизмам не столько как к элементам языковой системы, сколько как к знакам языка культуры, ведь во фразеологическом корпусе языка отражаются лингвокультурные особенности национальной картины мира [7]. Анализ компонентов в составе ФЕ раскрывает особенности быта, социальной, культурной жизни, мировоззрения и ценностной картины мира представителей лингвокультуры. В рамках антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания, когда акцент лингвистических разработок перемещается в плоскость изучения человеческого фактора в языке и языкового фактора в человеке, фразеология языка дает богатый материал для исследования данного взаимодействия.

Данная статья содержит результаты анализа компонентного состава ФЕ современного английского языка, обозначающих отрицательные эмоции. Это такие единицы, как *to sob one's heart out* 'горько и безутешно

плакать’, *one’s blood turned to ice* ‘кровь застыла в жилах’, *quake (quiver, shake, tremble) like a leaf (like an aspen leaf)* ‘дрожать как осиновый лист’. Материал исследования составили 768 ФЕ.

Как известно, проблема природы и сущности лексических компонентов ФЕ остается в теории фразеологии одной из наиболее сложных и дискуссионных [1, с. 92]. Характерными признаками ФЕ являются раздельнооформленность, устойчивость, воспроизводимость. Значения ФЕ детерминированы характером составляющих их элементов [5, с. 40]. Фразеологизм формируется в ходе особого лингвистического процесса – фразеологизации, в итоге словосочетание и слова, входящие в его состав, десемантизируются. Фразеологическое значение не состоит из значений отдельных слов, а возникает как результат семантического преобразования исходного словосочетания в целом [4, с. 130]. Из вышесказанного следует, что компоненты ФЕ играют особую роль в процессе формирования фразеологического значения.

Среди основных фразеоактивных компонентов в составе ФЕ, обозначающих отрицательные эмоции в английском языке, выявлены следующие: соматические компоненты, реалии социально-бытовой жизни, наименования эмоций, наименования явлений живой природы, глаголы действия и движения, наименования явлений неживой природы, компоненты цветообозначений, компоненты пространственных обозначений, нумеральные компоненты, компоненты измерения веса (см. табл. 1).

Таблица 1

**Основные фразеоактивные компоненты ФЕ,
 обозначающих отрицательные эмоции в английском языке**

Компоненты	Кол-во ФЕ, ед.	Кол- во ФЕ, %	Примеры
1. Соматические компоненты	207	27	<i>a slap in the face (eye)</i> ‘пощечина, оплеуха, оскорбление’
2. Реалии социально-бытовой жизни	137	18	<i>turn / twist the knife</i> ‘резать, как ножом; поразить, задеть за живое’
3. Наименования эмоций	111	14	<i>fear breeds terror</i> ‘у страха глаза велики’
4. Наименования явлений живой природы	101	13	<i>get one’s tail down</i> ‘потерять мужество, пасть духом’
5. Глаголы действия и движения	77	10	<i>strike smb dumb (speechless)</i> ‘лишить кого-л. дара слова, ошарашить’
6. Наименования явлений неживой природы	54	7	<i>struck with thunder</i> ‘ошеломленный, как громом пораженный’
7. Компоненты цветообозначений	50	7	<i>green with envy</i> ‘зеленый от зависти’
8. Компоненты пространственных обозначений	14	2	<i>(down) in the dumps</i> ‘в унынии, в плохом настроении’

9. Нумеральные компоненты	8	1	<i>to knock smb for six</i> 'удивить кого-л.'
10. Компоненты измерения веса	9	1	<i>lie (heavy) at smb's heart</i> 'лежать камнем на сердце'
Всего	768	100	

Как видно из таблицы 1, большая группа ФЕ образуется с помощью слов, обозначающих части тела (207 ФЕ, 27%). В материале исследования зафиксированы следующие соматические компоненты: *heart, soul, eye, head, tear, tooth, blood, nose, skin, nerve, face, tongue, shoulder, throat, hair, lip, mouth, hand, finger, skull, mind (wit(s)), ear, back, neck, stomach, bone, jaw*. Наиболее употребительными являются лексемы *heart, eye, blood, face, hair, nerve, nose, mouth, mind, ear*. Немногочисленными выступают ФЕ с соматизмами *lip, neck, teeth, stomach, tongue, jaw*. Примерами могут послужить следующие ФЕ: *lie (heavy) at smb's heart* 'лежать камнем на сердце, угнетать', *make smb open his eyes* 'удивлять, поражать кого-л.', *a face as long as a fiddle* 'мрачное, унылое лицо', *thumb one's nose at smb* 'презрительно относиться к кому-л.'

Высокая фразеобразовательная активность соматических компонентов обусловлена антропоморфической направленностью исследуемых фразеологизмов. Человеку свойственно соизмерять окружающий мир и собственные внутренние переживания прежде всего с тем, что ему хорошо знакомо, с самим собой, с частями своего тела. Особую роль соматической лексики отмечают многие исследователи. И. Е. Городецкая утверждает, что используя названия частей тела в переносном значении, человек более полно передает свои мысли и чувства, и делает вывод о том, что соматическая лексика представляет собой один из наиболее значимых участков языка, анализируя который можно проследить формирование и развитие когнитивного опыта человека [3]. По определению Е. З. Ленец, соматическую фразеологию образуют ФЕ, в составе которых один из компонентов обозначает название части тела человека или животного [6]. Исследователь поясняет обширность и продуктивность данной группы во фразеологическом составе языка тем фактом, что соматизмы образуют один из древнейших пластов языка и входят в ядро основного состава словарного корпуса языка.

Достаточно широко в составе исследуемых ФЕ употребляются компоненты, обозначающие реалии социально-бытовой жизни, доля таких ФЕ составляет 137 ФЕ (18%). Подобные компоненты могут относиться к разным сферам быденной (употребление пищи, здоровье, смерть) и социальной (религия) жизни человека, имея яркую социально-культурную маркированность и отражая картину повседневной жизни англичан, раскрывая их мировоззренческие ценности. Например, *eat humble pie* 'унижаться, пресмыкаться', *to rub salt in(to) smb's (the) wound(s)* 'досадить,

сыпать на рану соль', *a bitter pill (to swallow)* 'горькая пилюля; оскорбление, унижение, с которым приходится мириться', *drop dead!* жарг. 'Убирайся! Вон отсюда! Иди ты к черту!', *to go through hell* 'испытывать сильнейшие душевные муки, сильно страдать'.

Фразеологизмы также могут включать в свой состав названия эмоций (111 ФЕ, 14%): *put fear in smb's heart* 'нагонять страх на кого-л.', *(as) fierce as a tiger* 'свирепый как тигр'.

Активными в образовании ФЕ выступают компоненты – наименования явлений и объектов живой природы (101 ФЕ, 13%), в частности наименования представителей животного и растительного мира: *to put one's monkey up* 'разозлить, взбесить кого-л.', *(as) scared as a rabbit* 'перепуганный до смерти', *to go bananas* жарг. 'разозлиться'.

Достаточно высокой фразеоактивностью характеризуются глаголы действия и движения (77 ФЕ, 10%): *to go up the wall* разг. 'обезуметь, полезть на стенку, потерять голову', *to break smb's heart* 'разбить чье-л. сердце, сильно огорчить, расстроить кого-л.'.

Группа компонентов – наименований явлений неживой природы (54 ФЕ, 7%) представлена лексемами, обозначающими природные объекты, атмосферные и метеорологические явления, природные стихии, астрономические явления: разг. *to be (get, go) up in the air* 'выйти из себя, взбеситься, взорваться', *like a (dying) duck in a thunderstorm* 'с растерянным, жалким, несчастным видом'.

Важную роль при обозначении отрицательных эмоций имеют компоненты цветообозначений (50 ФЕ, 7%). В языковой картине мира цвет выступает информационно и эмоционально значимой характеристикой жизненного пространства человека, при этом одной из существенных черт цвета является символизм, а объектом символа становятся важные, ключевые элементы культуры. Зафиксированы следующие обозначения цветов: *black, blue, white, green, purple, red, lily, grey*, например, *blue devils* 'уныние, тоска, меланхолия, хандра', *to see red* 'прийти в ярость, рассвирепеть'.

Компоненты пространственных обозначений присутствуют в составе 14 ФЕ (2%), они связаны с традиционной оппозицией «верх – низ», в которой отрицательные эмоции представляют «низ»: *down in the mouth* 'в унынии, павший духом, в плохом настроении'.

Нумеральные компоненты и компоненты измерения веса входят в состав 8 ФЕ (1%) и 9 ФЕ (1%) соответственно. Отрицательные эмоции метафорически описываются в терминах единиц времени, количества, измерения: *to feel like thirty cents* амер. разг. 'быть униженным, взволнованным', *a bad quarter of an hour* 'неприятное переживание'. Компоненты измерения веса передают как правило тяжелое эмоциональное состояние: *a heavy heart* 'печаль, уныние'.

ФЕ вербализуют широкий спектр отрицательных эмоций: *GUILT (searchings of heart* 'угрызения совести'), *CONTEMPT (with one's nose in the*

air ‘смотрящий на других свысока, задирающий нос’), *SADNESS* (*shake one’s head* ‘покачать головой’), *ANGER* (*get (have) one’s blood up* ‘разгорячиться, выйти из себя’), *ANNOYANCE* (*a hair in one’s soup* ‘источник неприятностей, причина раздражения’), *JEALOUSY/ENVY* (*make smb’s mouth water* ‘разжигать интерес, вызывать зависть’), *FEAR* (*to show the white feather* ‘струсить, смалодушничать’), *SURPRISE* (*blow your mind* ‘удивить, поразить кого-л.’), *GRIEF* (*make smb’s heart bleed* ‘заставить сердце обливаться кровью’), *OFFENCE / INSULT* (*be close to / near the bone* ‘задеть за живое’), *WORRY* (*be (have smth) on one’s mind* ‘занимать мысли, беспокоить, тревожить’), а также концепты *NERVOUSNESS*, *HUMILIATION*, *HATRED*, *EMBARRASSMENT*, *CONFUSION*, *DISGUST*, *PANIC*, *DISAPPROVAL*, *ANXIETY*, *BOREDOM*, *DISCOURAGEMENT*.

Таким образом, исследование компонентного состава ФЕ, обозначающих отрицательные эмоции в английском языке, позволяет обозначить группы лексем, активно участвующих в образовании исследуемых ФЕ.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
2. Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления: [монография / авт. кол.: А. Э. Левицкий, О. Л. Бессонова, С. И. Потапенко, О. П. Воробьева и др.]; под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко, И. В. Недайновой. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.
3. Городецкая И. Е. Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007. 28 с.
4. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1996. 381 с.
6. Ленец Е. З. Конвенциональные фразеологизмы с соматизмами в современном французском языке. Гродно, 2007. 143 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ МИКРОКОНЦЕПТОСФЕРЫ TERRORISM СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье исследованы лингвокогнитивные, семантические, ономазиологические, стилистические и структурные особенности номинативных единиц, вербализующих микроконцептосферу TERRORISM в современном английском языке. Номинативное пространство микроконцептосферы TERRORISM, сформированное по принципу полевой организации лексики представляет собой один из обширных фрагментов современной англо-американской картины мира, отличаясь своей целостностью и структурированностью. Выделение ядерной и периферийной зон базового концепта TERRORISM проанализированной микроконцептосферы отражает сложную ядерно-периферийную конфигурацию знаний о феномене «терроризм», представленную в виде качественно-референциальной модели семантической структуры концепта TERRORISM. Данная модель выступает матрицей построения семантики номинаций терроризма.

Ключевые слова: *концепт, микроконцептосфера, номинативное пространство, семантическая структура концепта, концептуальная картина мира, языковая картина мира, лексико-семантическое поле, синонимическая доминанта.*

Обращение к результатам концептуализации явления «терроризм» в социо-гуманитарной науке позволяет расширить содержание концепта TERRORISM и представить его так: по некоторым причинам (социальным, психологическим, идеологическим и т. п.) люди объединяются или вступают в организацию, которая преследует определенные (преимущественно политические) цели и для их достижения осуществляет деятельность, которая выражается в неправомерном насилии (или угрозе насилия) над мирным населением, в результате чего создается атмосфера страха, которая используется как средство достижения поставленной цели.

Опыт научного осмысления явления «терроризм» позволяет отграничить понятие терроризма от подобных понятий, в частности, от понятия террора, а также позволяет определить объем микроконцептосферы TERRORISM и возможные направления исследования.

С когнитивных позиций определяем терроризм как микроконцептосферу – когнитивный конструкт, образованный на почве взаимодействия концептов, который соотносится с соответствующим участком языковой семантики как части концептуальной сферы (далее – КС), реализованной с помощью языковых знаков. Представления, понятия о терроризме формируются под влиянием различных факторов, среди которых важную роль играет лингвальное воплощение концептов, в частности их лексическое выражение.

Микроконцептосфера TERRORISM как фрагмент концептуальной

картины мира (ККМ) англичан и американцев, ее репрезентация в языковой картине мира (ЯКМ) выступает как когнитивно-дискурсивное образование, рождается в процессе выработки смыслов в дискурсивном пространстве и вмещает, с одной стороны, индивидуальный опыт человека, а с другой, – коллективные знания, ценности, нормы и правила, регулирующие его поведение как члена социума.

Микроконцептосфера **TERRORISM** – иерархически организованный открытый конструкт концептов, который воспроизводит политическую сферу бытия социума в конкретный отрезок исторической реальности, получает свое воплощение в семантическом пространстве национального языка. Рассматриваемая микроконцептосфера, ее структурные единицы – домены, выступают базой для воплощения и интерпретации отдельных концептов, стоящих за физическим телом языковых знаков, применяемых в коммуникации.

Микроконцептосфера **TERRORISM**, домены, концепты, как составные части англо-американской ККМ находят свое отражение в единицах ЯКМ, объединенных в лексико-семантическое поле (ЛСП) **TERRORISM**.

ЛСП – это определенная модель реальной картины мира, а, следовательно, языковая репрезентация микроконцептосферы. ЛСП включаются в целостные номинативные пространства языковой системы, выступая способом упорядочения лексических единиц в их пределах. Номинативное пространство рассматривается как результат лексической интерпретации реалий мира. Конститутивными элементами ЛСП **TERRORISM** являются парцеллы – тематические группы лексических единиц, представляющие отдельные субфреймы вербализованного концепта.

Концепт **TERRORISM**, под которым понимаем сложную, динамичную структурно-смысловую, этнически и культурно обусловленную ментальную единицу человеческого сознания, которая выступает способом и результатом категоризации знания и имеет вербальное выражение, является базовым концептом микроконцептосферы **TERRORISM**, вокруг которого группируются другие концепты, представляющие различные виды и направления террористической деятельности.

Выделение отдельных частей базового концепта **TERRORISM** рассматриваемой микроконцептосферы (а именно: СУБЪЕКТ терроризма, ОБЪЕКТ терроризма, террористическая деятельность, РЕЗУЛЬТАТ терроризма) дает возможность рассмотреть микроконцептосферу **TERRORISM** как систему концептов с определенной лексической репрезентацией и выделить референциональный аспект ее семантической структуры. Представленный аспект в сочетании с его качественной определенностью, что образуется понятийным, образным и ценностным компонентами концепта, дает возможность рассмотреть структуру базового концепта как сложную ядерно-периферийную конфигурацию знаний о прототипных и непропотипных понятийных, образных и ценностных признаках явления «терроризм».

Выделенные смысловые грани концепта **TERRORISM** выступают

основой для построения качественно-референциальной модели его семантической структуры. Указанная конфигурация является той концептуальной основой, на основе которой выстраивается значение номинаций терроризма в современном английском языке, обуславливается их расположение в пределах ядерно-периферийной и тематической структуры речевого фрагмента представления микроконцептосферы TERRORISM [5].

Сложный характер структурной организации концепта предусматривает различные форматы знания. Попытки репрезентации внутреннего знания о явлении или объекте мира осуществляются путем построения когнитивной модели соответствующего концепта. Изучение концепта TERRORISM предполагает обращение к фреймовому и метафорическому моделированию концепта.

Концепт TERRORISM как сложное ментальное образование структурируется во фрейм. На первом этапе реконструкции фрейма проводится анализ словарных дефиниций центральной лексемы, которая называет концепт, с целью определить наиболее значимые признаки и объем понятия. Анализ лексемы *terrorism* показывает, что семантическими составляющими понятия *terrorism* есть насилие, запугивание, политическая мотивация, систематичность и организованность. Фрейм концепта TERRORISM, который был смоделирован на основе словарных дефиниций, структурирует типичную информацию о самом явлении TERRORISM, то есть представляет концепт в самом общем виде [5].

Общая информационная структура базового концепта TERRORISM рассматриваемой микроконцептосферы является тем концептуальным «каркасом», который лежит в основе значения всех единиц, представляющих микроконцептосферу TERRORISM в современном английском языке. Традиционное ономаσιологическое исследование номинаций концепта TERRORISM позволяет констатировать, какие именно номинативные средства выбирает англоязычное сообщество для обозначения в языке участка опыта, связанного с интерпретацией феномена «терроризм». Однако такая констатация не может удовлетворить требования современной лингвистики, поскольку вопрос стоит о выявлении и устройстве детализированной структуры вербализованного концепта как отражения фрагмента мира, увиденного глазами национальной языковой личности [3, с. 123; 4, с. 153].

Итак, в ономаσιологически направленном лингвокогнитивном исследовании средств языковой экспликации микроконцептосферы TERRORISM, мы пользуемся сложной комбинацией методик исследования концептуально-семантической структуры номинативной единицы, которая в общем виде трактуется как концептуальный анализ. В частности, моделирование информационной структуры концепта TERRORISM выполняется в терминах фреймовой семантики [2; с. 405]. Ему предшествует семантический анализ лексемы *terrorism* как наиболее обобщенного обозначения концептуализированного англоязычным сообществом явления «терроризм», для того чтобы выявить специфику

наполнения вершинных узлов моделируемой фреймовой структуры. Используя семантический анализ (СА) других единиц номинативного пространства *terrorism*, имеем целью установить номенклатуру фрагментов, их значение, заполняющих слоты фрейма на разных уровнях генерализации. Детализированная структура концепта **TERRORISM** позволяет выявить концептуальные основы организации частиречных ЛСП *terrorism*, механизмов вторичного определения концепта, установление сочетаемости единиц для его обозначения и их взаимосвязей в рамках лексико-семантической системы английского языка.

Для исчерпывающего описания ККМ англоязычного сообщества оказывается необходимым проведение анализа отдельных фрагментов его ЯКМ, одной из которых является номинативное пространство *terrorism*. Указанная номинативная сфера выступает целостной структурой, которая образуется при взаимодействии субстантивного, атрибутивного, адвербиального и глагольного лексико-семантических полей номемы *terrorism*. Представленный ЛСП *terrorism* различной частиречной принадлежности, определяет смысловые границы сформированного им пространства. Последний структурируется по аналогичному принципу организации полей. Поэтому выявление системных закономерностей между единицами ЛСП *terrorism* способствует познанию механизмов построения номинативного пространства микроконцептосферы **TERRORISM**.

Семантический анализ (СА) лексем английского языка, представляющих терроризм, доказывает, что понятие, зафиксированное лексической единицей (ЛЕ) *terrorism*, в той или иной степени представлено в дефинициях всех манифестантов рассматриваемого концепта. Поскольку единицы *terrorism*, *terrorist(ic)*, *to terrorize* наиболее объективно, стилистически и эмоционально нейтрально выражают смысл единицы для всех членов в соответствии с основным номинативным, атрибутивным и глагольным синонимическим рядом, и входят в качестве эксплицитного или имплицитного компонента значения в семантическую структуру большинства членов каждого ряда, то есть, они являются гиперонимами, объединяя в соответствии 454 существительного, 238 прилагательных, 257 глаголов.

Парцеллы ЛСП *terrorism* образуются на основе принципа инвариантности, причем в отличие от поля, объединения единиц в парцеллу обеспечивает не архисема, а одна из видовых, субкатегориальных сем их значений [1, с. 44]. Благодаря способности отображать в своей семантике общий понятийный конструкт [1, с. 42-43], элементы парцелл моделируют концептуальный каркас концепта **TERRORISM**, отдельные субфреймы которого «задают» ономаσιологические схемы объединенных в парцеллы номинативных единиц. Итак, семантика единиц отдельной парцеллы опирается на единую концептуальную структуру как часть общей информационной конфигурации ККМ.

Лексико-семантический каркас номинативного пространства *terrorism* образуют 454 существительных лексем, закрепленные в узусе

современного английского языка. СА позволил выделить 5 парцелл ЛСП *terrorism*, а именно:

ФЕНОМЕН ТЕРРОРИЗМА. Парцелла представлена:

– названиями основных форм терроризма, объединений вокруг синонимический доминант (СД) *terrorism* (84 единицы), *violence* (54 единицы), *war* (34 единицы), *lawlessness* (95 единиц) (количество 157 единиц);

– антонимический основным номинациям терроризма синонимический ряд (СР) (29 лексем) с СД *peacefulness – a situation or a period of time in which there is no war or violence in a country or an area* (ср.: ситуация или период времени, в котором нет войны или насилия в стране или регионе) [7, с. 970].

Концептуально-семантическое толкование этой зоны учитывает то, что за номеном *terrorism* кроется социально-политическая ситуация, макрополями которой выступает феномен терроризма, субъект / объект террористической деятельности и результаты совершенного акта терроризма. СА номинаций феномена терроризма показал, что английский лексикон фиксирует наличие разветвленной системы названий его форм, которые находятся в гиперо-гипонимических отношениях с лексемой *terrorism*, функционируя как эквонимы. Поэтому концептуальный участок, который вербализуется существительными парцеллы ФЕНОМЕН ТЕРРОРИЗМА, можно смоделировать в виде фреймовой сети [КТО Агенс – субъект терроризма действует на пациента – объекта терроризма; действует ТАМ политическая сфера; действует для ЦЕЛИ / РЕЗУЛЬТАТА (деморализация / запугивания / подчинения) действует ТАК, применяя определенные методы (бомбардировку / стрельбу / похищение людей)], в которой роль ядерного фрейма играет акциональный фрейм.

АГЕНС. В парцеллу входят названия лица, использующего насилие для достижения политических целей. Имена деятеля концептуализируют знания о ситуации действия и интерпретируются в соответствии с особенностями выполняемой деятельности и характера участия в ней самого человека:

– СР (17 единиц) с СД *terrorist – a person who takes part in terrorism* (ср.: человек, участвующий в терроризме) [7, с. 1396], напр. *guerrilla – a member of a small group of soldiers who are not part of an official army and who fight against official soldiers, usually to try to change the government* (ср.: член небольшой группы бойцов, которые не являются частью официальной армии страны и тот, кто борется против военных, как правило, чтобы попытаться свергнуть правительство) [7, с. 598]; *freedom fighter – a name used to describe a person who uses violence to try to remove a government from power, by people who support this* (ср.: имя, используемое для описания человека, который использует насилие, чтобы попытаться свергнуть правительство; люди, которые поддерживают это) [7, с. 537];

– СР (9 лексем) с СД *anarchist – a person who believes that laws and governments are not necessary* (ср.: человек, который верит в то, что законы

и правительства не являются необходимыми), напр.: *insurgent – a person fighting against the government or armed forces of their own country* (ср.: человек, который борется против правительства или вооруженных сил своей страны) [7, с. 706]; *agitator – a person who tries to persuade people to take part in political protest* (ср.: человек, который пытается убедить людей принять участие в политическом протесте) [7, с. 26]

– СР (12 лексем) с СД *extremist – a person whose opinions, especially about religion or politics, are extreme, and who may do things that are violent, illegal, etc. for what they believe* (ср.: человек, чьи мысли, в частности, о религии или политике, являются экстремальными, может использовать насильственные, незаконные действия и т.д. за то, во что он верит) [7, с. 467], напр.: *activist – a person who works to achieve political or social change, especially as a member of an organization with particular aims* (ср.: человек, который работает для достижения политических или социальных изменений, особенно в качестве члена специальной организации) [7, с. 13];

– СР (8 лексем) с СД *alarmist – one who raises alarm* (ср.: тот, кто сеет страх и беспокойство) [7, с. 35], напр.: *scaremonger – a person who spreads stories deliberately to make people frightened or nervous* (ср.: человек, который распространяет истории сознательно, чтобы люди испугались и нервничали) [7, с. 1186]; *doom merchant – a person who predicts that things will go very badly* (ср.: человек, который прогнозирует, что дела пойдут очень плохо) [7, с. 394].

На концептуальном уровне представленные единицы представляют схему [КТО: Агнец (СУБЪЕКТ терроризма) является ТАКИМ (мотивированным эгоцентричной необходимостью достижения определенной цели) действует ТАМ (в институциональной (политической) сфере) действует на ПАЦИЕНСА (ОБЪЕКТА ТЕРРОРИЗМА – ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ПРАВИТЕЛЬСТВО) действует для достижения ЦЕЛИ / РЕЗУЛЬТАТОВ действует ТАК]

ВИДЫ террористической деятельности. Парцеллу составляют 64 лексических единицы с:

– СД *bioterrorism* (25 единиц) – *terrorism involving the intentional release or dissemination of biological agents (bacteria, viruses, or toxins), that may be in a naturally-occurring or in a human-modified form* (ср.: терроризм с преднамеренным высвобождением или распространением биологических агентов (бактерии, вирусы или токсины), которые могут быть в естественной или модифицированной форме) [8], напр.: *agroterrorism – the malicious use of plant or animal pathogens to cause devastating disease in the agricultural sector. It may also take the form of hoaxes and threats intended to create public fear of such events* (ср.: злонамеренное использование растительных или животных патогенов, для того чтобы вызвать разрушительные болезни в сельскохозяйственном секторе. Он также может принимать форму мистификаций и угроз предназначенных для создания страха в обществе (сельскохозяйственный биотерроризм, инфицирование животных или растений опасными заболеваниями,

введение смертоносных бактерий в продукты питания) [8]; *cyberterrorism – the use of Internet based attacks in terrorist activities, including acts of deliberate, large-scale disruption of computer networks, especially of personal computers attached to the Internet, by the means of tools such as computer viruses* (ср.: использование Интернет-атак в террористической деятельности, включая акты преднамеренного, крупномасштабного разрушения компьютерных сетей, особенно личных компьютеров, подключенных к Интернету, с помощью таких инструментов, как компьютерные вирусы (кибертерроризм, информационный, интернетовский терроризм – нарочитая, политически мотивированная атака на информационные, компьютерные системы, программы и данные) [8]; *hacktivism – the act of hacking, or breaking into a computer system, for a politically or socially motivated purpose* (ср.: акт взлома или взлом компьютерной системы с политической или социально-мотивированной целью – насильственное вмешательство в чужие компьютеры ради пропаганды определенного движения или учения, для политических нападений на определенное лицо или организацию) [8];

– СД *mega-terrorism* (12 единиц) – *the hope of killing many thousands in a single blow* (ср.: надежда на то, чтобы погибло много тысяч людей одновременно – современный терроризм (с реальной угрозой использования оружия массового уничтожения) [8], напр.: *WMD-terrorism* – терроризм с использованием оружия массового уничтожения [8];

– СД *theoterrorism* (27 единиц) – *terrorism for a religious purpose* [8], напр.: *jihad – a holy war fought by Muslims against those who reject Islam* (ср.: священная война со стороны мусульман против тех, кто не признает ислам) [7, с. 727]; *crusade* (ЛСВ 1) – *a long and determined effort to achieve something that you believe to be right or to stop something that you believe to be wrong* (ср.: длительные и решительные усилия, чтобы добиться чего-то, во что Вы верите, чтобы быть правым или остановить то, что вы считаете неправильным) [7, с. 320].

Концептуально-семантическая структура парцеллы имеет такой вид: [ТАКОЙ КТО: Агенса (СУБЪЕКТ ТЕРРОРИЗМА – ТЕРРОРИСТ) действует ТАК с результатом (ТАКОЙ / ТО)].

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Состав парцеллы образуется из тематической группы в 88 лексем с инвариантом значения «деморализация или запугивание / подчинение», например:

– СР с СД *demoralization* (ЛСВ 1) – *destroying the moral basis for a doctrine or policy* (ср.: уничтожение нравственных основ ради доктрины или политики [8] (9 лексем), напр.: *dejection – a feeling of unhappiness and disappointment* (ср.: чувство несчастья и разочарования) *terroria* – запугивание правительством народа угрозой терроризма [8];

– СР с СД *preconception* – *an idea or opinion that is formed before you have enough information or experience* (20 лексем) (ср.: идея или мысль, которая формируется, прежде чем у Вас есть достаточно информации или опыта) [7, с. 1034], напр.: *Islamophobia – prejudice against Muslims*

(ср.: предубеждение против мусульман – ужас угрозы террористических актов со стороны исламистов [8]; *bias* (ЛСВ 1) – *a strong feeling in favour of or against one group of people, or one side in an argument, often not based on fair judgement* (ср.: сильное чувство, в пользу или против одной группы людей, или одной стороны в споре, часто не основанные на справедливом решении) [7, с. 113];

– СР с СД *harm* (14 единиц, 7 из которых стилистически маркированные) – *damage or injury that is caused by a person or an event* (ср.: убытки или вред, обусловленные лицом или событием) [7, с. 616], напр.: *trauma* (ЛСВ 1) – *a mental condition caused by severe shock, especially when the harmful effects last for a long time* (ср.: психическое состояние, вызванное тяжелым шоком, особенно когда вредное воздействие продолжается в течение длительного времени) [7, с. 1440];

– СР с СД *loss* (ЛСВ 1) – *the state of no longer having something or as much of something; the process that leads to this* (ср.: состояние, при котором кто-то не имеет чего-то или малое количество чего-то, процесс, который приводит к этому) [7, с. 795], напр.: *death* (ЛСВ 1) – *the fact of somebody dying or being killed* (ср.: тот факт, что кто-то умирает или является убитым) [7, с. 340] (26 единиц, 5 стилистически окрашенные);

– СР (19 единиц, 7 из которых стилистически маркированные) с СД *offence* (ЛСВ 1) – *an illegal act* (ср.: незаконное действие) [7, с. 915], напр.: *outrage* (ЛСВ 2) – *an act or event that is violent, cruel or very wrong and that shocks people or makes them very angry* (ср.: действие или событие, насилие, жестокое или очень неправильное, то, что шокирует людей или делает их очень злыми) [7, с. 938].

Схема такой семантической группы имеет вид [ТАКОЙ КТО: Агенса (СУБЪЕКТ ТЕРРОРИЗМА – ТЕРОРИСТ) действует ТАК с РЕЗУЛЬТАТОМ (ТАКОЙ / ТО)].

Представленные парцеллы ЛСП *terrorism* пересекаются с фрагментами концептосферы ЧЕЛОВЕК. Их перечень воспроизводит зоны концептуальной дифференциации концепта TERRORISM. Выведены путем концептуального анализа существительных концептуальные структуры парцелл ЛСП *terrorism*, позволяют судить о структуре выявленных блоков информационной структуры концепта TERRORISM. Итак, можно констатировать, что БЛОК ФЕНОМЕНА ТЕРРОРИЗМ моделируется в виде акционального субфрейма [КТО: Агенса (СУБЪЕКТ терроризма) действует ТАК на пациента (ОБЪЕКТА терроризма) с ТЕМ: результат].

БЛОК РЕАКЦИИ на террористические акты (противодействие терроризму) содержит информацию о действиях, направленных на борьбу с терроризмом (70 единиц): напр.: *counterterrorism* – *a strategy intended to prevent or counter terrorism* (ср.: стратегия, предназначенная для предотвращения или борьбы с терроризмом) [8], *counterintelligence* – *intelligence activities concerned with identifying and counteracting the threat to security posed by hostile intelligence organizations or by individuals engaged in espionage or sabotage or subversion or terrorism* (ср.: интеллектуальная

деятельность, связанная с выявлением и противодействием угрозе безопасности, исходящей от вражеских разведывательных организаций или физических лиц, которые занимаются шпионажем или диверсией или подрывной деятельностью или терроризмом) [8], *biodefence* – защита от использования биологического оружия [8]; *backscatter* – техника обнаружения оружия, скрытой на теле человека с помощью специального рентгеновского устройства [8]. В связи с этим его концептуальная структура имеет вид акционального субфрейма [ТАКОЙ КТО: Агнец (ЧЕЛОВЕК / ПРАВИТЕЛЬСТВО / ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО) действует ТАК с результатом (ТАКОЙ / ТО (поступок)]

Таким образом, ЛСП *terrorism* общим количеством в 988 единиц подразделяется по представленным параметрам на пять парцелл, каждая из которых фиксирует отдельный участок (слот или подслот) семантической структуры концепта **TERRORISM**. Приведенные фреймовые модели концептуальных блоков концепта **TERRORISM** определяют вершинную конфигурацию общей информационной структуры концепта. Установлению особенностей спецификации слотов субфреймов служит концептуальный анализ других элементов выявленных парцелл ЛСП *terrorism*.

Список литературы

1. Вальчук Г. В. Мовне втілення концепту "європейська інтеграція": семантико-когнітивний аспект (на матеріалі англословних документів Євросоюзу та публікацій газети The Times): дис. ... канд. філол. наук. К., 2003. 273 с.
2. Жаботинская С. А. Ономазиологические модели в свете современных школ когнитивной лингвистики // С любовью к языку. М. Воронеж: ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 115-123.
3. Левицкий А. Э. Функциональные изменения в системе номинативных единиц современного английского языка: дис. ... доктора филол. наук. К., 1999. 396 с.
4. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. К.: Знание, 2004. 326 с.
5. Фатьянова И. В. Мікроконцептосфера **TERRORISM** у сучасному англо-американському політичному дискурсі: дис. ... канд. філол. наук. Одеса, 2013. 275 с.
6. Fillmore Ch. J. Frame Semantics // The Linguistics Society of Korea (ed.) *Linguistics in the Morning Calm*. Seoul: Hanshin Publishing Co, 1982. P. 111-137.
7. The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 6-th edition / Ed. by Sally Wehmeier. Oxford University Press, 2000. 1604 p.
8. Wikipedia, the free encyclopedia. Доступ: www.en.wikipedia.org/wiki/Terrorism.

УДК 81'373.7:811.111:811.161.2

В. А. Хохлова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТОПОНИМИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В СОСТАВЕ АНГЛИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье рассматривается процесс семантической трансформации топонимического компонента в составе фразеологических единиц в английском и украинском языках. Топонимический компонент в составе фразеологических единиц является социо-культурным ономом, аккумулирующий информацию об истории, национальных традициях и обычаях, мировоззрении того или иного народа, что позволяет рассматривать фразеологические единицы с топонимическим компонентом в качестве трансляторов особенностей национальной психологии, менталитета, мировосприятия. В данной статье особое внимание сфокусировано на семантической и лингвокультурологической нагрузке исследуемых единиц.

Ключевые слова: фразеологическая единица, топоним, семантическая трансформация

Фразеология любого народа неразрывно связана с историей, культурой, традициями и литературой нации, говорящей на данном языке. Эта связь наиболее четко прослеживается в тех фразеологических единицах (далее ФЕ), в состав которых входит такой вид имен собственных, как топоним, вызывающий множество историко-культурных и литературных ассоциаций. Следует отметить, что без семантизации культурного компонента значения топонима в составе фразеологизма, страноведческая ценность топонима будет ограничиваться лишь информацией о том или ином географическом объекте, при этом вне поля зрения остается обширный пласт национально-культурных ассоциаций.

Материал исследования составляют 1446 ФЕ (711 ФЕ – в английском языке и 735 – в украинском языке), полученные методом сплошной выборки из современных фразеологических, толковых и переводных словарей английского и украинского языков [8-18].

Семантический анализ исследуемых фразеологических единиц с топонимическим компонентом (далее ФЕТК) свидетельствует о семантической адаптации и трансформации топонима как имени собственного в «наименование-символ» с ярко выраженными национально-культурными коннотациями. Это происходит благодаря процессу так называемой языковой фразеологизации, то есть процесса обогащения и расширения общего значения ФЕ за счет этномаркованных ассоциативных созначений, которые выдвигаются на первый план благодаря топониму как транслятору социо-культурной информации [2, с. 3]. Анализ языкового материала позволяет выявить 5 видов

семантических трансформаций топонимического компонента (далее ТК) в составе ФЕ, которые в основном совпадают в количественном отношении в языках сопоставления (см. табл. 1).

Таблица 1

Типы семантических трансформаций ТК в составе ФЕ

Типы семантических трансформаций	Английский язык		Украинский язык	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Метафора	477	67	502	68
Метонимия	168	24	151	21
Синекдоха	36	5	25	3
Каламбур	18	2,5	48	7
Сравнение	12	1,5	9	1
Всего	711	100	735	100

Как видно из таблицы, в обоих языках преобладают такие семантические трансформации, как метафора и метонимия. Метафорический перенос является основным механизмом фразеологизации топонимического компонента в составе ФЕ. Следует отметить, что Аристотель отводил метафоре исключительную роль в отражении объективной реальности, поскольку он считал, что понятие «подобие» является основополагающим средством в познании мира. Метафоры являются средством характеристики наших концептуальных представлений об окружающей действительности в терминах других представлений в том случае, если нет возможности выразить их другим способом. По словам В. Г. Гака, метафора является обязательным средством выражения в речи, поскольку она присуща человеческому мышлению и языку [1]. Метафора является мощным средством выражения признаков значений. Ассоциативно-образная природа, позволяющая в одной структурной единице совместить объективный смысл, информационное сообщение о предмете или явлении внешнего мира, с одновременной субъективной его оценкой и интерпретацией, предопределило широкое распространение метафор в языке и речи [3; 4; 6].

Уникальность метафорических переносов состоит в возможности создания признаков, не имеющих аналогов в системе средств прямой номинации. Образно-аналитическая структура метафоры позволяет передавать значения любой степени сложности и семантической конфигурации. Метафора возникает при уподоблении одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств и действий, характеризующих эти явления. С формальной точки зрения, метафорический перенос заключается в употреблении слова (словосочетания, предложения), предназначенного для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, для наименования или характеристики других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков [1].

Метафорический перенос ориентирован на адресата, поэтому при его использовании субъект речи должен быть уверен в том, что его реальный или потенциальный слушатель, используя хранящиеся в его памяти наглядно-чувственные образы, раскроет скрытое за метафорической оболочкой значение точно в соответствии с его замыслом.

Фразеологические единицы с полным переосмыслением компонентов представляют собой случай полной метафоры. Полностью переосмысленные ФЕТК по своему происхождению мотивированные: англ. *Scarborough warning* ‘предупреждение, сделанное за очень короткий срок; расправа без суда’ (предполагается, что выражение возникло в связи с частыми случаями расправы без суда над разбойниками в г. Скарборо в XVI веке). В украинских фразеологизмах с топонимическим компонентом, которые образованные путем глобальной метафоризации, переосмыслению подлежит определенная ситуация, то есть переосмысления охватывает весь оборот в целом: укр. *дорога в Дамаск* ‘переродиться, стать другим человеком’. Основой для переноса послужила ситуация духовного перерождения, которая описана в 9 разделе «Действий святых апостолов», когда Савл после своего путешествия в Дамаск из ненавистника превращается в самого преданного сторонника Иисуса Христа. Топоним Дамаск теряет свое индивидуальное значение и приобретает аппелятивность, что происходит вследствие отождествления основного топонимического значения со значением «перерождения».

Тем не менее, известны и такие метафоры, которые образовались на основе сравнения с нереальными явлениями или ситуациями, которые существуют лишь в воображении людей, например: англ. *to carry surfboards to California* ‘возить доски для серфинга в Калифорнию’; англ. *to carry owls to Athens* ‘возить сов в Афины’; укр. *возити вугіль у Ньюкасл* (Ньюкасл – центр угольной промышленности в Англии). Все вышеупомянутые фразеологизмы имеют значение ‘заниматься напрасным делом’.

Помимо словосочетаний метафорическому переосмыслению могут подлежать также предложения: англ. *Hamlet without the Prince of Denmark* ‘букв. Гамлет без принца Датского; что-то лишнее самого важного, основного, своей сути’; англ. *he is so dumb you can sell him the Brooklyn Bridge* ‘букв. он такой глупый, что можно ему продать Бруклинский мост; он набитый дурак’ (Бруклинский мост стал одним из самых больших мостов своего времени, техническим достижением, прорывом, чудом инженерной мысли середины XIX века, символом силы, энергии, мастерства; он завораживает своей мощью воображение всех туристов. Когда хотят подчеркнуть материальное благосостояние человека, то говорят, что он может купить даже Бруклинский мост, что находится за гранью реальности. Но также говорят и о глупости человека, который верит в то, что это действительно возможно.). ФЕТК *Одним Каховське море, а другим – горе* ‘то, что хорошо одним – плохо другим’ связана с

историческим фактом, когда при наводнении Каховское море (водохранилище в Херсонской области) затопило довольно большую территорию украинских земель, но к счастью не всю ту территорию, которая могла по прогнозам быть затопленной, что в конечном результате в настоящее время имеет ассоциации с положительным исходом дела [6].

Сдвиг значения в составе свободного словосочетания может осуществляться путем *метонимического* переосмысления. Приведем пример из английского языка: ФЕТК *from China to Peru* 'от Китая до Перу, повсюду', созданное С. Джонсоном, английским писателем и знаменитым лексикографом. Значение данной ФЕТК формируется на основе определенных представления об этих странах, как символов охвата территорий, расположенных на огромном расстоянии друг от друга. Таким образом, в понимании англичан 'пройти путь от Китая до Перу' означает побывать повсюду. Так, например, в результате метонимического переноса значения слов (названия улиц) возник целый ряд фразеологических единиц: англ. *Downing Street* 'правительство Великобритании'; англ. *Bow Street* 'главный уголовный полицейский суд в Лондоне' (по названию улицы, где он находится); англ. *Coronation Street* 'улица, населенная рабочими' (по названию серии телепередач о жителях улицы в рабочем районе на севере Англии); англ. *Carnaby Street* 'модная одежда для молодежи' (по названию торговой улицы в центральной части Лондона); англ. *in Carey street* 'банкрот' (по местонахождению отдела по делам несостоятельности в Лондоне (Bankruptcy Court in London bankrupt)); англ. *Wall street* 'американская финансовая олигархия' (на Уолл-стрит в Нью-Йорке расположены крупнейшие банки, фондовая биржа и т.п.); англ. *Throgmorton Street* 'лондонская фондовая биржа' (биржа расположена на Трогмортон-стрит в Лондоне); англ. *Madison Avenue* 'американская реклама' (многие рекламные агентства расположены на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке); англ. *Broadway broad* 'проститутка' (как носительница «широких взглядов»); ФЕТК *bess of Bedlam* 'сумасшедшая, безумная, помешанная' (*Bedlam* – сумасшедший дом в графстве Кент); ФЕТК *пора на Зоринськ* 'заниматься черной работой' передает информацию о том, что в Зоринске, городе районного значения в Перевальском районе Луганской области Украины, большинство населения работает в шахтах. ФЕТК *Лондон і Вашингтон брешуть в один тон* вызывает ассоциации с историческим фактом времен Первой мировой войны, когда представители двух государств в лице правительства Ллойд Джорджа в Англии и президента Томаса Вудро Вильсона в Америке погрязли в паутине интриг и заговоров, и их международная политика давала невыполнимые обещания перед своими и чужими народами. Следующая пословица также является примером метонимического использования топонимов: укр. *нагрівся француз у Москві, а замерз у Березині*. Данное афористическое высказывание имплицитно содержит историческую информацию. В данном случае, если не

воспользоваться историческими знаниями, поверхностное прочтение поговорки вызывает недоумение таким сочетанием Москва и Березина. Но данные топонимы использовано в ФЕТК для того, чтобы не называя события, суметь описать ее значение. Слова *француз*, *Москва*, *Березина* помогают расшифровать время действия: речь идет о поражении Наполеона во время войны с Россией.

Еще одним из способов преобразования топонимического компонента в составе фразеологических единиц является разновидность метонимии – *синекдоха*, сущность которой состоит в переносе названия на основе взаимосвязи части и целого. Например, англ. ФЕТК *Brummagem button* ‘фальшивые деньги’ восходит к историческому факту, имевшему место в английском городе Бирмингем (*Brummagem* – искаженное *Birmingham*), где в XVII веке была распространена подделка серебряных монет в 4 пенса. ФЕТК *to be born within the sound of Bow bell* ‘букв. родиться под звон колокола, родиться в Лондоне, быть истинным кокни’ обращает нас к историческому факту, что в центре Лондона находится известная своим колокольным звоном церковь Сент-Мари-ле-Боу, построенная в 1683 г. ФЕТК *дядько із Америки* ‘богатый родственник’ эксплицирует восприятие украинцами Америки как страны безграничных возможностей, где каждый приезжий сможет найти свое счастье и стать богатым. Отсюда и представления о родственниках из Америки как о зажиточных людях. В этом случае компонент «дядько» выступает как часть вместо целого (*pars pro toto*) по отношению к собирательному названию «родственник», то есть они находятся в отношениях субординации. Отождествление этих основных значений происходит в случае, когда видовое основное значение «дядько» употребляется вместо родового «родственник». Перенесение значения одного слова на другое лишь начало процесса фразообразования, поскольку актуализация значения за счет переосмысления слова возможна лишь в контексте. В нашем случае к окружению слова *дядько* относится топоним *Америка*, в семантической структуре которого есть индивидуальные логично-эмотивные семы «страна свободы», «страна безграничных возможностей», «страна богатства». Актуализация индивидуальных сем «страна богатства», «страна безграничных возможностей» и, соответственно, деактуализация основных сем топонимического понятия содействуют эмотивной детерминации всего выражения. Переосмысление свободного словосочетания ведет к семантической устойчивости прототипа, которая является предпосылкой для синтаксической устойчивости словосочетания. Семантически и синтаксически постоянное словосочетание становится потенциальным фразеологизмом, который в результате частого употребления приобретает фразеологическую устойчивость [4; 7].

Одним из наиболее интересных стилистических приемов, представляющих собой семантический феномен, который включает в себе

неповторимые «мерцания звучаний и значений», является каламбур – игра слов, основанная на нарочитой или невольной двусмысленности, порожденной омонимией или полисемией, в некоторых случаях вызывающей комический эффект [5].

Способность каламбура проявлять лингвистическую бинарность значений, можно проиллюстрировать следующими примерами: англ. *to go (to be off) to Bedfordshire* ‘шутл. идти спать, отправиться на боковую’ (Bedfordshire – название воображаемого графства, образованное от слова *bed* «постель»), в данной ситуации достигается комический эффект благодаря звуковому сходству части топонима *Bedfordshire* и слова *bed* – ‘постель’; *the land of Nod* ‘царство сна’, игра слов основана на созвучии английского слова *nod* «кивать» и библейской земли *Нод* – земли забвения, которая известна тем, что именно там, после своего злодеяния – убийства брата Авеля из зависти, поселился Каин, ищущий забвения. ФЕТК *the land of Cockaine* ‘сказочная страна изобилия и праздности, рай земной’ реализует одновременно фоновую информацию о Колумбии как о стране, где процветает наркобизнес, а с другой стороны, имплицитно состояние беззаботности, в котором находится человек после принятия наркотических средств. ФЕТК *valley of Baca* ‘букв. долина Бака; долина плача – символ человеческой жизни’. Многие исследователи считают, что определить местоположение этой долины представляется невозможным. Образование данной единицы на основе каламбура прослеживается в предположениях, что, возможно, это выражение связано с существованием арамейского глагола *baccjan* ‘плакать’, таким образом, становится понятной связь между ‘долиной плача’ и ‘долиной Бака’: ономастический компонент последней является лжеонимом. ФЕТК *on the high-road to Needam* имеет значение ‘букв. на шоссе в Нидам; на пути к нищете, быть на грани разорения / банкротства’. Для понимания основного значения данной ФЕТК необходимо выявить ее прототипическую сцену, которая должна быть связана с таким населенным пунктом, как Needham. Привлечение данных страноведческих словарей не дает какой-либо особой характеристики существовавшей недалеко от города Ипсвича небольшой деревни – Needham Market. Это дает основание предположить, что для образно-метафорической реализации значения разорения / банкротства англичане, вероятно, создали топоним *Needham*, путем присоединения суффикса – *ham*, закрепившееся в данной ФЕ и представляющее собой дериват существительного *need* ‘нужда, бедность’.

В состав многих украинских фразеологических единиц входят вымышленные географические названия. Такие фразеологизмы возникли в результате расщепления лексемы-мотиваторы на два элемента – носителя фразеологического значения и формального грамматического показателя. Искусственно созданные компоненты, являющиеся носителями фразеологического значения, – это своеобразные потенциальные слова, по

своему лексическому содержанию и словообразовательной ономастичной модели напоминают топонимы. Внутренняя форма этих фразеологизмов прозрачная благодаря звуковому созвучию стержневых ономастических компонентов и апеллятивив – существительных. Например, *Чи ти не з-нід Глухова?* ‘быть глухим’, где ИС Глухов созвучно слову «глухой»; *бути з Хамівки* ‘быть невоспитанным, нахальным’, где Хамивка созвучна слову «хам». ФЕТК *бувати в Буваличах, видати Видаличі* употребляется в значении ‘быть опытным во многих делах’, где *Буваличи* и *Видаличи* – названия фантастических географических объектов, построенные на игре слов «бывать, видать». ФЕТК *Дати місце в Могильовській губернії* ‘умереть’ образовано благодаря каламбуру, где вымышленное название губернии созвучно слову «могила». ФЕТК *іти до Лежухова* ‘лежать, бездельничать’ образовано от каламбурного созвучия квазитопонима *Лежухова* и имени нарицательного «лежать». Каламбур можно также проследить в ФЕТК *випровадитися до Закопани*, где *Закопане* – «могила», к тому же в данной ФЕТК употребляется реально существующий топоним Польши.

Необходимо отметить, что среди ФЕТК, образованных путем каламбура, можно различать ФЕТК, в основе которых лежит полисемия одного из компонентов и ФЕТК, построенные на омонимической замене одного из компонентов.

В английской топонимической фразеологии преобладают каламбуры, построенные на реализации разных значений многозначных слов. Например, в таком ФЕТК как *Acapulco gold* ‘крепкая, коричневатозолотая марихуана из Мексики’ прилагательное ‘gold’ является основой каламбура, поскольку в контексте данной ФЕ реализуется его значение ‘золотой’ по цвету, по характеру качества и сорту наркотических средств. Это пример многих подобных английских географических каламбуров, используемых для названий наркотиков, построенных на полисемии: например, англ. *African black* ‘марихуана’, англ. *Cambodian red* ‘красновато-коричневая марихуана из Камбоджи’, англ. *China white* ‘чистый или почти чистый героин’, где основой для каламбура в каждом случае служат значения соответствующих прилагательных ‘black – черный, red – красный, white – белый’, проводя параллель между понятием цвета и цвета данных наркотиков.

Примерами подобных ФЕТК могут быть следующие единицы: англ. *as plain as Salisbury* ‘букв. ясный, как Солсбери, совершенно очевидно, бесспорно, ясно как день’. Выражение является игрой слов, основанной на двух омонимах: *plain* ‘ясный’ и *plain* ‘равнина’; англ. *hail Columbia* ‘букв. чертова Колумбия; выражение раздражения’. В соответствии с некоторыми лингвострановедческими словарями, значение слова *hail* можно понимать как *hell*, что в переводе означает ‘ад’.

Еще один стилистический прием, который влияет на фразеологизацию ТК – *сравнение*, которое базируется на уподоблении

одного явления другому, подчёркивающее их общий признак. Сравнение часто рассматривается как особая синтаксическая форма выражения метафоры, когда последняя соединяется с выражаемым ею предметом посредством грамматической связки «как», «будто», «словно», «точно» и т.п. ФЕТК *as old as Charing cross* ‘стар как мир’ (Чаринг-Кросс – перекрёсток главных улиц Вестминстера — Уайтхолла, Стрэнда и Пэлл-Мэлла (точнее, Кокспур-стрит) с южной стороны Трафальгарской площади). Это место считается географическим центром Лондона и отсюда отсчитывается расстояние до других объектов городской инфраструктуры). ФЕТК *as busy as Grand Central Station* ‘букв. занят как станция гранд-сентрал, очень оживленный, шумный, людный’ (Grand Central Station это вокзал в Нью-Йорке либо Центральный вокзал в Лондоне – место большого скопления людей). ФЕТК *Like the devil looking over Lincoln* ‘как дьявол смотрящий на линкольнский собор; мрачно, злобно, с осуждением’ (Линкольнский собор Девы Марии (англ. *The Cathedral Church of the Blessed Virgin Mary of Lincoln*) – готический собор в городе Линкольн, строившийся с конца XII века по 1311 год.). ФЕТК *to go out (go through или shoot through) like a Bondi* ‘австрал. поспешно удалиться, удрать, улизнуть’ (намек на трамваи, быстро идущие в направлении Бонди, предместья Сиднея). ФЕТК *упертий як свиня з Варшави* обращает нас к польско-советской войне – войне между Польшей и Украинской Народной Республикой, с одной стороны, и РСФСР и Украинской Социалистической Советской Республикой, с другой, в апреле-октябре 1920 г. Это была попытка советской армии прорваться через Польшу в Германию, чтобы захватить ее и оттуда понести социалистическую революцию по всему миру. Однако Польша не сломалась и красная армия вынуждена была отступить.

Как видно из приведенных примеров и количественных данных, количественное соотношение стилистических приемов в обоих языках приблизительно равное. Однако, в английской топонимической фразеологии метафора занимает лидирующее место, и можно предпринять попытку объяснить это следующим образом – метафора стимулирует цепь ассоциаций и часто становится эстетической самоцелью, вытесняет первоначальное исходное значение слова, часто важен не исходный житейский смысл высказывания, а его неожиданное метафорическое значение – новый смысл. Английский менталитет отличается своей любовью к искусству и эстетике, и это находит свое отображение в языке, его стилистической интерпретации. Так же интересен тот факт, что в украинском языке каламбур больше представлен, чем в английском, что возможно объясняется тем фактом, что украинский язык – певучий, мелодичный, и естественно богат каламбуром, так как именно каламбур это один из наиболее интересных стилистических приемов, основанный на нарочитой или невольной двусмысленности, вызывающей комический эффект.

Список литературы

1. Гак В. Г. Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11-26.
2. Ковалева Л. В. Фразеологизация как когнитивный процесс: монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. 184 с.
3. Приходько В. К. Выразительные средства языка. М. 2008. 256 с.
4. Фирсова Ю. А. Фразеологічні одиниці з топонімічним компонентом у німецькій мові: лінгвокультурологічний аспект: дис. ... канд. філол. наук. К., 2002. 194 с.
5. Хохлова В. А. Каламбур как средство фразеологизации топонима в составе английской и украинской топонимической фразеологии // 83-я Международная научно-практическая конференция «Глобальные тенденции развития этнических языков в контексте обеспечения межнациональных коммуникаций». Лондон, 2014. Р. 18-19.
6. Хохлова В. А. Метафора как средство семантической адаптации и трансформации топонима в составе английской и украинской топонимической фразеологии «Сучасна філологія: тенденції та пріоритети розвитку»: Міжнародна науково-практична конференція, м. Одеса, 11-12 липня 2014 року. Одеса: Південно-українська організація «Центр філологічних досліджень», 2014. С. 104-108.
7. Хохлова В. А. Метонимия как средство семантической адаптации и трансформации топонима в составе английской и украинской топонимической фразеологии // Материалы международной конференции молодых ученых «Современные исследования языка и литературы» (26-28 марта 2015 г.). Донецк: ДонНУ, 2015. С. 132-134.

Список лексикографических источников:

8. Баранцев К. Т. Англо-український фразеологічний словник. К.: Знання, 2005. 1056 с.
9. Білоноженко В. М. Фразеологічний словник української мови. К.: Наукова думка, 2003. 1104 с.
10. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Живой язык, 1998. 944 с.
11. Олійник І. С. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник. К.: Рад. шк., 1991. 400 с.
12. Приходченко К. І. Універсальний словник-довідник: 30000 слів і виразів сучасної української мови. Донецьк: БАО, 2008. 320 с.
13. Удовиченко Г. М. Фразеологічний словник української мови: в 2 ч. К.: Вища школа, 1984. Ч. 1: А–М. 1984. 304 с.; Ч. 2: Н–Я. 1984. 384 с.
14. Ammer С. The American Heritage Dictionary of Idioms. Boston, Massachusetts: Houghton Mifflin Harcourt, 1997. 729 p.
15. Cambridge Idioms Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 505 p.
16. Cowie A. P. Oxford Dictionary of English Idioms. Oxford: Oxford University Press, 1993. 685 p.
17. Longman dictionary of English idioms. London: Longman Group Ltd. The Pitman Press, 1979. 677 p.
18. Siefiring J. Oxford Dictionary of Idioms. Oxford: Oxford University Press, 2004. 340 p.

*Язык, великолепный наш язык.
Речное и степное в нём раздолье,
В нём клёкоты орла и волчий рык,
Напев, и звон, и ладан богомолья.
В нём воркованье голубя весной,
Взлёт жаворонка к солнцу — выше, выше.
Берёзовая роща. Свет сквозной.
Небесный дождь, просыпанный по крыше...*

К. Бальмонт

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

УДК 811.11'16

Ш. Р. Басыров

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

УЗУАЛЬНЫЕ И ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ С РЕФЛЕКСИВНЫМ КОМПЛЕКСОМ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

*«Все изменения языка, которые потом
проявляются и в монологической речи,
куются
и накапливаются в кузнице
разговорной речи»
(Л. В. Щерба)*

Статья посвящена узуальным и окказиональным глаголам, образованным путем одновременного присоединения к мотивирующей основе рефлексивного элемента, префикса и/или суффикса. Подобные образования именуются глаголами с рефлексивным комплексом (ГРК) и исследуются на словарном и текстовом материале художественной литературы и прессы. В структурном и семантическом планах ГРК образуют различные формальные и смысловые типы.

Ключевые слова: рефлексивный глагол, рефлексивный комплекс, рефлексивный элемент, положительный / отрицательный / нейтральный результат, формула толкования.

1. Введение. Словарный состав каждого языка постоянно пополняется новыми лексическими единицами [2; 3; 6; 8; 16]. Первостепенное значение в этом процессе играют внеязыковые факторы: развитие экономики, культуры, информационных технологий и т. п. Динамические процессы в лексической системе языка детерминируются также внутрисистемными связями единиц языка, действием внутриязыковых законов (аналогического словообразования, экономии языковых усилий и ресурсов и др.), а также активным проникновением в литературный и общеупотребительный язык нестандартной лексики (жаргонизмов, арготизмов) [9].

Объектом исследования в настоящей статье выступают узуальные и неузуальные (окказиональные) слова немецкого, русского и украинского языков, образованные путем одновременного присоединения к мотивирующей основе на одном деривационном шаге рефлексивного элемента (частицы -ся/-сь – в русском и украинском языках, рефлексивного местоимения *sich* в немецком языке) и аффикса (префикса и/или суффикса) типа (1) русск. *допрогнозироваться* (← *прогнозировать*), укр. *капловушитися* (об ушах) (← *капловухий*), нем. *lavieren* разг. ‘пытаться угодить двум разным людям’ → *sich ranlavieren*

разг. 'подлизаться'. Подобные образования именуются в работе глаголами с рефлексивным комплексом (далее ГРК) [1].

Анализируемые ГРК были получены из словарей [10; 15; 17; 18; 20; 21], газет и журналов [13; 18], книг [3], монографий [1], статей [5] и произведений современной художественной литературы [9; 12; 14; 19].

2. Структурные типы ГРК. В структурном отношении анализируемые ГРК распадаются на три основные морфологические группы: 1) отсубстантивные ГРК; 2) отглагольные ГРК; 3) отаффиктивные ГРК [1, с. 98].

2.1. Среди *отсубстантивных* ГРК в сопоставляемых языках обнаружены производные двух типов, а именно: а) образования с двухморфемным рефлексивным комплексом (РК), в состав которого входит рефлексивный элемент (РЭ) и суффикс; б) образования с трехморфемным РК, в состав которого входит РЭ, префикс и суффикс. Более продуктивными являются образования с участием сложного аффикса, представляющего собой комбинацию РЭ *-ся/sich* и суффикса. Приведем некоторые примеры: (2) русск. *жидиться* (← *жид*); *тусоваться* (← *тусовка*); *коннектиться* 'связываться по модему; завязывать отношения' (← англ. *connect* 'соединяться, связываться'); *чатиться* (← *чат*); *марафетиться* (← *марафет*); *рестораниться* (← *ресторан*); *витаминиться* (← *витамин*), (3) укр. *культосвічуватися* (← *культосвіта*), *забобонитися* (← *забобон*), (4) нем. *die Schlange* 'змея' → *sich schlängeln* разг. 'извиваться, пробираясь сквозь что-л., кого-л.'

В немецком языке отмечены также производные глаголы со сложным формантом «префикс + РЭ» типа (5) *sich verpartnern* 'заключать брак официально' (← *Partner, m* 'партнер', 'спутник жизни').

В сопоставляемых языках регистрируются также отсубстантивные ГРК, в деривации которых принимает участие трехморфемный комбинированный аффикс, состоящий из префикса, суффикса и РЭ. Ср:

(6) русск. *зазвездиться/иззвездиться* (← *звезда*), *размужчиниться* (← *мужчина*), *залимузиниться* (← *лимузин*); *оздоровиться* (← *здоровье*); *объевровидеться* (← *Евровидение*);

(7) укр. *збоягузитися* (← *боягуз*), *закабінечуватися* (← *кабінет*);

(8) нем. *sich verästeln* 'разветвляться' (← *der Ast* 'ветвь').

Иногда в качестве мотивирующей основы выступает инициальная аббревиатура. Так, иронически окрашенный русский окказиональный ГРК (9) *доегэраться*, означающий 'сдавать в обязательном порядке Единый Государственный Экзамен', образовался путем прибавления к буквенной аббревиатуре *ЕГЭ* сложного форманта «до- + ра + ся», ср. с омофоничным ГРК *доиграться* (← *играть*).

2.2. Многочисленными в сопоставляемых языках оказались ГРК, *мотивированные глаголами*. Среди них отмечены отглагольные ГРК, образованные при участии префикса и РЭ, ср.:

(10) русск. *гостить* → *загоститься*; (11) укр. *стандартизувати* → *достандартизуватися*; (12) нем. *sich verkracheln* разг. ‘сильно влюбиться в кого-л.’ (← *krachen* ‘трещать, лопаться’)

2.3. Слабо продуктивными в сопоставляемых языках являются *отадъективные* ГРК типа (13) русск. *оженатиться* (← *женатый*); *голубой* → *голубиться* мол. ‘быть гомосексуалистом («голубым»)’.

В немецком разговорном языке обнаружен ГРК (14) *sich verunnüchtern* ‘напиться пьяным’, который образовался посредством одновременного присоединения к мотивирующей адъективной основе *nüchtern* ‘трезвый’ отрицательной приставки *un-*, префикса *ver-* и РЭ *sich* (имя прилагательное **unnüchtern* ‘нетрезвый, пьяный’ в немецких словарях не обнаружено). Данный рефлексив появился, очевидно, в современном немецком языке как антоним к отадъективному рефлексиву с двухморфемным РК (15) *sich ausnüchtern* ‘протрезвиться’ (← *nüchtern* ‘трезвый’).

3. Семантические типы ГРК

3.1. В семантическом отношении *отглагольные* ГРК в немецком, русском и украинском языках обладают общим признаком ‘качество результата, которого добивается субъект в процессе выполнения им действия, обозначенного мотивирующим глаголом’ [1, с. 170]. Ср. следующие ГРК с отрицательным результатом для субъекта действия:

(16) русск. А не *загостился* ли он у нас? [11, с. 51] (т.е. ‘слишком долго находясь у кого-л. в гостях, начал надоедать хозяевам’);

(17) русск. «А чем он занимался?» – «Прогнозировал будущее. Так лет на 50 вперед. *Допрогнозировался*» [14, с. 81] (т.е. ‘прогнозируя, навлек на себя неприятности’);

(18) русск. «Нет у нас свободных коек, – развел руками худой хирург. – И гипса нет. И марли нет. И шприцов нет» – «А что у Вас есть?» – весело возмутился Удищев. – «Ничего у нас нет. Кроме профессионального долга, конечно» – «Хорошее дело! – удивился Удищев. – *Доперестраивались!*» [11, с. 19] (т.е. ‘совершая перестройку в работе, лишились самого необходимого для работы’).

Ср. также словарные толкования следующих ГРК с явным негативным результатом для его субъекта:

(19) укр. *достандартизуватися* ‘отримати небажаних наслідків, результатів через процес, названий дієсловом *стандартизувати*’ [16, с. 32];

(20) русск. *объевровидеться* ‘потерпеть очередной провал на конкурсе «Евровидение» (о российских исполнителях)’.

В следующих примерах актуализируется *положительный* результат для субъекта действия, названного исходным глаголом:

(21) укр. Тітка Ніла чорніє в рамі вікна і мовчить. Наче в себе вдома не *намовчалася*, то прийшла *намовчатися* вволю у нас («мовчати надміру, довгий час, досхочу» [16, с. 74];

(22) укр. «Кажуть, Рух, багато мітингує». – «Що ж, надто багато накопичилося, *нанімувалося* за літа мовчання (тобто «німувати надміру, довгий час, досхочу» [16, с. 74].

Большой экспрессивностью обладает русский ГРК (23) *нанектариться* в стихотворении В. Высоцкого «Семейные дела в Древнем мире»:

Не вести ж бесед тверезыми!

Марк-патриций не мытарился –

Пил нектар большими дозами

И ужасно *нанектарился* [12, с. 187].

Окказиональный ГРК *нанектарился* образовался префиксально-суффиксально-постфиксальным способом, по той же семантической модели, что и отглагольные ГРК типа (24) *напиться/наесться/нализаться* (прост.) ‘вдоволь пить/есть’. Приставка *на-* в сочетании с постфиксом *-ся* указывает на полную совершенность действия, удовлетворенность им субъекта действия. Однако, если в узуальных ГРК (24) корневая морфема обозначает глагольное действие, то в окказионализме (23) назван только объект (*нектар*), а само действие заключено в его производном ГРК. Добавим, что нектар в древнегреческой мифологии – напиток богов, дающий им бессмертие и вечную юность; переносное значение: о прекрасном и живительном напитке.

В приведенном четверостишии автор заставляет читателя предположить, что нектар содержит алкоголь либо другой «прекрасный и живительный напиток», которым увлекался Марк Аврелий. Создав окказиональный глагол *нанектарился*, В. Высоцкий добился тонкого, яркого, живого и образного комического эффекта, отвечающего духу времени и конкретной ситуации.

В компьютерном сленге встречаются отглагольные ГРК, часто мотивируемые английскими лексемами типа (25) русск. *коннектиться* ‘связываться по модему, завязывать отношения’ (← англ. *to connect* ‘соединяться, связываться’), ср. также производное (26) русск. *законнектиться с кем-л.* [5, с. 124].

3.2. Более разнообразны в семантическом отношении отсубстантивные ГРК. С учетом семантической функции мотивирующего имени существительного в толковании производных ГРК можно выделить следующие смысловые группы (см. ниже 3.2.1-3.2.4).

3.2.1. ГРК с формулой толкования (ФТ) «S (субъект) начинает быть тем/как бы тем, что обозначено мотивирующим именем существительным (Sm)»

В данную группу входят атрибутивные ГРК, в толковании которых мотивирующее имя выполняет семантическую функцию “признак” [4, с. 59]. ГРК с мотивирующими-антропонимами описывают часто ситуацию уподобления или приобретения субъектом действия негативных привычек, свойств, черт характера и т.п. В значении производных

дериватов обычно содержится отрицательная характеристика лица. Например:

(27) укр. Наказав: хто *збоягузиться* (тобто ‘стане боягузом’), поверне на відворот – мотузувати й нещадно батогувати [16, с. 43];

(28) укр. У нього відвідувачі під кабінетом з ранку до вечора просиджують. *Обюрократився* (тобто ‘став бюрократом’) [16, с. 83].

Отмечены случаи мотивации отсубстантивных ГРК собственными именами:

(29) укр. Дякую вам, одесити, котрі ще не *оббоделанились* (← Боделан) та не *обостроущенились* (← Остроущенко) (тобто підпасти під вплив Боделана/Остроущенко, стати таким як Боделан / Остроущенко) [16, с. 81].

Некоторые ГРК имеют ФТ «S начинает не быть Sm»:

(30) укр. Чи *віддантесились* Дантеси? (тобто ‘закінчилось існування Дантесів’) [16, с. 20].

В русской разговорной речи появление ГРК может быть вызвано предыдущим контекстом, в котором упоминается мотивирующая субстантивная основа, ср.:

(31) *Надо нам капустник устроить / а Нину премьершей сделать. – Я уже отпремьерилась* [3, с. 151];

(32) *Всё, нагегемонился* (= ушел с завода, перестал быть рабочим) (← *гегемон* ирон. ‘пролетарий, рабочий’), дураков нет! [10, с. 56].

Значением отдельных атрибутивных ГРК данной смысловой группы является ситуация превращения субъекта (S) в Sm. Мотивирующими именами выступают в этом случае неодушевленные имена, обозначающие различные артефакты (материалы, породы, вещества, жидкости и т.п.), природные и социальные явления либо части тела. Например:

(33) укр. Бачив: за зиму *зганчірилися* (тобто ‘стали ганчіркою’) трофейні лядські унтуші, та не пощербилися козацькі зуби: люто рватимуть ворога! [16, с. 43-44];

(34) укр. Хочеться бути першим, *вершинитися* (тобто ‘бути вершиною в суспільному ладі’) на суспільному видноколі. А доля не співчуває, а обставини складаються не на користь археолога-нарциса [16, с. 18];

(35) укр. Зараз він схожий на житній кулик соломи, вирваний бурею десь зі стріхи вуха *каплюються*, чуб *костричиться*, очі *колющаться!* [16, с. 49, 53, 56];

(36) русск. Как «отраслировалась» (т.е. превратилась в отрасль экономики) высшая школа на Дальнем Востоке в 1930-е годы [18, с. 74].

3.2.2. ГРК с ФТ «S ведет /начинает вести себя как Sm»

Значения атрибутивных ГРК рассматриваемой группы часто основываются на сравнении субъекта действия (S) и мотивирующего имени (Sm). По своей семантике производные данной группы примыкают

к значению выше описанных ГРК в п.п. 3.2.1. Мотивирующие имена анализируемых ГРК являются антропонимами, называющими человека по следующим признакам:

1) по свойствам характера, поведения, часто с отрицательной коннотацией, ср.:

(37) русск. Говорят, Буланова тогда резко *зазвездилась* (т.е. ‘начала вести себя подобно звезде эстрады) и в разговоре с коллегами стала плохо отзываться об Алле Борисовне’) [13, с. 71];

(38) русск. Что мы за нация все-таки? Не делимся, *жидимся* (т.е. ‘ведем себя подобно жидам), а еще хотим, чтобы нас любили’) [14, с. 95];

(39) русск. мол. неодобр. Позавчера обо всём договорились, а сегодня он *закозлился* (т.е начал вести себя подобно упрямому козлу) [10, с. 27];

(40) нем. Ihr jungen Dinger von heutzutage meint immer, ihr müsstet *euch vermaulieren* (← *das Maul* разг. ‘рот’) [19, с. 166] ‘Вы, современные девицы, всегда думаете, что вам можно нахально возражать’.

2) по возрасту и полу:

(41) укр. «Та це ж баба Ликора затіяла такі зелені святки», – чується дівочий голос. «О баба Ликова! Вона все життя *дівочиться* (тобто ‘поводиться як дівка’)» – це парубочий голос [16, с. 30].

3.2.3. ГРК с ФТ «S начинает иметь Sm»

В данную группу входят посессивные ГРК, мотивирующее имя которых называет посессивный объект или объект обладания, владения [4, с. 41]. Значение этих ГРК сопряжено также с семой инхоативности. В качестве мотивирующего имени могут выступать предметы, мыслимые как отторжимая собственность человека, абстрактные понятия, мыслимые как неотторжимая собственность человека. Некоторые ГРК данной группы обнаруживают семантическую близость с производными группы, рассмотренными в п.п. 3.2.2. Приведем некоторые примеры:

(42) укр. Безавтомобільних розвелось стільки, що не перетопити в одній калюжі, але ж усі вони зі шкури лізуть, щоб *автомобілізуватися* (тобто ‘дія, процес, спрямовані на придбання автомобіля’) [16, с. 6];

(43) русск. Не всем же лимузины. А то, что она, Айа, *залимузинилась* (т.е. ‘приобрела лимузин’) – что поделаешь. Теперь она суперзвезда, окружена охраной, на звонки не отвечает [9, с. 27];

(44) укр. Забюрокрачувався, *закабінечувався* (тобто ‘набув ознак, властивостей кабінету (про роботу, яка не виходила за межі кабінету, не була публічною)'), ставав усе більше доктринерським і показушним комсомол, що й призвело у вісімдесятих роках до його глибокої кризи [16, с. 40];

(45) укр. А взимку, в люті морози, музиканти, співаки, танцюристи перебазовуються в лазню. Натоплять її – і давай *культосвічуватись* (тобто ‘здобувати культосвіту’). Стінци ходором ходять! [16, с. 58];

(46) русск. разг. шутил. Диссертация написана, скоро *остепенюсь* (= получу ученую *степень*) [3, с. 123].

3.2.4. ГРК с ФТ «S начинает быть в месте Sm»

В данную группу входят ГРК, мотивирующие имена которых выступают в толковании в функции «место» [4, с. 70], например:

(47) укр. В твоїх слізах я не зривав адоніс, не приворот оглянувся байдуже, а Дідьків ліс побачу – *забобонюсь* (тобто ‘перебуваю у полоні забобонів’), чи справді там оплотнюють душі? [16, с. 38];

(48) укр. *вхалепитися* (‘мати неприємності, потрапити в халепу’) (← *халепи*) [16, с. 23];

(49) русск. угол. Мусора в Москве на хвост сели, пришлось уходить, на время решил *заначиться* (= ‘затаиться, скрыться, прекратить на какое-л. время преступную деятельность, другим заняться’, т.е. как бы спрятать себя в заначку) (← *заначка* ‘место, где что-то спрятано’) [10, с. 121].

3.2.5. ГРК с ФТ «S1 и S2 становятся друг другу как то, что названо Sm». Например:

(50) нем. Sie wollen sich bald *verpartnern* [20, с.72] ‘Они собираются вскоре официально заключить брак’.

(51) русск. угол. Нельзя *кентоваться* (= дружить, быть в приятельских отношениях) с кем попало (← *кент* угол. ‘друг, приятель’) [10, с. 201].

Ср. ГРК в (51) с аналогичными арготическими ГРК:

(52) *корешиться / скорешиться* (= быть / становиться друзьями) (← *кореш / корешок* ‘старый друг, компаньон, соучастник в преступлении’).

Список литературы

1. Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении: монография. Донецк: Ноулидж (Донецкое отделение), 2014. 562 с.
2. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти. Донецьк: ДонНУ, 2002. 362 с.
3. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 275 с.
4. Калиущенко В. Д. Типология отыменных глаголов. Донецк: Донеччина, 1994. 420 с.
5. Мечковская Н. Б. Коммуникация на национальном языке и интернет: семиотические и лингвистические проявления компьютерной экспансии // Мова. Людина. Світ: До 70-річчя професора М. Кочергана. К.: КНЛУ, 2006. С. 117-128.
6. Нешименко Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 98-132.
7. Россихина М. Ю. Заимствования как источник пополнения молодежного жаргона в русском и немецком языках (на материале словарей 19-21 веков) // Филологические науки. 2008. № 5. С. 89-96.
8. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 113-129.

Источники иллюстративного материала

9. Айтматов Ч. Когда падают горы // Дружба народов. 2006. № 7. С. 9-99.
10. Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона. В 2-х т. М.: Кампана, 1997. Т. 1. 367 с.; Т. 2. 333 с.
11. Веревошкин Н. Человек без имени // Дружба народов. 2006. № 11. С. 6-53.
12. Высоцкий В. С. Я не верю судьбе: Стихи и песни. М.: Эксмо, 2015. 298 с.
13. Комсомольская правда, 21-28 декабря 2006.
14. Левитин М. Лжесвидетель // Октябрь. 2006. № 10. С. 33-107.
15. Мазурик Д. Нове в українській лексиці. Словник-довідник. Львів, 2002. 102 с.
16. Нелюба А. Лексико-словотвірні інновації (1983-2003). Словник. Харків, 2004. 136 с.
17. Ставицька Л. Українська мова без табу. Словник нецензурної лексики та її відповідників. Обсценізми, евфемізми, сексуалізми. К.: Критика, 2008. 454 с.
18. Хисамутдинова Н. В. Как «отраслировалась» высшая школа на Дальнем Востоке в 1930-ые годы // Высшее образование. 2007. № 5. С. 74-77.
19. Brežan J. Christa. Berlin: Verlag Neues Leben, 1989. 190 S.
20. Duden. Unsere Wörter des Jahrzehntes. 2000-2010. Chai Latte, Ego-Google und Ich-AG. Mannheim-Zürich: Dudenverlag, 2011. 80 S.
21. Küpper Dr. Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung GmbH., 1987. 989 S.

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ КАУЗАТИВНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛОМ *TO MAKE***

Статья посвящена описанию средств выражения элементов каузативных конструкций с английским глаголом-связкой «take» на материале примеров из американской и британской литературы XX века.

Ключевые слова: каузатив, каузативная конструкция, компонент каузативной конструкции, структура, средства выражения.

Современное состояние исследований в области семантического синтаксиса характеризуется разносторонностью проблематики. В аспекте конструкционной грамматики отправной точкой таких исследований является синтаксическая конструкция, рассматриваемая не только как форма организации лексических единиц для передачи определенного грамматического значения, но и как системный компонент, наделенный самостоятельным смыслом. Парадигма грамматики конструкций, учитывая приоритет семантики, дает возможность описать универсальные когнитивные принципы организации языка, проявляющиеся в семантических особенностях языковых структур.

Каузативные конструкции (далее КК), в составе которых выделяется каузативное значение глагола, исследуются в лингвистике наряду с другими актуальными вопросами семантического синтаксиса. Каузативные глаголы в составе конструкций исследуются Н. Д. Арутюновой, Т. В. Булыгиной, М. Я. Гловинской, А. А. Зализняк, Г. А. Золотовой, В. П. Недеялковым, Е. В. Падучевой, М. Ю. Селивановой, О. Н. Селиверстовой, Г. Г. Сильницким, Ю. С. Степановым, В. С. Храковским, Н. Ю. Шведовой, А. Д. Шмелевым, M. Bowerman, S. Enzinger, J. Geis, A. Goldberg, L. Reed, T. Sanders, E. Sweetser, J. Van Voorst, D. Wunderlich и другими лингвистами. Связочные глаголы также оказывались в фокусе исследования в работах ряда лингвистов (И. Н. Меркулова, И. Н. Толмачева, G. Gilquin, R. Langacker).

Следует также отметить, что несмотря на внимание лингвистов к синтаксическим единицам языка, нераскрытыми остаются глубинные механизмы репрезентации ими информации, процедуры структурирования знаний, используемые говорящим для формирования их смысла, факторы, влияющие на этот процесс, иными словами, когнитивные основы формирования смысла основных синтаксических единиц, а также языковые механизмы, обеспечивающие этот процесс [1].

КК с глаголами-связками (или аналитический каузатив) и их семантика представляют собой фундаментальную основу,

присутствующую во всех языках и являющуюся частью универсальной семантической организации.

В данной статье представлены результаты структурного анализа конструкций с каузативными глаголами-связками на материале примеров с английским глаголом *make*. Согласно подходу В. П. Недялкова и Г. Г. Сильницкого [2], который лег в основу данного исследования, каузативная ситуация (или макроситуация) состоит из двух микроситуаций: каузирующей ситуации (антецедента), каузируемой ситуации (консеквента), а также отношения каузации, т.е. отношения, связывающего каузирующую и каузируемую ситуации. Следующий пример иллюстрирует структуру каузативной конструкции (далее КК) глаголом-связкой: ... *but he has never made us get together* '... но он никогда не позволял нам собраться вместе'. Как видно из примера, агенс антецедента (r_1) выражен местоимением *he* 'он', каузирующее состояние (s_1) – местоимением *never* 'никогда', пациенс, предмет консеквента (r_2) – местоимением *us* 'нам', каузируемое состояние (s_2) – устойчивым словосочетанием в инфинитиве *get together* 'собраться'. Центральным элементом КК является каузативный глагол, в данном случае *make* 'заставлять', связывающий каузирующую и каузируемую ситуации.

Средства выражения компонентов КК с *to make* частично совпадают со средствами выражения компонентов КК с другими каузативными глаголами – такими, как *let, get, have* (см., например, [3; 4]). Полное совпадение отмечено в выражении каузируемого состояния. Средства выражения остальных компонентов (r_1, s_1, r_2) совпадают лишь частично. Количественная характеристика средств выражения субъекта антецедента (каузирующей ситуации) (105 случаев, что составляет 70% от общего количества примеров) представлена в табл. 1.

Таблица 1

Средства выражения субъекта антецедента в КК с *to make*

Средства выражения		Количество примеров	%
Слово	Местоимение	42	40
	Существительное	40	38,1
Словосочетание		8	7,6
Предложение		7	6,7
Эмфатическая конструкция		4	3,8
Конструкция с формальным <i>it</i>		4	3,8
<i>Всего</i>		<i>105</i>	<i>100</i>

Как показывает анализ, r_1 является факультативным компонентом КК и чаще всего может выражаться местоимением или именем существительным, как собственным, так и нарицательным. Местоимение является самым продуктивным средством выражения r_1 в КК с *to make*: ... *'Hist!' I say. 'Not a word, or they'll put us off and make us walk.* «*Veev la*

Liberty!» ‘Тсс, – сказал я. – Ни слова, или они выведут нас и заставят идти. – Да здравствует свобода! – добавил я’ [6, с. 153].

Также частотным средством выражения r_1 являются существительные, причем чаще нарицательные, например: *Another night Dub and Joe fought Spitz and made him forego the punishment they deserved.* ‘Еще одной ночью Даб и Джо дрались со Шпицем и заставили его подвергнуться наказанию, которого он заслуживал’ [7, с. 32]. *But the hunger-madness made them terrifying, irresistible.* ‘Но это голодное безумие делало его ужасным, невыносимым’ [7, с. 25].

В 7,6% случаев r_1 выражен словосочетанием типа N + of + N, N + N + of + N, Adj + N: *Down the neck and across the shoulders, his mane half bristled and seemed to lift with every movement, as though excess of vigor made each particular hair alive and active.* ‘Внизу шеи и возле плеч, его загривок наполовину ошетинился и, казалось, поднимался с каждым движением, как будто избыток мощи заставлял каждый волосок шевелиться’ [7, с. 68]. *And dreaming there by the Yukon bank, with lazy eyes blinking at the fire, these sounds and sights of another world would make the hair to rise along his back* ‘И, когда он мечтал на берегах Юкона, лениво моргая и глядя на огонь, звуки и образы другого мира заставляли его шерсть вздыматься на спине’ [7, с. 42].

В ряде случаев r_1 выражен предложением: *Then he was a masterful dog, and what made him dangerous was the fact that the club of the man in the red sweater had knocked all blind pluck and rashness out of his desire for mastery.* ‘Тогда он был своевольным псом, и опасным его делал тот факт, что палка мужчины в красном свитере выбила из него все рвение, чтобы иметь хозяина’ [7, с. 29-30]. *Canned goods were turned out that made men laugh, for canned goods on the Long Trail is a thing to dream about.* ‘Мужчин заставило рассмеяться обнаружение консервированных продуктов, так как такая еда была из области снов на Длинном Пути’ [7, с. 49].

Four times he had covered the distance between Salt Water and Dawson, and the knowledge that, jaded and tired, he was facing the same trail once more, made him bitter. ‘Четыре раза он покрывал расстояние между Солт Уотер и Доусоном, и знание того, что, измученный, он оказывается на том же пути снова, заставляло его горевать’ [7, с. 50].

Обращают на себя внимание случаи, когда r_1 выражен эмфатической конструкцией (*Likewise it was this pride that made him fear Buck as a possible lead-dog.* ‘Похожим образом именно гордость заставляла его бояться Бака, как лидера упряжки’ [7, с. 30]) и предложением с формальным *it* (*It was a simple matter to give the dogs less food; but it was impossible to make the dogs travel faster...* ‘Было легко дать собакам меньше еды. Но было невозможно заставить псов бежать быстрее ...’ [7, с. 52]).

В некоторых случаях (30%) конкретный деятель не выражен и может быть определен с помощью контекстуального анализа путем

семантических трансформаций. Такой r_1 выражается личными или указательными местоимениями *I, you, he, she, we, they, this, that*. Например: *... distinct and definite as never before, – a long-drawn howl, like, yet unlike, any noise made by husky dog*. ‘четкий и определенный как никогда ранее, – долгий вой, похожий и непохожий в то же время на звук, издаваемый лайкой’ [7, с. 74].

Количественная характеристика средств выражения субъекта консеквента (каузируемой ситуации) представлена в табл. 2.

Таблица 2

Средства выражения субъекта консеквента в КК с *to make*

Средства выражения		Количество примеров	%
Слово	Существительное	64	42,7
	Местоимение	26	17,3
Словосочетание		35	23,3
Компонент инфинитивной конструкции Complex Object		25	16,7
Всего		150	100

Агнс r_2 преимущественно выражен собственными и нарицательными существительными, при преобладании нарицательных. Например: «*Now, you red-eyed devil*», *he said, when he had made an opening sufficient for the passage of Buck's body*. ‘– Теперь ты, красноглазый дьявол, – сказал он, когда расширил проход достаточно, чтобы прошло тело Бака’ [7, с. 10].

Buck stood and looked on, the successful champion, the dominant primordial beast who had made his kill and found it good. ‘Бак стоял и смотрел, успешный чемпион, господствующий первобытный зверь, который умерщвлял свою добычу, что ему нравилось’ [7, с. 36], где *kill* – отглагольное существительное, образованное путем конверсии.

На втором месте по продуктивности – словосочетания разных типов Adj + N, Num + N, Adj + N + of + N, ПИ + N, среди которых преобладают Adj + N, Num + N: *But Spitz, cold and calculating even in his supreme moods, left the pack and cut across a narrow neck of land where the creek made a long bend around*. ‘Но Шпиц, расчетливый и хладнокровный даже на пределе сил, бросил стаю и стал срезать по узкому перешейку земли, где бухта создавала длинный изгиб’ [7, с. 34].

In one run they made a sixty-mile dash from the foot of Lake Le Barge to the White Horse Rapids. ‘За один бросок они преодолели шестидесятимильный отрезок от подножия Лэйк Ле Барж до водопадов Уайт Хорс’ [7, с. 39]

В 17,3% случаев агнс r_2 выражен личным местоимением в объектном падеже: *But the hunger-madness made them terrifying, irresistible*. ‘Но это голодное безумие делало его ужасным, невыносимым’ [7, с. 25].

В ходе исследования выявлено, что имеют место случаи сочетания агенса с каузируемым состоянием, проявляющиеся в инфинитивной конструкции Complex Object. Они насчитывают 16,7% примеров, таких как: «*It was a simple matter to give the dogs less food; but it was impossible to make the dogs travel faster, while their own inability to get under way earlier in the morning prevented them from traveling longer hours*». ‘Было просто дать собакам меньше еды, но невозможно было заставить псов бежать быстрее, так как их неспособность сдвинуться с места еще утром не давала собакам долго бежать’ [7, с. 51].

В конструкции Complex Object r_2 преимущественно выражен существительным, реже – местоимением, и еще реже – словосочетанием: *He walked again into the shop, and came up very close to her. This sorrow with a veiled face made Mr. Verloc uneasy*. ‘Он опять вошел в магазин и приблизился к ней (своей жене). Ее печальный вид, ее лицо, покрытое вуалью, заставило мистера Верлока почувствовать себя неуютно’ [5, с. 232].

«*As a rule, Perrault travelled ahead of the team, packing the snow with webbed shoes to make it easier for them*». ‘Как правило, Перро двигался впереди упряжки, протаптывая снег перепончатыми сапогами, чтобы собакам легче бежалось’ [7, с. 20].

В большинстве примеров КК с *to make* каузирующее состояние антецедента не выражено (53%). Количественная характеристика средств выражения каузирующего состояния представлена в табл. 3.

Наиболее частотным средством выражения каузирующего состояния антецедента в КК с *to make*, так же, как и с *to let*, являются модальные глаголы (71,4%). Наиболее распространенные среди них – *could, should, would, can, might*: *But now and then he would weep upon the bananas and make oration about the lost cause of liberty and the mule*. ‘Но время от времени он плакал над бананами и держал речь о потерянной причине свободы и муле’ [6, с. 156].

Таблица 3

Средства выражения каузирующего состояния в КК с *to make*

Средства выражения	Количество примеров	%
Модальный глагол	50	71,4
Глагол желания	9	12,9
Прилагательное	9	12,9
Словосочетание	2	2,8
Всего	70	100

В одинаковом количестве примеров s_1 выражен глаголами желания (*want, wish*) и именами прилагательными (см. табл. 3): *I need my share of that ten thousand. I want to work a copper deal in Idaho, and make a hundred thousand. That's the business end of the thing*. ‘Мне нужна моя доля в десять тысяч. Я хочу наладить производство меди в Айдахо и заработать сотню тысяч. Это коммерческий исход дела’ [6, с. 212].

The pleasure-loving people make the season one long holiday of amusement and rejoicing. ‘Люди, которые любят удовольствия, превращают время в один длинный праздник развлечений и веселья’ [6, с. 204-205].

Периферийным средством выражения s_1 в КК с *to make* являются словосочетания: *He walked again into the shop, and came up very close to her. This sorrow with a veiled face made Mr. Verloc uneasy.* ‘Он опять вошел в магазин и приблизился к ней (своей жене). Ее печальный вид, ее лицо, покрытое вуалью, заставило мистера Верлока почувствовать себя неудобно’ [5, с. 232].

Каузируемое состояние выражено в КК с *to make* в 66% случаев. Количественная характеристика средств выражения каузируемого состояния представлена в табл. 4.

Самым продуктивным средством выражения каузируемого состояния в КК с *to make* в отличие от КК с *to let* является имя прилагательное: *Two or three of the freighter sloops were engaged to assist in the work, for the captain was anxious to make a quick return in order to reap the advantage offered by a certain dearth of fruit in the States.* ‘Два или три грузовых баркаса были задействованы, чтобы помочь с работой, так как капитан стремился ускорить возвращение, для того чтобы заработать на нехватке фруктов в Штатах’ [6, с. 40].

Таблица 4

Средства выражения каузируемого состояния в КК с *to make*

Средства выражения	Количество примеров	%
Имя прилагательное	33	33,3
Компонент инфинитивной конструкции Complex Object	24	24,2
Словосочетание	24	24,2
Придаточное предложение	12	12,1
Причастие II	3	3,1
Наречие	3	3,1
Всего	99	100

Менее частотны глаголы-компоненты конструкции Complex Object (24,2%), а также словосочетания со структурой Adj + N, Adj + prep + N, N + prep+N, prep+N+of+N: «*It is such women as you that strew this degraded coast with wretched exiles, that make men forget their trusts*» ‘Именно такие женщины, как Вы, усеивают это выродившееся побережье несчастными изгнанниками, что заставляет мужчин забывать свои обещания’ [6, с. 23].

«*Old Losada would make it a hot country*», he remarked at length, «*for the man who swiped that gripsack of treasury boodle, don't you think?*» ‘Старик Лосада сделал бы из нее жаркую страну, – отметил он со временем, – для тех людей, кто украл этот чемодан с ворохом ценностей, не правда ли?’ [6, с. 110].

В 12,1% примеров КК с глаголом *to make* s_2 выражен придаточным предложением: «... *but when I attempt a discourse the words come out as they will, and they may make sense when they strike the atmosphere, or they may not*» ‘... но когда я пытаюсь вести серьезный разговор, слова вылетают, как им заблагорассудится, и они приобретают смысл, когда сотрясают воздух, или не приобретают’ [6, с. 78].

S_2 , выраженный причастием II и наречием, представлен единичными примерами: *The long-enduring people had determined to make their protest felt*. ‘Выносливые люди решили придать своему протесту осязаемость’ [6, с. 215].

Анализ средств выражения компонентов КК позволяет сформулировать ряд импликаций, касающихся семантических и структурных ограничений на употребление КК с глаголами-связками. В частности, для выражения значения принуждения могут употребляться как КК с *make*, так и КК с *get*. В конструкциях с этими глаголами субъекты антецедента и консеквента могут быть как одушевленными, так и неодушевленными. Если субъект антецедента неодушевленный, а субъект консеквента одушевленный, то в КК могут употребляться как связочный глагол *make*, так и связочный глагол *get*.

Список литературы

1. Давыдова Е. И. О синтаксических структурах как способе репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка: мат-лы Всеросс. науч. конф., 11-12 апр. 2013 г. / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. Вып. XIV: Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы. С. 534-537.

2. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. С. 20-50.

3. Byessonov N. Causative linking verbs in English and Ukrainian // *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik* / Larysa Iagupova, Volodymyr Kaliušchenko, Andrzej Kałny, Heike Roll (Hrsg.). Frankfurt am Mein: PeterLang Edition. 2013. S. 155-166.

4. Byessonov N. Y. Analytical constructions with causative linking verbs in English // *The 3rd Rzeszów Anglistentag: The Subcarpathian Studies In English Language, Literature And Culture*. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2014. Vol. 1. Linguistics and Methodology. P. 228-239.

Список источников примеров

5. Conrad J. *The Secret Agent. A Simple Tale* // *English and American Literature. English and American Literature*. Berlin, Москва, 2003. P. 8. Digitale Bibliothek Band 59. – Available at: CD-ROM.

6. Henry O. *Cabbages and Kings* // *English and American Literature. English and American Literature*. Berlin, Москва, 2003. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Available at: CD-ROM.

7. London J. *The Call of the Wild* // *English and American Literature. English and American Literature*. Berlin, Москва, 2003. P. 8. Digitale Bibliothek Band 59. Available at: CD-ROM.

Э. Р. Брагина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СТЯЖЕНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ КИБЕРНЕТИКИ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Предметом данной статьи является комплексный анализ терминологических стяжений в английской терминологии кибернетики, включающий в себя компонентный, семантический (тематические группы) анализы, анализ на основе семантико-семантических связей, анализ ядра терминологического стяжения, а также анализ терминоэлементов, подвергающихся стяжению наиболее часто.

Ключевые слова: синтаксический способ терминообразования, терминологические стяжения, ядро, тематические группы, терминоэлемент

В любой терминологии существуют две яркие взаимозаменяющие тенденции словообразования: синтаксический способ терминообразования (создание многокомпонентных терминов-словосочетаний) и свертывание, сжатие терминов до одной лексической единицы. Эти две тенденции не существуют изолированно, а объективно обуславливают и взаимоисключают друг друга. Создание многокомпонентных терминов, их переход от исходных к многосоставным терминам происходит поэтапно и, соответственно, сопровождается переоформлением и усложнением синтаксической модели. При этом значение нового образования не тождественно сумме значений входящих в него лексических единиц, а представляет новое понятие, ради которого и возникла необходимость в подобном термине.

Понятия не рождаются сразу в форме термина, а обычно начинают свое существование в форме описательного обозначения, состоящего из нескольких исходных (базовых) терминов. Это определение «сжимается» в термин [1, с. 53]. Два взаимно противоположных процесса кажутся, на первый взгляд, языковыми феноменами, существующими параллельно. Однако, они расположены на одной оси и характеризуются цикличностью перехода одного в другой. Краткие термины являются относительным материалом для определения новых понятий, конструируемых согласно логике познания конкретной науки. Определения постоянно упрощаются по форме и уточняются по содержанию, преобразуясь таким образом, в многокомпонентные термины. Последние, в свою очередь, также подвергаются структурному и семантическому стяжению, превращаясь из производных многокомпонентных терминов в односоставные исходные термины. Таким образом, мы наблюдаем циклический процесс образования терминов-словосочетаний и их свертывания в ходе научного познания [3, с. 90].

В результате синтаксического способа терминообразования, путем навешивания на базовый термин новых терминов образуется синтаксически оформленное высказывание или дефиниция, которые находят отражение сначала в терминологическом словосочетании, признаком которого служит раздельнооформленное написание его элементов (компонентов), а затем в многокомпонентном термине. В состав многокомпонентных терминов входит несколько отдельных словоформ, или написание через дефис.

Краткие односоставные термины – закономерный результат постепенного преобразования многокомпонентных терминов с привлечением формальных способов стяжения (написание через дефис, слитное написание, словосложение, аббревиация, сложные виды сокращения и т. д.).

Следует отметить, что процесс сжатия предложения в определение, затем в многокомпонентный, наконец, в однокомпонентный термин, который замещается на последнем этапе свертывания предельно сокращенным аббревиатурным вариантом, прослеживается поочередно на всех уровнях: синтаксическом, лексическом и морфологическом. При свертывании предложений в определения и в многокомпонентные термины происходят различные трансформации синтаксического уровня: перестановка членов предложения, трансформация сложноподчиненных предложений в простые с удалением глаголов-связок, причастий, предлогов, союзов и т. д.

Предметом нашего исследования является комплексный анализ терминологических стяжений в английской терминологии кибернетики, включающий в себя компонентный и семантический (тематические группы) анализы, анализ на основе семантико-синтаксических связей, анализ ядра терминологического стяжения, а также анализ терминоэлементов, которые подвергаются стяжению наиболее часто. **Терминологические стяжения** (в дальнейшем – ТСж) – явление, характерное как для общелитературного языка в целом, так и для терминологии. Явление однократного использования языкового элемента, находящегося в однотипной связи с двумя или более элементами, рассматривалось в лингвистике для случаев общелитературного языка, получивших название «совмещение» [3, с. 20-22], «сокращение словосочетания» [7, с. 13], а в терминологии – «терминологические свертки» [10, с. 28].

Большинство ТСж представляет собой стяжение двух (реже трех и более) терминов: *test, repair, analysis and control system* ‘система контроля, ремонта, анализа и управления’, *supervisor and fault diagnostic indicator* ‘диагностическая система контроля и индикации неисправностей’.

В ходе исследования была обнаружена следующая **компонентная классификация ТСж** (4 группы), а именно:

1) трехкомпонентные ТСЖ: *communication and instrumentation system* ‘система связи и измерительного оборудования’;

2) четырехкомпонентные ТСЖ: *data management and control system* ‘система контроля и обработки данных’;

3) пятикомпонентные ТСЖ: *automated design and optimization of control system* ‘автоматизированное проектирование и оптимизация системы управления’;

4) шестикомпонентные ТСЖ: *botter-conveyor remote control mining system* ‘система выемки дистанционно управляемым комбайном с конвейером и машиной’.

Все обнаруженные ТСЖ в английском языке можно распределить по следующим **тематическим группам** (4 группы):

1) группа ТСЖ, называющая «приборы, устройства»: *registor and arithmetic unit* ‘регистровое и арифметическое устройство’, *moderated and cooled reactor* ‘ядерный реактор с тяжеловодным заменителем и теплоносителем под давлением’;

2) группа ТСЖ, обозначающая «действие»: *information storage and retrieval* ‘хранение и поиск информации’, *quality and reliability control* ‘контроль качества и надежности’;

3) группа ТСЖ, обозначающая «явление»: *high and low frequency* ‘высокая и низкая частота’;

4) группа ТСЖ, называющая «вещество»: *elastomeric copolymer from ethylene and ethyl* ‘эластомерный сополимер этилена и этилакрилата’.

Следует отметить, что в зависимости от **семантико-синтаксических связей** можно выделить 2 группы ТСЖ в терминосистеме кибернетики, а именно:

1) группа, где наблюдается опущение ядра (грамматически господствующего элемента) из состава первого ТС и стяжения атрибутивных частей с помощью союзов *and* и *or*: *high and low frequency* ‘высокая и низкая частота’, *arithmetic and logic(al) unit* ‘арифметико-логическое устройство’, *type 1 servo or 2 servo system* ‘астатическая система 1-го или 2-го порядка’;

В связи с этим первую группу ТСЖ можно разделить на следующие подгруппы, согласно анализу их **ядер** (2 подгруппы):

а) подгруппа, где ядром ТСЖ является существительное: *continuous annealing and processing line* ‘непрерывная линия отжига и обработки проката’;

б) подгруппа, где ядром ТСЖ является словосочетание, состоящее или из двух существительных, или из прилагательного (причастия) и существительного: *logoc and array test vehicle* ‘тестовая структура для проверки логических схем и матриц’, *monitoring and vibration indicating system* ‘система измерений и контроля вибраций’;

2) группа ТСж, где наблюдается опущение ядра из состава первого термина и стяжение родовых терминов с помощью союза *and* и *or*: *information storage and retrieval* ‘хранение и поиск информации’.

Ядро в этих ТСж может быть выражено либо одним словом, либо словосочетанием. Таким образом, вторую группу ТСж можно разделить на 4 подгруппы, а именно:

а) подгруппа, где ядром ТСж является существительное: *amplitude and angle modulation* ‘амплитудная и угловая модуляция’;

б) подгруппа, где ядром ТСж является двухкомпонентное словосочетание, состоящее из прилагательного (причастия) и существительного: *elastomeric copolymer of ethylene and propylene* ‘эластомерный сополимер этилена и пропилена’;

в) подгруппа, где ядром ТСж является двухкомпонентное словосочетание, состоящее из двух существительных: *part and assembly description language* ‘язык для описания геометрических параметров деталей’;

г) подгруппа, где ядром ТСж является многокомпонентное ТС: *character and pattern telephone access information network* ‘система телетекста, Япония’ – КЭПТИН.

Следует отметить, что в английском языке ядро в ТСж может находиться как в начальной, так и в конечной позиции: *reentry and environmental system division* ‘отдел разработки спускаемых аппаратов и систем жизнеобеспечения’; *elastomeric copolymer of ethylene and propylene* ‘эластомерный сополимер этилена и пропилена’.

Наше исследование показывает, что для английской терминологии кибернетики характерно стяжение терминов посредством бессоюзной связи, с помощью косой черты, обозначающей «и» / «или»: *control input / output* ‘ввод-вывод управляющей информации’, *instrumentation / data collection system* ‘система сбора данных от измерительных средств’.

Материал исследования показывает, что в английском языке в терминологии кибернетики **чаще всего стяжению подвержены следующие терминоэлементы:**

а) два или несколько существительных: *part and assembly description language* ‘язык для описания геометрических параметров деталей’, *test repair, analysis and control system* ‘система контроля, ремонта, анализа и управления’;

б) два или несколько прилагательных: *necessary and sufficient condition* ‘необходимое и достаточное условие’, *high and low frequency* ‘высокая и низкая частота’;

в) два причастия или существительное и причастие: *panel analysis and sizing code* ‘программа проектирования конструктивных панелей’, *rounding and backing machine* ‘блокообрабатывающий агрегат’, *moderated and cooled reactor* ‘ядерный реактор с тяжеловодным замедлителем и теплоносителем под давлением’;

г) префиксы, а также префиксы и числительные: *single-doublehinged arch* ‘одно-, двухшарнирная арка’; *dual-(two-) frequency equipment* ‘двухчастотная аппаратура’;

д) числительные: *one-, two-, three-centred arch* ‘одно-, двух-, трехцентровая арка’;

е) аббревиатуры: *I / P unit* ‘устройство ввода-вывода’, *S / N ratio* ‘отношение сигнал-шум’, *F / C ratio* ‘фтор-углеродное отношение’;

ж) словосочетания: *impact avalanche and transit-time diod* ‘лавинопролетный диод’;

з) глаголы: *search and rescue radio balance* ‘радиополк поисково-спасательной службы’, *dredge and fill balance* ‘баланс земляных масс при производстве работ гидромеханизацией’.

Необходимо отметить, что ТСж могут быть заменены аббревиатурами и словосочетаниями, в состав которых входит аббревиатура. Это еще раз подчеркивает стремление английского языка к краткости: *character and pattern telephone access information network* ‘первоначальные запасы нефти и газа в коллекторе’ → *CAPTAIN*; *oil and gas initially in place* ‘первоначальные запасы нефти и газа в коллекторе’ → *OGIP*. Таким образом, терминологические стяжения, представляющие собой объединение нескольких терминов в одно целое с общим компонентом, являются весьма распространенным явлением в английской терминологии кибернетики.

Итак, в ходе комплексного анализа терминологических стяжений в английской терминологической системе кибернетики были произведены следующие классификации, а именно:

1) компонентная классификация (4 группы) : трех-, четырех-, пяти- и шестикомпонентные ТСж;

2) семантическая классификация по тематическим группам (4 группы): «приборы, устройства», «действие», «явление», «вещество»;

3) классификация согласно семантико-синтаксическим связям (2 группы): ТСж, где имеет место опущение ядра (грамматически господствующего элемента) из состава первого ТС и стяжения атрибутивных частот с помощью союзов *and* и *or*, а также ТСж, где наблюдается опущение ядра из состава первого термина и стяжение родовых терминов с помощью союза *and* и *or*;

4) классификация ядер ТСж (4 подгруппы) ядро – существительное, ядро – двухкомпонентное словосочетание, состоящее из прилагательного (причастия) и существительного, ядро – двухкомпонентное словосочетание, состоящее из двух существительных, ядро – многокомпонентное ТС;

5) классификация (перечень) терминоэлементов, подвергающихся стяжению наиболее часто: два или несколько существительных, два или несколько прилагательных, два причастия или существительное и

причастие, префиксы, а также префиксы и числительные, числительные, аббревиатуры, словосочетания и глаголы.

Список литературы

1. Антонова М. В., Лейчик В. М. Роль концептуальной структуры в формировании отраслевой терминологии // Термины и их функционирование / под ред. проф. М. Б. Борисова. Горький: Изд-во «ГГУ», 1987. 101 с.
2. Брагина Е. В. Английский толковый словарь по кибернетике и прикладной математике. Москва: Издательство «МГУ», 2000. 300 с.
3. Брагіна Е. Р. Специфіка синтаксичного термінотворення в терміносистемі кибернетики в англійській, українській та російській мовах // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. Донецьк, ДонНУ, 2006. Вип. 13. С. 88-97.
4. Бортничук Е. Н., Василенко И. В., Пастушенко Л. П. Словообразование в современном английском языке. Харьков: Издательство «Вища школа», 2000. 261 с.
5. Выставкин Я. П., Гусева Е. Г. Формальные языковые модели диалоговых взаимодействий // Кибернетическая лингвистика / под ред. В. В. Иванова и др. Москва: Изд-во «МГУ», 2001. 119 с.
6. Мартыанова Т. В. Функционирование терминологической системы статистической радиофизики в научной речи и ее отражение в толковом терминологическом словаре // Термины в научной и учебной литературе / под ред. проф. М. Б. Борисова и др. Горький: Изд-во «ГГУ», 2001. 116 с.
7. Каращук П. М. Словообразование английского языка. Москва: Издательство «Высшая школа», 1977. 380 с.
8. Русова Н. Ю. Участие цифровых, буквенных и графических элементов в терминообразовании // Термины и их функционирование / под ред. проф. М. Б. Борисова. Горький: Изд-во «ГГУ», 2001. 101 с.
9. Сухотин Б. В. Моделирование грамматических категорий средствами тензорной алгебры // Кибернетическая лингвистика / под ред. В. В. Иванова и др. Москва: Изд-во «Высшая школа», 2001. 119 с.
10. Уткина Ю. Е. Терминосистема отрасли «Очистка воды» в технической литературе и англо-русских терминологических словарях // Термины в научной и учебной литературе / под ред. проф. М. Б. Борисова и др. Горький: Изд-во «ГГУ», 2004. 116 с.
11. Чернобай Л. И. О взаимодействии терминологического и литературного словообразования (на материале неологизмов французского языка) // Термины в языке и речи / под ред. проф. М. Б. Борисова и др. Горький: Изд-во «ГГУ», 2000. 122 с.
12. Swartz S. P. Formal semantics and natural kind of terms // Philosophical Studies. 1990. Vol. 38. P. 189-197.
13. Vickel G. Contrastive linguistics and foreign teaching // Papers in contrastive linguistics. 1983. Vol. 4. P. 1-16.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ УГРОЗЫ В АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается коммуникативно-прагматическая характеристика речевого акта «угроза». Фокусируется внимание на анализе пяти типов предложений, используемых для передачи угрозы в сравниваемых языках. Выявлено сходство в выборе императивных конструкций, как основного способа. Преимущественно данные конструкции входят в состав сложносочиненных предложений в английском языке, в украинском языке – в состав сложноподчиненных предложений. Материалом исследования послужили произведения английских, американских и украинских авторов первой половины двадцатого столетия.

Ключевые слова: речевой акт, менасив, промисив, узуальные / неuzuальные отношения, квазиимператив.

1. Вводные замечания. Исследование речевого акта побуждения, его видов и средств выражения в английском и украинском языках объясняется теоретическим и практическим интересом современной лингвистики к изучению речевых актов. В последние годы в центре внимания исследователей оказываются не системно-структурные аспекты языка, а функционирование языка как средства общения. Это связано с тем, что «описательный системно-языковой подход, который дал в свое время положительные результаты, теперь не имеет достаточной объяснительной силы, чтобы решить задачу комплексного изучения языка как продукта речевой деятельности» [1, с. 21]. В последние годы антропоцентрический подход к изучению языка выходит на первый план. Данный подход к языку предполагает комплексное изучение языковых средств, используемых в определенных комплексных ситуациях, учет психологических и научно-культурных факторов при анализе процесса коммуникации, выявление степени эффективности использования различных языковых средств в конкретных коммуникативных условиях [12]. Ученые начали рассматривать категорию побуждения как категорию, в которой с особой яркостью проявляется коммуникативно-прагматическая функция языка [7, с. 77]. В связи с этим появляется необходимость целостно и системно описать побудительные речевые акты и средства их выражения во всей совокупности.

Объектом исследования выступает речевой акт «угроза» (далее РАУ) в английском и украинском языках.

Актуальность статьи обусловлена отсутствием подробного анализа РАУ и системного изучения средств его выражения на материале двух разноструктурных языков.

Цель исследования – предоставить коммуникативно-прагматическую характеристику РАУ, выявить сходства и различия в средствах выражения угрозы в сопоставляемых языках.

Материалом исследования послужили произведения английских, американских и украинских авторов первой половины двадцатого столетия. Объем выборки составляет 2524 примера побудительных речевых актов в английском языке и 2700 – в украинском языке. Из общего количества побудительных речевых актов РАУ составляет 1,6% в английском языке и 3,1% в украинском языке.

2. Коммуникативно-прагматическая характеристика РАУ. Данные толковых словарей украинского и английского языков дают определение понятия угрозы как комбинации нескольких сем: обещание причинить какое-нибудь зло, неприятность и проявление своего гнева и недовольства в отношении кого-либо [14, с. 724; 15, с. 1404]. А. Вежицкая предлагает такое толкование угрозы: Если ты тронешь, я выстрелю (угрожающе) = Предполагая, что ты не хочешь, чтобы я стрелял в тебя (или если я выстрелю в тебя, это будет для тебя плохо), желая сделать так, чтобы ты знал это заранее и не делал этого, я говорю: если ты тронешь, я выстрелю [2, с. 267].

Исследователи речевых актов Дж. Остин и Дж. Серль относят РАУ к разряду комиссивных речевых актов. С другой стороны, РАУ включают в число директивов потому, что угроза изначально представляет собой требование [13]. Г. Почепцов относит РАУ к классу менасивов, от английского слова “*to menace*” угрожать [9, с. 20]. Необходимо отметить, что менасивным предложениям присущи общие черты с промисивами (обещание что-то сделать). Это, прежде всего отнесенность к будущему, а также ряд особенностей ролевой структуры. Основные черты менасива и промисива проявляются в условиях реализации менасива: Адресат не заинтересован в осуществлении того, о чем говорится в предложении. Важную роль играет фактор «искренности» Говорящего, потому что, если Говорящий не будет рассматривать то, чем он грозит как совсем нежелательным для адресата, то угрозы не будет [9, с. 20]. В семантике менасива имеются два компонента. С одной стороны, это требование, предъявляемое Говорящим Слушателю, и, с другой стороны, – обещание негативных последствий в случае невыполнения этого требования [6, с. 66], например: *Get out or there'll be more noise – that's all concerns you* [20, p. 398].

В РАУ источником побуждения является Говорящий. Информация подается в категорической, экспрессивной форме. Опасность исходит от самого Говорящего, и обычно присутствуют маркеры, указывающие на негативные эмоции Адресанта [11, с. 119]: *Червоний жорстокий Томака, задихаючись від астми і злості, визвірюється на нас вибалушеними очима і верещить: «Я тут вам усім!.. В'язи поскручую!...»* [17, с. 465]. Для РАУ

важным условием является намерение Говорящего заставить Слушателя сделать некоторое действие или помешать, Слушателю сделать некоторый акт, при этом показывается неотвратимость наказания в случае невыполнения требования Говорящего [10, с. 104]. В отличие от речевого акта просьбы или совета, в которых предполагается необязательность выполнения действия, в РАУ Говорящий оказывает на Слушателя давление, пытается заставить выполнить его требование, не оставляя ему выбора, например: *Drink it, you dog, or I'll throw it in your teeth* [20, p. 401]. Из сказанного следует, что РАУ относится к конфликтным речевым актам, так как в нем отражается речевое общение в ситуациях, когда непосредственная цель отдельных лиц не совпадает, и интересы их сталкиваются [5, с. 9]. Таким образом, семантическую модель РАУ можно представить: (не) делай что-нибудь, иначе я тебе сделаю плохо [6, с. 67]. Угроза может быть направлена к одному адресату, а также к нескольким, например: *The lazy brutes, I'll show them, he cried, preparing to lash out at them with the whip* [21, p. 58]. Однако существуют ситуации, в которых Говорящий грозит событием, выполнение которого от него не зависит, например: *He'll pay you* [9, с. 20]. В речевом акте существуют определенные отношения между коммуникантами: узуальные и незуальные. В первом случае отображается социальное взаимодействие коммуникантов: эти отношения согласованы с общественными условиями жизни индивида, его социальным статусом. Во втором – отношения связаны с проявлением эмоциональной сферы психики человека, в них отражается личность самого человека, его чувства, настроение, состояние [8, с. 32]. Узуальные отношения складываются между коммуникантами до начала речевого акта. Незуальные отношения складываются в момент общения. Эти отношения связаны с различными сторонами социально-психологического обращения Говорящего относительно Слушателя. В РАУ проявляются негативные черты Говорящего. Повышенное эмоциональное состояние Говорящего влияет на экспрессивно-эмоциональную окраску речи. Сознательно игнорируется этикет, в некоторых случаях не учитывается возраст адресата и его социальное положение. Говорящий переносит на адресата гнев, пытается вывести адресата из эмоционального равновесия. Нередко такие речевые акты сопровождаются оскорблением. Языковую вариативность в РАУ можно представить в следующих ситуациях:

1) в общении между близкими людьми. В первой части предложения угрозы чаще используются оскорбительные обращения, например: *порося, негідник*, во второй части – более эмоциональное наказание *пришибу на місці, вирву твій брудний язик, I'll throw it in your teeth* ‘виплесну тобі в пику’, *I'll brain ye*, ‘я тобі голову розіб'ю’;

2) при обращении к младшему или низшему по социальному положению, угрозы выражаются в менее экспрессивной форме: *ми вам*

покажем!, *вам погано прийдеться!* или используются незаконченные предложения;

3) в официальной обстановке, при обращении к старшему по возрасту или положению, используются конструкции, которые отличаются подчеркнутой вежливостью, преобладает использование нейтральной лексики: «*Here, Janet*», *he cried, take it now or I'll cross with you!* [20, p. 622]. ‘Візьміть, Дженет, інакше я розсерджусь.’

3. Средства выражения угрозы в английском и украинском языках. В украинском и английском языках угроза выражается многочисленными языковыми формами, которые различаются структурно, семантически и прагматически (см. табл. 1). Средства выражения угрозы в сопоставляемых языках можно представить тремя группами, это сложные предложения (сложносочиненные и сложноподчиненные предложения), простые предложения, а также неполные предложения.

Таблица 1

Средства выражения РАУ в английском и украинском языках

Средства выражения	Английский язык	Украинский язык
1. Сложносочиненные предложения	25 (62,5%)	6 (7,7%)
2. Сложноподчиненные предложения	9 (22,5%)	33 (40,2%)
3. Простые предложения с глаголом в форме будущего времени	4 (10%)	37 (45,1%)
4. Неполные предложения	–	6 (7,3%)
5. Вопросительные предложения	2 (5%)	–
Всего	40 (100%)	82 (100%)

К первой группе относятся сложносочиненные предложения, состоящие из двух простых предложений, соединенных союзами *or*, *and*, *also*, *i*. В которых первое предложение может быть императивным, утвердительным или отрицательным, второе предложение – с глаголом в форме будущего времени, например: англ. «*Don't move, little men*», *whispered a voice, or I'll brain you both* [22, p. 401]. ‘«Не ворухіться, наймиліші», – роздався шепіт, – «або я розтрощу вам голови»»; укр. *А на мене ви не кричіть, тому що я теж як крикну, то з вас мокро піде* [18, с. 701]. Также первое предложение может включать, в английском языке, аналитическую конструкцию *Let smb + V*, которая несет значение разрешения: *Let him try any tricks on me and it'll be the worse for him* [20, p. 348]. – ‘Нехай він почне наді мною куражитися, йому буде гірше.’ Побудительное предложение может содержать конструкцию с глаголом в форме сослагательного наклонения, например: «*You'd better move on*», *said the mariner, or I'll show you, you silly ass, hoaxing me!*» ‘«Тобі краще б піти», – сказав матрос, – «а то я тобі покажу, нахабо ти отакий»’. Выражения *you better*, *you'd better* обычно используются для передачи совета или рекомендации. Если к этим выражениям присоединяется обещание

неотвратимого наказания, угроза приобретает большую эмфатичность, например: *You better do it, by God! You better do it, by God! You better beat him. If you don't I'll – I'll grip that thin neck of yours and fair strangle you* [20, p. 590]. ‘Дивися ж, переможи його! Клянуся Богом, краще тобі перемогти його, тому що, якщо ти цього не зробиш, я схоплю тебе за от цю твою тонку шийку і задушу’. Первая часть сложносочиненного предложения может включать модальные глаголы: *Now you must promise you won't be hash with them for the rest of the trip, or I'll won't go a step* [21, p. 58]. ‘Тобі потрібно пообіцяти, що по дорозі ти не будеш їх кривдити, інакше я не зроблю і кроку звідси.’ Иногда части сложносочиненных предложений могут быть разделены и выступать как два самостоятельных предложения, например: *He підходь! He дам! He допущу! Заколю рогами, затопчу ногами!* [16, с. 223].

По цели выражения, предложения с угрозой относятся к побудительным предложениям, но встречаются случаи употребления вопросительных предложений для выражения угрозы: «*Will you get out, you young swine? he said thickly, «or will I smash you?»* [20, p. 162]. – ‘«Підеш ти звідси, нарешті, поросся?» – прохрипів він, – «чи хочеш, щоб я тебе прибив на місці?»’ Употребление модального глагола *will*, который используется для передачи вежливых просьб, в сочетании с обращением, выраженным местоимением *you*, и оценочным высказыванием усиливают угрозу своим контрастом. Вопросительные предложения являются косвенным средством выражения угрозы, то есть косвенным речевым актом. В прямых речевых актах иллюкутивный эффект определяется прямым значением высказывания. В косвенных речевых актах такой эффект не соответствует прямому значению выражения, но обуславливается фоновыми знаниями Говорящего, условиями общения [3, с. 15].

Ко второй группе средств выражения угрозы относятся сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями условия, например: *Look here, Messner, if you refuse to get out, I'll thrash you.* [21, p. 91]. ‘Слушайте, Меснер, якщо ви не підете, я вас поб’ю.’

Необходимо отметить, что в украинском языке в отличие от английского, широко употребляемым средством передачи угрозы является сложноподчиненное предложение с придаточными причины, условия: *Йдіть звідси на чотири вітри, тому що інакше буде тобі смерть!* [17, с. 209]. В сложноподчиненных предложениях причины чаще всего употребляется союз *тому що*, который всегда в предложениях угрозы стоит после главной части. Главная часть и придаточная часть сложноподчиненного предложения могут употребляться отдельно, так в РАУ, например: *Не замучте говорю. Тому що розсерджусь!* первое предложение является императивным (утвердительное или отрицательное), а второе – простое предложение с глаголом в форме будущего времени. Первое предложение имеет значение требования,

распоряжения. Между этими двумя предложениями Говорящий выдерживает длинную паузу, чем подчеркивает обещание негативных последствий.

Сложноподчиненные предложения с придаточными условными имеют следующую структуру: сложноподчиненное предложение с реальным условием, при котором придаточная часть сочетается с помощью союза *якщо*: *Якщо з ним лихо відбудеться, я з тебе душу витрушу!* [17, с. 161].

Угроза может передаваться простым предложением с глаголом в форме настоящего и будущего времени, например: англ. *The lasy, brutes, I'll show them...* [21, р. 58]. 'Ледача худобо, я вам покажу!'; укр. *Я тобі зараз як вріжу! Я тебе навчу вішатися, лушпайка, шмаркач!* [17, с. 303]. Реализация угрозы может происходить / не происходить непосредственно после провозглашения угрозы, подчеркивается словом *сейчас*, а может относиться к неопределенному будущему времени, например: *І я їх виведу на чисту воду! Запам'ятають мене, ох, як запам'ятають!* [17, с. 226].

Неполные предложения употребляются в том случае, если говорящий через свое повышенное эмоциональное состояние не может подобрать слов наказания, или передает адресату возможность додумать, представить наказание, например: *А в мої справи носа не суньте, тому що, тому що це ви...* [19, с. 109]. *От що, – виклинула загрозово, – щоб духу твого тут не було! Щоб і не пахнуло тобою! Це не тільки я говорю, це й Андрійко говорить. Зрозумів? Тому що в іншому випадку ...* [19, с. 521].

В состав предложений угрозы входят маркеры, указывающие на негативные эмоции адресата. Это, например, обращения, выраженные местоимением *you*, оценочные выражения типа *you dog* 'собака', 'мерзотник'; *young swine* 'поросся', которые усиливают значение угрозы, указывают на конкретного адресата, например: *«You dog» he shouted, «don't look at me like that. Don't dare to do it or I'll break you»*. [20, р. 356]. 'Не смій дивитися на мене так, мерзотнику, або я тебе приб'ю на місці'.

В прямом речевом акте не употребляется перформативное глагол «угрожать», потому что это глагол является квазиимперативом и при его употреблении РАУ не получается (Говорящий: «Я угрожаю тебе»), только в том случае, если угроза выражается имплицитно, она становится собственно угрозой.

Иногда угроза не может быть декодирована, если акт угрозы не содержит характерных формул и не сопровождается определенным лексическим или грамматическим оформлением. В таком случае важную роль сыграет контекст, следует знать предысторию угрозы, например: *«Now», he ground out slowly from between his clenched teeth, with words that bit into her like vitriol, «you'll listen to me»*. [20, р. 196]. '«Тепер», – процідив він повільно крізь стиснуті зуби, і кожне слово палило як сірчана кислота, – «тепер слухай!»'.

Практически любой речевой акт может стать угрозой, если присоединить к нему обещание негативных последствий. Так, первая часть предложения может выражать: а) запрет: «*Don't move, little men*», *whispered a voice*», *or I'll brain you both* [22, p. 174]. 'Не ворухіться, наймиліші, – роздався шепіт, – чи я розтрошу вам голови; б) разрешение: *Let him try any tricks on me and it'll be the worse for him* [20, p. 348]. 'Нехай він спробує наді мною куражитись, йому не поздоровиться'; в) совет: «*You'd better move on*», *said the mariner...* «*I'll show you, you silly ass!*» [20, p. 187]. «Краще тобі забратися, поки цілий», – сказав матрос. «Я тобі покажу, нахабо ти такий!»; г) приказ: «*Come here!*» *said Fearenside* – «*you'd better*» [17, p. 137]. 'Йди сюди! – крикнув Ференсайд, тому що гірше буде'; д) просьбу: *Show me the man that says a word against it and I'll show you what these two hands will do to him* [20, p. 294]. 'Покажіть мені людину, яка хоч єдиним словом скривдила це ім'я, і ви побачите, що зроблять ці руки' и другие. Во второй части предложения могут употребляться устойчивые фразеологические единицы, или фразеорефлексы [4, с. 47], например: *показати, де козам роги правлять, обертали напил; give it hot to smb*, 'показати кому-небудь де раки зимують', *grind to dust*, 'стерти в порошок'.

4. Выводы. Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

4.1. РАУ относится к менасивным речевым актам и является наиболее распространенным в украинском языке (3,1%), в английском языке составляет 1,6%.

4.2. Анализ материала показывает, что в РАУ имеются два компонента, с одной стороны это требование к Слушателю сделать / не сделать определенное действие, с другой стороны, – обещание негативных последствий в случае невыполнения этого действия.

4.3. РАУ является конфликтным речевым актом, в котором проявляются негативные черты Говорящего, игнорируется этикет, не учитывается возраст и социальное положение Слушателя. Используется как в официальной, так и в неофициальной обстановке.

4.4. В ходе анализа было выделено пять типов предложений, которые употребляются в сопоставляемых языках для выражения РАУ: сложносочиненные, сложноподчиненные, простые, вопросительные и неполные предложения. В обоих языках наблюдается сходство в выборе императивных конструкций в качестве основного средства выражения побудительности. Отличие наблюдается в том, что в английском языке такие конструкции входят в структуру сложносочиненных предложений (62,5%), в украинском языке – в структуру сложноподчиненных предложений (40,2%).

4.5. В состав РАУ входят маркеры, указывающие на негативные эмоции Говорящего: обращение, выраженное местоимением *ты, you*, оценочные высказывания. Главная и придаточная части

сложносочиненного предложения могут употребляться отдельно, чтобы подчеркнуть обещание негативных последствий. Угроза чаще всего направлена одному Слушателю чем группе слушателей.

Список литературы

1. Борисова И. Н. Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. С. 21-48.
2. Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 251-275.
3. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранные языки в школе. 1982. № 5. С. 15-16.
4. Гак В. Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 1995. № 4. С. 47.
5. Готлиб Н. В. Семантико-прагматические особенности высказываний, не допускающих экспликации перформатива: автореф. дис... канд. филол. наук. Москва, 1989. 19 с.
6. Ерофеева Е. В. Прямые и косвенные способы выражения языкового акта угрозы во французском языке // Филологические науки. 1997. № 1. С. 66-74.
7. Поройкова Н. И. Морфологические и морфологизированные средства побуждения, примыкающие к парадигме повелительного наклонения // Функциональный анализ грамматических единиц. Ленинград. 1980. 148 с.
8. Поройкова Н. И. К характеристике семантической структуры ситуаций побуждения // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. Ленинград. 1985. С. 25-35.
9. Почепцов Г. Г. Прагматический аспект изучения предложения к построению теории прагматического синтаксиса // Иностранные языки в школе. 1975. № 6. С. 15-26.
10. Пудровская Т. Н. Описание пропозитива как речевого акта (на материале английского языка) // Вісник ХДУ. 1996. № 386. С. 101-105.
11. Солощук Л. В., Быкова Я. М. К вопросу о разграничении речевых актов угроз и предостережения // Вісник ХДУ. 1996. Вып. 386. С. 117-119.
12. Шилихина К. М. Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской культуре: дис... канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 198 с.
13. Sadock J. M. Toward a linguistic theorie of speech acts. New York. Academic press. 1974. P. 229

Список лексикографических источников

14. Словник української мови: в 11 т. / за ред. І. К. Білодіда. К.: Наук. думка, 1971-1978. Т.1-11.
15. Longman Dictionary of English Language and Culture. England, 1998. 1568 p.

Источники иллюстративного материала

16. Вишня О. Вишневі Усмішки. К.: Державне видавництво художньої літератури, 1960. 480 с.
17. Кашин В. Твори: в 3 х т. К. : Дніпро, 1987. 1150 с.
18. Підмогильний В. Оповідання. К.: Наукова думка, 1991. 800 с.
19. Самбук Р. Щаслива зірка полковника Кладо. Повісті. К.: Веселка, 1978. 360 с.
20. Cronin A. J. Hatter's Castle. Foreign Languages Publishing House. M.: 1963. 669 с.
21. London J. Short Stories. Foreign Languages Publishing House. M.: 1950. 400 с.
22. Wells H. G. The Invisible Man. M.: Прогресс, 1981. 266 с.

АРХАИЗМ STRICKEN В ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье показано развитие словоформы *stricken* от английского языка Великобритании 16 века до американского варианта английского языка XIX-XXI веков. Показаны контексты, в которых форма причастия II употребляется в акциональных и статальных значениях в функциях акционального или статального перфекта. В обоих вариантах английского языка – в АЕ и ВЕ данная словоформа является архаизмом, который функционирует при различных темпах реализации одних и тех же тенденций развития английского языка в двух территориальных вариантах.

Ключевые слова: изменение, форма, территориальный и национальный вариант, конструкция, пассив действия, пассив состояния, обстоятельственные слова

1. Вводные замечания. В данном исследовании, на примере вариантной пары *stricken-struck*, мы рассмотрим эволюцию грамматических реликтов, представленных отдельными глагольными словоформами в американском варианте английского языка (далее АЕ). Работа имеет **целью** показать исторические закономерности, которые обусловили нынешнее состояние АЕ, параллелизм большинства процессов АЕ и ВЕ XVII-XXI веков.

Для британского варианта английского языка (далее ВЕ) глагольная форма *stricken* является архаизмом. С точки зрения ВЕ данный архаизм характеризуется пережиточностью самого конструктивного образца, исторически объясняемого как остаток некогда распространенного грамматического типа. Грамматические архаизмы – непродуктивны. Они выделяются на фоне нормативных форм как исключения и, следовательно, они изолированы в общей системе грамматических форм. Архаичные формы часто встречаются в атрибутивных конструкциях, что способствует изоляции архаичной формы от основного глагола.

С другой стороны, в АЕ XX-XXI веков глагольная форма *stricken* по-прежнему в живом употреблении, хотя она, как будет показано ниже, проявляет рецессивные тенденции. Поэтому мы можем квалифицировать глагольную форму причастия II *stricken* как реликт в живом употреблении в АЕ. Привлекая ограниченный материал из области морфологии АЕ и ВЕ, мы попытаемся решить следующие **задачи**: 1. Раскрыть механизм образования грамматических реликтов в АЕ. 2. Продемонстрировать изменившийся статус реликтовых явлений морфологии АЕ XXI века в сравнении с их статусом в английском языке XVII века.

3. Продемонстрировать связь лексического и грамматического в слове на примерах эволюции реликтовых словоформ АЕ. 4. Показать, как морфологические реликты (явления старые) функционируют в новой сетке отношений АЕ XX-XXI веков. **Материал исследования** составил 1214 примеров употребления словоформы *stricken*, отобранных из словарей и конкордансов британского и американского вариантов английского языка, а также произведений британских и американских авторов. **Методологической основой** исследования является анализ рассматриваемых явлений в диалектическом единстве синхронии и диахронии, в их многообразных связях, прямых и опосредствованных, в связи содержательных и формальных сторон языка, в единстве и борьбе старого и нового. **Приемы и методы исследования** включают: а) семантико-структурное описание изучаемых явлений; б) контрастивный анализ исследуемых явлений в АЕ и ВЕ в синхронии и диахронии.

Ниже будут рассмотрены некоторые тенденции, обнаруживаемые в морфологии американского варианта английского языка и британского английского, направление и характер некоторых морфологических изменений в АЕ. Рассмотрим вопрос о статусе такой грамматической черты как причастие II *stricken*, которая имеет специфические употребления на новой территории распространения английского языка – в Америке.

2. Основные положения. Рассмотрим противопоставление словоформам *struck-stricken*. Переходя к анализу словоформы *stricken*, заметим, что специфика причастия II – *stricken*, как и причастия, вообще, заключается в том, что оно находится на периферии глагольной системы, легко подвергается адъективации и одновременно служит материалом для образования аналитических глагольных форм. Для нашего исследования представляют интерес те употребления словоформы *stricken*, в которых она является составной частью глагольных образований. Употребление данной словоформы в тех случаях, когда она подверглась адъективации присущей как АЕ, так и ВЕ и входит в инвентарь общего ядра. В этих случаях не наблюдается специфики в употреблении словоформы *stricken* ни в одном, ни в другом территориальном варианте английского языка.

Для нашего исследования представляется целесообразным выявить критерии разграничения глагольных употреблений словоформы *stricken* от адъективированных. В конечном счете, данная проблема сводится к разграничению глагола в страдательном залоге, т. е. простого глагольного сказуемого от составного именного – свободного сочетания *to be* + причастие II. Поэтому при описании статуса словоформы *stricken* в АЕ и ВЕ в диахроническом аспекте мы ставим перед собой следующие задачи: а) разграничить глагольные признаки, реализуемые словоформой *stricken*, от адъективных, т. е. выявить контекстуальные показатели страдательного залога в противоположность омонимичной форме составного именного сказуемого, помня о том, что только контекстуальные данные придают

конструкции “*to be* + причастие II” характер процессуальности или статальности (действия или состояния); б) на основе перечня глагольных употреблений словоформы *stricken* в АЕ, отражающих всю историю существования данного варианта английского языка, показать динамику изменения, глагольных значений данной словоформы; в) выявить лексико-семантические ограничения дистрибуции алломорфа (-en) словоформы *stricken* в АЕ, на протяжении его истории.

Словоформа *stricken* встречается в английском языке XVII-XXI веков в двух типах перфекта: посессивном, состоящем из глагола обладания *to have* + причастие II и бытийном типе перфекта: глагол *to be* + причастие II. В конструкциях с посессивным типом перфекта в английском языке довольно рано развивается акциональное значение, в большинстве случаев глагольность причастия II в посессивном типе перфекта не вызывает сомнений, т. к. здесь причастие II становится элементом аналитического глагольного времени.

Поскольку нас интересует структура английского языка в его пространственной (АЕ и ВЕ) и временной проекции (XVII-XXI века), приведем примеры употребления словоформы *stricken* в посессивном типе перфекта из британских источников XVII-XVIII веков.

Значение: *to hit someone or something with your hand, a tool or a weapon* ‘ударить кого-то или что-то рукой, инструментом или оружием’.

1603. Friar Jacomo: *A staff stands ready for the purpose.* (Strikes him).

Varabas: *What hast thou done?*

Friar Jacomo: *Why, stricken him that would have struck at me* [8, с. 404].

В этом примере посессивный перфект второй реплики диалога можно интерпретировать как случай обычного контекстуального эллипса. Реплика ‘*Why, stricken him*’ представляет собой эллиптическое предложение, в котором посессивная связка *have* представлена нулевым вариантом, но она восстанавливается в своем звучащем варианте. окружающего контекста – из предшествующей реплики диалога. В данном употреблении словоформа *stricken* является простым глагольным сказуемым и употребляется в значения «ударить (палкой)».

Значение: *to kill* ‘убить, ранить (стрелой, копьем)’.

В следующем примере вычленение данного значения происходит в сочетании глагольной формы *stricken* с предложным дополнением, обозначающим орудие действия:

1607 г. *Having stricken it with a fleame thrust out the jelly with your finger* [14, p. 1130].

Значение: *to make a deal or an agreement by which both sides get an advantage or benefit* [OED] ‘заключать сделку или соглашение, в соответствии с которым обе стороны получают преимущество или выгоду; ударить по рукам’.

В данном значении причастие II *stricken* является компонентом фразеологически связанного оборота. Приведем некоторые примеры:

1611 г. *My son, if thou hast stricken thy hand with a stranger, thou art snared with the words of thy mouth* [7, p. 593].

В вышеприведенных примерах используется конструкция с посессивным типом перфекта. При этом причастие II *stricken* реализует свои акциональные признаки. Причастие II и становится здесь элементом аналитической глагольной временной формы.

Приведем другие значения словоформы *stricken*, в которых реализуются глагольные черты причастия II.

Значение: *to rub a match with a short quick movement against a hard surface, producing a flame* ‘высекать огонь’.

1637 г. *That light which until it be stricken out doth never appear* [15, p. 832].

Здесь причастие II *stricken* встречается в форме аналитического конъюнктива после союза *until* и реализует свои глагольные признаки.

Значение *to indicate the hours of day* ‘бить (о часах)’.

Данное значение реализуется в сочетании глагола *to strike* с ограниченным кругом слов, обычно с числительными. Данный семантический контекст представляет собой те необходимые языковые средства, которые ограничивают названное значение от других.

В данном значении причастие II *stricken* является компонентом аналитического глагольного времени, выраженного посессивным перфектом. Причастие II *stricken* в посессивном перфекте реализует свои акциональные черты, приведем некоторые примеры из британской и американской литературы:

1600 г. *Count the clock. – The clock hath stricken three* [12, p. 1030].
1698. *It had unaccountably stricken eleven* [9, p. 166].

В некоторых случаях причастие II *stricken* реализует свои акциональные признаки, выступая в структурах с простым глагольным сказуемым, и использует в постпозиции адвербиальные наречия. В таких употреблениях реализуются различные значения фразовых глаголов с базисным компонентом *stricken*, например:

Значение *to press something through so hard that it breaks* ‘пробить насквозь’.

1611 г. *She put her hand to the nail and her right hand to the workman's handle. And with the hammer she smote off his head when she had pierced and stricken through his temples* [7, p. 642].

В данном случае перестановка однородных членов – причастий прошедшего времени *stricken* и *peirced* не приводит к последующему изменению смысла предложения. А это позволяет заключить, что словоформа *stricken* реализует свои глагольные признаки и включена в состав простого глагольного сказуемого с четко выраженным значением

предшествующего действия по отношению к другому действию, выраженному сказуемым *smote off*.

Значение *to cancel a debt* ‘аннулировать долг’.

Рассмотрим пример XVII века:

1697 г. *To the end it might appear that we owe to the guides of our souls ever as much as our souls are worth although the debt of our temporal blessings shall be stricken off*. [14, p. 1135].

Выражению акционального значения причастием II *stricken* в данном примере способствует соотношение действия, выраженного бытийным перфектом со сферой будущего. Известно, что необходимость разграничения обеих функций сочетания «*to be* + причастие II» – функции составного именного сказуемого и простого глагольного возникает, когда глагол *to be* стоит в форме настоящего или прошедшего времени. При этом причастие II образовано от глаголов предельных или глаголов двойственного видового содержания и не выражает психического состояния лица [1, с. 154]. В данном примере форма будущего времени конструкции «*to be* + причастие II» имеет значение страдательного залога, указывая, какому действию подвергается субъект предложения.

Значение *to fell smth to the ground* ‘свалить, сбросить (корону)’.

Данное значение также реализуется словоформой *stricken* в составе фразового глагола:

1599 г. *Our holy lives mast win a new world's crown which our profane hours here have stricken down* [12, p. 723].

Значение: *to remove (words) from a document, list or record* ‘вычеркивать’.

В данном значении причастие II *stricken* является компонентом аналитической конструкции, т.е. реализует свои акциональные признаки. Данное значение представляется интересным в том плане, что его первое употребление датируется в Большом оксфордском словаре 1386 годом. Реализуя данное значение, *stricken* является компонентом фразового глагола с постпозитом. В британской и американской литературе XVII-XVIII веков встречается много случаев употребления словоформы *stricken*, реализующей свои глагольные характеристики в данном значении, например:

«*Mr. Wilson moved that «or any of them» be stricken out in order to remove the embarrassment* [6, p. 70].

Следует отметить, что в британской и американской литературе XVII-XVIII веков отмечается огромное количество случаев употребления словоформы *stricken*, когда она является адъективированной. Мы не ставим целью осветить все эти употребления, поскольку все они как в XVII веке, так и в последующие века входят в “общее ядро” двух микросистем – АЕ и ВЕ. Поэтому в качестве примеров употребления формы *stricken*, подвергшейся адъективации, приведем наиболее интересные случаи.

Рассмотрим те случаи, когда перфектные формы не имеют значения страдательного залога. Дело в том, что перфектные формы возможны и для связочного глагола составного именного сказуемого. Перфект не противоречит значению состояния, поскольку он указывает на завершенность. Хотя таких случаев и не очень много в литературе XVII-XVIII веков, однако нам удалось найти некоторые показательные примеры:

1682 г. *It was as if each person as he was thrust in at the door, had been stricken blind* [2, p. 66].

Данный пример интересен в том смысле, что причастие II *stricken* входит в конструкцию с перфектной формой пассива глагола-связки *to be* (*had been* + причастие II). В огромном большинстве случаев перфектные формы имеют значение страдательного залога, но в данном примере мы находим составное именное сказуемое со связкой в перфекте. Единственным критерием в данном случае служит семантика предложения. Оборот *had been stricken* выражает состояние, а не действие, Кроме того, трудно связать с представлением о каком-либо деятеле сказуемое *had been stricken blind*. Все это говорит о том, что причастие II подверглось адъективации, т. е. акциональные черты причастия II здесь не реализуются.

Семантика состояния присуща также следующим примерам из литературы XVII-XVIII веков, в которых причастие II *stricken* является адъективированным:

1702 г. *And had the examiners done the like among the poor people when any had been stricken with the infection ... not so many had died.*

1651 г. *Dissolve some sal arnoniacke in some good aqua fortis whose faeces ... have been first stricken down with some fine silver* [14, p. 1135].

Несколько сложнее обстоит дело с бытийным типом перфекта. При пассивном причастии предельных глаголов причастие II реализует свои статально-перфектные значения. При пассивном причастии неопредельных глаголов мы обычно имеем дело с акциональным пассивом неперфектного типа, т. е., реализуются глагольные черты причастия II.

В нашей выборке оказалось огромное количество примеров, когда причастие II *stricken* выражает различные оттенки психического состояния лица независимо от видового характера глагола и имеет значение состояния в составном именном сказуемом, например:

1647 г. *And all were silent being stricken with injustice of the thing* [3, p. 211].

1602 г. *The wound is dangerous for you are stricken with a poisoned knife* [8, p. 583].

Причастие II в данных примерах образовано от предельного глагола и весь оборот с бытийным типом перфекта имеет статальное значение, т.е. причастие II здесь выступает в адъективированном употреблении.

Перейдем к рассмотрению следующего примера: 1651 г. *By the hand of God every man was stricken for rebellion with an oblivion of his former*

language [14] ‘Десницей Божьей каждый человек наказан за участие в бунте забвением своего прежнего языка’.

В данном случае причастие II *stricken* лексически выражает психическое состояние лица. В этом случае все контекстуальные показатели страдательного залога теряют силу. Ни наличие предложного дополнения с предлогом (*by the hand of God*), ни наличие обстоятельства образа действия (*with an oblivion of his former language*) не создают значения страдательного залога и не являются теми средствами, которые объединяют конструкцию “*to be* + причастие II” в аналитическую форму пассива. Здесь причастие II *stricken* является именной частью составного сказуемого и имеет значение состояния.

Причастие II подверглось также адъективации во фразеологически связанном обороте со значением: ‘пожилой, в годах’.

Рассмотрим следующий пример:

1647 г. *After they had lived in this city 11 or 12 years ... many others began to be well stricken in years* [3, p. 29].

В некоторых примерах статус сказуемого в предложении является категориально латентным ввиду отсутствия контекстуальных показателей. В таких случаях только контекст мог бы денейтрализовать структуры, где омонимия простого глагольного и составного именного сказуемого равна нейтрализации различий между ними. Такие “нераспознанные” случаи мы все-таки склонны относить к примерам употребления адъективированного причастия II. Обратимся к некоторым конкретным примерам:

1611 г. *For the foundations of Kirhareseth shall ye mourn; surely they are stricken* [7, p. 635].

Здесь так же, как и в предыдущих случаях налицо значение состояния, передаваемое причастием II.

1647 г. *At which the master was something stricken and sent to the sick ashore* [3, p. 112].

XIX-XXI века. Перейдем к рассмотрению употреблений словоформы *stricken* в АЕ и ВЕ XIX-XXI веков. Начнем с рассмотрения тех случаев, когда причастие II *stricken* реализует свои акциональные признаки, т. е. является компонентом аналитических образований. Оказывается, что на протяжении позднего периода развития английского языка в Америке, т. е. в XIX-XXI веках, диапазон использования словоформы *stricken*, когда она реализует свои глагольные черты, очень ограничен. Исследуемый материал показал, что данная словоформа встречается в тех контекстах, в которых глагол *to strike* употребляется в значении ‘вычеркивать’ и ‘срывать (листву, плод, цветок) ветром’ *break off a flower, fruit, etc. from or tree or plant by force of wind*.

Последнее значение было употребительным в АЕ вплоть до начала XX века, приведем некоторые показательные примеры из американской литературы:

1856 г. *If all the illegal votes be stricken out there is no evidence that the result would have been different* [4, p. 275].

The cold breath of autumn had stricken its leaves from the vine [11, p. 82].

Употребление словоформы *stricken* в значении: *to remove words from a document* [17] ‘вычеркивать слова из документа’ закрепилось в АЕ на протяжении XIX века; существует оно и сегодня. В ВЕ XIX-XXI веков использование словоформы *stricken* в качестве компонента аналитических конструкций, т.е. в тех случаях, когда она реализует свои глагольные признаки совершенно невозможно. Во всех употреблениях при реализации акциональных значений в ВЕ XIX-XXI веков используется исключительно словоформа *struck*. Однако же, в своих адъективированных употреблениях словоформа *stricken* возможна в ВЕ XIX-XX веков. В этих случаях она включается в составное именное сказуемое в качестве именной части или встречается как причастие, подвергшееся адъективации, в небольшом количестве словосочетаний:

1891 г. *Life may be stricken with sterility.* [14, p. 1132].

В АЕ XIX-XXI веков словоформа *stricken* подверглась адъективации в оборотах *stricken with a disease, stricken with a fit of apoplexy or paralytic affection.* [16, p. 866].

К случаям с адъективацией словоформы *stricken* относятся и многочисленные употребления с омонимией страдательного залога, т.е. простого глагольного сказуемого и составного именного сказуемого со связкой в форме перфекта. Мы находим составное сказуемое в форме перфекта в следующих примерах в АЕ XIX-XXI веков:

1826 г. *It appeared as if all who had profanely entered it had been stricken at a blow by the relentless arm of death* [5, p. 234].

В данном примере сказуемое выражает психическое состояние. При этом все показатели страдательного залога теряют силу: ни наличие предложного дополнения с предлогом *by*, ни наличие перфектных форм не создают значение страдательного залога и, соответственно, простого глагольного сказуемого. Это пример составного именного сказуемого с предикативом *stricken* и глаголом-связкой в форме прошедшего времени перфектного разряда.

В следующем примере мы также находим составное сказуемое и, следовательно, адъективированное употребление исследуемой словоформы: *She had been so stricken of conscience and so fearful of discovery, she could hardly open them.* [10, p. 206]. ‘Она испытывала такие угрызения совести и так боялась, что ее разоблачат’.

Наличие наречия *so* в препозиции к причастию II *stricken*, а также однородного члена предложения – прилагательного *fearful* в параллельной конструкции и семантика состояния, в целом, говорят об адъективированном употреблении словоформы *stricken*.

3. Выводы

3.1. На протяжении раннего периода развития английского языка в Америке, с начала XVII до конца XVIII века все употребления словоформы *stricken* не выходят за пределы «общего ядра». Это был период формирования американских диалектов английского языка. В едином английском языке Англии и Америки XVII-XVIII веков отмечается семь случаев употребления словоформы *stricken*, когда она реализует акциональные признаки причастия II.

3.2. В АЕ XIX-XXI веков причастие *stricken* реализует два акциональных значения, а в АЕ XX-XXI веков данная словоформа реализует свои глагольные черты лишь в значении «вычеркивать». В ВЕ XIX-XXI веков словоформа *stricken* встречается исключительно в адъективированных употреблениях и не может выступать в качестве компонента аналитических глагольных образований. С точки зрения ВЕ XIX-XXI веков, использование словоформы *stricken* в АЕ XIX-XXI веков в тех случаях, когда она реализует свои акциональные признаки (значения «вычеркивать», «срывать листья»), представляют собой реликтовое явление.

3.3. Хотя словоформа *stricken* в АЕ XIX-XXI веков и представляет собой реликтовое явление, она не сохранилась в АЕ полностью в том виде, в котором она существовала в английском языке XVII века. В обоих вариантах английского языка – в АЕ и ВЕ – в отношении данной словоформы действует один и тот же процесс: сужение ее семантической структуры. Но осуществляется он различными темпами: быстрее в ВЕ (словоформа *stricken* в ВЕ XIX-XXI веков совершенно не используется в акциональных значениях, она подверглась адъективации) и медленнее в АЕ (здесь данная словоформа используется в своих акциональных значениях, выступает компонентом аналитических конструкций). Процесс, который привел к снятию всех акциональных значений из семантической структуры причастия II *stricken* в ВЕ XVIII-XIX веков, повлек за собой снятие многих акциональных значений из семантической структуры данного причастия в АЕ XIX-XXI веков. Иными словами, лексема *to strike* развивается в АЕ и ВЕ неравномерно.

3.4. В АЕ XXI века существуют две парадигмы с глагольной лексемой *to strike*. Первая парадигма: *strike – struck – struck* для всех ЛСВ, кроме «вычеркивать», и вторая парадигма: *strike – struck – stricken* – для ЛСВ «вычеркивать». В ВЕ XIX-XXI веков действует только одна парадигма: *strike-struck-struck* – единая для всех значений данной лексемы.

3.5. Диахроническое рассмотрение словоформы *stricken* в АЕ и ВЕ позволило вскрыть взаимодействие разных состояний американского и британского вариантов английского языка: синхронное состояние АЕ как бы вступает в контакт с диахронным состоянием ВЕ, образуя непрерывный континуум. Глагольные употребления словоформы *stricken* используются в период с XVII по XVIII века как в Англии, так и в Америке колониального

периода. С конца XVIII века данная словоформа выходит из употребления в ВЕ, она не реализует в нем свои акциональные признаки, хотя и встречается в адъективных употреблениях. С другой стороны, словоформа *stricken* в своих глагольных употреблениях живет в американском варианте английского языка. История словоформы *stricken* в АЕ – это история постоянной утраты глагольных черт данным причастием на протяжении истории американского варианта английского языка XIX-XXI веков.

Список литературы

1. Жигadlo В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. М., 1956. 350 с.

Источники иллюстративного материала

2. American Literature Survey. New York, 1969. Vol. 2. 2176 p.
3. Bradford W. History of Plymouth plantation 1606-1646. Boston: Wright Printing Co., 1899. 555 p.
4. Congressional Globe, containing the debates and proceedings. Washington, 1833-1873. Vol. XXXVI.
5. Cooper J. F. The Last of the Mohicans. М., 1959. 462 p.
6. Documentary History of the Constitution of the USA, 1786-1870. Washington, 1900. 904 p.
7. Holy Bible. New York, 1816. 1111 p.
8. Marlowe C. The Complete plays. L. 1971. 601 p.
9. Mather C. The wonders of the invisible world. L., 1862. 217 p.
10. Mitchell M. Gone with the wind. L., 1936. 1017 p.
11. O'Henry. Selected stories. М., 1977. 376 p.
12. Shakespeare, W. Complete works. Peter Alexander text. L., 1970. 1376 p.

Список лексикографических источников

13. Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. Clarendon Press. Oxford. N.Y., Second edition, 1993. 2572 p.
14. New English Dictionary on historical principles. Ed. by A. H. Murray, H. Bradley, W. A. Craigie, C.T. Onions. Oxford, 1933. 16570 p.
15. The Shorter Oxford English Dictionary on historical principles / by W. Little, H.W. Fowler, J. Coulson. ed. by C. T. Onions. Third edition. Oxford, 1964. Vols 1-2. 1215 p.
16. Thornton R. An American glossary. N.Y., 1962. 990 p.
17. Webster's New Encyclopedic Dictionary. New York, 1993. 1787 p.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ МОРЯКОВ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена сопоставительному исследованию номинации лица в профессиональной деятельности человека на материале разноструктурных языков. Описаны структурные и семантические особенности английских, немецких и русских существительных, называющих профессии людей, связанных с мореплаванием, выявлены типологические тенденции их образования и семантики, определены причины их сходства и различия.

Ключевые слова: сопоставительные и типологические исследования, номинация лица, семантика, словообразование, симплекс, дериват, композит, суффиксация.

1. Предварительные замечания. Представленная работа посвящена исследованию номинации лица в морской терминологии в сопоставительном аспекте. Ономаσιологическая группа «наименование лица» занимает одно из ведущих мест в системе любого лексикона по богатству и разнообразию структурно-семантических и грамматических форм и на протяжении многих лет привлекает внимание лингвистов, которые проводили исследования в разных направлениях на материале разных языков, в т.ч. английского, немецкого и русского (Е. С. Кубрякова, В. Н. Манакин, Л. Г. Безрукова, Л. Б. Николаева, С. Н. Рыженко и др.).

Морская профессиональная деятельность была одной из основных составляющих в экономическом и военном развитии европейских стран, в частности – Англии и Германии, а также России. По решению Международной Морской Организации (ИМО) английский язык является в настоящее время международным профессиональным языком общения мореплавателей, что способствует возрастанию интереса лингвистов к исследованию лексических единиц морской тематики, особенностям их происхождения, семантики, структуры и функционирования в языке [2-5].

Актуальность представленной работы обусловлена особым интересом учёных к проблеме номинация самого человека, т.е. словам, которые обозначают или характеризуют его в повседневной жизни, так и в различных профессиональных сферах деятельности в тот или иной исторический период. Необходимость исследования морской терминологии очевидна, а материал нескольких разноструктурных языков позволит, таким образом, выявить специфические черты соответствующих лексических систем, а также корреляции между концептуальными моделями носителей сопоставляемых языков в рамках исследуемой области знаний. **Цель** исследования состоит в определении общих и отличительных признаков в структурно-семантической системе номинации моряков в английском, немецком и русском языках.

Материалом исследования послужили 300 лексем, именующих человека, связанного с морским делом, в исследуемых языках. Анализируемые существительные были выбраны из лексикографических источников сопоставляемых языков – толковый словарь английского языка [13], словарь морских терминов и морская энциклопедия онлайн [7], этимологический словарь английского языка [11], словарь английских морских терминов [12]; словарь немецкого языка [9], этимологический словарь немецкого языка Ф. Клуге [10]; большой современный толковый словарь русского языка онлайн [1], толковый словарь С. И. Ожегова [6], морской этимологический словарь Н. А. Ткаченко [8].

Основной единицей исследования является первичное значение слова «моряк».

2. Изложение основного материала и обоснование результатов исследования

2.1. Исследование лексем, которые обозначают моряков, в английском, немецком и русском языках показывает, что в наименованиях моряков (далее – НМ) прослеживаются схожие структурные и семантические тенденции их образования, что мотивировано скорее общим видом профессиональной деятельности. Однако в каждом из рассмотренных языков данная лексико-семантическая группа имеет и свои определённые особенности.

Анализируя структурные характеристики английских, немецких и русских НМ следует отметить, что среди них встречаются простые односложные слова (симплексы), дериваты (производные слова), образованные преимущественно с помощью суффиксации, наименования со структурой сложного слова и наименования со структурой словосочетания, т.е. такие, которые образованы вследствие соединения двух и более самостоятельных элементов речи (см. табл. 1).

Таблица 1

Структурные особенности английских, немецких и русских НМ

Структурная модель	Количество лексем			Примеры
	Англ. язык	Нем. язык	Русс. язык	
НМ со структурой словосочетания	55	7	18	англ. <i>blue-water sailor</i> , нем. <i>blaues Hemd, nautischer Offizier</i> , русск. <i>помощник капитана, палубный кадет</i>
НМ со структурой сложного слова	19	61	28	англ. <i>boatswain, seaman, seafarer</i> , нем. <i>Seemann, Küstenschiffer</i> , русск. <i>мореплаватель, черно морец</i>
НМ-дериваты	13	26	37	англ. <i>mariner, sailor</i> , нем. <i>Mariner, Segler</i> , русск. <i>морячок, моряк, мореходец</i>
Простые НМ (симплексы)	13	6	17	англ. <i>cub, boot, gob</i> , нем. <i>Gast, Schmutt</i> , русск. <i>кок, марин, матрос</i>
Всего	100	100	100	

Количественное превалирование НМ со структурой сложного слова подтверждает продуктивность данного способа словообразования в английской, немецкой и русской морской терминологии и отражает специфику словообразования НМ в целом, поскольку именно с помощью такого способа можно дать более полную информацию, полную характеристику самого человека и его профессиональных обязанностей. В немецком словообразовании этот способ является самым частотным.

В структуре сложных НМ первый или первые компоненты выражают оценочные характеристики основного слова, которым является последний компонент. Большинство английских и немецких лексем являются двусоставными словами и образуются по следующим моделям:

$N + N \rightarrow N$, где первым компонентом в НМ является существительное, ср.: англ. *boatswain* 'боцман', *deckhand* 'палубный матрос', *landlubber* 'неопытный, неловкий моряк', нем. *Feuermann* 'кочегар', *Funkoffizier* 'радист', *Maschinenwärter* 'моторист', *Rudergast* 'рулевой', *Schiffarzt* 'судовой врач';

$Adj + N \rightarrow N$, где первым компонентом является прилагательное, ср.: *bluejacket* 'моряк', нем. *Jungmatrose* 'молодой матрос', в немецком языке такая модель образования НМ не продуктивна (1 лексема);

$N + s + N \rightarrow N$: нем. *Fahrensmann* 'моряк', *Ladungsanschreiber* 'талъман', *Schiffsmaschinist* 'машинист'. Данная модель типична только для немецкого языка.

Первый компонент сложного слова обычно несёт описательную характеристику всего НМ, т.е. где несёт службу моряк, на каком судне (*sandpounder* 'моряк, служащий на берегу', *Küstenschiffer* 'моряк каботажного плавания', *Marineangehörige* 'военный моряк', *Tankermann* 'моряк танкерного флота'), возраст или опыт моряка (*shellback* 'старый опытный моряк', *landsman* 'неопытный моряк'), какие обязанности он выполняет на судне (*deckhand* 'палубный матрос', *Marineoberfeldwebel* 'мичман', *Motorenwärter* 'моторист', *Schauchtaucher* 'водолаз'), или кто он по рангу (*Kommodoreadmiral* 'коммодор, адмирал', *Marinesoldat* 'матрос') и др. Анализ русских лексем подтверждает тот факт, что словосложение также является продуктивным способом в словообразовании НМ. Среди них встречаются лексемы, которые имеют две и более основ, представляющие разные части речи, ср.: *краснофлотец*, *черноморец*.

Линейные структурные образования, состоящие из нескольких слов, типичны для английского языка, в немецком языке таких не много. В английском языке в структуру одного наименования могут входить как простые самостоятельные слова, представляющие разные части речи (существительные, прилагательные, порядковые числительные), так и непосредственно сложные слова, которые в свою очередь состоят из разных компонентов, ср.:

N + N → N: *watch officer* ‘вахтенный офицер’, *horse marine* ‘морьяк-конник’;

Adj + N → N: *able seaman* ‘матрос первого класса’, *naval man* ‘военный моряк’, *water dog* ‘бывалый моряк’;

Ord. Num + N → N: *Third Engineer* ‘третий механик’;

Adj + Adj + N → N: *old sea dog* ‘старый опытный моряк’;

(N + Adj) + N → N: *case-hardened sailor* ‘старый опытный моряк’, *fair-weather sailor* ‘неопытный моряк’;

(Adj + N) + N → N: *freshwater sailor* ‘неопытный матрос, новичок’;

(Adj + (N + Adj) + N → N: *old weather-beaten tar* ‘морской волк, старый моряк’.

В немецком языке зачастую это существительное, которое сопровождается прилагательным или другим существительным в функции генитива. Каждый компонент имеет своё определённое значение, однако в совокупности они образуют наименование моряка, которое имеет лишь своё конкретное значение, ср.: *Seemannische Nummer 1* ‘боцман, номер один среди моряков’, *Angehörige der Handelsflotte* ‘моряк торгового флота’ и др.

Образность некоторых наименований показывает, что значения составных частей слова зачастую ассимилируются и изменяют свою первоначальную семантику.

Что касается НМ – дериватов, следует отметить, что в английском и немецком языках они образуются исключительно с помощью суффиксации, а именно с помощью суффиксов англ. *-er, -or, -y / -ie*, нем. *-er, -ier, -or, -e, -el*; русск. *-ик, -щик, -ок, -ист, -ец* и др. В русском языке зафиксирована одна лексема, образованная префиксально-суффиксальным способом (*подводник*). Такие слова именуют человека-деятеля, т.е. характеризуют его по роду профессиональной деятельности в целом (общ. проф. англ. *sailor* ‘матрос, моряк’, нем. *Mariner* ‘военный моряк’) и конкретного вида деятельности (англ. *shoaler* ‘моряк каботажного плавания’, нем. *Kieker* ‘смотрящий’, *Steuerer* ‘рулевой’). Суффиксальный способ образования наименований лица является давним словообразовательным способом в обоих германских языках.

Неудивительно, что большинство дериватов, которые номинируют человека (мужчину), образованы с помощью суффикса *-er* – самого широко употребляемого в английском и немецком языках суффиксе в этой словообразовательной функции, причём на протяжении всех периодов развития языков. Английские суффикс *-y / -ie* служит для дескриптивирования отношения к данному лицу и такие НМ характерны для жаргонного выражения, ср.: жарг. *swabby* ‘морячок’. Однако с помощью данного суффикса могут образовываться слова, которые выражают основное направление деятельности и используются в обычной разговорной речи, напр.: разг. *Jacky* ‘морской волк’.

В русском языке встречаются также дериваты, которые являются прилагательными, однако по их функциональным особенностям понятно, что они номинируют человека, который выполняет определённый вид деятельности, напр.: *смотрящий, дневальный, вахтенный, кормчий* и др. В данном случае это явление в словообразовательной системе характерно только для русского языка, поскольку в английском и немецком языках все НМ являются существительными.

Среди английских и русских НМ встречаются слова, которые состоят из сокращенной формы полноценных слов – англ. *amphib*, русск. *старпом* ‘старший помощник капитана’, *стармех* ‘старший механик’.

Исследование номинации лица в морской терминологии показало, что практически вся русская морская терминологическая система представляет собой некую кальку с иностранных языков (голландского, немецкого, английского). Многие термины, особенно со времён Петра Великого, ранее не употреблявшиеся в русском языке, стали входить в речь русских моряков для передачи тех или иных явлений, названий судна, действий и пр. Таким образом, большинство иноязычных слов были настолько адаптированы русским языком, что некоторые слова воспринимаются как исконно русские морские термины, ср.: *капитан, адмирал, тальман, боцман, коммодор, корсар, кок, юнга* и др. Ряд наименований имеет форму, которая свидетельствует, что эти названия являются калькой из немецкого или английского языков, ср.: *кранмейстер, лоцман, яхтсмен, квартирмейстер, донкерман, канонир, стюард*.

2.2. Семантический анализ НМ показал, что во всех трёх языках семантическая классификация этой лексико-семантической группы фактически идентична, а именно в НМ отображены следующие критерии и характеристики:

– универсальное значение ‘моряк’ (англ. *mariner, seaman, sailor, sea person, sailorman*, нем. *Seemann, blaues Hemd, Schiffer*; русск. *моряк, марин, мореход, мореходец, матрос*);

– опыт работы (англ. *sea dog* ‘морской волк, опытный моряк’, *old seaman* ‘старый, опытный моряк’, *old tar* ‘опытный моряк’, *boot* ‘новобранец-моряк’; нем. *Wassermaus* ‘старый, опытный моряк’, *junger Dachs* ‘салага, русск. *морской волк, гардемарин*;

– место профессиональной деятельности: военный флот (англ. *navy man, navy man, navy sailor, marine*, нем. *Marineangehörig* ‘военный моряк’, русск. *подводник*), торговый флот (англ. *merchant seaman*, нем. *Angehörige der Handelsflotte* ‘моряк торгового флота’, русск. *грузовой помощник капитана, тралмейстер*), служба в пресных водах (англ. *freshwater sailor* ‘моряк, служащий в пресноводных водах’), служба на берегу (англ. *beach mariner* ‘моряк, служащий в береговой охране’, *beach mariner* ‘моряк, списанный с судна’; нем. *Küstenfahrer* ‘моряк, служащий в береговой охране’);

– характерный для морского флота вид профессиональной деятельности (англ. *able seaman, able-bodied seaman* ‘матрос’, ‘матрос первого класса’, *boatswain, bosun* ‘боцман’, *cabin boy* ‘юнга’, *captain, master* ‘капитан, командир корабля’, *cargo officer* ‘грузовой помощник капитана’, *chief cook* ‘главный повар’, *chief engineer* ‘старший механик’, *watch officer* ‘вахтенный офицер’; нем. ‘боцман’, *Schiffjunge* ‘юнга’, *Segelmacher* ‘матрос на парусном судне’, *Windemann* ‘лебедчик’; русск. *боцман, юнга, шкипер, мичман, матрос*);

– внешность (англ. *white hat* ‘американский военный моряк’, *bluejacket, bluescoat, boy in blue, man in blue* ‘матрос американского или английского военного флота’, *gold braid* ‘офицер-моряк’ (США), нем. *Blaujacke* ‘моряк’, *Teerjacke* ‘моряк (просмоленная куртка)’);

– возраст (англ. *shipboy* ‘юнга’, *old weather-beaten tar* ‘старый моряк’, *old whale* ‘морской волк’, *shellback* ‘старый, опытный моряк’, нем. *Junge* ‘юнга’, *Schiffsjunge* ‘юнга’; русск. *юнга, кадет*);

– ранг моряка на корабле / судне:

высший чин – англ. *Captain, Master* ‘капитан, командир корабля’, *Chief Officer* ‘главный старшина, первый помощник капитана’, *Second Mate* ‘второй помощник капитана’, нем. *Schiffskapitän* ‘капитан’, *nautischer Offizier* ‘штурман’, *Bootsmann* ‘боцман’; русск. *капитан, командир корабля, старший помощник капитана, второй помощник капитана*;

низший чин – *able seaman, able-bodied seaman* ‘матрос, матрос первого класса’, *ordinary seaman* ‘матрос 2-го класса, младший матрос’, *ship's boy, cabin boy* ‘юнга’; нем. *Matrose* ‘матрос’, *Decksjunge* ‘палубный матрос’, *Gast* ‘матрос’, русск. *матрос, юнга*);

– негативная характеристика: англ. *swab (swabbie, swabby)* ‘морячок, флотяга’, *polliwog* ‘моряк, не пересёкший на корабле экватор’, *cub* ‘моряк, который не пересекал полярного круга’, *lubber* ‘неопытный, неловкий моряк’, *poor seaman* ‘плохой моряк’);

– моряк определённой страны (англ. *lascar* ‘ласкар, матрос-индеец (на европейских кораблях)’);

– моряк определённых морских вооружённых сил (англ. *bluejacket* ‘матрос американского или английского военного флота’, *white hat* ‘американский военный моряк, матрос’, *British hearts of oak* ‘моряки британского флота’, *PLA sailor* ‘китайский военный моряк’; русск. *балтиец, черноморец*);

– пиратский промысел (*buccaneer* ‘буканир’, *corsair* ‘корсар’, *filibuster* ‘флибустьер’, *pirate* ‘пират’, *privateer* ‘капер’; нем. *Seeräuber*).

В английском языке выявлены лексемы, которые именуют моряков относительно прекращения или невозможности исполнения своих обязанностей по каким-либо причинам, ср.: *wrecked sailor, distressed sailor* ‘моряк с потерпевшего крушение корабля’, *beach, beach mariner* ‘моряк, списанный с судна’, *a one-time sailor* ‘в прошлом моряк’). Отдельной

группой представлены НМ, образованные от имен собственных, ср.: *Joe Gish* ‘матрос, моряк, рядовой американского флота’, *Jack Tar*, *Jack*, *Jacky* ‘морской волк, (старый) моряк’.

В русском языке есть лексемы, которые называют моряков по виду судна, на котором служит или ходит моряк (*багермейстр*, *тралмейстр*, *яхтсмен*), но отсутствуют лексемы, характеризующие моряка по внешности.

В английском и русском языках выявлены лексемы, которые называют моряков относительно того, в каком именно военно-морском флоте служит моряк (англ. *bluejacket* ‘матрос американского или английского военного флота’, русск. *балтиец*, *черноморец*).

Следует отметить, что в английской и немецкой морской терминологии для некоторых НМ существует целый ряд синонимов. Так, капитана называют *Captain*, *Master*. Для номинации старшего помощника капитана служат такие слова как *Chief Mate*, *First Mate*, *Chief Officer*, *First officer*. Само значение ‘моряк’ эксплицируется в таких существительных как *swab*, *tar*, *gust*, *boot*, *bucko*, *dragon back* и др. В немецком языке, например, слово *Matrose* ‘матрос’ имеет такие синонимы как *Marinesoldat*, *Kuli*, *blaues Hemd* и др. Это доказывает тот факт, что и терминологическая система любого языка расширяется и развивается под влиянием различных социолингвистических факторов, которые мотивируют изменять и дополнять номинативную систему языка.

Также следует отметить генерализацию значений в английской номинации моряков и конкретизацию семантики немецких лексем, ср.: нем. *Mariner* имеет в немецкой морской терминологии более узкое значение ‘военный моряк’, а англ. *mariner* вербализирует общее универсальное значение ‘моряк’, немецким аналогом которого является *Marinemann*.

3. Выводы и перспективы исследования. Таким образом, структурно-семантический анализ английских, немецких и русских НМ показал, что в номинации моряков прослеживаются определённые общие тенденции их образования и значения, что можно объяснить одним видом профессиональной деятельности. Однако исследовательский материал трёх языков позволил выявить и специфические черты соответствующих лексических единиц. Появление новых профессий и образование новых слов мотивируют активное изучение номинативной деятельности человека в целом, а также глубокого исследования в области его профессиональной деятельности. Морская терминологическая система в этом отношении является благодатной почвой для лингвистических студий в различных направлениях и аспектах.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка. Доступ: <http://www.вокабула.рф/словари/бтс> (дата обращения 28.10.2017).
2. Грінінгер О. Є. Про номінацію американських і британських морських суден (співставний аспект) // Філологічні дослідження. Донецьк: Юго-Восток, 2004. Вип. 6. С. 203-210.

3. Карасенко Е. А. Историко-этимологический анализ лексем со значением «моряк» в английском языке // Материалы XIV Междунар. лингвистического семинара 14-15 ноября 2016 г. (Донецк-Пятигорск). Пятигорск, 2016. С. 100-105.
4. Качарян Ю. Г. Функциональные особенности американского военно-морского сленга // Теория и практика общественного развития. Филологические науки. 2012. № 4. С. 395-398.
5. Козловская О. Г. Когнитивные и структурно-семантические особенности морской терминологии: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02. СПб.: 2005. 468 с.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь. Доступ: <http://ozhegov.textologia.ru> (дата обращения 27.10.2017).
7. Словарь морских терминов и морская энциклопедия онлайн. Доступ: <http://www.onlinedics.ru/slovar/mor.html> (дата обращения 28.10.2017).
8. Ткаченко Н. А. Морской этимологический словарь. Доступ: <http://gorizont.moscow/tkachenko-nikolaj-adamovich> (дата обращения 28.10.2017).
9. Duden Deutsches Universalwörterbuch / [hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion; unter der Leitung von G. Drosdowski. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 S.
10. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch des deutschen Sprache / Unter Mithilfe von M. Bürgisser u. B. Gregor. 22. Aufl. Berlin; New York: de Gruyter, 1989. 882 S.
11. Online Etymology Dictionary. Доступ: <http://www.etymonline.com> (дата обращения 28.10.2017).
12. The Dictionary of English Nautical Language Database: Advanced Search of the SeaTalk Nautical Dictionary. Доступ: <http://mirznanii.com/a/48702/frazeologicheskiedinitsy-terminologicheskogo-proiskhozhdeniya> (дата обращения 28.10.2017).
13. The Oxford English Dictionary. Доступ: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения 27.10.2017).

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В ОБРАЗОВАНИИ НОВЫХ ТЕРМИНОВ

В статье показано гармоничное включение терминов с латинской этимологией в состав терминообразующего потенциала терминологической системы информатики и вычислительной техники французского, русского и украинского языков. Термины, созданные на основе латинских корней и терминоэлементов практически все интернациональны. В новейших терминосистемах отмечается тенденция к использованию латинских корней и терминоэлементов.

Ключевые слова: термины с латинской этимологией, латинский язык, новейшая терминосистема

Цель исследования показать гармоничное включение терминов с латинской этимологией в состав терминообразующего потенциала терминологической системы информатики и вычислительной техники французского, русского и украинского языков.

Необходимо определить статус латинского языка как полноценного донора для создания современных терминосистем. Считается, что латынь – это «мёртвый язык», ссылаясь на то, что на нем не говорят ни в одной стране мира. Но при этом уточняется возможность отправления католической службы на латинском языке, хотя имеются и послабления, которые заключаются в возможности проведения службы и на национальных языках. Не отрицается факт ведения официальных документов и светских бесед в Ватикане на латинском языке.

Знание латинского языка определяет степень образованности не только гуманитария, но и медика и, вероятно, любого человека, который стремится приобщиться к великой культуре античности, средних веков и эпохи Возрождения.

Латынь широко используется в медицине поскольку она является объединяющим фактором для медиков всего мира и для унификации медицинского образования [16, с. 139]. Терминологические системы медицинской отрасли знаний полностью построены на латинских и греческих лексемах:

- анатомические термины: *ligamentum latum* – широкая связка; *costa duodecima* – двенадцатое ребро; *aorta descendens* – нисходящая аорта;
- клинические термины: *caput obstinum* – кривошея; *coma diabeticum* – диабетическая кома. В фармацевтике все наименования лекарственных средств, в том числе лекарственных растений, принято

фиксировать и использовать на латинском языке: *unguentum* – мазь; *decoctum* – отвар; *solutio* – раствор (лекарственные формы); *Chamonilla officinalis* – Ромашка лекарственная; *Berberis vulgaris* – Барбарис обыкновенный; *Ribes rubrum* – Красная смородина (лекарственные травы).

При этом в речи врачи и фармацевты используют так называемые «формулы», которые им нет необходимости переводить: *in partes aequales* – на равные части; *ana* – поровну; *In vitro* – в пробирке; *Cito* – быстро; *Attente* – внимательно.

Большое количество терминов юриспруденции происходят от латинских терминов: консул (лат. *consul*) – должностное лицо дипломатического ведомства, защищающее интересы своего государства и его граждан перед местными властями в другом государстве, деликт (лат. *delictum*) – незаконное действие, правонарушение, преступление, дебитор (лат. *debere* быть должным) – должник; кондемпнация (лат. *condemnare*) – в Древнем Риме основная часть процессуальной формулы претора, в который он предлагал судье осудить или оправдать ответчика и др.

Существует определенный страт юридических формул, которые принято в среде профессиональных юристов цитировать на латинском языке, поскольку они взяты из первоисточников Римского права: *Actum est, illīcet.* – Дело сделано (судебное заседание закончено), можно расходиться (процессуальная формула); *Uti, frui, abuti.* – Употреблять, использовать, распоряжаться (вещью); *Veto vim fieri.* – Запрещаю применять силу (формула преторского интердикта); *Ad aliud examen.* – На новое рассмотрение (на судебное рассмотрение); *Regina probationum.* – Царица доказательства (явка с повинной); *Post hoc non propter hoc.* – После этого не (значит) вследствие этого (действия); *Persona de facto.* – Лицо без гражданства.

Ботанические и зоологические бинаминальные названия составляют терминологический аппарат этих наук и сформированы на основе латинских и греческих корней и терминологических элементов:

- ботанические наименования: *Lupinus luteus* – Люпин желтый; *Betula nana* – Береза карликовая; *Sorbus americana* – Рябина американская; *Piper nigrum* – Перец черный;

- зоологические наименования: *Anas fera* – Утка дикая; *Ardea candida* – Цапля белая; *Passer domesticus* – Воробей домовый; *Cricetus cricetus* – Хомяк обыкновенный.

Таким образом латинский язык был востребован в процессе формирования устоявшихся терминологических систем. Необходимо подчеркнуть, что латинские термины обладают универсальностью и высокой степенью однозначности и нейтральности. Термины, созданные на основе латинских корней и терминологических элементов практически все интернациональны. Они могут использоваться в латинском начертании или могут быть адаптированы языками-реципиентами в соответствии с их правилами.

В новейших терминосистемах также отмечается тенденция к использованию латинских корней и терминоэлементов.

Потребность в формировании новой терминологической системы появляется на определенном этапе развития общества и промышленности, науки и техники. Однако ее появление возможно лишь при наличии хорошо развитой системы языка.

Известно, что отбор специальной лексики определяется терминологической системой и является основой для формирования концептуального аппарата данной отрасли.

Терминологическая система информатики и вычислительной техники постоянно развивается и не может квалифицироваться как полностью сформированная, сложившаяся терминологическая система. Вследствие этого отмечается отсутствие четких границ между специальной и общеупотребительной лексикой. Лексический состав исследуемой терминосистемы отличается определённой симметричностью во французском, русском и украинском языках, что свидетельствует об одновременности возникновения и развития указанной отрасли знания в разных странах.

В конце шестидесятых годов XX века был создан первый персональный компьютер, что стало основной предпосылкой для формирования новой науки информатики. Этот термин впервые появляется во французском языке в 1962 году [9] для наименования науки, комплекса отраслей знания и технических средств, которые способствуют автоматической и теоретической обработке данных, передаче знаний человеку во времени и пространстве [9; 10, с. 63; 11, с. 1351; 12, с. 523]. Очень быстро он заимствуется русским и украинским языками и становится полным интернационализмом. Так начинается формирование терминологической системы информатики и вычислительной техники

Термин информатика во (французском языке *informatique*) обозначает, во-первых, информатика, а во-вторых: вычислительная техника. Так в одной терминологической единице два значения: информация – отображение реального или виртуального мира при помощи специальных кодов и автоматика – научно-техническая дисциплина, которая охватывает вопросы создания устройств и систем, которые функционируют без участия человека [10, с. 8]. Таким образом, область интересов науки «информатика» дихотомична: информация и компьютерная техника. При изучении структуры термина информатика были выявлено две структурные части, соединенные общей частью – mati:- *informatique* = *informati*[on] + [*auto*]matique.

Первое базовое понятие информация восходит к латинской лексеме *informatio, onis f*, которая обозначает 1) токование и репрезентация значений, отраженных естественной памятью 2) наставление, толкование,

которое в нем содержится 3) у риторов – оборот, который называет особенные свойства или определения [14, III, с. 493].

Вследствие своей многозначности сфера употребления этой лексической единицы не ограничивается общеупотребительным вокабуляром, а распространяется на общенаучную и специальную сферы. В общезыковой сфере – это новые сведения [4, с. 283; 12, с. 1314]. В общенаучной сфере – обмен сведениями [9], соединение сигналов; в узкоспециальной сфере – способность к формализации и упорядоченности [4, с. 45]. С течением времени эта лексема расширяет свое значение. И уже в терминологической системе информатики и вычислительной техники информация – это знания, которые отображают реальный или виртуальный мир, которые подаются в виде специальных кодов: знаков и сигналов [8, с. 64].

Семантическая структура базового понятия *information* / информация / інформація может быть представлена в виде понятийной синтагмы определенных компонентов [1, с. 202]. Информация – это абстрактное знание + знание в виде данных, доступных только для человека, который с ними работает + знание, которое подается в виде специальных кодов, «понятных» компьютеру.

Второе базовое понятие обозначается лексической единицей *machine* / машина / машина, которая восходит к латинскому *machina* – механизм, совершающий какую-нибудь работу. Это сложное устройство, которое использует энергию для ее преобразования в другой тип энергии и выполняет задания, которые человек не может осуществить самостоятельно или делает их более простыми. В терминологической системе информатики и вычислительной техники машина определяется как устройство для получения, обработки и использования информации [5, с. 422; 8, с. 625; 9; 12, с. 1480; 15, IV, с. 7-8]. Следовательно – это устройство для преобразования входящих сообщений в исходящие.

В исследуемой терминосистеме отмечен термин, восходящий к латинскому глаголу *calculo, are* 1) считать, подсчитывать 2) полагать [2, с. 145]. Впрочем, в латинских источниках уже имеется лексическая единица *calculator, oris m*, первое значение которой преподаватель арифметики, а второе – счетчик, счетовод [2, с. 145]. Во французском языке на основе этой лексемы образованы термины: *calculateur m*, который обозначает машину способную выполнять любые вычислительные операции [9; 12, с. 130; 13, с. 167]; *calculatrice f*, датированный 1970 годом, обозначает машину, предназначенную для выполнения арифметических и некоторых алгебраических операций, она меньше, чем *calculateur m* по мощности и размерам; термин *calculette f* (1970) появляется для обозначения карманного компьютера и отличается еще меньшей мощностью и размером [12, с. 323; 13, с. 167]. В русском и украинском языках используется лишь термин калькулятор / калькулятор. Этот термин

можно квалифицировать как заимствование из английского языка, в котором термин *calculator n* обозначает калькулятор, вычислитель, счетно-вычислительное устройство [6, I, с. 305].

Базовый термин исследуемой терминосистемы *ordinateur m* восходит к латинскому глаголу *ordino, āre* 1) располагать в порядке, приводить в порядок 2) устраивать, возбуждать 3) рассматривать или рассказывать по порядку 4) управлять; руководить; назначать 5) составлять [2, с. 711]. Этот термин появляется во французском языке в пятидесятых годах XX века для обозначения машины, которая способна автоматически выполнять арифметические и логические операции в соответствии с программами [9], [13, с. 686]. Таким образом термин называет новую машину, которая является универсальным калькулятором, функционирующим без вмешательства человека.

Интересно отметить, что в терминологической системе информатики и вычислительной техники русского и украинского языков не зафиксирован термин французского происхождения для обозначения универсальной вычислительной машины. Здесь зафиксирован термин компьютер / компьютер, являющийся заимствованием из английского языка. В этом английском термине также отмечен латинский след: глагол *computo, are* 1) подсчитывать, сосчитывать, считать, вычислять 2) причислять, присчитывать 3) находить, считать 4) действовать по расчету [2, с. 220]. Поэтому *computer n* [6, I, с. 408] обозначает вычислитель, то есть устройство для вычислений. Это связано с тем, что первые компьютеры создавались как усовершенствованные автоматические арифмометры.

Так, в отличие от других сетных устройств, компьютеры осуществляют без участия человека сложные последовательности вычислительных операций, которые заранее задаются специальными инструкциями – программами. В настоящее время с помощью компьютеров выполняются не только числовые расчеты, но и готовятся к печати книги, создаются рисунки, кинофильмы, музыкальные произведения, осуществляется управление заводами, космическими кораблями и др. Таким образом в значении исследуемого термина появляются новые семантические оттенки: вычисление, управление, творчество.

При изучении терминологического потенциала терминосистемы информатики и вычислительной техники во французском, русском и украинском языках был зафиксирован термин *interface / интерфейс / інтерфейс*. Его структура достаточно прозрачная, благодаря чему ясно прослеживается внутренняя форма и латинская этимология. Этот термин состоит из префикса *inter-* (между-, взаимно-) и корня глагола *facere* (делать, действовать) [2, с. 412; 541]. Следовательно, дословно его можно перевести взаимодействие. В исследуемой терминосистеме данный термин обозначает функцию, которая обеспечивает обмен информацией между элементами

информационной системы [12, с. 1340], условную границу между двумя системами или двумя устройствами, которая обеспечивает обмен информацией [13, с. 530]. Другими словами, термин *interface* / интерфейс / интерфейс обозначает систему унифицированных связей и сигналов, при помощи которых происходит обмен и взаимодействие между системами, устройствами, человеком и компьютером [5, с. 280; 8, с. 479].

В исследуемой терминосистеме встречается термин *virus* / вирус / вирус в бактериологии и медицине рассматривается как один из мельчайших микроорганизмов, который вызывает инфекционное заболевание [12, с. 2683; 13, с. 1022]. Этимологически он позиционируется как термин латинского происхождения *virus*, *i* n 1) слизь, слизистый сок; 2) ядовитое выделение, яд [2, с. 1084]. Однако в терминосистеме информатики и вычислительной техники – это не микроорганизм, а определенный вид компьютерных программ [5, с. 150]. В этом случае важно отметить обоснованность выбора именно такого термина. Например, в медицине и биологии вирус – это агент (микроорганизм), который вызывает нарушение информации, содержащейся в генетическом коде живой клетки и приводит к нарушению функций организма, в терминосистеме информатики и вычислительной техники – агент (программа), которая вызывает разрушение информации, содержащейся в коде системных программ, что может привести к блокированию работы компьютера. То есть отмечается процесс ретерминологизации медицинского термина на основе подобия функции.

Интересно рассмотреть термин *port* / порт / порт. Толковые словари предлагают определение: «место для стоянки и ремонта судов, место для погрузочных и разгрузочных работ» [5, с. 552; 8, с. 753]. Во французском языке с таким же определением употребляется лексема *port* [12, с. 1940]: «*abris naturel ou artificiel aménagé pour recevoir les navires, pour l'ambarquement et le débarquement*» «естественное или искусственное убежище, которое используется для встречи, загрузки и разгрузки судов». То есть, речь идет лексической единице, которая восходит к латинскому существительному *portus*, *us* *m* и обозначает порт, пристань, гавань 2) убежище, защита 3) устье 4) товарный склад, складское помещение [2, с. 786; 11, с. 834; 15, IV, с. 747]. В англоязычных словарях зафиксированы две лексические единицы *port*. Первая лексическая единица обозначает порт, гавань [6, I, с. 736], а вторая имеет несколько значений – 1. ворота (города) 2. пушечный порт 3. 1) технический термин – отверстие, окно; проход, прорезь; канал 2) оптический – люк 3) вычислительная техника – порт [2, с. 785; 11, с. 831; 15, IV, с. 742-743]. В этом случае указан этимологический источник – латинский язык, где *porta*, *ae* *f* обозначает ворота, вход, проход [2, с. 785]. Во французском языке также отмечена подобная лексическая единица с подобным значением *porte f*: «*ouverture, baie permettant d'accéder à un lieu fermé ou en*

clos et d'en sortir»: «отверстие, прорезь, которая позволяет добраться к закрытому или огороженному месту и выйти из него». В терминологической системе информатики термин *port* / порт / порт используется для обозначения устройства компьютера, посредством которого осуществляется подключение к внутреннему соединению, что обеспечивает взаимодействие частей системы [3, с. 255].

Таким образом, можно констатировать, что латинский язык остается востребованным источником для создания новых терминов в современных терминологических системах. Такие термины, как правило, обладают прозрачностью и высокой степенью интернационализации. Наличие латинского следа в полнозначных терминах терминологической системы информатики французского, русского и украинского языков подтверждает тезис об универсализации новых терминологических систем.

Список литературы

1. Буянова Л. Ю. Терминологическая деривация в современном русском языке (метаязыковой аспект). Краснодар: Краснодарское книжн. изд-во, 1996. 252 с.
2. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русск. яз., 2000. 1096 с.
3. Дорот В. Л., Новиков Ф. А. Толковый словарь современный компьютерной лексики. СПб.: ВHV, 1999. 384 с.
4. Земан И. Познание и информация. Гносеологические проблемы кибернетики. М.: Прогресс, 1966. 250 с.
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русск.яз., 1998. 848 с.
6. Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. / под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна и д-ра филол. наук, проф. Э. М. Медниковой. 2-е изд., испр. М.: Русск. яз., 1997. Т. 1. 832 с.
7. Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. / под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна и д-ра филол. наук, проф. Э. М. Медниковой. 2-е изд., испр. М.: Русск. яз., 1997. Т. 2. 826 с.
8. Словник іншомовних слів / Л. О. Пустовіт (ред.), О. І. Скопенко, Г. М. Сюта, Т. В. Цимбалюк. К.: Довіра, УНВЦ Рідна мова, 2000. 1017 с.
9. Dictionnaire Hachette Multimedia Encyclopédique. Hachette Livre, 1997. Version 3,2.
10. Фридланд А. Я., Ханамирова Л. С., Фридланд И. А., Фридланд А. Я. Информатика. Толковый словарь основных терминов. 2-е изд. М.: Изд-во ПРИОР, 1998. 240 с.
11. Klotz R. Handwörterbuch der lateinischen sprache. 5 Aufl. 2. Bd. I-Z. Braunschweig, Westermann, 1874. 1844 s.
12. Le nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / Sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. Paris: Dic. le Robert, 2001. 2841 p.
13. Petit Larousse illustré. Paris: Librairie Larousse. Cedex, 1989. 1680 p.
14. Totius Latinitatis Lexicon / opera et studio Aeg. Forcellini et in hac editione post tertiam auctam et emendatam a I.Furlanetto. Prati: Aldinianis, 1865. Vol. 3. 830 p.
15. Totius Latinitatis Lexicon / opera et studio Aeg. Forcellini et in hac editione post tertiam auctam et emendatam a I.Furlanetto. Prati: Aldinianis, 1865. Vol. 4. 1021 p.
16. Хакимова В. М. Роль латинского языка в медицине и в современном мире // Медицинский вестник Башкортостана. 2011. № 3. Доступ: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-latinskogo-yazyka-v-meditsine-i-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 29.10.2017).

ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ 'СТРОИТЬ' В ГЕРМАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ **bheu-* И ГЕРМАНСКОГО КОРНЯ **beu-*)

*В статье рассматривается семантическая эволюция индоевропейского корня *bheu- с предполагаемым исходным значением 'расти' и его германского продолжения *beu-. Проводится анализ этимологических гнезд германского корня *beu-, к которым восходят глаголы со значением 'строить' в английском, немецком, русском и украинском языках.*

Ключевые слова: *этимология, индоевропейский корень, прагерманская форма, семантика, глагол, германские языки, славянские языки*

1. Вводные замечания. Проблемы истории языка уже много лет находятся в центре внимания исследователей (О. Н. Трубачев [11; 12], В. В. Левицкий [7; 8], В. Д. Калиущенко [19], Л. Н. Ягупова [15; 16], С. Е. Кремзикова [5; 6], О. Л. Бессонова [1]), вместе с тем количество работ по исторической семасиологии германских, романских и славянских языков всё ещё остаётся недостаточным, что свидетельствует об актуальности диахронического подхода к исследованию лексики [7, с. 390].

Изучение причин и результатов развития значения слов, а также выявление закономерностей в семантическом развитии глагольной лексики индоевропейских языков требует глубокого проникновения в историю формирования значений. В некоторых случаях только обращение к этимологическим основам, к индоевропейскому праязыку и прагерманскому языку-основе, дает возможность объяснить наличие того или иного значения в семантической структуре слова на одном из этапов его исторического развития и распознать данное значение в конкретном контексте.

Понятие 'строить' представляет собой одно из жизненно важных понятий, закрепившихся в языке с древних времён. В лексическом фонде индоевропейского праязыка существовало, по крайней мере, несколько корней, семантические трансформации которых на разных этапах развития индоевропейских языков привели к формированию значения 'строить'.

Целью настоящей статьи является рассмотрение семантической эволюции индоевропейского корня **bheu-* 'расти' и его германского продолжения **beu-*, к которым генетически восходят некоторые глаголы со значением 'строить' в германских и славянских языках.

2. Индоевропейский корень **bheu-* 'расти'. Семантическое развитие исходного значения корня **bheu-* 'расти' в праязыке завершается формированием значения 'жить, обитать'. По мнению Ю. Покорного, этот процесс происходит через такие промежуточные звенья семантической

цепи, как 'надувать, набухать' и 'возникать; становиться; быть, существовать' [26, с. 146]. Схематически данную эволюцию можно представить следующим образом: 'расти' > 'набухать' > 'возникать, быть' > 'жить, обитать'.

В германских языках индоевропейский корень **bheu-* в соответствии с первым передвижением согласных приобретает форму **beu-* с исходным значением 'расти, становиться, быть' [9, с. 85], отражая два этапа семантического развития индоевропейского **bheu-* – значения 'расти' и 'возникать, быть'. Германский корень **beu-* развивается в нескольких вариантах, образуя тем самым несколько этимологических гнезд: **bew-/bōw-/bū-* 'жить, обрабатывать землю', **bōþ-/būþ-* 'жилье, хижина', **būra-* 'жилище', **būwi*, **bōwi-* 'жилье, дом' и др. [8, с. 101, 115]. Значение 'строить' развивается в пределах двух из перечисленных гнезд – **bew-/bōw-/bū-* 'жить, обрабатывать землю' и **bōþ-/būþ-* 'жилье, хижина', включающего в древних германских языках две формы – **bōþla-/buþla-* и **bōþō-/būþō-*.

3. Значение 'строить' в немецком языке (прагерманская форма **bew-/bōw-/bū-* 'жить, быть'). В немецком языке значение 'строить' формируется в пределах этимологического гнезда, которое объединяет лексемы древних и современных германских языков, восходящие к прагерманской форме **bew-/bōw-/bū-* с предполагаемым значением 'жить, быть' [8, с. 101]. Данное значение, возникшее на базе значения 'расти', оказывается связанным со значениями 'возделывать землю' и 'строить'.

Наиболее явную связь между значениями 'жить', 'возделывать землю' и 'строить' обнаруживают древнесаксонский глагол *būan* и средненижненемецкий глагол *būwen*, обладающие всеми тремя значениями – 'строить (дома), сооружать; обрабатывать землю; жить, обитать' [25, с. 106], а также древневерхненемецкий глагол *būan* (*būwan*), имеющий в древневерхненемецкий период значение 'жить, обитать, заниматься земледелием' [27, с. 104; 25, с. 106] и развивающий значение 'сооружать' в средневерхненемецкий период [25, с. 106]. Последний представляет собой яркий пример, иллюстрирующий развитие значения 'строить' в немецком языке, которое возникает на основе значения 'жить, обитать'.

В других древних германских языках, среди которых находится и древнеанглийский язык, распространение получает только значение 'жить, обитать': да. *būan* 'жить, обитать'; дфриз. *būwa* 'жить'; дисл. *būa* 'жить'; гот. *bauan* 'жить', *gabauan* 'селиться' [25, с. 106]. Сюда же можно отнести и древневерхненемецкий глагол *būōn* 'обитать' [27, с. 104].

В современных германских языках сохранились все три значения: нем. *bauen* – 'строить; возделывать землю'; шв. *bo* 'жить'; нид. *bouwen* 'строить' [8, с. 101], нид. *bowen* 'жить' [25, с. 106]; исл. *búa* 'заниматься сельским хозяйством' [21, с. 65].

Генетически родственными словами за пределами германских языков являются: лат. *fuisse, futūrus, fīō* ‘становлюсь’; гр. *phýō* ‘расту’, *phýsis* (φύσις) ‘природа’, *phýein* (φύειν) ‘заставлять расти’, *phítu* (φίτυ) ‘росток, побег’; ди. *bhū-* ‘становиться, существовать’, *bhávati* ‘он есть, становится’, *bhavanam* ‘жилище, дом; домашний очаг’, *bhūh* ‘мир, деревня, населенный пункт’; лит. *būti* ‘быть’; латыш. *būvēju* ‘я строю’ [22, с. 116]; алб. *buj, bunj* ‘я живу, ночую’ [2, с. 226], формы немецкого глагола *sein* – *bin, bist* [25, с. 106]; англ. *be*; рус. *быть, былинка, былль* (трава); укр. *бути*; слвн. *biti* ‘быть, существовать’; чеш. *byti* ‘быть’; слвц. *byt’* ‘быть’; польск. *być* ‘быть’ [13, с. 155; 25, с. 106; 8, с. 101; 20, с. 74; 26, с. 146].

4. Значение ‘строить’ в английском языке (прагерманская форма *bōpla-/buþla- < *bōþ-/buþ- ‘жилье, хижина’). В английском языке значение ‘строить’ восходит к прагерманской форме *bōþla-/buþla- (и.-е. *bhō(u)-tlo-) с метатезой *þl > lp*), которая также является продолжением германского корня *beu- ‘расти, становиться, быть’ и лежит в основе возникновения наименований жилища и его частей в германских языках. От этой формы произошли такие лексемы древних германских языков, как дисл. *bōl* ‘жилище, двор’; дс. *bōdlōs* ‘дом и двор’; да. *bold, botl* ‘дом, жилище’, дфриз. *bold, bōdel* ‘дом, имущество’ [8, с. 115].

В современных германских языках сохранилась только одна родственная лексема – шв. *bol* со значением ‘комната’ [8, с. 115].

За пределами германских языков можно обнаружить славянскую параллель – чеш. *bydlo* ‘жилье, жизнь’ [11, с. 41]; слвц. *bydlo* ‘жилье, поместье’ [8, с. 115].

Из перечисленных наименований жилища, образованных в древних германских языках в пределах этимологического гнезда прагерманской формы *bōþla-/buþla-, наибольший интерес для нас представляет древнеанглийская лексема *botl*, семантическое развитие которой собственно и привело к формированию значения ‘строить’ в английском языке.

В древнеанглийский период лексема *botl* обладает целым рядом значений, обозначая как ‘жилище’, ‘местожительство’, так и разного рода постройки – ‘дом’, ‘дворец’, ‘поместье’, ‘замок’, ‘храм’ [18, с. 54]. Одновременно с лексемой *botl* в древнеанглийском языке функционирует лексема *bold*, имеющая сходные значения: ‘здание’, ‘жилище’, ‘дом’, ‘усадебный’, ‘замок’, ‘дворец’, ‘храм’ [17, с. 115]. В этимологических словарях высказывается единая точка зрения о том, что *botl* и *bold* являются вариантами одной и той же лексемы [28, с. 65; 23, с. 124; 24, с. 63].

От лексемы *bold* ‘жилище’ происходит древнеанглийский глагол **byldan* (современный глагол *to build* ‘строить’), базовые значения которого возникают из значения ‘жилище’ – ‘строить жилище’ и ‘поселиться (т.е. ‘использовать в качестве жилища’), обитать’. Инфинитив данного глагола представляет собой реконструированную форму, поскольку первое его использование в письменных памятниках

зафиксировано только в среднеанглийский период (1150 год) в форме причастия прошедшего времени *zebyld* [30].

В то же время в древнеанглийском языке функционирует глагол *bytlan* со значением 'строить' [18, с. 63], который можно соотнести с формой *botl*. В этимологических словарях не содержится сведений относительно первичности происхождения существительного или глагола. Однако, тот факт, что глагол *bytlan* относится к слабым глаголам, указывает на то, что он является производным от существительного [4, с. 141-143]. В основе образования данного глагола лежит характерное для древнеанглийского словообразования чередование гласных *o > y*: *botl > bytlan* [29, с. 203]. Такой же переход наблюдается и у глагола *byldan*: *bold > byldan*, что позволяет говорить об идентичности словообразовательного процесса данных глаголов. Следовательно, оба глагола, и *bytlan*, и *byldan*, являются отыменными, и значение мотивирующего имени (*botl, bold*), от которого они образованы, входит в состав их значения как объект строительства. Другими словами, развитие значения данных глаголов происходило одинаково – от значения 'жилище' к значению 'строить жилище'.

5. Значение 'строить' в славянских языках (прагерманская форма **bōþō-/būrō-* < **bōþ-/buþ-* 'жилье, хижина'). В украинском и русском языках родственными носителями значения 'строить' являются глаголы *будувати* (*будовати* – XVI-XVIII вв.) [10, с. 238] и *будовать* соответственно.

Украинский глагол *будувати* представляет собой заимствование через польский язык из средневерхненемецкого языка. Польский глагол *budować* 'строить', также как и ряд других славянских лексем (например, чеш. *budovati*, словц. *budovat*), связывают с свн. *būden* 'строить' [3, с. 279]. Данный глагол является отыменным и происходит от средневерхненемецкой лексемы *buode* 'избушка, деревянный дом, шалаш' [25, с. 181], которая в свою очередь восходит к еще одному этимологическому гнезду германского корня **beu-*. Это гнездо образуют наименования жилища в германских языках, генетически связанные с прагерманской формой **bōþō-/būrō-* < **bōþ-/buþ-* 'жилье, хижина': дисл. *būd* 'жилье, палатка, хижина' [8, с. 115], 'жилище, лавка, сторожка' [21, с. 112]; дшв. *bōþ*; снл. *bōde*; снл. *boede* 'избушка, деревянный дом, шалаш' [25, с. 181]; са. *bothe* 'будка' [8, с. 115].

В современных германских языках существуют следующие родственные лексемы: англ. *booth* 'киоск; палатка; будка'; нем. *Bude* 'домик, лачуга, каморка, комната'; шв. *bod* 'деревянный дом, шалаш'. Близкими по значению являются индоевропейские лексемы: ирл. *both* 'хижина'; лит. *būtas* 'дом, хижина' [20, с. 74, 89; 25, с. 181; 21, с. 112]; алб. *bun* 'пастушья хижина в горах', первоначально 'жилье' [2, с. 226].

К заимствованным родственным лексемам в славянских языках относятся: чеш. *bouda*, словц. *búda*, верх.-луж. *buda* 'лавка; изба, хижина',

укр. *буда* ‘шалаш, будка’ [3, с. 277], рус. *будка* ‘сторожка’ [14, с. 230], *будка* [10, с. 234].

Анализ значения лексем, восходящих к прагерманской форме **bōþō-/būþō-*, позволяет говорить о том, что значение ‘строить’ у средневерхненемецкого глагола *būden* формировалось так же, как и у древнеанглийских глаголов *bytlan* и *byldan*, то есть на основе значения ‘жилище’ (‘жилище’ > ‘строить жилище’). Что же касается украинского глагола *будувати* ‘строить’, то он через посредничество польского языка наследует семантическую историю средневерхненемецкого глагола *būden* и входит в состав украинского языка, имея значение ‘строить’ уже в качестве исходного. Другими словами, семантические трансформации в данном случае происходят в языке-источнике заимствования. Подобная ситуация характерна и для русского глагола *будовать* ‘строить’ (широко использовался в XVII в.), который входит в лексический состав русского языка через украинский язык [14, с. 230], т.е. заимствование происходит через два языка-посредника – польский и украинский (свн. *būden* ‘строить’ → польск. *budować* ‘строить’ → укр. *будувати* ‘строить’ → рус. *будовать* ‘строить’).

6. Выводы. Таким образом, формирование значения ‘строить’ в немецком, английском, украинском и русском языках происходит в пределах трёх разных этимологических гнезд германского корня **beu-* (**bew-/bōw-/bū-*, **bōþla-/buþla-* и **bōþō-/būþō-*), что предопределяет некоторые различия в их семантическом развитии. Основное отличие в формировании данного значения состоит в том, что в немецком языке значение ‘строить’ развивается как непосредственно из значения ‘жить, обитать’ (‘жить, обитать’ > ‘строить жилища’) – *bauen*, так и через дополнительное звено в этой цепи, которым является значение ‘жилище’ (‘жить, обитать’ > ‘жилище’ > ‘строить жилище’) – свн. *būden*. В английском языке значение ‘строить’ формируется только через значение ‘жилище’ (‘жить, обитать’ > ‘жилище’ > ‘строить жилище’) – да. *bytlan* и *byldan*. В украинском и русском языках глаголы, будучи заимствованными, имеют значение ‘строить’ в качестве исходного.

Условные сокращения:

алб.	– албанский	латыш.	– латышский
англ.	– английский	лит.	– литовский
верх-луж.	– верхнелужицкий	нем.	– немецкий
гот.	– готский	нид.	– нидерландский
гр.	– греческий	польск.	– польский
да.	– древнеанглийский	рус.	– русский
ди.	– древнеиндийский	са.	– среднеанглийский
дисл.	– древнеисландский	свн.	– средневерхненемецкий
дс.	– древнесаксонский	слвн.	– словенский
дфриз.	– древнефризский	слвц.	– словацкий
дшв.	– древнешведский	снл.	– средненидерландский
и.-е.	– индоевропейский	снн.	– средненижненемецкий

исл.	–	исландский	укр.	–	украинский
ирл.	–	ирландский	чеш.	–	чешский
лат.	–	латинский	шв.	–	шведский

Список литературы

1. Бессонова О. Л. Еволюція засобів вербалізації концептів негативних емоцій в англомовному художньому дискурсі XVIII-XXI ст. // Науковий вісник міжнародного гуманітарного університету. Серія: Філологія, 2014. Вип. 10. Т. 1. С. 109-113.
2. Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков. М.: URSS, 2004. 352 с.
3. Етимологічний словник української мови. К.: Наукова думка, 1982. Т. 1. 631 с.
4. Иванова И. П., Чахоян Л. П., Беляева Т. М. История английского языка. СПб.: Издательство «Лань», 1999. 512 с.
5. Кремзикова С. Ю. Словотвір та дискурс: діяльні сні ситуації у старофранцузькій мові: монографія. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. 512 с.
6. Кремзикова С. Ю. *Verba Sentiendi* у контексті епістемічної модальності (на матеріалі старофранцузького періоду) // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: науковий журнал / голов. ред. В. Д. Каліущенко. Донецьк: ДонНУ, 2013. Т. 10. № 1 (28). С. 126-136.*
7. Левицкий В. В. Семасиология. Винница: Нова Книга, 2006. 512 с.
8. Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков. Винница: Нова Книга, 2010. Т. 1. 616 с.
9. Макаев Э. А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М.: URSS, 2016. 288 с.
10. Рудницький Б. Етимологічний словник української мови. Вінніпег: Українська Вільна Академія Наук, 1962-1972. Т. 1. 968 с.
11. Трубачев О. Н. Формирование древнейшей ремесленной терминологии в славянском и некоторых других индоевропейских языках // *Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. С. 14-51.*
12. Трубачев О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // О. Н. Трубачев. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 64-98.
13. Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1976. Вып. 3. 214 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. М.: Прогресс, 1986. Т. 1 (А-Д). 576 с.
15. Ягупова Л. Н. От *urloup* до *Urlaub*, или Как изменялся немецкий язык // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий : Материалы XIV Междунар. лингвистического семинара (Донецк-Пятигорск : 14-15 ноября 2016 г.) / под общ. ред. Л. Н. Ягуповой, 2016. С. 204-212.
16. Ягупова Л. М. Мовно-географічна варіативність системи середньовісньонімецьких префіксальних іменників: монографія. Донецьк: Донецький нац. ун.-т, 2007. 605 с. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження).
17. Bosworth J. and Toller. T. N. *An Anglo-Saxon Dictionary with Supplement by Y. N. Toller.* Oxford University Press, 1898. 1302 p. Available at: http://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_bosworth-toller_about.html (accessed: 28.10.2017).
18. Hall John R. Clark. *Concise Anglo-Saxon Dictionary.* 4th ed. With supplement. Cambridge University Press, 1975. 452 p.
19. Kaliuščenko V. D. *Deutsche denominale Verben.* Tübingen: Narr, 1988. 180 S. (Studien zur deutschen Grammatik; Bd. 30).

20. Klein Ernest. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam, 2003. 1776 p.
21. Kluge Friedrich. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Walter de Gruyter, Berlin, New York, 1989. 822 S.
22. Mann Stuart E. An Indo-European Comparative Dictionary. Hamburg, 1984/1987. 1683 p.
23. Onions C. T. The Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: at the Clarendon Press, 1967. 1025 p.
24. Partridge Eric. A Short Etymological Dictionary of Modern English. London: Routledge & Kegan Paul, 1958. 970 p.
25. Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. 1665 S.
26. Pokorny Julius. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Francke Verlag Bern. 1959. 1182 S.
27. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. Max Niemeyer Verlag Tübingen, 1995. 342 S.
28. Skeat Walter W. A Concise Etymological Dictionary of the English Language. New York: Perigee Books, 1980. 657 p.
29. Skeat Walter W. Principles of English Etymology. 1st series: The native element. Oxford: Clarendon Press Series, 1887. 541 p.
30. The Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. Oxford University Press, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ПОНЯТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ КАК ОСНОВА СТРАТИФИКАЦИИ КОНТИНУУМА КЛИНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье рассматриваются проблемы выделения клинической терминологии из медицинского терминологического континуума, которые опираются на теорию семантического поля и метода моделирования

Ключевые слова: *семантическое поле, терминологический континуум, концепт, терминосистема*

Основным фактором, определяющим семантическую структуру термина, является специфика концептуальной структуры анализируемой системы. Первым этапом для ее нахождения должна быть систематизация понятий данной области знания – клинической терминологии. Процедура выделения системы клинической терминологии из медицинского терминологического континуума опирается на теорию семантического поля и метод моделирования.

Понятие семантического поля выдвинул в начале 30-годов Йост Трир. Оно явилось одним из самых плодотворных понятий, разработанных в структурной семантике. В понятии семантического поля семасиология смыкается с лексикологией (точнее – со словарным запасом языка) и перекидывается мост к мышлению и от него – к предметам и явлениям объективной действительности. Семантическое поле – это круг понятий, относящийся к какой-нибудь одной области объективной действительности. В словаре лингвистических терминов приведены два определения:

1) семантическое поле – частичка («кусочек») действительности, выделенная в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке соответствие в виде более или менее автономной лексической микросистемы;

2) совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд; слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область значений [1, с. 34].

Мы не ставим своей целью анализ работ, развивающих теорию поля в лингвистике, наиболее глубокие из них представлены в работах таких ученых, как: Т. С. Щур, Ю. Н. Караулов, В. А. Москович. Подчеркнем лишь следующие положения, существенные для выделения клинической терминологии:

1. Семантические поля – это представляющие собой единое целое понятийные области со сложной внутренней организацией.

2. Они состоят из дискретных, взаимно противопоставленных элементов, которые получают свое значение в рамках всей этой системы как единого целого.

3. В каждом поле соответствующая сфера опыта, конкретного или абстрактного, анализируется, делится и классифицируется некоторым образом, т.е. с помощью определенной шкалы значимостей и в соответствии с определенным взглядом на мир.

Следовательно, для выделений понятийной (поскольку наша задача очертить границы клинической терминологической системы) области необходимо определить понятийный аппарат (систему категорий, или «концептов» [2, с. 27]), стратифицирующий научную картину мира.

Термин «научная картина мира» прочно вошел в современную литературу по методологии и истории науки, и соответствующее ему понятие занимает свое место в структуре научного знания. В. Ф. Черноволенко определяет содержание этого понятия как «горизонт систематизации знания, где как раз происходит теоретический синтез результатов исследования конкретных наук со знанием мировоззренческого характера, представляющим собой целостное обобщение совокупного практического и познавательного опыта человечества» [3, с. 122]. Будем исходить из того, что понятийный аппарат, используемый для представления научной картины мира, может послужить основой при стратификации терминологического континуума. Его построение предполагает, с одной стороны, синтез научных картин мира, а с другой, – иерархическую скоординированность понятий, применяемых в отдельных частных картинах мира – в физической, биологической, астрономической и т. д.

В настоящее время уровень методологического знания недостаточно развит для того, чтобы результаты, существующих классификаций привели к созданию общепринятой научной картины мира. Однако существуют схемы, которые в определенной мере отражают основные фрагменты объективного мира. Так, ученые, разрабатывавшие метаязык толкового словаря русского языка, предложили схему «тезаурусных знаний о мире» [4, с. 45]. Предложенная ими схема отражает основные фрагменты объективного мира, знания о котором не только зафиксированы в подязыке той или иной научной дисциплины, но и составляют часть корпуса общенаучной терминологии русского литературного языка.

Схема состоит из 12 основных блоков:

I. Формы существования материи (время, пространство, движение, развитие, свойства, отношения и т. д.).

II. Физиологический микромир.

III. Биологический микромир.

IV. Флора.

V. Фауна.

VI. Человек как живое существо.

VII. Человек как разумное существо.

VIII. Человек как общественное существо.

IX. Человек как существо созидающее.

X. Земля как объект.

XI. Солнечная система.

XII. Микромир.

В свою очередь, эти блоки состоят из разделов, которые представлены основными компонентами, процессами, свойствами и отношениями, специфическими для данного блока. Так, интересующий нас раздел «Медицина» входит в блок «Человек как живое существо». Спорным представляется нам одноранговый статус «Медицины», «Анатомии» и «Физиологии».

Очень интересна стратификация понятийного пространства, предложенная в докторской диссертации Л. Ю. Буяновой [2, с. 26-27]. При рассмотрении основных закономерностей и факторов развития терминологий гетерогенных наук, представляющих их экстралингвистическую детерминированность, она учитывает:

1) специфику онтогенеза той или иной сферы знания – ее индивидуальное развитие, охватывающее все изменения, модификации от момента зарождения до современного этапа;

2) специфику филогенеза научной сферы – аспекты закономерностей исторического развития научного пространства как целостности, ее эволюции;

3) единство и взаимообусловленность онтогенеза и филогенеза наук;

4) особенность универсальных концептуально-онтологических категорий, коррелирующих со всеми специальными категориями разных наук: объекта, понятия, отношения, абстрактности, конкретности, субстанции, признака, действия, качества, свойства, состояния и т. д.

С позиции антропоцентризма Л. Ю. Буянова стратифицирует пространство языка науки на 5 подвидов, внутри которых выделяются суперконцепты:

1. Научно-технический подвид: доминируют суперконцепты «Человек» и «Совокупность средств человеческой деятельности».

2. Естественнонаучный подвид: доминируют суперконцепты «Человек» и «Природа».

3. Медицинский подвид: доминируют суперконцепты «Человек», «Организм как система», «Жизнедеятельность организма».

4. Гуманитарный подвид: доминируют суперконцепты «Человек» и «Общество».

5. Лингвистический подвид: доминируют суперконцепты «Человек», «Мышление», «Язык».

Памятуя о том, что суперконцепты членят пространство языка науки, мы примем суперконцепт «Жизнедеятельность организма» в качестве

понятийного пространства, поля, в границах которого будет вестись выделение терминологического континуума клинической терминологии.

Анализ медицинских словарей показал, что в качестве понятийной категории, формирующей ядро поля клинической терминологии, можно принять категорию «Нарушение жизнедеятельности организма». Следовательно, центр выделенного терминологического поля составят термины, называющие болезни. А, как известно, болезнь возникает в одном из организмов или систем человеческого организма и влечет за собой нарушение их функций. Процессы нарушения функций изучает патологическая анатомия и патологическая физиология, имеющие свои терминологические единицы и вместе с тем входящие как подсистемы в состав клинической терминологии. Патология, возникающая в том или ином органе, влечет за собой целую систему форм и методов лечения конкретного заболевания. Таким образом, с точки зрения места проявления патологии, существуют следующие медицинские науки: кардиология, неврология, гинекология, онкология и т.д. Каждая из них, имея свою узкоспециализированную терминосистему, является, вместе с тем, подсистемой клинической терминологии.

И, наконец, лечение того или иного заболевания происходит двумя путями: хирургическим или терапевтическим. Следовательно, наименования методов и способов лечения, обследования; наименования хирургических операций; медицинских инструментов, также представляют собой терминологические единицы клинической системы.

Таким образом, выделение клинической терминологии из понятийного пространства медицинской терминологии осуществлено при помощи комплекса моделирующих понятийных категорий, центральной их которой – суперкатегорией – является «нарушение жизнедеятельности организма». Смоделированная структура клинической терминологической системы динамична, сложна, имеет незамкнутый характер. Ее ядро составляют термины, обозначающие болезни, их симптомы, синдромы; термины патологической физиологии. К периферии можно отнести узкоспециальные термины кардиологии, онкологии, урологии, гинекологии и других медицинских наук; методы лечения, инструментарий и т. д. Однако их внутрисистемные связи многочисленны, переплетены, вследствие чего наблюдаются смещения терминологических единиц из периферии в центр и наоборот.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Буянова Л. Ю. Терминологическая деривация: метаязыковая аспектуальность: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Краснодар, 1996.
3. Черноволенко В. Ф. Мирозрение и научное познание, К., 1970.
4. Караулов Ю. Н., Молчанов В. И. и др. Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ, М.: Наука, 1982.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ФОНОЭМЫ С ВОКАЛИЗМОМ И КОНСОНАНТИЗМОМ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Э. А. ПО

Статья посвящена анализу стилистически релевантных фонетических средств поэтонимии в стихотворенных произведениях Э. А. По. Рассматриваются ассонасы, аллитерации, отдельные метрические средства, построенные на участии фонетической составляющей поэтонимов. Установлены способы взаимодействия фоноэмы с поэтическим контекстом.

Ключевые слова поэтический текст, ассонанс, вокализм, аллитерация, консонантизм, поэтоним, фоноэма, звук, стиль.

1. Поэзия Эдгара Аллана По известна вниманием автора к звуковой инструментровке. Особенности звуковой и ритмико-интонационной организации его стихотворных произведений удивительным образом связываются в единое целое посредством сложных звуко-смысловых отношений, из которых возникают образы и смыслы. Поверхностное прочтение (или прослушивание) не позволяет глубоко проникнуть в содержание стиховых структур. Э. По, мастер загадок и мистификаций, умело использовал весь арсенал языковых средств для того, чтобы его поэзия приобрела наряду с завораживающим звучанием многоуровневые смыслы или, по выражению самого автора, «подводное течение смысла» («the under-current of meaning» [9, с. 1457]). Всестороннее изучение формо- и смыслообразующих средств индивидуально-авторской речи в их взаимодействии дает возможность приблизиться к пониманию содержания поэзии Э. По.

Одним из путей достижения этой цели является лингвистический анализ с позиций ономастики. Фонетический аспект поэтических онимов (поэтонимов) Э. По рассматривался в немногих работах, как правило, посвященных поэме «The Raven» («Ворон») [4; 15]. Однако роль фонетической стороны поэтонимов в организации звучания произведений Э. По остается недостаточно исследованной в ономастике. Онимные единицы в поэтических текстах Э. По многочисленны и разнообразны. Понятно, что невозможно разобраться в сложных звуко-смысловых отношениях стилеобразующих средств автора без анализа поэтонимов и их роли в фонетике и семантике стихов. Эти факторы говорят об актуальности работы.

Статья имеет целью анализ стилистически релевантных фонетических средств поэтонимии стихотворений Э. А. По. В задачи входит рассмотрение ассонасов, аллитераций, отдельных метрических средств, построенных на участии поэтонимов, и выявление связанных с ними лексико-семантических, звуковых и просодических связей, а также анаграмматического

использования поэтонимов. В статье не рассматривается специально онимная рифма в поэзии Э. По, так как эта тема требует отдельного детального освещения. Для обозначения той части содержательной структуры онимных единиц, «которая не связана ни с вещественным значением (этимологией) имени, ни с семантикой некорневых морфем, а относится к сфере звукобуквенной или графической формы поэтонима как эстетического знака» [4, с. 292] используется термин *фоноэма*.

2. Достаточно давно замечено, что именно в условиях ритмически организованной речи звуковые средства приобретают особые качества, в результате чего «мелодика речи с ее модуляциями, интенсивность и темп речи, оттенки в артикуляции отдельных звуков и их сочетаний <...> позволяют в любом случае влиять количественно и качественно на эмоциональную значимость слова» [14, с. 31]. В исследованиях стихотворной речи не раз подчеркивалась важная роль фонетических повторов в инструментовке и других специфических средствах поэтической техники как главного принципа, по которому организуется языковой материал в поэтическом произведении [10, с. 106]. Различают эвфонические и метрические повторы. К эвфоническим типам повтора относятся аллитерация, рефрен, ассонансы, диссонансы, анафора, эпифора, паронимия, а также рифма, выполняющая одновременно и организующую функцию в строфической композиции. К метрическим – метр, то есть «упорядоченное чередование сильных и слабых мест в стихе» [3, с. 12], характер повторяющихся сочетаний сильного и слабого места (стопа), размер и строфа.

Как известно, фонетическая окраска текста создается выделяющимися на общем звуковом фоне близко расположенными повторами. Выдвинутость этих элементов сообщает им роль звукового ритма, которая оказывается тем более существенной, чем ближе они расположены (по термину Ю. Н. Тынянова ‘теснота стихового ряда’) [12]. Характер инструментовки зависит прежде всего от качества и степени сходства повторяющихся звуков, так как стилистически релевантным является близкое расположение не только одинаковых, но и сходных, относящихся к одному типу звуков (например, свистящих согласных, или сонорных, ‘плавных’, или же лабиализованных гласных и т.д.). Эффект инструментовки тем заметнее, чем больше ‘теснота ряда’, частота повторов и количество повторяемых звуков. Повторы нескольких звуков или звуковых комплексов считаются более эффектными, чем повторы отдельных звуков.

Один из распространенных способов звуковой инструментовки – аллитерация – в широком смысле слова, представляет собой любой повтор согласных в близко расположенных словах [2, с. 212]. Известно, что для английской поэтической традиции аллитерация имеет особенное значение, поскольку в англосаксонском стихе она не только служила инструментовке, но являлась обязательным приемом метрической

композиции, организующим стих. В современной западно- и восточноевропейской поэзии аллитерация выполняет важную экспрессивную роль: аллитерируемые слова выделяют или объединяют важнейшие понятия. Автор статьи придерживается мнения, что аллитерация заключается в «симметрическом повторении однородных согласных звуков» [7, с. 27].

Понятие ассонанса употребляется в статье в соответствии с общепринятыми определениями. Обычно ассонансом называют созвучие гласных в рифме или стилистический приём повторения одинаковых гласных [11, с. 23]. Кроме того, ассонансом считают «неточную рифму, в которой совпадают ударные слоги, концы же рифмуемых слов или разнозвучны, или приблизительно созвучны», а также «повтор ударных, преимущественно гласных звуков внутри стиха» [6, с. 50]. Иногда ассонанс называют еще вокалической аллитерацией и определяют как повторение гласных внутри строки или фразы или на конце её в виде неполной рифмы [2, с. 215].

3. Приведем наиболее показательные примеры взаимодействия фоноэмы с вокализмом стиховых структур у Э. По.

Рассмотрим антропоним *Eulalie* [ju:'leili] в стихотворении, озаглавленном этим личным именем – «Eulalie» («Евлалия»). Оним, вынесенный в заглавие, играет особенную роль в ряду художественных средств, так как в ономастическом пространстве любого произведения является его центром [5, с. 39], «именем текста» [1, с. 225]. Стихотворение «Eulalie» является одним из немногих в творчестве Э. По, в которых гласные поэтонима отражаются в ассонансах всего произведения. Особенно заметно определяющее влияние звучания поэтонима на качество вокализма в двух последних стихах первой строфы, включающих этот поэтоним. Гласный звукоряд окружающих имя слов обнаруживает здесь уподобление по созвучию с ударным гласным поэтонима – дифтонгом [ei]:

*Till the fair[εδ] a[δ]nd ge[e]ntle **Eula**[ei]lie beca[ei]me my blushing bride*

*Till the ye[e]llow-haire[εδ]d young **Eula**[ei]lie beca[ei]me my smiling bride* (здесь и далее примеры приводятся по изданию Э. А. По. Стихотворения [9, с. 146]). Общность гласного элемента поэтонима, расположенного перед цезурой, и последующего *beca[ei]me* обеспечивает соединение обоих полустиший в целое. Такое же расположение поэтического имени повторяется в последней строфе:

*While ever to her dear **Eulalie** upturns her matron eye –*

*While ever to her young **Eulalie** upturns her violet eye.*

Схема этих стихов может быть представлена следующим образом: [первое полустишие] – [ПОЭТОНИМ] /цезура/ – [второе полустишие].

Очевидно, что параллелизм финальных стихов подчеркивается предцезурным расположением онима, ударный гласный которого (дифтонг [ei]) созвучен первому ударному слогу обоих стихов. Ассонанс

поддерживается повтором дифтонга [ei] (*ma[ei]tron*) и гласными переднего ряда [ɔ:] (*her[ɔ:], uptur[ɔ:]ns, e[e]ver, dear[iɔ]*).

Звуковые предпочтения в консонантизме произведения (или его частей) предзаданы аллитерацией в структуре самого поэтонима. Как видим, в фонетической оболочке поэтического имени *Eulalie* уже присутствует повторение согласного *l*. Поэтический текст обнаруживает при этом увеличение количества аллитерирующей звукобуквы в близко расположенных словах, а также сходных с ним по качеству сонорных *n, m*.

В анализируемых стихах наблюдается сочетание аллитерации и ассонансов, основанных на акустико-артикуляционных качествах согласного и гласного звуков ударного слога поэтонима [lei]. Звуковой подбор здесь создает тембральную окраску контекста, поддерживающую «сладкозвучность» имени. Соответствие фонетической составляющей поэтонима *Eulalie* характеру эфонических повторов отвечает эмоциональному настрою и содержанию целого лирического стихотворения, которое современники поэта называли «песнь о красивой девушке с красивым именем» [8, с. 403].

Вторая строфа также обнаруживает взаимосвязи особенностей вокализма и фоноэмы, однако несколько иначе. Предпочтение гласных, повторяющих доминанту антропоэтонима *Eulalie* или сходных с ней, проявляется уже в первом стихе (*Ah, le[e]ss, le[e]ss bright...*), но особенно заметным становится с третьего по пятый:

*Than the eyes of the ra[ei]diant gir[ɔ:]l,
And ne[e]ver a fla[ei]ke
Th[æ]t the va[ei]por ca[æ]n ma[ei]ke.*

В отличие от первой и последней строфы, здесь финальные стихи характеризуются разнозвучием, на фоне которого еще явственней звучит проведенный лейтмотивом по всему остальному тексту стихотворения дифтонг [ei], обусловленный доминирующим влиянием поэтонима.

В двух финальных строках снова повторяется приведенная выше схема стиха с предцезурным расположением поэтонима. Его ударный слог выдвинут в позицию интонационного центра и созвучен с первым ударным слогом (благодаря вокалической и консонансной аллитерации), что объединяет метрически потивопоставленные пары: *While ever – Eulalie*. Отражение фонетического состава поэтического имени в звуковой материи стихов в виде созвучий гласных и аллитераций согласных звуков обеспечивает фоническую связность и стройность всему стихотворению, а вместе с тем – композиционную целостность и завершенность.

Примером инструментовки с повторением всех согласных звукобукв поэтонима в одном стихе является следующий фрагмент стихотворения «Lenore» («*Линор*»):

See! on yon drear and rigid bier low lies thy love, Lenore! /. [9, с. 138].

Фонетическая окраска стиха создается очевидным сходством звукобукв по качеству (сонорных). Антропоэтоним как звуковой и графический

комплекс представляет собой сгущение всех аллитерирующих сегментов в одном финальном аккорде стиха. Это естественное завершение созвучий в сочетании с теснотой стихового ряда довершает яркий стилистический эффект. Наблюдаемая здесь паронимическая аттракция возникает благодаря частому и близкому расположению звукобукв поэтонима l – n – r, подобно тому как это происходит в поэме «The Raven» («Ворон») (подробнее об этом см.: [13]). Взаимодействие фоноэмы со смысловой стороной поэзии часто проявляется в паронимических структурах, поскольку именно в них активизируется ‘зона’ аллюзий, ассоциаций, семантических отношений. В данном случае посредством поэтонима и ‘иррадиации’ его сегментов в виде ассонансов и аллитераций устанавливается не только формальная, но и семантическая связь между композиционными частями произведения. Кроме того, возникает тематическая и образная соотнесенность стихотворения с другим произведением Э. По – поэмой «The Raven».

Баллада «Ulalum» («Улялюм») демонстрирует фоностилистические эффекты, создаваемые вокруг поэтонимов, которыми наполнено произведение (всего насчитывается 16 поэтонимов и 37 употреблений поэтических имен). Поэтонимосфера баллады заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь приведем только некоторые фрагменты. Влияние ударного гласного поэтонима *Sibyllic* распространяется на инструментовку всего стиха, в котором он употреблен:

Its Siby[i]llic splendor is bea[i:]ming<...> [9, с. 166].

Ассонансы на [i] (ударный гласный поэтонима) связывают концовку стиха *bea[i:]ming* с его анафорой, ‘закольцовывая’ стих. Звуковая переключка дополняется аллитерациями (s, b), что в соединении придает дополнительную ‘звучность’ поэтониму и бóльшую выразительность стиху.

В четвертой строфе встречается прием вокалической аллитерации, состоящей в повторении в начале каждого стиха (за исключением одного)

одной и той же буквы – A:

*And nou? As the night was senescent,
And star-dials pointed to morn –
As the star-dials hinted of morn –
At the end of our path a liquescent
And nebulous luster was born,
Out of which a miraculous crescent
Arouse with a duplicate horn –
Astarte’s bediamonded crescent,
Distinct with its duplicate horn.* [9, с. 164].

В финальных стихах восьмой строфы поэтоним *Ulalum* (которым озаглавлено произведение) повторяется трижды:

*And I said – «What is written, sweet sister,
On the door of this legended to[u:]mb?»
She replied – «Ulalum – Ulalum! –*

'T is the vau[ɔ:]lt of thy lost Ulalum!'» [9, с. 168].

Наблюдается доминирование [u:] в вокализме последних стихов, обусловленное фонетикой поэтонима.

В других случаях ассонансы со звуками имени распространяются на соседние стихи или на строфу. Так, в поэме «The Raven» («Ворон») ударный гласный поэтонима *Lenore* оказывается тесно связанным с особенностями вокализма второй строфы. В финальной ее части механизмы выстраивания эвфонических повторов и созвучий с гласным-доминантой поэтонима сосуществуют с противопоставлением контрастных ему гласных. Если первый содержащий имя *Lenore* стих характеризуется цепью стройных ассонансов и повторов гласного *o*, тем самым предрешая звучание онима, то в вокализме следующих двух стихов преобладают гласные [ɛ, ei, e], контрастные доминанте имени:

*Fro[ɔ]m my boo[u]ks surcease o[ɔ]f so[ɔ]rrow[ou] – so[ɔ]rrow[ou] fo[ɔ:]r
the lo[ɔ]st*

Leno[o:]re –

For the ra[ei]re and ra[ei]diant mai[ei]den whom the a[ei]ngels na[ei]me

Leno[o:]re –

Na[ei]mele[i]ss here[iɔ] for evermo[o:]re. [9, с. 148].

На этом фоне особенно эффектны созвучия концовок стихов, возникающие на основе звучания поэтонима, соединяющиеся в эхо-рифму.

4. Анаграмматическое использование имени в поэзии известно с древнейших времен. Анаграмма используется иногда как способ демонстрации соотношения звукобукв имени с определенными смысловыми компонентами поэтического произведения. Это может быть слово или словосочетание, образованное путем перестановки букв, составляющих другое слово, как криптографический прием или же как стилистический прием образно-каламбурного сближения и переразложения слов. Известно, что таким образом оказалось зашифрованным почти каждое из стихотворений поэта французского средневековья Ф. Вийона, содержащих различные сведения о жизни поэта [6, с. 29]. Довольно редким композиционным приемом использования звукобуквенной структуры имени в современной поэзии является акrostих, который и в прошлом был скорее игровым и редким явлением. Э. По строит акrostих на анаграмматическом использовании имени. Он зашифровывает в начальных буквах стихотворения имя *Элизабет Херринг*, которой посвящает его:

Elizabeth it is in vain you say

“Love not” – thou sayest it in so sweet a way:

In vain those words from thee or L. E. L.

ZANTIPPE’s talents had enforced so well:

Ah! if that language from thy heart arise,

Breathe it less gently forth – and veil thin eys.

ENDYMION, recollect, when LUNA tried

*To cure his love – was cured of all beside –
His folly – pride – and passion – for he died* [9, с. 206].

Такое использование структуры поэтонима служит главным образом композиционным целям. Однако подчинение строгим рамкам выбранной поэтической формы принуждает автора к поиску соответствующих лексико-семантических средств, какими оказываются в данном контексте историческое имя-антиквоним *Zantippe* (*Ксантинна*, жена античного философа Сократа), мифопоэтонимы *Endymion* (*Эндимион*) и *Luna* (*Луна*, римская богиня небесной любви, у древних греков – Селена, влюбившаяся в Эндимиона). Параллелизм образов, возникающий в результате сопоставления главных по значению слов-поэтонимов, создает богатство ассоциаций и усиливает эстетическое впечатление.

5. Как показывает проведенный анализ, поэтонимы стихотворных призываний Э. По разнообразно участвуют в организации художественной речи, в эвфонических и метрических повторах, строфической композиции, звуковом ритме. Результатом взаимодействия фоноэмы и звуковой субстанции поэтического текста является интеграция фонетической структуры поэтонимов на разных уровнях стиховых структур.

На уровне звуковом / буквенном актуализация фоноэмы осуществляется прежде всего в воздействии гласных звукобукв (в особенности ударных) поэтонимов на вокализм контекста. Гласные поэтонима обнаруживают способность, как правило, определять характер вокализма ближайшего окружения или в целом стихотворении. Звуковой фон, создаваемый повторами гласных поэтонима и звуковыми переключками с ними в ассонансах, ‘поддерживает’ поэтоним, расширяет его звуковое воздействие. В других случаях звуковой фон создается по контрасту с гласными имени, ‘выталкивая’ поэтоним из звукового строя, тем самым подчеркивая, усиливая его значимость. Наряду с этим поэтонимы обнаруживают способность ‘встраиваться’ в систему ассонансов, обеспечивая гармонизацию звучания стиха.

Другим характерным проявлением фоноэмы является актуализация консонантизма стиховых структур. Иногда звуковые предпочтения в инструментровке произведения (или его частей) предзаданы аллитерацией в структуре самого поэтонима. Аллитерации проявляются зачастую в сочетании с особенностями вокализма – ассонансами или вокалической аллитерацией. Повторы отдельных звуков поэтонимов или их групп служат обеспечению связности частей целого на фонетическом уровне.

Поэтоним в качестве тематического ключевого слова проявляет свойство в значительной мере определять такие особенности фонетической и ритмико-интонационной организации поэтического текста как звуковой ритм, просодическая выделенность, также как своеобразие звуковой и ритмической упорядоченности стихотворения способно предвосхищать появление определённой проприальной единицы.

Повторы поэтонимов и их сегментов способствуют формированию композиционно-смысловой цельности произведения. С этой целью поэт иногда обращается к анаграмматическому использованию имени в акrostихе. Интегрируясь во все уровни стиховых структур, поэтонимы и их сегменты участвуют в осуществлении разных видов связи между элементами – от звуковой когезии до синтаксических и композиционных типов поэтического сцепления, тем самым способствуя объединению дискретных единиц в художественное целое.

Употребление поэтонима отмечено комплексом фонетических средств, не всегда чисто эвфонических, а зачастую связанных с семантикой целого. В таких случаях звучание поэтонима эксплицирует его способность к расширению семантических и образных возможностей посредством установления звуко-смысловых ассоциативных связей и экспликации коннотативной семантики.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 452 с. (Лингвистическое наследие XX века).
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Л.: Просвещение, 1981. 295 с.
3. Гаспаров М. Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. 488 с.
4. Калинин В. М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
5. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. №4. С. 34-40.
6. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 376 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Нестерова Е. К. Примечания // По Э. А. Стихотворения. М.: Радуга, 1988. С. 392-414.
9. По Э. А. Стихотворения. Сборник. М.: Радуга, 1988. 414 с.
10. Поливанов Е.Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. 1963. № 5. С. 99-112.
11. Розенталь Д. Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
12. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М.: Советский писатель, 1965. 301 с.
13. Усова Н. В. Звук имени и «подводное течение смысла» // Филологические исследования. Вып.7. Донецк: Юго-Восток, 2004. С. 276-289.
14. Якобсон Р. Звук и значение // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 30-91.
15. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.
16. Poe E. A. The Philosophy of Composition. The Heat Anthology of American Literature. Second Edition / Vol. 1. D.C. Heath and Company. Lexington, Massachusetts, Toronto, 1994.

*Речевая культура человека —
зеркало его духовной культуры.*

В. А. Сухомлинский

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ
РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

УДК 811.11 + 811.13(5)

С. Н. Кишко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

МОДЕРАЦИЯ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается корреляция коммуникативно-прагматической категории модерации с ценностным, познавательным и поведенческим планами англоязычной коммуникативной личности. Фокусируется внимание на том, что все прагматические варианты модерации – митигация, аппроксимация, неуверенность, девальвация, недоговоренность – соотносятся с названными аспектами коммуникативной личности: ценностный план находит отражение в митигации и девальвации; поведенческий – в неуверенности и недоговоренности; познавательный – в аппроксимации.

Ключевые слова: коммуникативно-прагматическая категория модерация, прагматический вариант, митигация, аппроксимация, неуверенность, девальвация, недоговоренность, коммуникативная личность, ценностный план, познавательный план, поведенческий план

Одним из **актуальных** направлений лингвистики на современном этапе является рассмотрение речевого поведения в прямой зависимости от ценностей и норм коммуникативной культуры этноса, к которому принадлежат коммуниканты. В данной работе речь пойдет о манифестации коммуникативно-прагматической категории модерации как неотъемлемой части так называемых «культурных сценариев» речевого поведения англоязычной коммуникативной личности.

Целью данной статьи является выявление корреляции коммуникативно-прагматической категории модерации с различными аспектами англоязычной коммуникативной личности.

Объектом исследования являются прагматические варианты коммуникативно-прагматической категории модерации.

Материалом исследования послужили 3000 модерированных высказываний, в которых находит выражение коммуникативно-прагматическая категория модерации.

Как было показано в наших предыдущих публикациях [5; 6], одной из характеристик коммуникативного поведения представителей англоязычного социума является модерация – стремление к умеренности и сдержанности в выражении мнений, оценок и т.п. Инвариантное значение модерации лежит в основе одноименной коммуникативно-прагматической категории, которая представлена системой пяти прагматических вариантов: митигации, девальвации, недоговоренности, аппроксимации и неуверенности. Категория модерации выражается с помощью языковых / речевых средств, которых, по данным количественного анализа, в английском языке насчитывается более 100 единиц: *almost, a bit / a little,*

in a way, sort of, maybe, perhaps, I'm not sure, I'm afraid, I'm sorry to say, to put it mildly и т.д. Наличие модератора в структуре высказывания делает его модерированным высказыванием (МВ).

Для реализации цели этой работы принципиальным является рассмотрение понятий языковой личности и планов языковой личности. По мнению В. И. Карасика, языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность, под которой подразумевается обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [3, с. 19]. Применительно к коммуникативной личности выделяются три плана этого понятия, а именно, ценностный, познавательный и поведенческий.

Ценностный аспект передает присущие определенному этносу моральные нормы и стереотипы поведения, определяющие отношение индивида к окружающему миру и другим людям, а также утилитарные характеристики, определяющие поведение человека по отношению к самому себе. Основным способом отражения системы ценностей в языке признается категория оценки, отражающая, как различные типы социокультурных ценностей, которые усваиваются индивидом в процессе социализации, закрепляются в языковой картине мира [4].

Познавательный аспект передает способы интерпретации / отражения индивидом действительности. Языковое отражение мира является информационно неполным и неточным в силу целого ряда факторов, и построено, по мнению О. Г. Почепцова [7], по принципу «пиков», т.е. отражению подвергается не мир в целом, а лишь те его составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными и наиболее полно характеризующими мир. Иначе говоря, языковое мышление индивида лишь частично отражает уровень его знаний о мире и жизни данного общества.

Поведенческий аспект характеризуется специфическим набором намеренных и сознательно используемых языковых средств, которые социально и этнокультурно обусловлены.

Ценностный, познавательный и поведенческий аспекты коммуникативной личности, по мнению В. И. Карасика, находятся в отношениях взаимодополнительности [3, с. 19]. Это значит, что с позиций аксиологии можно рассматривать когнитивные и поведенческие характеристики общения, с позиций ментальных представлений – ценности и коммуникативные ходы, с позиций речевого взаимодействия – этические, утилитарные и другие нормы, которых придерживаются носители данной культуры. Рассмотрение коммуникативной личности в таком аспекте позволяет соотнести прагматические варианты категории модерации с указанными планами коммуникативной личности – ценностным, познавательным и поведенческим.

Как показывают результаты нашего исследования, каждый из пяти выделяемых прагматических вариантов модерации может быть соотнесен с определенным аспектом коммуникативной личности.

Так, ценностный аспект в речевой деятельности англоязычной коммуникативной личности находит наиболее яркое выражение в таких вариантах, как митигация и девальвация.

Одной из норм речевого поведения, отражающей систему ценностей англоязычной личности, является предотвращение или смягчение ликоповреждающих речевых актов (РА) (отрицательная вежливость, по Браун и Левинсону [8]).

К числу ликоповреждающих относятся РА, содержащие отрицательную оценку или сообщение плохих новостей. (1) *I regret to say I have more bad news* [16, с. 51]. В (1) говорящий стремится снизить угрозу лицу собеседника, предваряя неприятное сообщение выражением сожаления, используя модератор-митигатор *I regret to say* для смягчения потенциального психологического шока у адресата.

(2) *He was such a happy kid, a little crazy, but good-natured* [18, с. 59]. В (2) говорящий пытается сохранить положительное лицо 3-го лица, модулируя смысл высказывания посредством модератора-митигатора *a little*, который уменьшает силу отрицательно-оценочного прилагательного *crazy*. Помимо этого, говорящий использует в высказывании структуру *but good-natured*, которая уравнивает диссонантные когнитивные элементы: отрицательная оценка уравнивается положительной.

Другим прагматическим вариантом модерации, который соотносится с ценностным аспектом коммуникативной личности, является девальвация. Использование этого прагматического варианта является стратегией речевого поведения: говорящий прибегает к девальвации сознательно и преднамеренно в противовес общепринятым нормам, согласно которым в системе культурных ценностей оценка «хороший» считается аксиологической нормой [1].

Более того, несмотря на принцип сотрудничества Г. П. Грайса, предписывающий говорящему быть искренним и объективным [10], в практике «живого» общения англоязычные коммуниканты нередко нарушают указанную рекомендацию, считая нужным проявлять умеренность, сдержанность и осторожность в высказывании положительной оценки объекта, намеренно «обесценивая» («девальвируя») ее тем или иным образом. Например: (3) – *You two are really lucky to have each other. He seems like a great guy. – He is* [19, с. 317].

В (3) говорящий сознательно занижает положительную оценку личностных качеств третьего лица, чтобы, с одной стороны, «не переборщить» с похвалой, с другой, чтобы придать своему высказыванию больше объективности.

Другой нормой, отражающей систему ценностей англоязычной коммуникативной личности, является проявление скромности по отношению к собственным достоинствам, умениям, способностям и т.п. Так, в высказывании (4) *I think I'll make a good partner for you* [19, с. 319] говорящий использует синтаксический модератор *I think*, ограничивая тем самым высокую оценку своей компетентности лишь собственным мнением, дабы его заявление не прозвучало для собеседника излишне самоуверенно.

Познавательный аспект коммуникативной личности как способ интерпретации действительности со всей очевидностью проявляется в модерированных высказываниях аппроксимации. Как известно, познание – это процесс творческой деятельности человека, в результате которого формируются знания о мире. Однако, как гласит гносеологический закон, невозможно абсолютно полно отразить природу познаваемого объекта. Эта идея получила обоснование в теории нечетких множеств, или размытых понятий (Fuzzy Sets Theory – [13, 14]), суть которой состоит в том, что значения единиц и структур естественного языка не имеют четких границ, и, как следствие, могут выражать информацию лишь как градацию типа «скорее ложно, чем истинно», «до некоторой степени истинно». В этом смысле модерированные высказывания аппроксимации играют важную коммуникативную роль. Они существенно расширяют номинативный потенциал языка путем компенсации лексического дефицита точных наименований, чем в результате повышают его (языка) эффективность. Аппроксимация, таким образом, выступает одним из средств когнитивно-языкового моделирования мира. Воспринимая окружающий мир, говорящий как бы не решается признать свои слова / номинацию адекватным отражением действительности и единственно возможной формой выражения передаваемой мысли, что побуждает его прибегать к использованию аппроксиматоров. Например, в (5) *They had rubbed my face and both hands with a sort of ointment very pleasant to the smell* [16, с. 65] говорящий классифицирует объект реальной действительности достаточно приблизительно: «что-то похожее на мазь», т.е. отражает в высказывании субъективное восприятие данного объекта. Такая градуальность и шкалирование, возникающие при номинации объектов реальной действительности, является следствием асимметрии между онтологической картиной мира и его концептуальной картиной, создаваемой сознанием адресанта, поскольку информация «не отражает мир как таковой», а только «мир в его единстве с субъектом» [2].

Поведенческий план выходит на первый план в таких вариантах, как неуверенность и недоговоренность.

Неуверенность отражает поведенческий план коммуникативной личности в том смысле, что ее использование в речи обусловлено сложившимися в англоязычном социуме социокультурными

коммуникативными нормами, предписывающими говорящему избегать безапелляционности и самоуверенности в высказывании мнения [9; 11].

(6) – *I'm not sure Jess would care. She's completely impervious to what people say about her.*

– *Now, maybe, but not then* [20, с. 158].

В (6) адресант, убежденный в безразличии Джесс к общественному мнению, не считает возможным высказать свое суждение прямо. Поэтому он придает своему высказыванию оттенок неуверенности, предваряя свою реплику модератором *I'm not sure*. В таком же кооперативном духе продуцирует ответную реплику и адресат, используя модератор *maybe*.

(7) – *Marshal, there's something that happened tonight. It has nothing to do with the murder of Loretta, but I believe it has something to do with John Bruno's kidnapping* [15, с. 182].

В (7) иллюстрируется снижение категоричности заявления говорящего (о связи ночного происшествия с похищением Бруно). Используя модератор-сигнал неуверенности *I believe*, говорящий подчеркивает, что, делая подобное заявление, он высказывает лишь собственное мнение.

В приведенных примерах (6), (7) говорящий, вынося суждение, основывается на пресуппозиции наличия у участников диалога не только общности стереотипов, но и возможности различий в субъективных мнениях об обозначаемом. Отсюда – стремление снизить безапелляционность собственного мнения: выражая неуверенность, говорящий дает понять, что он не считает свою точку зрения единственно верной и неоспоримой.

Что касается корреляции недоговоренности с поведенческим аспектом коммуникативной личности, то исследователи неоднократно отмечали тот факт, что в англоязычных этнокультурах для речевого поведения англоязычной коммуникативной личности характерна особая стратегия проявления сдержанности, состоящая в некоторой недоговоренности (*understatement*) [12].

(8) – «*I'm not saying you couldn't get up to speed but your experience is ...*»
– «*Like pretty much not there*». *Maisel didn't agree or disagree* [17, с. 193].

В (8) адресант выражает сомнение в возможности адресата получить повышение по службе. Однако сознавая, что прямая констатация этого факта нанесет ущерб лицу собеседника, говорящий путем использования структуры литоты (отрицание отрицания) прибегает к импликации. При этом он оставляет свое высказывание незаконченным, и этот прием умолчания еще более усиливает эффект недоговоренности.

(9) – «*You okay?*» *Bradford asked.*

– «*More or less*». *Rune opened another file. Her life had become an endless circle of long hours by herself, of flying on airplanes and staying in*

hotels, of tense meetings at the Network, of interviews that sometimes careened out of control, of a lonely houseboat. She gave up late-night clubs, West Village writer's bars. Even she gave up seeing Sam Healy much [20, с. 136].

В (9), отвечая на заботливый вопрос собеседника, женщина, не желая жаловаться, применяет стратегию недоговоренности (модератор *more or less*), чтобы дать адресату понять, что дела совсем не так уж хороши. Последнее эксплицитно следует из последующего контекста: жизнь ее изменилась к худшему, она устала от одиночества, постоянных перелетов, гостиниц, напряженных встреч, интервью и т.п.

Таким образом, проведенное исследование показало, что каждый из пяти выделяемых прагматических вариантов модерации соотносится с определенным аспектом англоязычной коммуникативной личности: ценностный план находит отражение в прагматических вариантах митигации (810 примеров) и девальвации (150 примеров); поведенческий – в неуверенности (780 примеров) и недоговоренности (690 примеров); познавательный – в аппроксимации (570 примеров). Установленная корреляция еще раз доказывает, что модерация является одной из основных характеристик коммуникативного поведения представителей англоязычной лингвокультуры, поскольку вполне естественно вписывается в модель англоязычной коммуникативной личности. Необходимо также отметить, что вследствие взаимодополнительности выделяемых аспектов коммуникативной личности, установленная корреляция составляющих категории модерации с рассматриваемой триадой также носит нежесткий характер. Отсутствие строгих демаркационных линий в этой иерархии подчеркивает тесное взаимопроникновение семантики, синтактики и прагматики языковых единиц в момент продуцирования модерированного высказывания.

Перспективу дальнейшей разработки проблемы манифестации коммуникативно-прагматической категории модерации и модерации смысла высказывания в целом связываем с ее исследованием в сопоставительном аспекте на материале культурно-типологически разных языков.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1984. С. 17-28.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000. 123 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
5. Кишко С. Н. К вопросу о категориях дискурса: на материале коммуникативно-прагматической категории модерации. // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности: Материалы I Международной научной конференции (Донецк 16-18 мая 2016 г.). Т. 5. Филологические и философские науки. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. С. 58-63.

6. Кишко С. Н. On research methodology of the linguistic field (on the material of a communicative-pragmatic macrofield of moderation in contemporary English discourse) // *Studia Germanica, Romanica at Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2016. № 1. С. 28-36
7. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // *Вопросы языкознания*. 1990. № 6. С. 110-122.
8. Brown P. *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge: Univ. Press, 1987. 345 p.
9. Channel J. *Vague language*. Oxford: Oxford University Press, 1994. 226 p.
10. Grice H. P. *Logic and Conversation // Syntax and Semantics*. Vol. 13. *Speech Acts*. New York – San Francisco – London: Academic Press, 1975. P. 41-58.
11. Holmes J. *Modifying illocutionary force // Journal of Pragmatics*. 1984. Vol. 8. P. 345-365.
12. Hubler A. *Understatement and hedges in English*. Amsterdam: Philadelphia: Benjamins, 1983. 192 p.
13. Lakoff G. *Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Papers from the 8th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, 1972. P. 183-228.
14. Zadeh L. *Fuzzy Sets // Information and Control*. 1965. №8. P. 338-353.

Источники иллюстративного материала

15. Baldacci D. *Split Second*. Warner Vision Books, New York Boston, 2004. 496 p.
16. Cornwell Patricia. *Isle of dogs*. A Time Warner Paperback, 2002. 532 p.
17. Deaver J. *Hard news*. Coronet books, 2001. 408 p.
18. Patterson J. *The Beach House*. Peter de Jonge, 1992. 405 p.
19. Pearson R. *Hard Fall*. Hyperion: New York, 1992. 402 p.
20. Walters M. *The Devil's Feather*. Pan Books, 2005. 478 p.

УДК 82-96'02:111.852

О. А. Кравченко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ὙΨΟΣ И SUBLIME: СМЫСЛОВЫЕ ПАРАДИГМЫ ВОЗВЫШЕННОГО

Статья посвящена исследованию терминологического и содержательного становления категории возвышенного. В анализе трактата Псевдо-Лонгина «О возвышенном» исследовано влияние на автора библейской традиции. Сделан вывод об уникальности античного трактата, объединившего в себе ценностные установки греческой и иудейской культур.

Ключевые слова: возвышенное, теория стилей, риторика, эстетика.

История эстетической категории возвышенного восходит к античному трактату I века нашей эры, автор которого остался неизвестен, и вошел в историю под именем Псевдо-Лонгина. Как свидетельствует название, темой трактата является возвышенное – ὕψος. Этот термин, согласно приписываемой Феофрасту теории трех стилей, применен здесь для определения величественного стиля. Как отмечает И. М. Нахов, на латинском языке эта теория впервые излагалась в так называемой *Rhetorica ad Herennium*, анонимном произведении начала I в. до н.э. Это учение подробно разрабатывалось Цицероном («Оратор», гл. VI), Квинтилианом («О воспитании оратора», кн. XII) и к моменту появления трактата Псевдо-Лонгина уже стало достоянием риторических школ [3, с.147].

Однако, предложенное Псевдо-Лонгином содержание понятия выходит за рамки теории стилей. Под «возвышенным» в трактате подразумевается некая категория эстетики, которая характеризует особые качества явлений литературы. Возвышенным названо все наилучшее, что было создано в поэзии и прозе. Риторико-эстетическое своеобразие трактата предстает объектом исследования данной статьи.

Содержание возвышенного, равно как и характер восприятия его в последующие эпохи раскрывается, прежде всего, в анализе самого термина и его переводов.

Французский исследователь Бальдин Сен-Жирон отмечает, что термин «возвышенное» (*sublime*) в английском, французском и итальянском языках восходит к латинскому субстантивированному прилагательному *sublimis*. При этом собственно греческий термин оказывается заслонен латинской риторической традицией: «Между риторической традицией, восходящей к латыни, и философской традицией, идущей из древнегреческого языка, существует заметный разрыв. В первом случае «возвышенное» – это прилагательное, синоним величественного и высокого, но одновременно страстного и ужасного: двойственный смысл, который уже Цицерон связывал с большим стилем,

названным Квинтилианом *genus sublime dicendi* «род возвышенного красноречия». Во втором случае напротив, «возвышенное» относится далеко не только к высокому стилю. Это – существительное, означающее у Псевдо-Лонгина ἀκρότης καί ἕξοχή τίς λόγων “вершину и высоту словесного выражения”» [5, с. 393].

В современной ситуации терминологические разночтения представляются особенно красноречивыми. В частности, Филипп Лаку-Лабарт, также принадлежащий к французской философско-эстетической школе, говорит не о разрыве, но о соответствии латинского, греческого, и (опосредованно) еврейского значений возвышенного: «Способ образования латинского слова не очень понятен, но смысл его ясен вполне: *sublimis* (от *sublimare*, поднимать) означает: «поднятый высоко в воздух» и, соответственно, в физическом, как и в моральном, смысле – «высокий», «величественный», «большой». То есть *sublimis* точно воспроизводит значение греческого слова *hypsos* – достаточно указать, что слово *ho hypsos*, со времен появления первой еврейской диаспоры в греческом мире, означало библейского Бога – «Всевышнего»» [2, с.12].

В аргументации Ф. Лаку-Лабарта вызывает сомнение тезис о точности соответствия латинского прилагательного *sublimis* греческому существительному ὑψος. Нам представляется, что это тот случай, когда грамматические категории передают глубинные культурные различия, а именно несоответствие латинского риторизма и греческого эстетизма. Доводя до гипотетического предела это противоречие, можно говорить о том, что *sublimis* игнорирует эстетическую сущность возвышенного, как бы ведя свою историю от сочинения «О возвышенном» (περί ὑψος), автором которого, однако, был не Псевдо-Лонгин, а критикуемый им Цецилий. В этом одноименном трактате-претексте возвышенное было рассмотрено исключительно в стилистической перспективе с рекомендацией специального набора правил возвышенного стиля. Подобная ориентация и сохранена в понятии *sublimis*, служащем для описания и оценки, а не для раскрытия сущности. Анализируя характер связи между *sublimis* и ὑψος, Б. Сен-Жирон подчеркивает, что причиной разрыва между ними является ориентация греческого существительного на передачу сущности, идеи возвышенного; а латинского прилагательного – на определение некоторых характерных черт возвышенного «дискурса»: «Прилагательное должно служить описанию и оценке, тогда как существительное отсылает к сущности. Насколько греческий язык привержен идее возвышенного и стремится прояснить его происхождение и статус, настолько латынь, язык юридической и практической действенности, создает определение одной или нескольких характерных черт возвышенного, разграничивая при этом уровни дискурса и усвершенствуя риторическое орудие – теорию стилей» [5, с. 394].

Таким образом, за современным понятием возвышенного скрыта глубинная двойственность его терминологического оформления. Неполнота соответствия греческого и латинского значений придает истории категории возвышенного особого рода драматизм, переходя на определенных ее этапах в полноту несоответствия риторической и эстетической перспектив. Примером тому может служить перевод трактата Псевдо-Лонгина Джорджем Грубе на английский язык (1957 г.), озаглавленный «On great writing». Между тем, уже Николя Буало в «Предисловии» к своему переводу трактата «О возвышенном» (1674 г.) подчеркивал, что речь идет не о том, что обычно ораторы называют высоким стилем, а о возвышенном и чудесном содержании, которое пленяет и восхищает. Именно Н. Буало принадлежит заслуга введения термина «le sublime» – существительного французского языка, несущего в себе значение не латинского *sublimis*, а греческого ὕψος.

Этот терминологический экскурс помогает осознать тот факт, что величайшая заслуга Псевдо-Лонгина состояла в сопряжении крайностей, в создании уникального единства риторики и эстетики. Практическое руководство оратору, раскрытие силы слова не мешает Псевдо-Лонгину анализировать его эстетическое и психологическое воздействие. Сами вопросы стиля поэтому предстают не в узко риторическом, но в эстетическом плане – становясь собственно эстетикой стиля.

Это позволяет говорить о том, что Псевдо-Лонгином была намечена перспектива «выхода» за границы античной теории стилей, отразившая в себе предчувствие иных, не античных, библейско-иудейских поэтических закономерностей. Интересно проследить, как описывает сущность этих закономерностей Эрих Ауэрбах. Анализируя отдельные характеристики высокого стиля в гомеровских поэмах и в Библии, исследователь отмечает, что хотя Гомер «еще очень далек от теории размежевания стилей», он все же «к этому ближе, чем Ветхий завет» [1, с. 24-25]. Это связано с тем, что «героически возвышенные образы отличаются у Гомера несравненно большей цельностью, чем ветхозаветные фигуры», в жизни которых взлеты уравновешены падениями. Кроме того, специфика библейского мировосприятия сопрягает высокое с повседневным существованием человека: «Возвышенное проявление Бога столь глубоко заходит в повседневное, что обе сферы – возвышенное и обыденное – не только не различаются фактически, но между ними нельзя провести различия и в принципе» [1, с. 25]. Таким образом, принимая во внимание факт комплиментарного упоминания в античном трактате «иудейского законодателя» Моисея, можно предположить определенную степень влияния библейской традиции на формирование эстетики возвышенного.

Итак, обратимся к анализу трактату Псевдо-Лонгина «О возвышенном».

В I веке н. э. греческий ритор Цецилий создал сочинение «О возвышенном», описывающее правила высокого стиля, который характеризовался особой значительностью или торжественностью. Именно это сочинение критикует Псевдо-Лонгин за сухой формализм, за перечисление технических правил мастерства без ответа на вопрос «что называется подлинно возвышенным и каково его определение». «Цецилий <...> пытается показать свойства возвышенного на бесчисленных примерах, словно обращаясь к невеждам; но вопрос о том, что делать с нашими природными дарованиями, чтобы в какой-то степени приблизиться к овладению возвышенным, он оставляет без всякого внимания, словно совершенно праздный» [4, с. 5]. «Непраздность» вопроса о связи возвышенного и природных дарований задает модус возвышенного как явления духовного свойства. Именно духовные источники питают возвышенное: это необычайные страсти, красота речи в соединении с великими мыслями. Возвышенное обретается вдали от мирской суеты, мелочного тщеславия, богатства, почестей славы и неограниченной власти. Все это прельщает людей внешним блеском, «но разумному человеку не может показаться благом то, в презрении к чему возникает подлинное благо» [4, с. 14]. Удивление и восхищение вызывают те люди, которые гордо отвергают мнимые блага «с высоты своего духовного величия» [4, с. 14].

Целью возвышенного является не очищение, не подражание, не разумное поучение. Его назначение состоит в том, чтобы привести человека в состояние восторженного изумления: «Цель возвышенного не убеждать слушателей, а привести их в состояние восторга, так как поразительное всегда берет верх над убедительным и угождающим <...>. Возвышенное при удачном применении подобно удару грома, ниспровергает все прочие доводы, раскрывая сразу же и перед всеми мощь оратора» [4, с. 6].

Трактат Псевдо-Лонгина характеризует двуединая задача, совмещающая не столько теоретическое знание и практические навыки, сколько эстетическое обобщение и риторическую конкретизацию. В соответствии с этой задачей строится и все содержание трактата.

Единство эстетико-риторических задач раскрывается в предлагаемых Псевдо-Лонгином характеристиках возвышенного: «Как известно, возвышенное имеет пять признаков. Все они основаны на умении пользоваться словом. Первым и важнейшим признаком следует признать способность человека к возвышенным мыслям и суждениям. <...>. Вторым признаком является сильный и вдохновенный пафос. Если первые два признака связаны с природными способностями человека, то три последних приобретаются в учении. К ним относятся сочетание определенных языковых фигур мысли и речи и те благородные обороты, которые в свою очередь достигаются отбором слов и выбором речи, богатой тропами и художественно отделанной; наконец пятым признаком

возвышенного, служит правильное и величественное сочетание всего целого» [4, с. 16]. Как видно из сказанного, вопрос о подлинном величии укоренен в умении пользоваться словом, сделать его инструментом, неотменимым в деле духовного совершенства.

Рассмотрим, вслед за Псевдо-Лонгином, каждый признак в отдельности. При этом отметим, что если Цецилий ограничился перечислением только формальных характеристик возвышенного, то у Псевдо-Лонгина на первое место поставлены содержательные составляющие.

Итак, хотя значительнейший элемент – возвышенные мысли и суждения – есть скорее дар природы, людям следует воспитывать величие души и беспрестанно наполнять ее благородством. Эта греческая по своей сути рекомендация осложнена тем примером, который, соотносится с современными представлениями о возвышенном как «невыразимом» и «несказанном». Проявление высшего величия дано как молчание. Псевдо-Лонгин здесь ссылается на другие свои трактаты: «В одном своем сочинении я написал об этом следующее: «Возвышенное – отзвук величия души». Разве не поражает нас своим величием одна краткая мысль, лишенная всякого словесного украшения? Как, например, у Гомера в описании страны мертвых красноречивее и величественнее любых речей молчание Аякса» [4, с. 17]. Остановимся подробнее на рассмотрении этого примера.

Тень Аякса, удаляющаяся в ответ на обращение Одиссея, нарушает «гомеровский» принцип ясной и четкой представленности, оговоренности происходящего. Как отмечает Э. Ауэрбах, у греков нет второго плана характеристики героев, все предстает перед нами обрисованным точно и четко: «Очерченные ясными линиями, в прозрачном и ровном свете стоят и движутся тут люди и вещи в пределах обозримого пространства; не менее ясны их мысли и чувства, полностью выражаемые в слове, размеренные даже в минуту волнения» [1, с. 7]. Исходным импульсом здесь является принцип наглядности, заставляющий точно передавать не только пластический облик, время и пространство, но и душевные процессы: «Много ужасного творится в гомеровских поэмах, но ничего не совершается в молчании: Полифем разговаривает с Одиссеем, Одиссей разговаривает с женихами, приступая к их избиению <...> и нет таких речей, где бы страх или гнев упразднил орудие логического членения мысли или же привел их в полный беспорядок» [1, с. 10]. В анализируемом же примере Псевдо-Лонгина обращенные к Аяксу слова примирения наталкиваются на мрачное молчание: «не отвечал он; за другими тенями мрачно пошел...» (Одиссея, XI, 563-564).

Ситуация в целом свидетельствует не столько об отказе от «наглядности», сколько о намеренном акцентировании у Гомера того, что в сущности не является проявлением закономерности его метода, а также об испытанном Псевдо-Лонгином воздействии библейской

художественной стихии. Молчанием Аякса передано в первую очередь отношение: невозможность примирения с обесчестившим его Одиссеем. На передний план накладывается тень прежней истории, создавая глубину и многослойность чувства. Погружающееся во мрак молчание проблематизирует зрелищную доминанту античной культуры, и отчасти предсказывают содержание «второго признака» возвышенного – пафоса.

Сущность пафоса – силы чувства – в трактате специально не разбирается, автор обещает рассмотреть его в другом месте. Примечательно то, что с пафосом связывается опять-таки образ Аякса. Приведем пример из главы IX трактата: «Неожиданный туман и беспросветная ночь прерывают сражение, тогда-то раздается полный отчаяния крик Аякса:

Зевс всемогущий, избавь от ужасного мрака Данаев!
Дню возврати его ясность, дай нам видеть очами
И при свете губи нас...

В этом крике подлинный пафос Аякса; ведь не о своей жизни просит герой, такая просьба была бы для него чересчур низкой, но Аякс, потеряв в наступившем мраке возможность проявить свое благородное мужество, раздражен этой внезапной передышкой в сражении и просит, чтобы скорее засиял свет, при котором он сумеет достойно встретить смерть, даже если его противником окажется сам Зевс» [4, с. 20].

Казалось бы, что требование Аякса «видеть очами» – следствие греческой любви к свету и разуму, однако, в не меньшей мере здесь передано отчаяние оставленности и желание умереть героем. Конечно, закономерны возражения, что «героизм» – это форма бытийно-космической самодостаточности Аякса, его неотменяемая и неварьированная сущность. Но в то же время, уже самим иудейским контекстом, в который помещен этот фрагмент (проникнутые «сознанием могущества божества» строки «иудейского законодателя»), пафос Аякса несет в себе значение вовлеченности в историю как человечески-божественную вертикаль. При доминировании зрительного мировосприятия, здесь осязатима субдоминанта притчевости и поступка, когда человек предстает как субъект выбора и действия. Аякс требует не показательности битвы, а возможности остаться в истории героем-деятелем. Так «сила чувства» расширяет смыслы греческой героики, и утверждает пафос в значении духовного порыва.

Противостоящий пафосу «парентирс» – порок патетического стиля – следствие упоения пафосом, не имеющим отношения к содержанию речи; излишество, к которому приводит «безоговорочная вера в школьные правила» [4, с. 10]. Это следует учитывать при рассмотрении трех следующих «признаков» возвышенного, которые приобретаются в учении. Важно помнить, что всякое учение возможно лишь при наличии «природных способностей человека» – гарантии того, что «школьные

правила» не окажутся неуместными или превышающими меру. Собственно, основной объем трактата, т.е. более его трети (главы 16–29) занимает описание возвышенного «*techne*»: умение пользоваться фигурами мысли и речи, «благородство» фразеологии и лексики, величественность композиции, единой как для произведения в целом, так и для всех составляющих его частей. В отличие от Цецилия, считавшего основой возвышенного стилистические законы и правила, Псевдо-Лонгин учит создавать возвышенное произведение, предварительно доказав, что без величественного замысла оно неосуществимо.

Примечательно, что Псевдо-Лонгин не делает даже попытки дать классификацию или описание фигур, что соответствовало бы приоритетному значению учебно-риторических целей. Это объясняется тем, что фигуры речи для него – это средство вызвать возвышающие человека эстетические эмоции: «... риторические фигуры по своей природе чем-то способствуют возвышенному и в свою очередь сами по себе испытывают его воздействие» [4, с. 38]. Любые риторические стратегии должны быть не самодостаточными, но predetermined эстетической необходимостью. В противном случае употребление тех или иных фигур вызовет подозрения в неискренности, обмане и «всевозможных подвохах». Риторическая фигура будет «превосходна» тогда, когда она перестанет быть собственно фигурой: «...следует раз и навсегда запомнить, что наилучшая фигура та, которая наиболее скрывает свою сущность» [4, с. 39]. Только возвышенное и патетическое выявляет истинную красоту речи: «подобно тому как с восходом солнца тускнеют и гаснут другие небесные светила, так все риторические ухищрения окутываются мраком при нахлынувшем отовсюду величии» [4, с. 40].

Исследуя средства художественной выразительности, способствующие возвышенности произведения, Псевдо-Лонгин прежде всего останавливается на вопросах композиции, выбора и комбинации деталей в их отношении к целому. В этом, вероятно, сказалось влияние традиционного античного представления о пропорциональном, гармоническом сочетании целого и частей. «Единый образ», сочетающий в себе все «самое глубокое и великое» иллюстрируется Псевдо-Лонгином на примере оды Сапфо и описания бури у Гомера. Однако содержание этих примеров таково, что античные представления о прекрасном целом осложняются напряженным психологизмом, что позволяет говорить в данном случае о не-античных критериях в суждениях Псевдо-Лонгина.

В свете современных интерпретаций категории возвышенного, акцентирующих в ней библейский исток, мы считаем возможным соотнести новаторство трактата с его греческо-иудейской дуалистичностью, т.е. попытаться увидеть в новизне не столько греческое «развитие», сколько иудейское «влияние».

Оно видится нам в первую очередь в подчеркивании духовного императива возвышенного и в том особом психологизме, который присущ некоторым лонгиновским анализам. Примечательно здесь в первую очередь прочтение оды Сапфо. Псевдо-Лонгин считает, что дарование поэтессы обнаруживается в том, «с какой поразительной силой отбирает она во всем самое глубокое и великое, чтобы потом создать единый образ». Приведем текст Сапфо:

«Мнится мне: как боги, блажен и волен,
 Кто с тобой сидит, говорит с тобою,
 Милой в очи смотрит и слышит близко
 Лепет умильный
 Нежных уст. Улыбчивых уст дыхание
 Ловит он... А я, чуть вдали завижу
 Образ твой – я сердца не чую в персях,
 Уст не раскрыть мне;
 Бедный нем язык, а по жилам тонкий
 Знойным холодком пробегает пламень;
 Гул в ушах; темнеют, потухли очи;
 Ноги не держат...
 Вся дрожу, мертвею; увлажнен потом
 Бледный лед чела; словно смерть подходит...
 Шаг один – и я бездыханным телом
 Сникну на землю...» [4, с. 24].

Очевидно, «единый образ» стихотворения вызывал особую симпатию у автора трактата: перед нами одна из самых пространных цитат во всей книге; кроме того, этот образец утонченного лиризма явно выделяется из контекста гомеровских поэм, платоновских диалогов, рассуждений Демосфена, исторических трактатов и ораторских речей. В этой связи может возникнуть вопрос о правомерности отнесения стихотворения Сапфо к сфере возвышенного. Аргументация Псевдо-Лонгина сводится к тому, что в оде проявлено замечательное мастерство в формировании целого путем объединения наиболее значимых характеристик и представление таким образом всей совокупности любовного переживания.

В анализе данного стихотворения следует обратить внимание на отход от греческой традиции обрисовки внешности. В соответствии с поэтическими законами греческого экфрасиса образ конструируется, составляется из наглядных деталей. У Сапфо мы «видим» лишь улыбочивые и нежные уста. Акцент же сделан не на видимом, а на эмоционально-духовном: на муках любовного томления, соотносимых со смертными. Удивительна по поэтической силе метафора пробегающего по жилам пламени – тонкого и парализующего, одновременно палящего и ледящего. «Знойный холодок» – «тонкий пламень» – это уже не

греческая наглядная образность, а нечто, передающее крайнюю взволнованность экзальтации и изнеможение, знойность испепеляющего чувства и холодный пот ледяного чела. Это библейский в своей поэтической основе, максимально приближенный к человеку взгляд, восчувствованная телесность переживания. Здесь – не образы красавицы и страдалницы – но стихия страдания, муки на грани восторга.

Все это осложнено противопоставлением счастливого соперника и самой героини. Он – сидит с возлюбленной, говорит, слышит близко лепет уст, ловит дыхание. Она – «чуть завидит вдаль», немеет, не видит («темнеют, потухли очи»), не слышит («гул в ушах»), бездыханно сникает. Эта контрастность задает не-греческую интенсивность переживания, нагнетает страстность, экстаз, подводя за шаг до черты, за которой смерть.

Сопоставляя данные Ауэрбахом характеристики гомеровского и библейского стилей, когда в одном случае «события совершаются неторопливо, с расстановкой, без большого напряжения», а в другом – «целое пребывает в величайшем напряжении, не знаящем послаблений, все в совокупности обращено к одной единственной цели» [1, с. 15], – мы с большим основанием отнесем лирический фрагмент Сапфо ко второму из названных стилей. Комментируя этот фрагмент трактата, Н. А. Чистякова отмечает новаторство интерпретации Лонгина: «Оценка творчества Сапфо у Псевдо-Лонгина существенно отличается от обычной античной критики: он не дает метрического разбора, умалчивает о музыке стиха, а сосредоточивает внимание на психологизме поэтессы» [6, с. 129]. Сам же автор трактата подчеркивает, что «удивительной силе этого стихотворения способствовали <...> выбор крайностей и соединение их воедино» [4, с. 24]. Это соотносится именно с тем типом библейской образности, где, не парализованное греческой позой, предстает путаное, противоречивое, трудное многообразие внутренних и внешних событий мира и души.

Важно подчеркнуть культурологическую конгениальность художественного текста и его интерпретации – особенность, характерную в целом для трактата. Так, в принстонской «Новой энциклопедии поэзии и поэтики» особо отмечено мастерство Псевдо-Лонгина как критика. Его пронизательность и способность к сопереживанию произведения названы достаточно редкими для античной критики качествами, предвосхищающими «современный дух» [7, с. 1230].

Таким образом, новаторство Псевдо-Лонгина объясняется его особой «чуткостью» к поэтическим закономерностям библейского типа. Это, вероятно, предопределило не только его изолированность в собственном времени, в котором он был «гениальным пешеходом-одиночкой» [6, с. 113], но также и его непреходящую значимость для последующей истории европейской культуры. Трактат Псевдо-Лонгина, «со свойственной ему интимностью тона и духовной широтой, стоит особняком в собственной

эпохе, но, начиная с XVII века, оказывается исполнен непреходящей притягательности для современного сознания» [7, с. 1230].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что трактат Псевдо-Лонгина «О возвышенном» занимает уникальное место в истории европейской эстетики и поэтики. Он развивает античную теорию трех стилей, но в то же время выводит понятия «возвышенного», «высокого» за пределы риторической системы. Псевдо-Лонгина интересуют в связи с высоким стилем такие горизонты, которые можно определить как эстетика стиля и возвышенного. При этом позиция Псевдо-Лонгина несет в себе черты иудейской «не-эстетики»: акцент на психологизме, актуализация пафоса как воодушевления и страдания, проблематика выразительного молчания, преодоление бытийной статики «героизма» в пользу лично окрашенного историзма. Трактат Псевдо-Лонгина стал не только осуществленной встречей греческой и ближневосточной культур, но и своеобразным эстетико-риторическим перекрестком. В целом значение трактата можно усматривать в создании силового поля притяжения ветхозаветной и античной культур – с одной стороны, – и риторической и эстетической проблематики возвышенного – с другой.

Список литературы

1. Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе / пер. с нем. Ал. В. Михайлов, Ю. И. Архипов. СПб.: Университетская книга, 2000. 502 с.
2. Лаку-Лабарт Ф. Проблематика возвышенного / пер. с фр. и примечания А. Магуна // Новое литературное обозрение. 2009. № 1(95). С. 12-23.
3. Нахов И. М. Выдающийся памятник античной эстетики: (Трактат «О возвышенном») // Из истории эстетической мысли древности и средневековья. М., 1961. С. 139-182.
4. О возвышенном / перевод, статьи и примеч. Н. А. Чистяковой. М.; Л.: Наука, 1966. 149 с. (Сер. «Литературные памятники»)
5. Сен-Жирон Б. Піднесене / пер. з фр. В. Артюха; за ред. І. Архіпової і О. Панича // Європейський словник філософій. Лексикон неперекладностей. К., 2009. Т. 1. С. 393-399.
6. Чистякова Н. А. Трактат «О возвышенном», его автор, время и содержание // О возвышенном. М.; Л.: Наука, 1966. С. 85-117.
7. Sublime // The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton. New Jersey, 1993. P. 1230-1233.

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЯ ЭФФЕКТА ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА
САТИРИЧЕСКОЙ ТОНАЛЬНОСТИ)**

Данное исследование раскрывает характер возникновения коннотативных значений как лингвистической так и содержательной направленности. Английский креолизованный текст сатирической тональности – разновидность художественного текста, в котором преобладает личностный подтекст. Эффект обманутого ожидания – стилистический приём раскрытия особенностей семантико-синтаксической структуры английского креолизованного текста сатирической тональности. Возникновение эффекта обманутого ожидания рассматривается как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях языка.

Ключевые слова: коннотация, эффект обманутого ожидания, подтекст, сатирическая тональность, глубинное содержание текста

Сатирический текст допускает, а также предусматривает употребление различных речевых аномалий и лингвистических парадоксов, проявлением которых выступает эффект обманутого ожидания. Сатирический текст содержит социально-ориентированную речевую информацию, а именно: 1) информацию, составляющую предмет сообщения, не связанную с актом коммуникации; 2) информацию дополнительную, связанную с условиями и участниками коммуникации. Первому виду информации присуще денотативное значение, второму соответствует коннотативное значение, т.е. коннотация [1, с. 105]. С понятием коннотации непосредственно связана экспрессивная окраска речевых явлений. В лингвистической литературе выделяются два основных типа коннотативных значений: лингвистический и содержательный. Содержательное коннотативное значение включает в себя дополнительные смыслы, связанные с фоновыми знаниями человека, его психологическими свойствами, его принадлежностью к определенной культуре, социальной среде, исторической эпохе. Частотность употребления лингвистических коннотаций значительно ниже содержательных типов. Лингвистические коннотации возникают как дополнительная информация в значении слова, а также в смысле высказывания и текста.

Основоположник лингвистического направления, изучающего проблему возникновения коннотации, Ш. Балли выявил закономерности создания экспрессивного впечатления как синтеза эмоциональной и социальной окраски, положив в основу теории экспрессивных

эффектов эмотивную доминанту – т.е. впечатления, которые производятся речью на чувства.

Благодаря модальному компоненту высказывания, выражающему разные виды отношения высказывания к действительности [9, с. 303], коннотативным содержанием обладает не только определенная лексика, несущая специфический эмоционально – оценочный заряд, но также слова, выражения, высказывания, тексты. Нельзя предавать значение текста высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности [5, с. 44].

Английский креолизированный текст сатирической тональности, выступая разновидностью художественного текста, кроме содержательно-фактуальной, включает в себя модальную, или содержательно-концептуальную информацию, связанную с авторской оценкой событий, а также и содержательно-подтекстовую информацию, которая представляет собой скрытую информацию, не выраженную непосредственно в структуре текста.

Коннотация как макрокомпонент семантики слов и устойчивых выражений, по составу своих микрокомпонентов (оценочного, ассоциативного, эмотивного и функционально-стилистического), по их взаимодействию и по грамматической нацеленности повторяет структуру подтекстовой информации [8, с. 79].

Подтекст, развиваясь, параллельно с эксплицитной информацией, дополнительно извлекается из текста благодаря способности читателя воспринимать его глубинное содержание.

Механизмом возникновения подтекста возможно рассматривать ассоциации между отдельными элементами эксплицитного содержания текста, для толкования которого адресат использует свой индивидуальный тезаурус, т.е. субъективный образ мира. В субъективном образе мира представления и понятия соответствуют объектам и классам объектов и явлений действительности, а связи между понятиями суть отражения связей между объектами и явлениями. Подтекст может быть опознан по особым сигналам в структуре текста, но подтекст может и не репрезентироваться в тексте, и в этом случае он опознается только на основе внелингвистических знаний, а также опыта реципиента (пресуппозитивный референциальный подтекст) [6, с. 4].

Имплицитное содержание текста непосредственно связано с наличием в тексте лакун – пропусков, неясностей, противоречий, нарушений валентностных сочетаний. Руководствуясь «презумпцией уместности», читатель пытается оправдать сегмент текста, содержащий аномалию, найти его скрытый смысл [12, с. 53]. Ведущим моментом в процессе извлечения подтекста является информационная потребность получателя. Потребность найти подтекст может быть спровоцирована «странностью» в самом тексте, тем более, что подтекст такого рода часто

является преднамеренным и, следовательно, актуальным для адресата, поиск такого подтекста облегчается тем, что подавляющее большинство речевых аномалий встречается, главным образом, в тех речевых жанрах, которые допускают, а также предусматривают их употребление. Таким литературным жанром, а точнее разновидностью пафоса, и является английский креолизованный текст сатирической тональности. Сатирический текст как разновидность художественного текста отличается индивидуализированным восприятием автора окружающей действительности, в нем преобладает личностный подтекст. Одним из стилистических приёмов раскрытия сатирической тональности, является эффект обманутого ожидания. Эффект обманутого ожидания достигается уникальными особенностями семантико-синтаксической структуры текста:

«It was a lovely evening. They broke up Mr Austern's grand piano, and stamped Lord Rendings cigars into his carpet, and smashed his china and tore up Mr Partridge's sheets, and threw the Matisse into his water jug. Mr Sanders had nothing to break, except his windows, but they found the manuscript at which he had been working for the Newdigate Prize poem and had great fun with that» (E. Waugh. Decline and Fall).

Предложение *It was a lovely evening* занимает в данном сверхфразовом единстве начальную позицию. Эксплицитное номинативное содержание данной конструкции складывается из двух компонентов: денотата (целостного представления о референте, т.е. объекте или ситуации, к которым отсылает знак) и десигната (понятийно-классифицирующего компонента значения), который заключает в себе предоставленное автором толкование референтной ситуации. В эксплицитном содержании единицы присутствует положительный компонент оценки, создаваемый оценочным прилагательным *lovely*. Синтаксическая конструкция с интродуктивным *it* требует уточнения смыслового содержания существительного – предикатива *evening* и сигнализирует об установлении катафорической связи между отдельными конститuentами текста. Субъект предложения *They broke up Mr Austern's grand piano ...* – местоимение *they*, являясь наиболее грамматикализованным сигналом межфразовой структурной связи, сочетается с цепочкой предикатов, обладающих отрицательным компонентом оценки (*broke up, stamped, smashed, tore up, threw*) и создающих единый временной план, что свидетельствует о целостности микротекста. Конструкция *It was a lovely evening* намеренно ставится автором в начале сверхфразового единства. Таким образом, автор создает речевую ситуацию, в которой происходит столкновение положительно окрашенного компонента эксплицитного содержания определенной синтаксической конструкции с отрицательно окрашенным компонентом эксплицитного содержания последующих синтаксических структур. Это

способствует раскрытию определенного эксплицитного содержания, которое является достаточно неожиданным для читателя. В раскрытии имплицитного содержания заключается сущность яркого стилистического эффекта – эффекта обманутого ожидания. Эффект обманутого ожидания состоит в непрерывности, линейности речи, которая нарушается появлением элементов малой вероятности, воздействующих на сознание читателя подобно толчку. Неподготовленное и неожиданное создает сопротивление восприятию, и преодоление этого сопротивления требует усилия со стороны читателя, а поэтому сильнее на него воздействует. Перемежающееся раздражение действует сильнее, чем протекающее равномерно, это всеобщий закон опыта [2, с. 42-43].

*«It is not accurate to call this an annual event, because quite often the club is suspended for some years after each meeting. There is tradition behind the Bollinger, it numbers reigning kings among its past members. At the last dinner three years ago a fox had been brought in a cage and stoned to death with champagne bottles. **What an evening that had been!** This was the first meeting since then, and from all over Europe old members had rallied for the occasion» (E. Waugh. Decline and Fall).*

Рассматриваемый микротекст, помимо эксплицитно выраженных семантических компонентов, включает имплицитный этический компонент оценки [4, с. 84], который вытекает из противоречия на поверхностном плане между смысловым содержанием синтаксической *What an evening that had been!* и предложений, составляющих его левостороннее и правостороннее окружение. Содержание имплицитного этического компонента составляет отрицательные читательские эмоции, вызванные жестокими безнравственными действиями участников описываемого события – светской вечеринки. Авторская же ирония заключена в восклицательном предложении *What an evening that had been!*, которое в данном контексте приобрело негативную окраску. Таким образом, автор создает речевую ситуацию, в результате которой возникает критическое отношение к описываемому событию в жизни «золотой молодежи».

Эффект обманутого ожидания в той или иной форме встречается в любой области искусства и в любом его направлении, а в языке – на любом его уровне [3, с. 44].

Рассмотрев проявление эффекта обманутого ожидания на синтаксическом уровне, обратимся к лексическому уровню языка, на котором используются различные стилистические приёмы, в частности, оксюморон, характеризующийся совмещением в рамках определенного контекста двух или более слов, словосочетаний, высказываний, в результате чего возникает новое смысловое содержание. Структурной моделью оксюморона является сочетание существительного, определяемого прилагательным. Именно в этой структурной модели, элементы которой находятся в синтаксических атрибутивных отношениях,

сопротивление двух составляющих частей, ведущее к сочетанию в единое целое, отображает свою сущность наиболее сильно:

«For two days they had been pouring into Oxford: epileptic royalty from their villas of exile, uncouth peers from crumbling country seats, smooth young men of uncertain tastes from embassies and legations: illiterate lairds from wet granite hovels in the Highlands, ambitious young barristers and conservative candidates torn from the London season and the indelicate advances of debutances: all that for the beano» (E. Waugh. Decline and Fall).

Экспрессивность повествования достигается внедрением восьми идентичных структурных моделей в рамки одного микротекста, что является показателем его целостности и структурной завершенности. Эксплицитное номинативное содержание “неправильных” словосочетаний вне контекста является неуместным, а иногда прямо абсурдным, у читателя возникает потребность в извлечении имплицитного содержания каждой структурной модели, которое способствовало бы достижению понимания микротекста в целом.

«But what did Scrooge care? It was the very thing he liked. To edge his way along the crowded paths of life, warning all human sympathy to keep its distance, was what the knowing ones call «nuts» to Scrooge» (Ch. Dickens. A Christmas Carol).

В данном сверхфразовом единстве автор использует стилистический приём метафорической перифразы, который относится к обширной категории речевых аномалий. Эффект обманутого ожидания возникает в результате несоответствия семантических компонентов эксплицитного содержания стилистически возвышенного слоя лексики нейтральному фону повествования. За счет этого взаимодействия текст приобретает несколько ироническое звучание. Возникает парадоксальная ситуация, в рамках которой раскрывается сатирическая тональность английского креолизованного текста.

Коннотация способствует достижению сатирического эффекта, так как извлечение подтекста необходимо для понимания большинства контрастных ситуаций создаваемых авторами сатирических произведений больших и малых форм. Контрастные ситуации строятся по схеме парадоксального совмещения двух далеких и совершенно противоположных понятий. Отклонения от нормы сами подчиняются определенным нормам [10, с. 94].

Различные речевые аномалии, частным случаем которых выступает эффект обманутого ожидания, проявляются на разных языковых уровнях сатирического текста, это элементы малой текстовой предсказуемости. Поскольку возможность художественно значимого нарушения предсказуемости составляет основу экспрессивности художественного текста, то в этом отношении можно утверждать, что английский

креолизованный текст сатирической тональности обладает достаточно высокой степенью экспрессивности.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Денотативное и коннотативное значение // Стилистика современного английского языка. Л., 1973. 303 с.
2. Арнольд И. В. Эффект обманутого ожидания // Стилистика современного английского языка. Л., 1973. 303 с.
3. Арнольд И. В. Эффект обманутого ожидания // Стилистика современного английского языка. Л., 1981. 295 с.
4. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М., 1975. 341 с.
5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. 416 с.
6. Вальперт Р. К. Коннотативный уровень описания грамматики. Р., 1979. 200 с.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 138 с.
8. Гальперин И. Р. Опыты стилистического анализа. М., 1968. 63 с.
9. Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978. 344 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 751 с.
11. Лотман Ю. Н. Структура художественного текста. М., 1970. 384 с.
12. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 143 с.
13. Тодоров Ц. Поэтика. – Структурализм: «за» и «против». М., 1975. 160 с.

Список источников иллюстративного материала

14. Waugh E. Prose. Memoirs. Essays. М., 1980. 445 с.

ИНТОНАЦИОННОЕ ЕДИНСТВО СИНТАГМ И ИХ РАЗГРАНИЧЕНИЕ КАК ОСНОВА ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ

В соответствии с тезисом о том, что речь составляется из тех единиц, на основе которых она воспринимается, в статье представлена синтагма как исходная единица речи. При опоре на авторскую делимитацию речи определена реальная структура текста как последовательность всех его синтагм, на основе которых были выделены его предложения. Уделяется внимание их внутренней интонационно-смысловой организации и их интонационному разграничению как особому виду связи речевых единиц, порождающих структуру и содержание текста.

Ключевые слова: устная речь, делимитация речи, исходная речевая единица, слово, синтагма, фраза, предложение, синтагматическая структура речи

1. Вводные замечания

Согласно господствующей концепции строительным материалом для предложения, выступающего в качестве начальной речевой структуры, являются слова как знаменательные единицы языка [2, с. 231]. Дескать, предложения строятся путём распространения их структурных схем с помощью лексических распространителей [4, с. 83]. Однако при верификации этой концепции выясняется, что она не соответствует речевой деятельности [1, с. 19].

У абсолютного большинства людей речь спонтанна. Их речевая деятельность носит автоматический характер. Люди, в том числе и дети, не имеющие ещё никаких сведений о лингвистике, могут легко передавать необходимую информацию с её различными логическими и грамматическими отношениями (противопоставления, времени, условия, цели, причины, следствия, уступки и т. д.). Но когда попытаешься направить их речевую деятельность в сознательное русло и попросишь передать конкретное грамматическое значение, то даже студенты-филологи часто испытывают затруднения и лишь немногие вполне успешно справляются с заданием. Таким образом, в своей спонтанной речевой жизни люди легко передают все значения, а когда подключают сознание, у них появляются проблемы. Это свидетельствует о том, что концепция *сознательного* построения предложений путём распространения тех или иных схем отдельными словами не соответствует речевой деятельности и вызывает естественные сомнения в отношении своей научной основательности.

Наблюдения за речью и интонацией её субъекта показывают, что речь строится не из **слов** как отдельных номинативных **знаков языка**, а в результате последовательного наращивания лексических групп (**синтагм**) с

единым ситуативным значением. Именно они выступают в качестве исходных минимальных **единиц речи**, что подтверждается целым рядом аргументов. Хотя вполне достаточно двух из них, чтобы в этом убедиться.

Во-первых, в устной речи, являющейся первичной и естественной формой общения, интонационно разграничиваются не отдельные слова, а группы слов, объединенных интонационно, по смыслу и грамматически. Если бы речь строилась из слов как самостоятельных строительными единицами, она бы интонационно и членилась на отдельные слова. Во-вторых, если бы она строилась из слов, её содержание определялось бы последовательным наращением значений слов, но содержание речи воспринимается не в результате последовательного наращивания их значений.

Цель статьи – опираясь на авторское интонационное разграничение речи, определить исходную речевую структуру как реальную основу порождения и восприятия текста и всех его типичных синтаксических единиц.

Актуальность статьи обусловлена тем, что изучение рассматриваемой единицы имеет вневременной характер. Она является исходной структурой во всех видах речевой деятельности, а также в обеих её формах – устной и письменной.

Ещё В. фон Гумбольдт вполне убедительно отразил картину речепорождения: «Речь течет непрерывным потоком, и говорящий, прежде чем задуматься над языком, имеет дело только с совокупностью подлежащих выражению мыслей. Нельзя себе представить, чтобы создание языка начиналось с обозначения словами предметов, а затем уже происходило соединение слов. В действительности речь строится не из предшествующих ей слов, а, наоборот, слова возникают из речи» [3, с. 100].

Как видим, Гумбольдт отмечает **спонтанность** и **автоматизм** речи (*течёт непрерывным потоком*), с чем трудно не согласиться, потому что речь – индивидуальная творческая деятельность. Её субъект меньше всего занят языком: его внимание сосредоточено на передаваемых мыслях. Средствами языка он пользуется автоматически. Наивно полагать, что сначала люди определили слова в качестве наименований предметов, а потом стали сознательно «вылавливать» их из словаря и соединяют в речь, распространяя какую-то схему. Выходит, что схемы первичны, а речь вторична, что не соответствует действительности. Так что речь строится не из отдельных слов. При общении они мгновенно возникают в сознании в виде единых лексических блоков, лингвистически отражающих элементарные факты действительности, ибо основа любой интеллектуальной психической деятельности лингвистическая.

2. Основные положения

На наш взгляд, Гумбольдтом представлена убедительная картина речепорождения, в связи с чем его утверждение следует признать важным

методологическим **принципом при исследовании речи**, руководством при оценке сделанных выводов и основанием при их верификации. Сторонники речепорождающей функции слова не учитывают того, что воспринимается устная речь и каждая её фраза (а на письме – каждое предложение) не на уровне значений слов. С этим фактом они согласны, но почему-то его не учитывают. Но если речь воспринимается не на уровне значений слов, следовательно, не из них она непосредственно и составлена. Не выяснив причин данного противоречия, трудно надеяться на успехи в обучении языку и чтению с адекватным пониманием содержания.

Вполне очевиден и второй принцип исследования речи, который можно сформулировать так: на основе каких единиц речь воспринимается, из них она и построена: именно они составили её структуру и содержание. Так что достаточно определить единицу восприятия речи, чтобы получить реальную единицу её построения. На реальную единицу восприятия речи неизбежно указывает авторская интонация. Начнём рассмотрение вопроса с выяснения того, чем различаются слово и синтагма?

1. Главное их различие в том, что это единицы разных лингвистических сфер. Слово – единица языка, т. е. лингвистического арсенала, синтагма же – единица речи, типичная исходная функциональная структура всех видов речевой деятельности.

2. Слово, существуя в языке, воспроизводится и принадлежит всем его носителям, синтагма является индивидуально-креативным порождением в процессе речевой деятельности и принадлежит субъекту речи.

3. У слова обобщённый характер значения при отмеченном словарями запасе чётко не очерченных смысловых возможностей, у синтагмы конкретное ситуативное содержание.

4. Слово как единице лингвистической картины отражения предметного мира характерна **отдельность**. Оно самостоятельный лингвистический знак реалии. Синтагма как минимальный фрагмент содержания и структуры речи предполагает **сочетаемость**.

5. Что касается формы и значения слова, им присуща объективная заданность (его форма и значение установлены и представлены в словарях). Форме и значению синтагмы характерна субъективная заданность (они у неё определяются субъектом речи).

В качестве **рабочей гипотезы** принимается следующий тезис: **определившиеся в результате авторской интонационной делимитации единицы восприятия речи являются исходными структурами её порождения**. Они основа любого общения — устного и письменного. При трансформации устной речи в письменную они, меняя звуковую форму на графическую, составляют структуру и содержание всех выделяемых предложений и текста в целом [6, с. 109]. В родном языке синтагмы обычно спонтанно возникают в сознании человека на основе его личной системы понятий и представлений о мире. Их наращение способствует

организации речи, а их разграничение и интонационная интерпретация помогают осмыслить их значения и адекватно понять содержание речи в целом. Внутри синтагм пауз нет: они могут деформировать значение, что было отмечено ещё Цицероном [5, с. 272].

Синтагма может состоять из одного слова, выполняющего соответствующую функцию, но в подавляющем большинстве случаев она включает несколько слов, что приводит к возникновению у них единого ситуативного значения. Например, в русской речи составных синтагм – до 85% (для сравнения: в английской речи – до 90%). Тем не менее синтагма – предельно минимальная единица, так как речевых единиц меньше синтагмы нет. Значение синтагм определяется языковыми и речевыми факторами (смысловыми возможностями их компонентов, а также их связями с другими синтагмами).

Для наглядности обратимся к фрагменту романа К. Паустовского «Золотая роза», чтобы понять, как реально происходит порождение и **линейное развитие** связной речи. Письменная форма контекста вторична, ибо появилась она в результате трансформации устной или внутренней речи автора в графическую. Поэтому, обращаясь к моменту порождения этой речи, отразим в синтагматической записи [о ней см.: 7] её авторскую интонацию (как способ интерпретации содержания). При этом наклонными линиями отметим паузы между всеми речевыми единицами, а вертикальными разграничим фразы. Иными словами, отметим всё то, что мы реально слышим и осознаём (Пунктуацию и авторские границы предложений оставим для облегчения восприятия контекста и выяснения степени соответствия пунктуационного оформления интонационному).

Я живу́ / в маленьком до́ме / на дюнах. // I Всё Рижское взмо́рье / в снегу́. // I Он всё вре́мя / слета́ет с высоких сосен / длинными прядями / и рассыпа́ется в пыль. /// I

Слетает он от ве́тра / I и оттого́, / что по соснам прыга́ют белки. // I Когда очень ти́хо, / то слы́шно, / как они шелуша́т сосновые шишки. /// I

До́м стоит / у са́мого моря. // I Чтобы уви́деть море, / нужно в́йти за калитку / и немного пройти́ / по протоптанной в снегу тропи́нке / мимо заколоченной да́чи. /// I

На о́кнах этой дачи / ещё с ле́та / оста́лись занавески. // I Они шевеля́тся от слабого ветра. // I Должно́ быть, / ветер проника́ет / сквозь незаметные щели в пустую дачу, // I но издали ка́жется, / что кто-то подыма́ет занавеску / и осторожно следит за тобой. /// I

Море не замёрзло. / I Снег лежи́т / до са́мой кромки воды. // I На нём видны́ следы зайцев. /// I

Когда на море подымается волна́, / то слы́шен / не шум прибоя, / а хрусте́нье льда / и шорох оседающего снега. /// I

Ба́лтика зимой / пусты́нна и угрю́ма. /// I

Латыши называют её «Янтарным мо́рем» / («Дзинтара юра»). // I

*Может быть, / не только потому, / что Балтика выбрасывает много янтаря, // **I** но ещё и потому, / что её вода / чуть заметно / отливает янтарной желтизной. /// **I***

*По горизонту / весь день / лежит слоями тяжёлая мгла. // **I** В ней пропадают очертания низких берегов. // **I** Только кое-где в этой мгле / опускаются над морем / белые косматые полосы — // **I** там идёт снег. /// **I***

*Иногда / дикие гуси, / прилетевшие в этом году слишком рано, // садятся на воду / и кричат. // **I** Тревожный их крик / далеко разносится по берегу, // **I** но не вызывает отклика — // **I** в прибрежных лесах зимой / почти нет птиц. /// **I***

*Днём в доме, / где я живу, / идёт привычная жизнь. // **I** Трещат дрова / в разноцветных кафельных печах, / **I** приглушённо стучит пишущая машинка, // **I** молчаливая уборщица Лилия / сидит в уютном холле / и вяжет кружево. // **I** Всё обыкновённо / и очень просто. /// **I***

*По вечерам / крошечная темнота / окружает дом, // **I** сосны придвигаются к нему вплотную, / **I** и, когда выходишь из ярко освещённого холла наружу, // тебя охватывает ощущение полного одиночества, // с глазу на глаз, / с зимой, / морем / и ночью. /// **I***

*Море уходит на сотни миль / в чёрно-свинцовые дали. // **I** На нём не видно / ни одного огонька. / **I** И не слышно / ни одного всплеска. /// **I***

*Маленький дом стоит, / как последний маяк, / на краю туманной бездны. // **I** [Здесь обрывается земля].*

В выделенном контексте 100 синтагм, составляющих 40 фраз, которые в письменной речи трансформируются автором в 30 предложений.

Для наглядности отведём каждой синтагме как самостоятельной единице речи отдельную строку. Этим, во-первых, подчеркнём **интонационно-смысловое единство каждой из них как исходных речевых единиц** и, во-вторых, отразим **разграничение их как однотипных, но разных речевых структур**. Наклонными линиями отметим три вида пауз: **короткую, продолжительную и максимальную**. В каждой строке представлена одна синтагма, внутри неё нет пауз, они только между строками, т. е. между синтагмами. Синтагмы имеют разный объём, а паузы между ними – разную продолжительность.

*Я живу /
в маленьком доме /
на дюнах. //
Всё Рижское взморье /
в снегу. //
Он всё время /
слетает с высоких сосен /
длинными прядями /
и рассыпается в пыль. ///
Слетает он от ветра /*

и оттого, //
 что по соснам прыгают белки. //
 Когда очень тихо, /
 то слышно, /
 как они шелушат сосновые шишки. ///
 Дом стоит /
 у самого моря. //
 Чтобы увидеть море, /
 нужно выйти за калитку /
 и немного пройти /
 по протоптанной в снегу тропинке /
 мимо заколоченной дачи. ///
 На окнах этой дачи /
 ещё с лета /
 остались занавески. //
 Они шевелятся от слабого ветра. //
 Должно быть, /
 ветер проникает /
 сквозь незаметные щели в пустую дачу, //
 но издали кажется, /
 что кто-то подымает занавеску /
 и осторожно следит за тобой. ///
 Море не замёрзло. /
 Снег лежит /
 до самой кромки воды. /
 На нём видны следы зайцев. ///
 Когда на море подымается волна, /
 то слышен /
 не шум прибоя, /
 а хрустенье льда /
 и шорох оседающего снега. ///
 Балтика зимой /
 пустынна и угрюма. //III/
 Латыши называют её «Янтарным морем» /
 («Дзинтара юра»). //
 Может быть, /
 не только потому, /
 что Балтика выбрасывает много янтаря, //
 но ещё и потому, //
 что её вода /
 чуть заметно /
 отликает янтарной желтизной. ///
 По горизонту /

весь день /
лежит слоями тяжёлая мгла. //
В ней пропадают очертания низких берегов. //
Только кое-где в этой мгле /
опускаются над морем /
белые косматые полосы — //
там идёт снег. ///
Иногда /
дикие гуси, /
прилетевшие в этом году слишком рано, //
салятся на воду /
и кричат. //
Тревожный их крик /
далеко разносится по берегу, //
но не вызывает отклика — //
в прибрежных лесах зимой /
почти нет птиц. ///
Днём в доме, /
где я живу, /
идёт привычная жизнь. //
Трещат дрова /
в разноцветных кафельных печах, /
приглушённо стучит пишущая машинка, //
молчаливая уборщица Лиля /
сидит в уютном холле /
и вяжет кружево. //
Всё обыкновенно /
и очень просто. ///
По вечерам /
крошечная темнота /
окружает дом, //
сосны придвигаются к нему вплотную, /
и, когда выходишь из ярко освещённого холла наружу, //
тебя охватывает ощущение полного одиночества, //
с глазу на глаз, /
с зимой, /
морем /
и ночью. ///
Море уходит на сотни миль
в чёрно-свинцовые дали. //
На нём не видно /
ни одного огонька. /
И не слышно /

ни одного всплеска. ///
Маленький дом стоит, /
как последний маяк, /
на краю туманной бездны. //

Уделяя внимание выделенным синтагмам, нельзя утверждать, что у автора на все 100 процентов была именно такая их делимитация. Для подобного утверждения нужно прослушать авторское чтение текста. Не исключаем, что в отдельных случаях она была иной. И для читателя возможны отдельные интонационные модификации текста. Но это детали. Главное же в том, что принцип порождения и развития речи **синтагматический**. Текст формируется последовательно не слово за словом, а синтагма за синтагмой, что подтверждается авторской разграничительной интонацией и характером восприятия общего содержания: все передаваемые мысли воспринимаются **посинтагмно**, а **не пословно**. Наличие некоторых вариантов интонационного членения текста читателем не отрицает синтагматической природы речи. В устной речи нет вариантов синтагматического членения. У субъекта речи один вариант. Поэтому и текст предполагает один вариант членения – авторский.

Опираясь, с одной стороны, на интонационное и структурно-смысловое единство компонентов в синтагме, а с другой – на интонационное разграничение (делимитацию) синтагм, можно увидеть, как порождается и развивается связная речь. При необходимости передать конкретную информацию в сознании человека спонтанно возникают минимальные (недискретные) факты информации, которые получают мгновенное лингвистическое выражение. У субъекта речи нет времени на то, чтобы выискивать нужные слова и строить синтагмы или предложения. Слова автоматически всплывают в сознании в виде лексических единств на основе интонационной, смысловой и грамматической связи [8, с. 142]. Так, в рассматриваемом контексте появление и наращение синтагм происходит в таком направлении: *Я живу* (хотя в этой синтагме представлены подлежащее и сказуемое, они образуют единую интонационно-смысловую элементарную структуру речи с определённо-личным значением «*обитаю, нахожусь*», без акцента на субъекте действия). К этой синтагме путём линейного наращения добавляются вторая и третья синтагмы как самостоятельные исходные недискретные речевые компоненты аналогичного образования: *Я живу + в маленьком доме + на дюнах*. Эти три минимальных компонента речи составили зачин информации. В устной речи этот зачин представлен самостоятельной фразой, которая на письме в соответствии с культурно-речевой письменной традицией оформлена в виде предложения.

Далее в аналогичных предельно минимальных речевых единицах – синтагмах – передаются факты, касающиеся внешнего окружения.

Они выливаются во фразы, которые последовательно трансформируются в предложения.

Всё Рижское взморье / в снегу. // I Он всё время / слетает с высоких сосен / длинными прядями / и рассыпается в пыль. // I Слетает он от ветра / I и оттого, // что по соснам прыгают белки. // I Когда очень тихо, / то слышно, / как они шелушат сосновые шишки. I Дом стоит / у самого моря. // I Чтобы увидеть море, / нужно выйти за калитку / и немного пройти / по протоптанной в снегу тропинке / мимо заколоченной дачи /// I и т. д.

Здесь 19 синтагм. В устной (или внутренней) речи они составляют 7 фраз. При трансформации речи в письменную форму автор на основе синтагм и фраз выделяет 6 предложений: три простых и три сложных. Как видим, наблюдается лишь некоторое соответствие фраз и предложений. Первая, вторая, пятая, шестая и седьмая фразы соответствуют отдельным предложениям. Третья и четвёртая фразы представлены в виде одного предложения (*Слетает он от ветра / I и оттого, // что по соснам прыгают белки*). Представим, что этот фрагмент речи принадлежит двум субъектам: один произнёс первую фразу, а второй, дополняя его, произнёс вторую. Так что несомненно, что здесь две фразы, но у автора это одно предложение. Примечательно, что через несколько строк повторяется аналогичная структура. Она тоже состоит из двух фраз, но теперь представлена автором двумя предложениями (*На нём не видно / ни одного огонька. / I И не слышно / ни одного всплеска*). Это указывает на субъективный характер выделения предложений. Ср.: *На нём не видно... и не слышно...* Количество фраз в речи – величина постоянная, тогда как количество предложений при её записи может варьироваться. Полного соответствия между фразой и предложением нет. Например, Л. В. Щерба нередко пользовался терминами *фраза* и *предложение* как синонимами, тем не менее считал, что фразы и предложения – соотносительные, но не тождественные единицы. Количество фраз в речи в большинстве случаев не совпадает с количеством предложений при её записи. Фразы субъективно трансформируются автором в предложения, которые выделяются с целью последовательного представления и разграничения мыслей. При озвучивании текста предложения реорганизуются в свои первоначальные структуры – фразы.

3. Выводы

Развивая мысли Гумбольдта о непрерывном течении речи и о реальном статусе слов в ней, отметим, что устная речь появляется не в результате построения фраз, – наоборот, фразы появляются в результате развития речи путём последовательного наращивания синтагм.

Письменная речь, в свою очередь, появляется не в результате построения предложений. Наоборот, предложения выделяются на основе синтагм и фраз при трансформации устной речи в письменный текст как способ выделения всех его самостоятельных мыслей.

Рассматривая данный фрагмент речи К. Паустовского как образец творческой речевой деятельности (не потому, что это художественная речь, а потому, что любая речь носит креативный характер), мы не находим в нем места ни структурным схемам предложения, ни лексическим распространителям. Зато чётко воспринимаем авторское интонационное разграничение **реальных исходных речевых единиц** с конкретным ситуативным значением. Видим их линейное наращение, формирование структуры и содержания текста с последовательным выделением в нём предложений в соответствии с культурно-речевой письменной традицией с целью чёткого представления всех передаваемых мыслей.

Слово и предложение соотносятся через синтагму.

Становится очевидным, что господствующая теория построения предложения при помощи отдельных слов, распространяющих его структурную схему, развивает у учащихся словесный способ чтения и восприятия текста и не способствует адекватному пониманию его содержания.

Так как основа речевой деятельности не словесная, а синтагматическая, то при чтении нужно опираться не на слова, а на реальные исходные единицы речи – на авторские синтагмы, что весьма важно учитывать при переводе текста на другой язык.

Чем точнее установлены читателем синтагмы, тем точнее будет воспринято им содержание. В связи с этим синтагматическая концепция речи предполагает реальные теоретические и практические перспективы.

Список литературы

1. Андреева С. В. Основные и вспомогательные единицы устной коммуникации // Известия Саратовского университета 2007. Т. 7. Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 2. С. 19.
2. Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетаний (На материале русского языка) // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 231-253.
3. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч. I. С. 100.
4. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 2. 709 с.
5. Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. 472 с.
6. Филатова Е. В. Синтагма как реальная единица порождения и восприятия речи. Донецк: ДонНУ, 2013 Доступ: http://studopedia.ru/16_69960_sintagma-kak-lingvisticheskaya-edinitsa.html.
7. Филатова Е. В. Синтагматическая запись речи как способ изучения проблемы порождения и восприятия речи, её реальных единиц и их функций // Филология и литературоведение. 2015. № 1 Доступ: <http://philology.snauka.ru/2015/01/1142>.
8. Филатова Е. В. Смысловая связь как основа построения речи // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Ростов н/Д, 2016. № 3. С. 142–153.

*Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ 16-34-00014a1
«Коммуникативное взаимодействие в современном медийном
пространстве как способ конструирования имиджа»*

УДК 81'33

В. О. Широков, А. В. Ленец
Южный федеральный университет

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ FACEBOOK (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОСТНЫХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МОЛОДЁЖНЫХ ЧАТОВ)

В статье представлены результаты исследования использования языковых средств в процессе коммуникативного взаимодействия в социальной сети Facebook. Социальная сеть понимается как виртуальная форма коммуникативного взаимодействия для формирования имиджа пользователя, группы. При этом определяются основные языковые средства, используемые молодыми пользователями при обсуждении новостей.

Ключевые слова: *коммуникация, взаимодействие, социальная сеть, молодёжная группа*

1. Введение

Интернет является одной из активно развивающихся форм молодёжного коммуникативного взаимодействия. Возможности, которые предлагает Интернет, являются уникальными для всех видов речевого общения: скоростной обмен сообщениями, личное участие в форумах и конференциях, где обсуждаются актуальные вопросы независимо от времени и расстояния, мгновенное информирование о событиях. Всё это позволяет коммуникантам успешно взаимодействовать в современном виртуальном пространстве, а именно в социальных сетях, как способа создания собственного имиджа коммуникантов [1; 3; 5].

Изучая дискурс в виртуальном пространстве, наиболее целесообразным для нашего исследования нам представляется именно термин «Интернет-дискурс». Во-первых, дискурс в сети Интернет представляет собой тексты, используемые в ситуации реального общения; во-вторых, сеть Интернет как информационное средство позволяет сочетать письменную и устную коммуникацию; в-третьих, все тексты в Интернете связаны между собой взаимными ссылками и переходами, что, в конечном итоге, образуют гипертекстовую систему коммуникативного взаимодействия с элементами мультимедиа.

Цель настоящей статьи – представить результаты анализа лингвистических особенностей новостного немецкоязычного взаимодействия в социальной сети FACEBOOK. В связи с поставленной целью необходимо решить следующие задачи: 1) выявить специфику

Интернет-дискурса в современной коммуникации; 2) рассмотреть структуру социальной сети FACEBOOK; 3) исследовать лингвистические особенности Интернет-дискурса социальной сети FACEBOOK на примере новостных немецкоязычных групп.

2. Материал и методы для исследования

Материалом исследования послужили речевые образцы немецкоязычных пользователей социальной сети FACEBOOK из новостных чатов молодёжных групп. Методом сплошной выборки было отобрано всего 537 речевых образцов (<https://www.facebook.com/welt/posts/10154176767598115>; <https://www.facebook.com/welt/posts/10154175664753115>). Все примеры приводятся в авторском оформлении.

Особенность общения в виртуальном пространстве заключается в том, что коммуникант, чтобы облегчить процесс коммуникации, надевает своего рода маску, которая облегчает процесс коммуникации путём снятия психологических барьеров и высвобождения своего творческого «Я». Чаты, социальные сети, форумы, имиджборды – все эти интерактивные формы общения в Интернете предлагают уникальные возможности для самовыражения, облегчают коммуникацию, освобождая общающихся от ответственности за долгосрочность последствий. Любой участник данной сети выделяет свой фрагмент текстов, формирует собственный стиль общения, оставаясь получателем сообщения, становится также и отправителем.

Социальные сети – одни из наиболее сложноорганизованных структур, которые можно найти на просторах Интернета. Предполагалось, что социальные сети будут доступны как платформы для общения с возможностью создания личных страниц и поиском друзей. В настоящее время они выполняют функцию построения, отражения и организации социальных взаимоотношений в Интернете. Социальные сети, помимо возможности обмена личными сообщениями (т.е. личностно-ориентированное общение), предоставляют возможность общаться и самовыражаться в группах, создаваемых администраторами соцсетей. Данные группы имеют общую или специальную тематику и объединяют пользователей по интересам (например, фанаты вселенной STAR WARS, поклонники серии видеоигр Fallout). Общение в данных группах идентично общению на форумах, т.е. имеют статусную ориентированность. Отсюда социальные сети имеют черты как персонального, так и институционального дискурса.

В исследовании использовались методы контекстологического анализа и семантико-стилистического анализа. Сочетание данных методов позволило выявить актуальный смысл высказываний и установить их различные стилистические функции. Контекстологический анализ использовался для исследования языковых единиц в развёрнутом контексте. Изучение смысловых нюансов лексемы в различных контекстах

осуществлялось при помощи семантико-стилистического метода. Использование метода количественного подсчёта обеспечило достоверность полученных результатов.

3. Результаты исследования

Интернет как новая часть лингвистической среды, более подвижен, чем традиционный письменный язык и более стабилен, чем разговорный [3]. Отечественные и зарубежные исследования виртуального пространства позволили установить основные конститутивные признаки современного Интернет-дискурса: 1) виртуальность; 2) электронный сигнал как канал общения; 3) дистанционность; 4) наличие гипертекста; 5) информативность; 6) интерактивность. Интерактивность или степень вовлечённости коммуникантов в Интернет-коммуникацию определяет её формы и лингвистические характеристики [10, с. 139].

Коммуникативное взаимодействие в Интернет-дискурсе подразумевает использование целого арсенала языковых средств выражения собственного мнения, отношения к собеседнику, поэтому для изучения языковых средств в Интернет-дискурсе можно выбрать фактически любой элемент взаимодействия, что значительно расширяет возможную область исследования. Обратимся к результатам исследования *лексического уровня* Интернет-дискурса, где, прежде всего, отмечаются черты технического жаргона Интернет-лексики. Необходимо отметить, что техническая лексика в основном заимствуется из английского языка, именно заимствования из английского языка присутствуют в значительной степени в Интернет-дискурсе. Процесс заимствования слов развивается постоянно, где большинство слов возникло с связи с прогрессом в сфере информационных технологий (появлением гаджетов, Интернет программ):

№ 1. *Leon Frederic S: Ganz einfach. Videos und updates nur auf wireless. Der rest der daten is nur peanuts* [<https://www.facebook.com/welt/posts/10154026617458115>].

Процесс словообразования в Интернет-дискурсе основан также на *заимствовании или калькировании англоязычной корневой морфемы*:

№ 2. *Robin Gentsch: Kann ich das Googlen?* [<https://www.facebook.com/welt/posts/10154180147373115>].

Использование аббревиатур обусловлено экономией времени и знанием использования общей лексики в Интернет-дискурсе. Компьютерный сленг отличается «зацикленностью» на реальности мира компьютеров. Рассматриваемые сленговые названия относятся только к этому миру, отделяя его от всего остального, и зачастую непонятны людям несведущим:

№ 3. *Andreas Jakob: Also Ich warte auf die VR hardware von IBM schon alleine weil die passend dafür Sword-Art-Online als VR MMO*

rausbringen [https://www.facebook.com/GameStar.de/posts/10153369624624109];

В ходе общения в социальной сети предпочтение отдаётся нормативной лексике, что, тем не менее, не мешает коммуникантам активно использовать также и *лексические единицы сниженного стилистического стиля*. Однако, в связи с тем, что администратор страницы может в любой момент удалить недобросовестного участника дискуссии за использование ненормативной лексики, коммуниканты прибегают к своеобразному кодированию сниженной лексики. Кроме того, лексические единицы сниженного стилистического стиля являются своеобразные *словообразования*, а также словоупотребления, рассчитанных на возникновение ассоциативных связей (ирония, намёки, игра слов):

№ 4. *Lucas Schwarz: Uelskybvdsbkodkdbdjsjdjoslsbwvwlqpsüqkw (выражение иронии). Oh ich hatte eigentlich nur meine Finger auf der Tastatur abgelegt* [https://www.facebook.com/welt/posts/10154180147373115];

На *грамматическом уровне* Интернет-дискурса, где основными признаками является зыбкость границ предложения, фрагментарность, «лоскутность» конструкций (термин В. Д. Девкина, 1965), было обнаружено использование *эллиптических предложений, нарушение порядка слов, обрыв начатых предложений*. Приведём несколько примеров:

№ 5. Christopher Bach: Wer hat gespielt?

Peter Klaas: *Steht da...*

DIE WELT: Die Grünen gegen die Blauen.

Dirk Donges: *Na denn* [https://www.facebook.com/welt/posts/10154175664753115];

Особого внимания заслуживают *вспомогательные средства*, т.к. участники Интернет-дискурса лишены таких вспомогательных средств, как эмоциональной окраски речи, жестов, мимики, тембра речи и голоса. Но, по мнению психологов, невербальная коммуникация в акте общения достигает результата в 55% общения. Данный «эмоциональный дефицит» частично компенсируется использованием в социальных сетях и форумах типизированных эмоциональных реакций – так называемых «смайликов» или «эмотиконов» (с англ. smile – улыбка):

№ 6. *Laura Rabenbunt: Sehr erfreut, ich bin Selbstversorger 😂*. [https://www.facebook.com/welt/posts/10154177140358115]

Тем не менее, смайлики лишь передают направленность и степень эмоций общающихся. А для компенсации тембра и акцентирования части высказывания в виртуальном общении используется «капс» – блокировка верхнего регистра клавиатуры, проще говоря, написание текста заглавными буквами.

№ 7. DIE WELT: *SEIT UNSERE MUTTER GESAGT HAT, DASS SIE UNS KEIN iPHONE KAUFF!* (выражение крика) [<https://www.facebook.com/welt/posts/10154181045268115>];

Рассмотрев различные уровни оформления языковых средств в Интернет-дискурсе, можно заключить, что каждый из языковых уровней характеризуется наличием маркеров разговорного стиля. Для выражения средств на фонетическом уровне используются вспомогательные графические маркеры громкости, тона, ударения в высказывании.

В настоящий момент социальные сети стали неотъемлемой частью мирового Интернета. Эти онлайн-сервисы стали массовым явлением, настоящим феноменом современной культуры. FACEBOOK, TWITTER, INSTAGRAM – данные сервисы имеют сотни миллионов активных пользователей, и с каждым днем их число растет [6, с. 40]. В связи с этим можно утверждать, что социальные сети стали важной частью коммуникативной жизни человека и представляют собой социальный институт, который имеет все свойственные ему и специфические особенности, которые присущи только данным веб-сервисам, объединившим целые регионы, страны и континенты на одной странице сайта [4, с. 34]. Одной из самых активно используемых международных социальных сетей является FACEBOOK.

Социальная сеть FACEBOOK (изначально THEFACEBOOK) была создана в 2004 году студентами Гарвардского университета (автор идеи – М. Цукерберг). Сеть настолько стремительно начала набирать популярность, в неё начали входить другие университеты, а с сентября 2006 года FACEBOOK стал общедоступным. На сегодняшний день FACEBOOK является самой крупной социальной сетью в мире, в 2015 году FACEBOOK имеет уже 1,5 млрд. пользователей по всему миру. Это количество говорит о значимости для всего человечества такого явления, как FACEBOOK.

Социальная сеть FACEBOOK в узком понимании – это Интернет-проект, который направлен на поиск и поддержание контактов, обеспечение взаимосвязей между пользователями. При этом FACEBOOK может объединять не только реально знакомых друг с другом людей, но и связывать коммуникантов по принадлежности к какой-либо виртуальной группе. Группы могут иметь различную направленность – например, сообщество специалистов-парикмахеров, официальная группа новостного портала Spiegel.de, паблики фанатов музыкальной группы Coldplay или серии видеоигр Far Cry и т.д. Коммуникация в данных виртуальных тематических сообществах зачастую ведётся между реально незнакомыми друг с другом людьми, что приводит к расширению взаимодействия между пользователями за границы общения исключительно в рамках реальных сообществ. Сайт позволяет создавать пользовательский профиль,

приглашать друзей, обмениваться сообщениями, выкладывать фотографии и видеозаписи и отмечать в них друзей. Еще одна важная функция – так называемая «стена» пользователя, на которой сам пользователь и его друзья могут оставлять публичные комментарии.

В качестве функций социальной сети FACEBOOK считаем целесообразным определить следующие:

- *коммуникативная*, в соответствии с которой пользователи устанавливают социальные связи, обмениваются друг с другом информацией, к которой помимо текста относятся различные графические материалы (фото, аудио- и видеоматериалы);

- *информационная*, которая характеризуется двусторонней направленностью потока информации. Участники общения выступают попеременно как в качестве коммуникатора, так и в роли реципиента;

- *развлекательная*, которая позволяет пользователям социальной сети обмениваться не только текстовыми сообщениями, но и мультимедийными файлами. Кроме того, следует отметить значение виджетов – мини-программ развлекательного характера (игры, медиа-приложения), создаваемых сторонними производителями для расширения возможностей пользователя;

- *идентификационная*, в соответствии с которой пользователи создают собственный индивидуальный профиль, наполняет его информацией о себе;

- *социализирующая*, в соответствии с которой пользователи выстраивают социальные связи между собой, создавая новые знакомства и укрепляя уже созданные связи в мультимедийном Интернет-пространстве социальной сети [более подробно см. 8, с. 507, 9].

Главными сорбентами пользователей в социальной сети являются публичные страницы и группы FACEBOOK. Данные страницы могут собрать миллионы единомышленников вокруг какого-нибудь бренда, популярной личности либо темы для обсуждения, вопроса, проблемы. К примеру, официальная страница немецкоязычного новостного портала DIE WELT имеет в своем активе более 600 000 подписчиков. Каждый пост (сообщение, новость) данной страницы сопровождается большим количеством комментариев пользователей, подписанных на DIE WELT. Возраст пользователей новостного портала DIE WELT составляет от 18 до 23 лет, т.е. представители молодого поколения. Рассматриваемые нами сообщения имеют различную тематику: политика, спорт, кино и музыка, сельское хозяйство, экономика, криминальная хроника, высокие технологии, медицина и культура. Самыми активно обсуждаемыми темами молодыми коммуникантами явились кино и музыка (25%), экономика (17%), высокие технологии (17%).

В соответствии с выделенными нами лингвистическими средствами, используемыми коммуникантами на новостных страницах, весь собранный

материал был разделён на группы, где преимущественно использовались лексические, грамматические или графические средства. К лексическим особенностям мы относили обнаруженные сокращения, аббревиатуры, Интернет-сленг, заимствования (преимущественно из английского языка). К грамматическим особенностям мы относим грамматическую небрежность, намеренные ошибки, допускаемые пользователями, краткие неполные (эллиптические) предложения, отсутствие пунктуации. К графическим особенностям относились смайлики, эмодзи, графические файлы, гиперссылки (встраиваемые в высказывание ссылки на сторонние ресурсы), анимационные и видеофайлы.

Проанализировав собранный нами материал, мы пришли к следующим выводам:

✓ 26,6% (143 примера) высказываний пользователей FACEBOOK от общего объема исследуемого материала не имеют специфические особенности, присущие Интернет-дискурсу;

✓ 24,2% (130 примеров) высказываний пользователей FACEBOOK имеют графические средства;

✓ 11% (59 примеров) высказываний отмечены характерными для Интернет-дискурса грамматическими средствами;

✓ 8,1% (97 примеров) высказываний маркированы использованием выделенными нами лексическими средствами.

Проанализированный материал позволил также прийти к заключению о том, что молодые пользователи используют сразу несколько средств в ходе обсуждения новостей (16,6% высказываний имеют как лексические, так и графические средства, а 3,5% – одновременно все выделенные средства, присущие Интернет-дискурсу). Чаще всего пользователи FACEBOOK используют эмодзи и графические файлы в формате JPEG и GIF. Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что Интернет-дискурс представляет собой особый коммуникационный сегмент, который обладает характерными для него лингвистическими особенностями, определяющими его уникальность.

4. Выводы

Интернет-дискурс активно развивается и в данный момент занимает важное место в современной коммуникации. Коммуникативное взаимодействие в виртуальном пространстве имеет все возрастающую значимость, и является способом не только воздействия, но и создания собственного имиджа коммуникантов в виртуальном пространстве. В ходе исследования было установлено, что Интернет-дискурс подвергнут постоянным изменениям. Сложность установления чётких границ видов Интернет-дискурса – гипертекстуальность мультимедийной среды Интернета объясняет многообразие жанров в Интернет.

Рассмотрев различные уровни оформления языковых средств в Интернет-дискурсе, мы заключили, что каждый из языковых уровней характеризуется наличием маркеров разговорного стиля. Для Интернет-дискурса используются единицы всех языковых уровней, выбор которых свидетельствует о разговорном характере коммуникации в Интернет-дискурсе. Проанализировав молодёжный Интернет-дискурс на материале новостных страниц социальной сети FACEBOOK, следует заключить, что используемые средства позволяют не только успешно воздействовать на собеседника, но и формировать собственный имидж в молодёжной среде.

Список литературы

1. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства. Челябинск, 2005.
2. Винник В. Д. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу // *Философия науки*. 2012. № 4 (55). С. 110-126
3. Данков В. В. Лингвистика и Интернет. Доступ: <http://jurnal.org/articles/2012/fill12.html>.
4. Диков А. В. Интернет и Веб 2.0.: учеб. пособие / 2-е изд. М.: Директ-Медиа, 2012. 62 с.
5. Лутовинова О. В. Виртуальный дискурс: к определению понятия. С. 7 Доступ: <http://www.lingvomaster.ru/files/178.pdf>.
6. Назарчук А. В. О сетевых исследованиях в социальных науках // *Социологические исследования*. 2011. № 1. С. 39-51.
7. Нестеров В. Ю. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете. Доступ: <http://psynet.carfax.ru/texts/nesterov1.htm>.
8. Патаракин Е. Д. Сетевые сообщества и обучение. М.: ПЕР-СЭ, 2006.
9. Патаракин Е. Д. Социальные сервисы Веб 2.0 в помощь учителю: уч.-метод. пособие / 2-е издание. М.: Интуит.ру, 2007. 64 с.
10. Селютин А. А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности // *Вестник Челябинского государственного университета*. Челябинск, 2009. № 35 (173). С. 138-141.

Si tu veux construire un bateau ... Ne rassemble pas des hommes pour aller chercher du bois, préparer des outils, répartir les tâches, alléger le travail... mais enseigne aux gens la nostalgie de l'infini de la mer.

If you want to build a ship, don't drum up people together to collect wood and don't assign them tasks and work, but rather teach them to long for the endless immensity of the sea.

Antoine de Saint-Exupéry

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

УДК 372.881.111.1

И. И. Афанасьева

*Муниципальное общеобразовательное учреждение
«Специализированная гуманитарная школа № 65 города Донецка»*

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА К РАБОТЕ В ПОДРОСТКОВОМ КЛАССЕ

Подростковый возраст имеет большое значение для развития и становления личности школьника. От того, насколько учитель сумеет создать благоприятную атмосферу на уроке, заинтересовать изучением предмета, зависит будущее подростка. Плодотворное сотрудничество учителя и ученика начинается с первых уроков по предмету, что придает особую значимость подготовке учителя к работе в новом классе.

Ключевые слова: *подростковый класс, интересы ребят, подходы к обучению, уровень подготовки, социальные проблемы, дисциплина, плодотворное сотрудничество, микроклимат, взаимоотношения, успехи, эффективная и долгосрочная работа по предмету.*

Настал сентябрь и у Вас хорошая новость – Вы будете работать учителем английского языка в подростковом классе. Вы внимательно знакомитесь с первыми страницами учебника, изучаете все рекомендации в книге для учителя, представляете себе, как активно ребята будут работать с Вами на уроке, и каких результатов Вы добьетесь, благодаря совместной работе. Вы входите в класс ... и что же?!

Иногда Вас может ожидать полное разочарование – тщательно спланированный урок оказывается малоэффективным по причине того, что обучающиеся пассивны на уроке, не проявляют интерес к предложенным видам работы, нарушают дисциплину и не принимают во внимание все предложения и замечания с Вашей стороны. В чем причина? Ведь Вы ожидали обратный результат!?

Безусловно, такое поведение ребят может быть обусловлено рядом причин, а именно:

1. Вы не приняли во внимание интересы детей данной группы.
2. Различия в подходах учащихся к обучению не позволили Вам реализовать цели урока.
3. Разный уровень подготовки учащихся по предмету не позволил выполнить задания на должном уровне.
4. Разный темп усвоения материала на уроке привел к низким результатам в изучении материала.
5. Социальные проблемы, которые могут влиять на отношение учащихся к учебе и взаимоотношения в коллективе, не позволили создать рабочую атмосферу на уроке.

Безусловно, не просто разрешить все вышеизложенные проблемы, однако существуют способы, которые могут Вам помочь постепенно

решить стоящие перед Вами задачи и в скором времени получать положительные результаты от работы в подростковом классе.

1. Дисциплина на уроке

Одним из основных условий, обеспечивающих эффективность урока, является дисциплина. Взаимоотношения между учителем и учащимися являются основой хорошего поведения и микроклимата в классе. Основы будущего плодотворного сотрудничества закладываются на первых уроках и зависят от умения учителя организовать работу с классом. Существует целый ряд заданий, которые помогут заинтересовать ребят и быстро наладить контакт учителя с ученическим коллективом.

1.1. «Давайте познакомимся!»

Классы: 8–11

Уровень подготовки: pre-intermediate – intermediate

Практическая цель: практиковать навыки устной речи и понимание предъявляемой информации на слух.

Развивающая цель: развивать логическое мышление, умение обобщать информацию и делать выводы на основе предъявляемой информации на слух.

Воспитательная цель: формировать уважительное отношение учащихся к своим одноклассникам и учителю.

Планируя работу с той или иной группой, учитель должен заранее познакомиться со своими будущими учениками изучив их анкетные данные, побеседовав с классным руководителем и учителями-предметниками, которые уже некоторое время работают с данными детьми. К первому уроку учителю необходимо подготовить карточки о каждом из обучающихся и о себе тоже, выделив положительные стороны характера, рассказав об увлечениях, семье, домашних животных и т.д.

Например: She thinks positively and motivates you all the time. She is a very cheerful person and loves to tell you funny stories and jokes whenever you become sad. She always gets high marks in tests and exams. She catches everything very fast whenever teacher explains it in the classroom. She plays basketball very well and has taken part in many school and district competitions and won prizes. Who is she?

1.2. «Коллективный договор»

Классы: 8–11

Уровень подготовки: pre-intermediate – intermediate

Практическая цель: практиковать навыки устной и письменной речи; научить формулировать правила поведения на уроке.

Развивающая цель: развивать умение обобщать информацию и представлять ее в логической последовательности.

Воспитательная цель: формировать сознательное отношение к нормам поведения на уроке.

При первом знакомстве учителю необходимо уделить часть урока обсуждению правил поведения на уроках и после одобрения предложенных учащимися правил, составить коллективный договор,

закрепить его подписями детей и учителя. Так как данный договор является важным документом, его следует разместить на стенде в классе или прикрепить к обложке тетради по английскому языку каждого учащегося. Серьезное отношение учителя к данному договору будет вызывать серьезное отношение к нему и со стороны детей тоже.

1.3. «Плодотворное сотрудничество»

Классы: 8–11

Уровень подготовки: pre-intermediate – intermediate

Практическая цель: практиковать навыки устной речи по теме урока.

Развивающая цель: развивать умение решать практические задачи.

Воспитательная цель: формировать навыки самоконтроля, воспитывать уважительное отношение к своим одноклассникам.

Это задание выполняется на этапе урока, посвященного развитию устной речи. Все учащиеся садятся в круг друг напротив друга и начинают выполнять задания в соответствии с планом учителя. После выполнения первого задания дети, сидящие во внутреннем круге, перемещаются на один стул по часовой стрелке и переходят на второе задание. Завершив выполнение второго задания, учащиеся внутреннего круга перемещаются еще на один стул по часовой стрелке и приступают к выполнению третьего задания и так далее.

Например: 10 класс. Тема «Увлечения современных подростков». Урок развития устной речи. Работа в парах.

Задание 1. Составьте список увлечений современных подростков.

Задание 2. Расспросите своих собеседников об их увлечениях.

Задание 3. Расскажите об увлечениях вашего предыдущего собеседника новому партнеру.

Задание 4. Посоветуйте вашему новому собеседнику интересные, на ваш взгляд, способы проведения свободного времени.

Задание 5. Расскажите о пользе любимых занятий для всестороннего развития личности.

Данный вид работы способствует улучшению взаимоотношений между всеми участниками учебного процесса на уроке, т. к. результат каждого зависит от результата его работы с каждым из собеседников. Взаимное уважение учащихся способствует укреплению дисциплины на уроке и, следовательно, повышению эффективности урока.

1.4. «Волшебное слово»

Классы: 8–11

Уровень подготовки: pre-intermediate – intermediate

Воспитательная цель: формирование навыков самоконтроля.

Это задание очень простое и успешно работает в классах с плохой дисциплиной. В начале урока учитель пишет на доске любое слово по изучаемой теме, например «*environment*». После каждого замечания с конца слова убирается по одной букве. Если к концу урока слово не изменится (а это означает, что на уроке никто не получил замечание), то

класс получает на одно домашнее задание меньше. А если слово исчезнет с доски, то класс получит на одно домашнее задание больше.

2. Мотивация

Результативность обучения на уроке зависит от умения учителя заинтересовать обучающихся изучением своего предмета, показать им практическую пользу полученных знаний и умений, убедить в способности достигать высоких результатов, обеспечить долгосрочное развитие познавательного интереса к изучению предмета.

Готовясь к первому уроку в той или иной группе, учитель иностранного языка, как было сказано ранее, должен заранее познакомиться с именами, характером, отношением к учебе подростков, с которыми ему придется работать. Безусловно, это поможет быстро выстроить партнерские отношения с ребятами и создать позитивную атмосферу на уроке. Однако этого не достаточно для эффективной и долгосрочной работы по предмету. Поэтому очень важным заданием для знакомства на первом уроке является заполнение анкеты обучающимися.

2.1. «Анкета»

Классы: 8–11

Уровень подготовки: pre-intermediate – intermediate

Практическая цель: практиковать навыки работы с текстом.

Развивающая цель: развивать навыки поисково-просмотрового чтения, умение находить интересующую информацию.

Воспитательная цель: воспитывать умение работать самостоятельно на уроке.

Questionnaire:

1. *Are you a thinker or a mover? Which of the following do you enjoy better? Why?*
a) a book; b) a puzzle; c) a sport; d) a board game;
e) a sport; f) a hobby; g) something else.
2. *What resources do you enjoy using?*
a) a computer; b) a library; c) a study centre (different courses);
d) an encyclopedia; e) a reference book; f) a sports club; g) a theme park;
h) a theatre; i) a café; j) something else.
Take the resource you like the most and describe it.
3. *Do you think English is important for you?*
a) Yes; b) No; c) I am not sure.
4. *What would you like to learn at your English lessons? Explain why.*
5. *How do you like to study? Which of the following do you like doing in class or at home?*
 - Learning rules by heart and doing exercises.
 - Working with the book.
 - Listening to your teacher's explanations.
 - Solving puzzles.
 - Preparing projects.
 - Investigating some new material in encyclopedias and reference books.
 - Making up your own stories.
 - Doing tests and getting good marks.
 - Speaking English.

- *Listening to CDs.*
- *Watching videos.*
- *Singing English songs.*
- *Working alone.*
- *Working in a pair.*
- *Working in a group.*
- *Doing homework regularly.*

В процессе работы над каждой темой курса важно развивать ответственность учащихся за результаты своей работы. Предложите ребятам вести специальную страничку учета полученных знаний по каждой из тем в портфолио или просто в рабочей тетради. Для этого распечатайте предлагаемую ниже таблицу и вложите ее в портфолио или вклейте в рабочую тетрадь накануне изучения новой темы. Это поможет ученику осознать практическую пользу изучаемого материала и оценить свои усилия и успехи в изучении конкретной темы.

2.2. «Мои успехи»

Классы: 8–11

Уровень подготовки: pre-intermediate – intermediate

Практическая цель: практиковать навыки письменной речи.

Развивающая цель: развивать умение учащихся обобщать и анализировать выполняемую работу, оценивать ее результаты.

Воспитательная цель: воспитывать умение объективно оценивать свою работу.

Progress Page

Name of student:

Topic:

Start date:

End date:

Activities:

New knowledge and skills:

Mark:

Date:

Осознавая важность первых уроков для обеспечения устойчивой мотивации к изучению предмета, учитель всегда стремится насытить урок полезными видами работы. Однако не следует забывать и о коротких перерывах для отдыха, которые помогут ребятам переключить внимание и отдохнуть, продолжая заниматься иностранным языком. Кроме небольшой зарядки под музыку любимой песни на английском языке, существует целый ряд языковых упражнений для отдыха.

2.3. «Что завернуто в бумаге?»

Классы: 8–11

Уровень подготовки: pre-intermediate – intermediate

Практическая цель: практиковать навыки устной речи.

Развивающая цель: развивать умение учащихся анализировать и обобщать полученную информацию на основе видимых признаков.

Воспитательная цель: воспитывать умение работать в коллективе и уважать мнение участников игры.

– Заверните головку лука в толстый слой бумаги.

– Предложите учащимся назвать то, что завернуто в бумагу при помощи предложений типа: *I think ... It could be a/ an ... It's a/ an ... definitely. It's probably a/an ... It can't be a/ an ...*

– Предложите ребятам пощупать данный сверток и назвать форму и вес предмета, твердый он или мягкий.

– Предложите высказать свои предположения при помощи структур: *If it was a carrot, it would be longer. If it was a lemon, it would be softer. If it was a ball, it would be lighter.*

– Если после нескольких попыток ребята не смогли угадать, разверните головку лука и покажите им.

– Затем спросите – что мы можем приготовить из лука, какие глаголы используются при описании способов приготовления лука, какие физические ощущения вызывают процессы очистки и нарезки лука.

– Спросите о лечебной пользе лука. Попросите привести примеры применения лука в народной медицине.

2.4. «Части речи»

Классы: 8–11

Уровень подготовки: pre-intermediate – intermediate

Практическая цель: практиковать грамматические навыки и навыки устной речи.

Развивающая цель: развивать умение учащихся применять полученные знания на практике.

Воспитательная цель: воспитывать умение работать в коллективе и уважать права участников игры.

– Предложите ребятам выбрать любую часть речи. (Представим, что они выбрали «Предлог»)

– Попросите первого участника назвать предлог, который начинается на первую букву английского алфавита. (Предположим, что он назвал предлог «at»)

– Следующий участник игры должен назвать предлог, который начинается на последнюю букву предыдущего предлога, к примеру «to», а следующий участник должен назвать предлог, который заканчивается на «o» и так далее.

– Последний участник, которому не досталось предлогов, должен назвать все предлоги, которые упоминались участниками игры.

2.5. «Гирлянда из слов»

Классы: 8–11

Уровень подготовки: pre-intermediate – intermediate

Практическая цель: практиковать навыки орфографии.

Развивающая цель: развивать умение учащихся применять полученные знания на практике.

Воспитательная цель: воспитывать умение работать в коллективе и уважать права участников игры.

В эту игру хорошо играть накануне каких-либо праздников или важных событий в школе. Это может помочь повторить учащимся слова, необходимые для беседы в классе об этом празднике или важном событии.

– Учитель предлагает ребятам слово, связанное с этим событием, например: *Halloween*.

– Учащиеся украшают это слово теми словами, которые используются для описания этого праздника:

<i>G</i>		<i>B</i>						
<i>H</i>	<i>A</i>	<i>L</i>	<i>L</i>	<i>O</i>	<i>W</i>	<i>E</i>	<i>E</i>	<i>N</i>
<i>O</i>		<i>A</i>			<i>I</i>			<i>I</i>
<i>S</i>		<i>C</i>			<i>T</i>			<i>G</i>
<i>T</i>		<i>K</i>			<i>C</i>			<i>H</i>
					<i>H</i>			<i>T</i>

3. Личность учителя

Роль учителя в обучении и воспитании детей и подростков трудно переоценить. Осознавая свою ответственность перед детьми, их семьями и обществом в целом, молодые учителя часто задают себе вопрос: «Каким я должен быть? Чего от меня ожидают дети и их родители?». На эти вопросы есть только один ответ – будьте самим собой.

Карл Роджерс, известный американский психолог и педагог, так пишет о личности учителя:

«Учитель должен быть обычным человеком, таким, какой он есть в повседневной жизни. Он может быть то полным энергии и оптимизма, то уставшим и унылым, то интересующимся успехами своих детей и всегда стоящим на их стороне, то иногда сердитым и недовольным, то человеком проявляющим сочувствие и понимание, то ... Одним словом, учитель должен всегда оставаться живым человеком, а не бездушным воплощением строгих правил, норм и запретов, единственная задача которого заключается в том, чтобы передавать знания от поколения к поколению» [1, с. 18].

Для того чтобы оставаться в общении со своими учениками таким человеком, каким Вы есть в повседневной жизни, с первых уроков используйте следующие советы доктора Карла Роджерса:

3.1. Старайтесь не быть «учителем»

Как только Вы поймали себя на мысли о том, что Вы перестаете быть самим собой, и постепенно в Вашем голосе и поведении появляются официальная интонация, взгляд и жесты – остановитесь, вздохните и станьте снова собой, дружелюбным, относящимся с пониманием к своим ученикам и готовым прийти на помощь в любую минуту.

3.2. Будьте искренним и честным

Оставайтесь самим собой в беседе с учеником. Если Вы не соглашаетесь с его точкой зрения, скажите об этом честно и открыто. Не нужно пытаться понравиться ребенку ценой нечестных ответов.

3.3. Не притворяйтесь «всезнайкой»

Не старайтесь казаться человеком, который знает все. Если Вы чего-то не знаете, не бойтесь сказать своим учащимся, что Вы уточните или найдете интересующую их информацию и подготовитесь ответить на данный вопрос на следующем уроке. Этим Вы поможете ребятам быть более открытыми в общении с Вами, научите их быть искренними и покажете пример работы над собой.

3.4. Относитесь к советам коллег обдуманно

Начиная работать с новыми детьми, учитель всегда советуется с учителями, которые знают этих детей хорошо, и использует полученную информацию в подготовке к первому уроку. Однако следует помнить, что каждый учитель высказывает свое субъективное мнение и, выслушав его, постарайтесь понаблюдать за классом и проанализировать свои наблюдения, а затем прийти к своему взвешенному и объективному пониманию характера своих учащихся, их индивидуальных особенностей. Необдуманное следование мнению и советам других может поставить Вас в затруднительное положение.

3.5. Не забывайте о своих обязанностях

Быть самим собой совсем не означает пустить все на самотек и позволить учащимся управлять Вами. Не забывайте о том, что у Вас есть Ваши непосредственные обязанности – следовать программе по предмету, выставлять оценки в соответствии с критериями оценивания, проводить контрольные работы и экзамены в соответствии с программными требованиями, задавать домашние задания и своевременно информировать родителей об успеваемости и поведении детей.

Как видно из всего, сказанного выше, работать с подростками совсем не так уж сложно, как может показаться на первый взгляд. Необходимо только следовать заранее обдуманному плану и слушать свое сердце. Успехов Вам в работе, коллеги!

Список литературы

1. Carl R. Rogers. Freedom to learn for the 80's. Columbus: Charles E. Merrill Publishing Company, 1983.
2. Classroom management techniques / Jim Schivener; consultant and editor, Scott Thornbury. Cambridge University Press, 2012.
3. Language activities for teenagers / Seth Lindstromberg; consultant and editor, Scott Thornbury. Cambridge handbooks for language teachers, 2004.

УДК 811.111:801.8.378.147

А. В. Воеводина

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ РАБОТЕ С АНГЛОЯЗЫЧНЫМИ ТЕКСТАМИ

Статья посвящена основным проблемам обучения студентов работе с англоязычными текстами по специальности. В работе обоснована актуальность повышения мотивации студентов при работе с текстами профессиональной направленности и предложены некоторые методы повышения эффективности обучения английскому языку в лингвистическом вузе.

Ключевые слова: *мотивация, оптимизация учебного процесса, мотивационные факторы.*

Основной задачей высшей школы является подготовка специалистов высокого профессионального уровня. Отсюда вытекает, что эффективность обучения иностранным языкам в вузе во многом зависит от того, насколько тесно оно связано с будущей профессиональной деятельностью студентов. Современный специалист, желающий достичь профессионального успеха в активно взаимодействующем мире, должен уметь получать информацию из иноязычных источников.

Как известно, при обучении иностранным языкам в неязыковом вузе большой удельный вес занимает работа с текстом по специальности. При работе с литературой, связанной с профессиональной деятельностью, студент должен уметь извлечь нужную информацию из большого объема текстового материала, четко и логично оформить свои высказывания, грамотно излагать материал при написании рефератов, статей или других видов письменной работы. Эти требования диктуют необходимость рассматривать обучение работе с иноязычными текстами как один из важных аспектов работы при обучении иностранным языкам в вузе.

Профессиональная направленность обучения ставит перед преподавателем иностранного языка задачу научить будущего специалиста на основе межпредметных связей использовать иностранный язык как средство систематического пополнения своих знаний, а также как средство формирования профессиональных умений и навыков.

Формирование речевого этикета у студентов рассматривается как одна из основных задач при обучении иностранным языкам в вузе. Так как в процессе обучения и самообучения студенты сталкиваются, прежде всего, с необходимостью работать с литературой по специальности (а это в основном научная литература), они должны уметь извлекать нужную информацию из большого объема текстового материала, четко и логично оформлять свои высказывания как письменные, так и устные, грамотно излагать материал при написании рефератов, статей, аннотаций к

квалификационным работам и магистерским диссертациям. Эти требования диктуют необходимость рассматривать обучение работе с научными текстами как один из основных аспектов работы со студентами на занятиях по иностранному языку.

В данной работе затрагиваются некоторые аспекты повышения эффективности работы с иноязычным текстом с точки зрения

- а) содержательной стороны текста;
- б) его языковой стороны.

Что касается содержательной стороны текста, проблема формирования информационного интереса, информационной потребности и информационного запроса рассматривается специалистами в области психолингвистики. И. Н. Горелов утверждает, что мотивация вытекает из потребностей человека, его целей и задач [2]. В работе С. Д. Коготкова прослеживаются основные этапы формирования потребностей человека: наличие проблемной ситуации, для разрешения которой необходима определенная информация; осознание данной ситуации индивидуумом; наличие объекта, который мог бы стать предметом потребности; модель деятельности в сознании человека; информационный потенциал [3].

В этой же работе автор подчеркивает, что интерес возникает на основе потребности, но не сводится к ней. Отсюда вытекает, что формирование информационной потребности и информационного интереса при работе с иноязычным текстом должно стать ведущим мотивационным фактором формирования и развития профессионального интереса у студентов при работе с иноязычным текстом по специальности.

При обучении студентов такому виду профессиональной деятельности, как перевод с иностранного языка на русский, приходится часто сталкиваться с проблемой так называемых «переводческих трудностей». В целом перевод является актом речевого общения. Это сложный процесс, предполагающий создание и передачу исходного текста на языке перевода с целью получения текста, коммуникативно равноправного исходному. Этот процесс является многоплановым. Он основан на одновременном взаимодействии трех основополагающих видов деятельности: 1) передача информации, содержащейся в исходном тексте средствами языка перевода; 2) одновременный анализ исходного текста, текста языка перевода и их соответствия, основанный на опыте изучения двух языков; 3) непрерывный процесс совершенствования переводческих компетенций за счет преодоления возникающих трудностей.

Фактором, способствующим лучшей мобилизации внимания при работе с англоязычным текстом, оказывается постановка перед студентами мотивированной познавательной задачи. Задания должны быть связаны с творческой работой, направленной на активную умственную деятельность. Если преподаватель иностранного языка ставит целью привитие навыков самостоятельной работы с профессиональной литературой, то ему

необходимо избегать упражнений, не связанных с активными мыслительными действиями (например, всякого рода подстановки, преобразования в предложении по образцу и т. д.). Такая однообразная работа притупляет внимание, развивает формальное отношение к заданию, понижает интерес к предмету. Задания должны быть направлены на преодоление посильных трудностей и достижение видимых результатов (двусторонний перевод, ответы на вопросы к тексту, составление аннотации, реферата и т. д.). Студенты, имеющие такие навыки, качественнее усваивают теоретический материал, приобретают практику работы со словарно-справочной литературой.

Преподавателю важно выявить факторы, повышающие мотивацию студентов в работе с иноязычными источниками, и таким образом способствующие эффективности этой работы.

Другим важным, на наш взгляд, фактором формирования мотивации при работе с литературой по специальности является необходимость учитывать профессиональные и языковые компетенции студентов. Остановимся более подробно на выявлении наиболее значимых языковых факторов, препятствующих пониманию текста. В группах первокурсников, в основном выпускников средней школы, нами был проведен небольшой методический эксперимент. Студентам был предложен текст для перевода с английского языка на русский. Объем текста – 1,5 тыс. печатных знаков, время выполнения задания – 45 минут. Несмотря на различия в уровнях владения английским языком, ошибки студентов были идентичными. Анализ ошибок показал, что основными языковыми факторами, препятствующими пониманию текста, были следующие: сложность синтаксической и логической структур текста, большое количество многозначных слов и слов с абстрактным значением, большое количество словообразовательных элементов, сложные видовременные формы глагола, сложные предложения, пассивные конструкции.

Перечисленные выше факторы располагаются по степени значимости. Данные эксперимента позволяют сделать вывод о содержании учебных заданий, которые должны минимизировать сложности восприятия иноязычного текста. При этом важно учитывать тот факт, что по содержанию тексты для чтения по специальности должны соответствовать общеобразовательной и профессиональной компетенции студентов. Тематика и содержание текстов должна позволять студентам овладеть специальной терминологией и научиться ориентироваться в потоке информации, необходимой для работы и научной деятельности. Для составления тренировочных упражнений, которые должны предшествовать работе с текстом по специальности, необходимо также уделить внимание языковым особенностям научного стиля речи. По определению академика В. В. Виноградова, «стиль – это общественно-осознанная и функционально-обусловленная, внутренне объединенная

совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общественного, общенационального языка» [1, с. 67]. Исходя из данного определения, каждый стиль речи определяется его целевой направленностью и имеет свои отличительные признаки. Знание особенностей определенного стиля речи (особенностей структуры текста, построения абзаца, преобладания определенных грамматических явлений, лексического набора и т.д.) позволяет студентам легче ориентироваться в тексте, быстрее извлекать нужную информацию, а также грамотно оформлять свои устные и письменные высказывания.

Общие тенденции научного стиля обусловлены целью высказывания, которая требует лаконичности и логичности изложения материала, эксплицитности построения текста, унификации, которая необходима для передачи научной информации, определенности номенклатуры, научных понятий и др.

Как известно, научный стиль представлен устной и письменной речью, которые, в свою очередь, делятся на жанровые разновидности, такие как статьи в энциклопедиях, монографии, патенты, технические описания, научно-публицистические статьи и т.д. Каждый из жанров имеет индивидуальную языковую организацию, и их построение неоднородно. Например, в статьях-описаниях материал организован иным способом, чем в статьях-доказательствах, полемических статьях или рецензиях, где приходится формулировать свое отрицательное отношение. Отрицательно-оценочные прилагательные менее канонизированы, речь здесь более яркая и выразительная, чаще употребляются эмоционально-оценочные прилагательные.

Так как научная работа выражает мыслительную деятельность человека, то язык характеризуется, прежде всего, логичностью, экономным использованием средств выражения, широким применением атрибутивных конструкций, придаточные предложения заменяются оборотами. В выборе глагольной лексики, как правило, преобладают глаголы, обозначающие процессы познания, действия и состояния предметов, или же глаголы, обозначающие и то, и другое.

Исходя из основных функциональных особенностей научной прозы, целесообразно построить работу с иноязычным текстом на занятиях следующим образом: прежде всего, студенты должны быть ознакомлены с особенностями данного стиля. Лексико-грамматический анализ текстов предлагается проводить на основе сопоставительно-стилистического анализа текстов, принадлежащих к разным стилям и подстилям (художественный стиль, научная проза, научно-популярная статья, монография и т.д.). Студентам предлагается сравнить структуру и величину абзацев, построение текста в целом, выражение авторства в научной прозе, преобладание синтаксических конструкций в том или ином тексте, преобладание определенных видовременных форм глагола и т.д.

Студентам могут быть предложены следующие виды заданий: разделить текст на смысловые отрезки, выделить в каждом основную мысль; составить план к тексту; определить предпочтение залоговых форм глагола; выявить относительное количество терминов и др.

На основании изложенного выше можно выделить следующие мотивационно-побудительные факторы при работе с иноязычными текстами по специальности в вузе:

1) материал для чтения должен формировать и развивать профессиональный интерес;

2) осознаваемая студентами потребность в данной информации;

3) новизна информации, которая должна осознаваться студентами как полезная или интересная;

4) языковая и информационная доступность текста;

5) материал для чтения должен быть на ступень выше по сложности, что создает проблемную ситуацию для студента и вызывает необходимость решения данной проблемы;

6) аутентичность языкового материала, как одно из требований современной коммуникативной методики преподавания иностранных языков;

7) необходимость учитывать при отборе языкового материала для чтения не только уровень языковой подготовки студентов, но также уровень сформированности их профессионального интереса.

Таким образом, именно на преподавателей иностранных языков в вузе ложится основная обязанность помочь студентам в овладении навыками работы с литературой по специальности.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Проблемы авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961. 614 с.

2. Горелов И. Н. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001. 375 с.

3. Коготков С. Д. Формирование информационных потребностей человека. М.: Всесоюзная книжная палата, 2001. 365 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Статья посвящена особенностям обучения иностранным языкам студентов направления «Лингвистика» в рамках внедрения новых Государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования. Представлены наиболее эффективные пути реализации основных положений образовательных стандартов на практике, при обучении иностранным языкам в высших учебных заведениях. Особое внимание уделяется компетентностному подходу в обучении.

Ключевые слова: государственный образовательный стандарт, высшее профессиональное образование, компетентность, компетенция, лингвистика, иностранные языки, учебный план.

Анализ современного состояния и тенденций развития общества свидетельствует о необходимости определенных изменений в сфере образовательного пространства для повышения её конкурентоспособности. Развитие системы образования, структура, содержание и характер деятельности должны соответствовать научным, технологическим и социальным целям, а также условиям развития общества и внутренним целям и потребностям самой системы образования.

Современная идеология, государство, его экономические потребности, традиции педагогического сознания были и остаются ориентирами образования в обществе. Изменения социально-экономических и политических условий неизбежно влекут за собой изменения в требованиях к системе образования в целом и к системе обучения иностранным языкам, в частности. Чем выше потребность общества в знании иностранных языков и специалистах, владеющих одним или несколькими иностранными языками, тем больше значимость прагматических аспектов изучения предмета. Данный фактор явился основополагающим при составлении новых Государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлениям «Филология», «Лингвистика».

Государственный образовательный стандарт призван, прежде всего, определить общую часть содержания образования по определенному направлению при наличии различных программ, учебных планов, учебных и учебно-методических пособий. Структура Государственного образовательного стандарта включает следующие виды требований:

– требования к структуре основных образовательных программ, в том числе требования к соотношению частей основной образовательной программы и их объему, а также к соотношению обязательной части основной образовательной программы и части, формируемой участниками образовательного процесса;

– требования к условиям реализации основных образовательных программ, в том числе кадровым, финансовым, материально-техническим и иным условиям;

– требования к результатам освоения основных образовательных программ.

Внедрение основных положений образовательных стандартов в практику обучения иностранным языкам в высших учебных заведениях требует продолжения упорной работы по усовершенствованию методики преподавания иностранного языка, повышению качества и результативности занятий, более полному использованию их воспитательного потенциала, усилению практической направленности. Основным аспектом подготовки специалистов может стать теория конструктивизма, в рамках которой можно выделить личностно-ориентированный, деятельностный и компетентностный подходы, которые являются особенно ценными в контексте высшего образования.

Компетентность становится приоритетом современного образования. Проблема формирования профессиональной компетентности на этапе профессионального развития в процессе обучения в вузе постоянно представляет интерес для многих учёных в сфере психологического и педагогического знания и представлена в исследованиях учёных С. А. Батышева, А. Г. Бермуса, А. А. Вербицкого, И. А. Зимней, О. Е. Лебедева, Дж. Равен, Н. Ф. Талызиной, Р. Уайт, Н. Хомского, Г. П. Щедровицкого и др. Так, по мнению А. Г. Бермуса, компетентность представляет собой системное единство, интегрирующее личностные, предметные и инструментальные особенности и компоненты [1]. О. Е. Лебедев определяет компетентность как способность действовать в ситуации неопределенности [5], И. А. Зимняя трактует компетентность как основывающийся на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности человека [4].

Возникновение принципа компетенции принято связывать с исследованиями известного американского лингвиста Н. Хомского, который сформулировал понятие компетенции применительно к теории языка. Он отмечал, что необходимо проводить фундаментальное различие между компетенцией (знанием своего языка говорящим – слушающим) и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях), при этом именно «употребление» есть актуальное проявление компетенции как «скрытого», потенциального. Употребление, по

Н. Хомскому, в реальности связано с мышлением, реакцией на использование языка с навыками, то есть с самим говорящим, с опытом человека [9].

До 90-х годов XX в. и в справочной литературе, и в педагогических исследованиях употребление термина «компетентность» связывалось с профессиональной компетентностью. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова это понятие употребляется для выражения достаточного уровня квалификации, профессионализма. Понятие «компетентности» определено в качестве прилагательного: Компетентный – 1. Знающий, осведомленный, авторитетный в какой-нибудь области. Компетентный специалист. Компетентное суждение. 2. Обладающий компетенцией. 3. Обладающий основательными знаниями в какой-либо области, знающий [7].

В основе образовательных стандартов высшего профессионального образования лежит бинарная классификация компетенций, предполагающая разделение всех видов компетенций на две группы: общие (универсальные, ключевые) и профессиональные (предметно-специальные). В Государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» (квалификация «академический бакалавр») дальнейшее подразделение предполагает формирование следующих видов компетенций:

– общекультурные (ОК) – совокупность знаний, навыков, элементов культурного опыта, позволяющих индивиду свободно ориентироваться в социальном и культурном окружении и оперировать его элементами (например, способность ориентироваться в системе общечеловеческих ценностей и учитывать ценностно-смысловые ориентации различных социальных, национальных, религиозных, профессиональных общностей и групп в социуме (ОК-1); способность к осознанию значения гуманистических ценностей для сохранения и развития современной цивилизации; готовность принимать нравственные обязательства по отношению к окружающей природе, обществу и культурному наследию (ОК-5));

– общепрофессиональные (ОПК) – компетенции общие для широкого круга профессий (например, владение системой лингвистических знаний, включающих в себя знание основных фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных явлений и закономерностей функционирования изучаемого языка, его функциональных разновидностей (ОПК-3); владение этическими и нравственными нормами поведения, принятыми в инокультурном социуме; готовность использовать модели социальных ситуаций, типичные сценарии взаимодействия участников межкультурной коммуникации (ОПК-4));

– профессиональные (ПК) – компетенции, отражающие специфику определенной профессиональной деятельности (например, владение теоретическими основами обучения иностранным языкам,

закономерностями становления способности к межкультурной коммуникации (ПК-1); владение средствами и методами профессиональной деятельности учителя и преподавателя иностранного языка, а также закономерностями процессов преподавания и изучения иностранных языков (ПК-2)).

Профессиональные компетенции подразделяются на компетенции в научно-исследовательской деятельности, педагогической деятельности, прикладной, проектной и организационно-управленческой деятельности.

Перечень компетенций, утвержденный образовательным стандартом, ставит перед вузами организационные и педагогические проблемы перевода компетенций на язык содержания учебных дисциплин, выбор и постановка которых обеспечит их формирование. В связи с этим, возникает необходимость пересмотра и обновления основных образовательных программ, и, как результат, учебных планов с целью их адаптации к новым стандартам образования. В частности, для повышения эффективности обучения иностранным языкам студентов направления «Лингвистика», профиля «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур (английский язык)» в учебные планы был добавлен ряд новых дисциплин, что позволило значительно расширить возможности формирования лингвистических компетенций. Примером могут служить следующие дисциплины профессионального блока: «Введение в теорию коммуникации», «Современные образовательные технологии в обучении иностранным языкам», «Первый иностранный язык: деловая речь».

Коммуникативная компетенция является одной из ведущих для современного специалиста в области применения иностранных языков, поэтому дисциплина «Введение в теорию коммуникации» становится теоретическим стержнем, вокруг которого группируются дисциплины данного профиля. Специалист-коммуникатор в любой социальной сфере должен обладать глубокими знаниями структуры коммуникативного процесса и навыками ведения информационной и коммуникационной деятельности. Специалисту в области лингвистики необходимо знакомство с основными теориями и концепциями, относящимися к сфере информации, коммуникации и формирования общественного мнения, владение навыками информационно-коммуникационной работы, в том числе и в ситуации контраста культур, межкультурной коммуникации, способность к самообучению и самостоятельной исследовательской деятельности. Данный курс формирует у студента понимание особенностей речевой и невербальной коммуникации, ее разновидностей, знание особенностей коммуникативной среды, каналов и разновидностей коммуникации; умение использовать принципы теории коммуникации при анализе коммуникативных мероприятий и событий и при планировании собственной деятельности.

Иностранный язык перестает быть самоцелью, становясь инструментом учебной и профессиональной деятельности. Компоненты межкультурной коммуникативной компетентности имеют непосредственный выход на ключевые компетентности, составляющие единую, социально-профессиональную компетентность специалиста.

Важную роль в формировании общекультурных и профессиональных компетенций и развитии профессиональных способностей студента на основе полученных теоретических знаний играет учебная практика. В планах направления «Лингвистика» таких практик две: учебная страноведческая и учебная экскурсоводческая.

Учебная практика – одна из важнейших составляющих профессиональной подготовки любого специалиста. Она позволяет студенту практически попробовать свои силы в выбранной профессии, научиться применять в профессиональной деятельности знания, полученные на учебных занятиях. Именно в процессе практики все остальные методы и формы формирования профессиональных знаний, умений и владений проверяются и наполняются смыслом. Являясь центральным звеном в системе подготовки специалистов, практика помогает студентам глубже осознать правильность осуществления своего профессионального выбора, проверить усвоение теоретических знаний, полученных в процессе учебы, определить профессионально важные качества будущей специальности.

Учебная страноведческая практика способствует систематизации и дальнейшему расширению фоновых знаний студентов о культуре и истории стран изучаемого языка и страноведению Донецкого края, совершенствованию умений и навыков работы со «страноведческой» информацией на родном и иностранном языках, усвоению новой информации, развитию у студентов умений самостоятельно ориентироваться и интерпретировать явления и события в стране, развитию навыков устной речи на базе лингвострановедческой тематики, формированию переводческих навыков при работе с текстами на лингвострановедческую тематику.

Учебная экскурсоводческая практика тесно взаимосвязана и является логическим продолжением учебной страноведческой практики. В течение страноведческой практики студенты работают с фактологической информацией, знакомясь с особенностями межкультурной коммуникации, географическим положением, социально-экономическим и культурно-историческим развитием стран. Экскурсоводческая практика обучает студентов методике проведения экскурсий на родном и иностранном языках, с учетом специфики подаваемого материала и национально-психологических особенностей целевой иноязычной аудитории. Данный вид практики закладывает основы владения студентами умениями и

навыками, необходимыми для успешной организации и проведения экскурсий по достопримечательностям Донецкого региона на иностранном языке для иноязычной аудитории. Этот курс дает обучающимся первоначальный опыт практической деятельности в соответствии с академической специализацией бакалаврской программы, создает условия для формирования практических компетенций. В результате прохождения экскурсоводческой практики студент активизирует лингвистический материал, полученный им в ходе предыдущего обучения и страноведческой учебной практики, и получает профессиональные навыки, необходимые в его будущей профессии. Таким образом, реализуется основная цель дисциплины – подготовить обучающихся к эффективному использованию системы современного иностранного литературного языка и осознанному оперированию разнообразными приемами воздействующей речи для обеспечения успешности последующего коммуникативного творчества в таких сферах профессиональной деятельности, как прикладная – в учреждениях культуры, управления, средств массовой коммуникации и т.д., проектная – в культурно-просветительских учреждениях и музеях, в гуманитарно-организационной, и иных подобных областях, а также организационно-управленческая.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день основные образовательные программы по обучению иностранным языкам опираются на личностно-ориентированную модель, формирующую компетентности такого специалиста, который не только владеет необходимыми знаниями, но и умеет эти знания применить, умеет проявлять инициативу, иметь навыки гибкого похода к обработке информации и быть толерантным к культурным различиям. Такой подход позволяет готовить специалистов, способных к качественной реализации профессиональных функций, профессиональной гибкости. Содержание обучения, сформулированное в учебно-программной документации, зафиксированное в знаниях, умениях и навыках, приобретает в процессе обучения новое качество – становится содержанием образования, которое сегодня рассматривается как система современных научных знаний и передовых способов деятельности, а также элементов поисковой работы, рационализаторской и изобретательской деятельности, которая способна подготовить личность к профессиональной, конкурентоспособной деятельности.

Список литературы

1. Бермус А. Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании. Доступ: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm>.
2. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 45.03.01 Филология (квалификация «Академический бакалавр»), утвержденный приказом Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики от 20.04. 2016г. № 452.

**Волосюк О. В. Формирование профессионального мастерства преподавателя
иностранного языка в условиях внедрения современных образовательных
стандартов**

3. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (квалификация «Академический бакалавр»), утвержденный приказом Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики от 20.04. 2016г. № 451.

4. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования. Доступ: <http://quality.petsu.ru/file/74/%EA%EB%FE%F7%E5%E2%FB%E5%20%EA%EE%EC%E>.

5. Лебедев О. Е. Компетентностный подход в образовании. Доступ: <http://www.nekrasovspb.ru/publication/cgi-bin/publ.cgi?event=3&id=22>.

6. Равен Джон. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М., 2002 (англ. 1984).

7. Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка. Доступ: <https://yandex.ua/search/?text=%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0%20%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%B0&lr=142>.

8. Советский энциклопедический словарь. Доступ: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/389222>.

9. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972 (англ. 1965).

10. Щедровицкий П. Г. Коммуникативная и рефлексивная компетенция в рамках мыследеятельностного подхода: контуры нового понимания // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление. Красноярск, 2003.

МЕДИАОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена рассмотрению особенностей медиаобразовательного подхода к обучению иностранным языкам. Раскрыта технология и принципы преподавания иностранного языка в высшей школе на основе использования медиаобразовательного подхода. Определена сущность понятия термина «медиаобразование» на основе анализа существующей научно-педагогической литературы. Выделены основные содержательные линии и ценностные ориентиры медиаобразовательной технологии в преподавании иностранного языка.

Ключевые слова: медиаобразовательный подход, медиаобразовательные технологии, медиадидактика, медиакомпетентность вторичной языковой личности, иноязычное медиатизированное общение

На современном этапе развития высшего профессионального образования значительно возросли требования к системе обучения и качеству образовательных услуг. В Законе ДНР «Об образовании» поставлена задача формирования нового поколения специалистов, которая вытекает из потребностей настоящего и будущего развития ДНР. Нашему обществу сегодня необходимы специалисты, не только хорошо владеющие иностранными языками и профессиональными знаниями, но и способные к применению полученных знаний в ходе дальнейшей практической деятельности.

Образовательный процесс в ДонНУ является органической частью системы профессиональной подготовки и направлен на достижение ее целей – формирование современного специалиста высокой квалификации, который владеет надлежащим уровнем профессиональной и общекультурной компетентности, комплексом профессионально значимых качеств личности, твердой идеологически-ориентированной гражданской позицией и системой социальных, культурных и профессиональных ценностей.

В связи с этим повышается роль современных технологий обучения иностранным языкам в высшей школе с опорой на передовой мировой опыт, который используется в процессе подготовки будущих специалистов гуманитарного филологического образования. Качественная подготовка кадров, востребованных на современном рынке труда с учетом социального заказа и в соответствии с реалиями нового информационного общества, требует обновления и развития методики преподавания иностранных языков и культур в высшей школе ДНР.

Цель исследования: выявить и описать основные медиаобразовательные технологии обучения иностранным языкам в высшей

школе; установить их практическую эффективность и функциональную значимость в процессе преподавания иностранного языка.

Современная педагогика рассматривает технологию медиаобразования как одно из эффективных средств повышения качества обучения и воспитания. Сегодня медиаобразовательные технологии выделились в отдельную часть педагогики – медиадидактику, которая разрабатывает теорию медиаобразования и обучения, научно обосновывает содержание медиаобразования, изучает закономерности, принципы, методы и организационные формы обучения с использованием медиапродуктов и опорой на масс-медиа. Современные медиатехнологии основываются на принципах гуманизации образования, способствуют повышению интеллектуального, культурного, духовного, морального уровня будущего специалиста [5, с. 69].

«Российская педагогическая энциклопедия» определяет медиаобразование (англ. *media education* от лат. *media* – средства) как направление в педагогике, выступающее за изучение «закономерностей массовой коммуникации (прессы, телевидения, радио, кино, видео и т.д.). Основные задачи медиаобразования: подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации, научить человека понимать ее, осознавать последствия её воздействия на психику, овладеть способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств [7, с. 28].

Медиаобразование в современном мире рассматривается как процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники.

Современные требования общества к уровню развития образованности личности, новые информационные условия жизни должны менять содержание, средства и методы педагогического процесса в высшей школе. В этой ситуации возникает естественная и достаточно острая потребность в новых концепциях, методах и технологиях обучения иностранному языку. Отметим, что на современном этапе развития лингводидактики всё более актуальной становится технология формирования медиакомпетентности вторичной языковой личности.

Это явление связано с тем фактом, что иноязычное медиатизированное общение – это процесс взаимодействия студента с иноязычными средствами массовой коммуникации, основным содержанием которого является осмысление сравнительной ценности

конкретного учебного медиапродукта, его смысловой составляющей, информационной интенции и учебного назначения.

Таким образом, современная педагогическая стратегия обучения иностранным языкам должна предусматривать развитие у студентов-филологов медиакомпетентности вторичной языковой личности. И именно этому социальному требованию отвечают как медиаобразование, так и иностранный язык как учебная дисциплина. Содержание этих двух явлений, с одной стороны, медиаобразование с его ярко выраженным социально-культурным характером, ставящее целью формирование медиакомпетентности, с другой стороны, предмет «Иностранный язык» настолько взаимосвязаны и взаимообусловлены, что единственно верный путь – это их интеграция в учебно-воспитательном процессе высших учебных заведений.

Анализ научно-педагогических отечественных и зарубежных исследований работ А. Ф. Аменда, Л. А. Ивановой, А. В. Онкович, Т. Ривис, А. В. Фёдорова, Н. Ю. Хлызовой, И. В. Чельшевой дал основания полагать, что сегодня наиболее эффективной и перспективной является технология интеграции принципов медиаобразования с курсом иностранного языка, поскольку в основе этих явлений лежит процесс обмена информацией. Иностранный язык изучается как средство общения, а тематика и ситуации для речи привносятся извне, поэтому он, как никакой другой учебный предмет, открыт для использования содержания из различных областей знаний, в том числе основ медиаобразования [4, с. 245].

Медиаобразование предусматривает методику проведения занятий, основанную на проблемных, эвристических, игровых, интерактивных и других продуктивных формах обучения иностранному языку, развивающих индивидуальность студента, самостоятельность его мышления, стимулирующих его креативные способности через непосредственное вовлечение в творческую деятельность, восприятие, интерпретацию и анализ структуры учебного медиатекста, усвоение знаний об иноязычной медиакультуре. При этом медиаобразование, сочетая в себе лекционные и практические занятия, представляет собой своеобразное включение студентов в процесс создания собственных произведений медиакультуры, то есть погружает аудиторию в активную иноязычную среду при помощи использования современных технических средств обучения.

Таким образом, среди основных условий развития процесса медиаобразования в отечественной методике необходимо выделить следующие:

– общую ориентацию на развитие личности (включая формирование эстетического сознания, художественного восприятия, вкуса и т.д.;

развитие критического мышления, творческих потенций индивидуальности в русле идей гуманизма);

– учет психологических особенностей, спектра реальных интересов и предпочтений студенческой аудитории;

– разработку критериев развития медиавосприятия и способности к критическому, художественному анализу медиатекстов;

– совершенствование моделей, программ, методик, форм проведения занятий со студентами на материале медиа (в том числе с использованием зарубежного опыта);

– модернизацию материально-технической базы процесса обучения;

– включение в образовательные программы высших учебных заведений курсов, предусматривающих изучение медиакультуры [7, с. 129].

Система медиаобразования в высшем профессиональном учебном заведении должна включать в себя следующие компоненты:

– целевые установки на развитие личности будущего специалиста;

– участники учебного процесса (преподаватели и студенты);

– средства обучения (разножанровые медиатексты, мультимедийное техническое оборудование);

– педагогическая модель (включает констатацию уровней развития и восприятия произведений медиакультуры в конкретной студенческой аудитории; стимуляцию креативных способностей (через творческую деятельность студентов в области медиа), формирование целостного восприятия и анализа разных видов медиатекстов (с учетом специфики конкретного вида медиа – прессы, телевидения, радио, кинематографа, Интернета и т.д.), индивидуального творческого и критического мышления студентов);

– структурность: взаимосвязь компонентов системы, логическая обоснованность последовательности этапов модели, заключающихся, в частности, в том, что практические занятия креативного характера опережают занятия теоретического плана [10, с. 60].

Применение медиаобразовательных технологий при обучении иностранному языку способствует развитию всех видов речевой деятельности учащихся, одновременно развивая общекультурную, коммуникативную, социолингвистическую и медиакультурную компетентности студентов. Медиаобразовательной подход следует рассматривать как сложную систему процессов получения, усвоения, интерпретации, создания медийной продукции с помощью и на материале средств массовой коммуникации. Данный подход развивает способность и умение самостоятельно учиться с помощью и на материале медиа, активизировать полученные знания в нужный момент, формирует у студентов индивидуальный стиль медиадеятельности.

Таким образом, одной из основных задач интеграции медиаобразования с курсом иностранного языка является формирование медиакомпетентности вторичной языковой личности, представляющей собой интегративную, стратегическую характеристику личности, состоящую из совокупности специальных готовностей и способностей, позволяющих личности взаимодействовать в едином мировом информационном пространстве, осуществлять межъязыковую и межкультурную коммуникацию на медиатизированном, опосредованном современными медиа, уровне [8, с. 176].

На основе анализа психолого-педагогической, методической литературы определено, что занятия по иностранному языку с применением медиаобразовательных технологий проектируются с учетом вариативности, интерактивности, импровизации, творчества; основываются на диалогической форме организации обучения, используют различные формы работы с информационными источниками: анализ, рецензирование медиатекстов, написание сценария, создание клипов, рекламных афиш собственного медиатекста и т.д.

Л. Иванова определяет иноязычное медиатизированное общение как взаимодействие человека с иноязычными средствами массовой коммуникации, содержанием которого является осмысление сравнительной ценности данного медиапродукта, его эмоционально-смысловых отношений и скрытой составляющей [2, с. 90].

Следовательно, современная педагогическая стратегия обучения иностранным языкам должна предусматривать формирование медиакомпетентности вторичной языковой личности, а медиаобразовательные технологии должны быть ориентированы на формирование культуры общения с иноязычными медиа, овладение студентами знаниями, умениями и навыками, необходимыми для восприятия, интерпретации, анализа, оценки медиапродукции, создания качественных медиатекстов как конструктивной формы межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Содержательное наполнение медиаобразовательной среды, состоящей из иноязычных медиатекстов разных видов и жанров (видео, аудио, печатный текст, изображения, анимация и т.д.), хранящихся в базах данных электронных образовательных ресурсов служит как средством, способствующим формированию всех видов речевой деятельности на иностранном языке, так и основой для осуществления медиаобразовательной деятельности.

В современных условиях на факультете иностранных языков ДонНУ преподаватели реализуют на практике элементы медиаобразовательных технологий во время аудиторных занятий со студентами по английскому, испанскому, немецкому, французскому языкам. Медиаобразовательный подход активно интегрируется в учебный процесс в ходе таких рабочих

дисциплин, как: Пресса и видео, Образовательные технологии международных стандартов, Информационные технологии в лингвистике, Аналитическое чтение, Разговорная практика, Практика устной и письменной речи.

Приведём некоторые примеры упражнений, направленных на формирование и развитие вышеупомянутых умений и навыков студентов средствами медиаобразовательных технологий:

– подберите материал к изучаемой теме, используя сайты иностранной прессы и подготовьте доклад;

– найдите материалы одной тематики в различных средствах массовой коммуникации с использованием нескольких источников, например Интернет-газеты, радиопередачи, теленовости, видеосюжеты, проанализируйте их и создайте свой медиатекст;

– сопоставьте материалы различных средств массовой коммуникации на одно и то же событие, определите схожие и отличительные черты;

– определите позицию, замысел создателей фильма на основе его анализа и интерпретации, сопоставьте несколько взглядов кинокритиков, зрителей, режиссеров по фильму. Выскажите свое мнение и предложите свой мини-анализ фильма;

– ознакомьтесь с информацией и составьте рецензию, анонс, словарь терминов по предложенной теме;

– просмотрите видеосюжет и перескажите увиденное, начиная с кульминации, проанализируйте его композицию;

– прослушайте выступления известного деятеля и напишите для него речь, используя стиль, риторические приемы, обороты, характерные именно для этой личности;

– подготовьте речь выступления на телевидении, статью в газету по заданной теме.

Таким образом, применение медиаобразовательных технологий на занятиях по иностранному языку будет способствовать формированию у студентов не только навыков речевого общения на различные темы и ведения научных дискуссий, но и развитию таких умений и навыков, как: оценивание, понимание, анализ и синтез информации; аргументация мнения; интерпретация разножанровых медиатекстов; владение различными способами технического использования медиа; создание собственного медиапродукта; самостоятельное приобретение знаний с помощью и на материале медиа; использование медиаобразовательных технологий для повышения своего профессионального уровня.

Интеграция медиаобразования с курсом иностранного языка в высшем учебном заведении, с опорой на концептуальные основы медиакультурного подхода способствует: формированию культуры общения студента с медиасредой, этической и эстетической

направленности обучения с помощью и на материале иноязычных медиа; пониманию подтекстов социальных, экономических, политических и культурных иноязычных медиатекстов; формированию и реализации художественно-творческого, креативного потенциала студента в процессе медиаобразовательной деятельности; формированию понимания студентом иноязычных культурных ценностей средствами медиа и видение целостной картины мира; развития умений и навыков медиатизированной межъязыковой, межкультурной коммуникации будущих специалистов-филологов на основе уважения, толерантности, взаимопонимания, терпимости к культурным различиям и преодоления культурных барьеров.

Список литературы

1. Иванова Л. А. Технология медиаобразования и аудиовизуальный СМК на уроках французского языка // Образовательные технологии XXI века / ред. С. И. Гудиной, К. М. Тихомировой, Д. Т. Рудаковой. М.: Изд-во Рос. академии образования, 2009. С. 262-265.
2. Иванова Л. А. Обучение иностранному языку и медиаобразование единый процесс // Непрерывное образование в Западной Сибири: современное состояние и перспективы: материалы четвертой региональной научно-практической конференции / отв. ред. О. К. Сазонова. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. С. 90-92.
3. Михалева Г. В. Интегрированное медиаобразование в британской школе: анализ обязательного минимума содержания // Интеграция медиаобразования в условиях современной школы. Таганрог: Изд-во Таганрогского государственного педагогического института, 2010. С. 17–22.
4. Онкович А. В. Медиадидактика // Журналистика и медиаобразование / ред. А. П. Короченский. Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2007. Т. 1. С. 243-248.
5. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов пед. вузов и системы повышения квалификации педагогических кадров / под ред. Е. С. Полат. М.: Академия, 2000. 272 с.
6. Федоров А. В. Медиapedагоги и теоретики медиакультуры зарубежных стран: энциклопедический справочник. М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 2011. 54 с.
7. Федоров А. В. Медиаобразование в России: краткая история развития. Таганрог: Познание, 2002. 266 с.
8. Хлызова Н. Ю. Педагогические условия формирования медиакомпетентности вторичной языковой личности: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 2001. 210 с.
9. Шиян Л. К. Использование произведений теле- и видеоискусства в подготовке будущего учителя // Педагогика. 2001. № 4. С. 66-70.
10. Fedorov A. The Contemporary Mass Media Education In Russia: In Search For New Theoretical Conceptions And Models // Acta Didactica Napocensia, 2012. № 1. P. 53-64.
11. Silverblatt A. Media Literacy. Westport, Connecticut. London: Praeger, 2001. 449 p.

ДИВЕРСИФИКАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ

В научно-педагогической литературе вопрос, связанный с диверсификацией подготовки по английскому языку, исследовался в разных направлениях. Проблема ее практической реализации в учебно-воспитательном процессе разрабатывалась на уровне высших учебных заведений, однако, она имеет свою специфику в учебном процессе высшей технической школы.

Ключевые слова: диверсификация, английский язык профессионального общения, профессиональная подготовка, высшая техническая школа.

Диверсификация рассматривается в качестве одной из основных мировых тенденций развития высшего образования отечественными авторами (В. И. Байденко, Ю. Г. Татур и др.); общепедагогического принципа развития непрерывного образования (Т. Ю. Ломакина, Т.Э.Мангер); как условие профессиональной подготовки (В. М. Ростовцева) и др.

Появление и развитие диверсификационных процессов в системе высшего образования могут способствовать повышению социального спроса на более высокий уровень профессионального образования, разработке альтернативных программ и систем обучения, соответствующих изменяющемуся спросу на рынке труда, принятию образовательными учреждениями необходимых мер по подготовке специалистов с учетом реструктуризации экономики.

Термин «диверсификация» происходит от позднелатинского *diversification* (изменение, разнообразие) и означает расширение сфер деятельности. Под диверсификацией профессионального образования понимается расширение видов деятельности системы профессионального образования и преобразование новых, не свойственных ранее форм и функций.

Подготовка будущих инженеров в вузе нацелена, в первую очередь, на получение профессиональных знаний, умений и навыков и является формой развития инженерного сознания и технического мышления, в то время как собственно инженерная практическая деятельность как процесс создания и эксплуатации техники требует не только хороших профессиональных, но и коммуникативных знаний, умений, навыков и сформированных коммуникативных качеств личности. Это подтверждается Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования, в котором среди требований к специалисту-инженеру отмечается необходимость знаний теоретических основ общения, умений устанавливать и поддерживать контакты с другими

людьми, овладения рефлексивными умениями, стремления к саморазвитию и самоорганизации в профессионально-коммуникативной деятельности.

Вследствие ускорения научно-технического прогресса резко возрастает статус образовательной и высококультурной личности будущего специалиста.

Возникает необходимость не только и не столько в знаниях, сколько в готовности и способности получать новую информацию, своевременно и эффективно ее использовать. Однако, главными недостатками традиционной системы высшего профессионального образования являются: стандартизация образовательного процесса, согласно которой обучение ориентируется на возможности среднего студента; представление о студенте как объекте педагогического воздействия; догматизм в раскрытии содержания учебного материала, ориентация на передачу готовых знаний; императивный стиль управления учебно-познавательной деятельностью студентов; отсутствие целостности, упорядоченности знаний, что значительно снижает эффективность интеллектуальной деятельности студентов; игнорирование особенностей психологических контактов преподавателя и студента, и, как результат, уменьшение влияния на процесс становления личности будущего профессионала.

Обратим наше внимание на диверсификационную подготовку по иностранному языку в высшей технической школе. Отметим, что успешность профессиональной иноязычной коммуникации оказывает непосредственное влияние на результаты инженерного труда, а профессиональная иноязычная коммуникативная компетенция инженера становится более значимым и весомым компонентом профессиональной компетентности в целом. Как следствие, возрастают требования к уровню владения иностранным языком специалистами технического профиля.

При этом особенностью современного этапа развития общества является многообразие условий применения иностранного языка в профессиональной деятельности инженеров. Все шире иностранный язык используется и в сфере инженерного образования, под которым понимается реализации программ высшего технического образования трех уровней (бакалавриат, магистратура и специалитет).

Существующее многообразие условий применения иностранного языка инженером обусловлено целым рядом факторов, а именно: спецификой отрасли экономики; видом инженерной деятельности (научно-исследовательской, проектно-конструкторской, производственно-технологической, организационно-управленческой), которая предполагает специфику использования иностранного языка; увеличением количества иностранных производителей, совместных предприятий и производств, транснациональных корпораций, занимающихся инженерной деятельностью; использованием иностранного языка инженером для осуществления профессиональной переводческой деятельности; международной интеграцией образовательных систем.

Многообразие профессиональных условий использования иностранного языка приводит к диверсификации существующих потребностей современных инженеров в применении и, как следствие, в изучении иностранного языка. Многообразие совокупных профессиональных иноязычных коммуникативных потребностей в определенный момент можно рассматривать как их диверсификацию в пространстве профессиональной деятельности. Под воздействием стремительного научного, технологического и экономического развития через некоторый период времени происходит изменение совокупных потребностей в использовании иностранного языка. В результате происходит их диверсификация во времени.

Диверсификация совокупных профессиональных иноязычных коммуникативных потребностей в пространстве и во времени находит свое выражение в потребностях, возникающих в индивидуальной инженерной деятельности. Диверсификация индивидуальных потребностей в использовании иностранного языка порождает у инженера потребность в дальнейшем повышении уровня профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции, что является одной из предпосылок необходимости непрерывной подготовки по иностранному языку. Таким образом, рассматривая существующее многообразие условий использования иностранного языка инженером, необходимо принять во внимание как диверсификацию совокупных иноязычных коммуникативных потребностей в пространстве профессиональной деятельности и во времени, так и диверсификацию индивидуальных потребностей.

Однако, существующая в настоящее время в инженерном образовании подготовка по иностранному языку, несмотря на предпринимаемые некоторыми вузами попытки выделения многоуровневости, является унифицированной и не учитывает ни диверсификацию совокупных иноязычных коммуникативных потребностей инженеров, ни их индивидуальных потребностей.

Диверсификация потребности в изучении иностранного языка находит свое отражение в различном уровне мотивации у студентов технических вузов. При общей ориентации студентов технических вузов на использование иностранного языка в своей будущей профессиональной деятельности, определенная часть обучающихся, нацеленная на требования рынка труда, отличается повышенной мотивацией к его изучению, и они предпринимают попытки продолжения его освоения после завершения базового курса.

Таким образом, в современном инженерном образовании имеет место противоречие между диверсификацией потребностей инженеров в использовании иностранного языка в профессиональной деятельности и унифицированностью существующей подготовки по иностранному языку в отечественных технических вузах.

Диверсификация непрерывного профессионального образования по иностранному языку рассматривается нами как личностно

ориентированная система, связанная с многообразием вариантов содержания языкового образования, реализуемых с использованием соответствующих форм, методов и технологий обучения в целях построения будущими специалистами индивидуальной образовательной траектории по иностранному языку.

Основными компонентами диверсификационной системы по непрерывному языковому образованию являются личностный, содержательный и организационный.

Личностный компонент позволяет построить индивидуальную образовательную траекторию соответствующую своим запросам, возможностям, способностям студентов; содержательный компонент связан с ростом профессиональной квалификации по иностранному языку; организационный компонент определяется требованиями логической завершенности каждого этапа обучения, приемственности его этапов, специальной педагогической подготовкой кадров, системой диагностики обучаемых.

Основными компонентами содержания диверсификационной подготовки по иностранному языку в техническом вузе являются: базовый/инвариантный; общеобразовательный компонент, профильный и элективный.

Инвариантный компонент соответствует общеобразовательному стандарту. Профильный компонент предусматривает ряд курсов, которые изучаются углубленно, в основном на межпредметной основе.

Элективный курс (компонент на выбор) содержит ряд курсов, который изучается по выбору студента. По своему содержанию и системе требований данные курсы выходят за рамки образовательных стандартов.

В основе диверсификационной подготовки по иностранному языку лежат определенные закономерности, а именно:

- обусловленность обучения потребностями социально-экономического и духовного развития общества;
- соответствие содержания, форм и методов обучения уровню развития науки и производства;
- взаимосвязь целей, функций и содержания обучения по иностранному языку и профессиообразующих дисциплинам;
- зависимость содержания и методов непрерывной подготовки по иностранному языку от индивидуальных способностей студентов.

Таким образом, коммуникативные знания и умения декларируются как обязательный компонент профессионализма современного специалиста и как необходимый компонент содержания современного образования.

Необходима специальная методическая скоординированная деятельность преподавателей всех предметов для осуществления учебно-воспитательного процесса на междисциплинарной основе, координация методов, приемов, способов его реализации.

Содержательно-информационные связи иностранного языка изменяются в зависимости от принципа профнаправленности. Однако, все

они имеют профессиональную значимость и характеризуют те или иные отношения между общеобразовательными и профессионально-техническими дисциплинами. Например, эффективным являются выполнение лингвистических познавательных заданий на производственную тематику, когда большинство терминов уже известны будущим специалистам и не требуют разъяснений. Выполняя такие задания с элементами профнаправленности, преподаватели мотивируют студентов к изучению иностранного языка, показывают его практическую значимость.

Кроме того, лингвистические познавательные задания не только совершенствуют лингвистические знания и умения, но и способствуют формированию профессиональных знаний и умений. Ориентируясь на будущую профессию, студенты могут вести проектную деятельность на иностранном языке, объединяя языковое и производственное содержание учебного материала.

Во время подачи содержания лингвистических дисциплин широко используются факты, формулы, примеры, известные будущим специалистам из знаниевой основы технических дисциплин, которая состоит из общенаучных, политехнических, общетехнических и профессиональных понятий.

Принимая во внимание тот факт, что лингвистические дисциплины (например, иностранный язык) являются базой формирования готовности будущих специалистов к профессиональной коммуникации, обозначим основные принципы диверсификации профессиональной подготовки по иностранному языку в инженерном вузе, а именно:

- принцип непрерывности лингвистического образования на основе формирования целостной системы интегрированных знаний, умений и навыков при оптимальном соотношении предметного и интегративного подходов к содержанию профессиональной деятельности;

- принцип гармонизации непрерывного образования по иностранному языку, согласно которому интегративный подход не должен вступать в противоречие с существующей традиционной системой обучения;

- принцип целевой детерминации, направленный на приоритет генеральной цели, на достижение позитивных результатов;

- принцип профессиональной направленности;

- принцип вариантности и вариативности с учетом интеллектуальных возможностей будущего специалиста, его субъективного опыта, на основе которого могут разрабатываться индивидуальные образовательные программы разного уровня сложности;

- принцип оперативности связан с быстрым усвоением новых знаний, их обобщением и размещением в системе;

- принцип дифференциальности лингвистического образования;

- принцип фундаментализации и профессионализации знаний иностранного языка: объединение общего и особенного в подготовке

специалиста, увеличение глубины осмысления материала путем его инвариантного усвоения.

Отметим, что вопросам преподавания иностранных языков в неязыковых вузах уделялось большое внимание в научных исследованиях последних лет. Разработаны теоретические основы профессиональной лингводидактики, принципы и закономерности процесса профессионально ориентированного обучения иностранному языку (А. Я. Крупченко), проблемы теории и практики информационно-коммуникативных технологий обучения иностранным языкам (М. Г. Евдокимова), методики преподавания отдельных разделов учебных курсов и модулей (Т. В. Асламова, М. А. Богатырева).

Анализ научно-педагогических источников позволил сделать предварительный вывод о том, что диверсификация профессиональной подготовки по иностранному языку в инженерном образовании обусловлена существующей диверсификацией профессиональных коммуникативных потребностей инженера, детерминируемых целым рядом факторов (спецификой отрасли промышленности, различными сферами применения иностранного языка, видами инженерной деятельности, профессиональной мобильностью инженера и т.д.).

Диверсификационная подготовка по иностранному языку предполагает обоснование потребностей инженеров в использовании иностранного языка в профессиональной деятельности, ее основополагающих принципов, разработку единой стандартизированной измерительной шкалы уровней владения иностранным языком, технологий ее непрерывности в системе профессионального образования.

Диверсификационное обучение иностранному языку подразумевает следующие виды профессиональной деятельности преподавателя:

- обучение иностранному языку на разных факультетах неязыкового вуза;
- профильная дифференциация содержания иностранного языка;
- обучение иностранному языку в зависимости от уровня (общеобразовательный уровень, профильная языковая подготовка, т.д.);
- дифференцированный подход к обучаемым в зависимости от их мотивов, потребностей, способностей, интересов;
- диагностическое исследование способностей обучаемых к изучению иностранного языка;
- реализация различных организационных форм обучения, соответствующих профилю обучению иностранного языка;
- профессиональная ориентация обучаемых с акцентом на их гуманитарную (в том числе языковую) подготовку;
- развитие мотивационных интересов обучаемых к изучению иностранного языка;
- реализация лично ориентированного подхода в обучении.

Эти виды деятельности определяют требования к подготовке преподавателя-языковеда к осуществлению интеграционных процессов при обучении иностранному языку на межпредметной основе.

Модель подготовки преподавателя к профильному обучению иностранному языку подразумевает интеграцию всех компонентов его профессиональной деятельности (целевой, мотивационный, содержательный, процессуально-управленческий, результативно-оценочный).

Моделирование подготовки преподавателей к реализации интеграционных процессов при обучении иностранному языку будущих инженеров базируется на следующих принципах:

– вариативности, которая означает, что профильное обучение иностранному языку основывается на разных профессионально-ориентированных дисциплинах;

– единства, которое предполагает целостность и синтез методов, способов и организационных форм, которые раньше воспринимались как дифференцированные;

– комплементарности, которая регулирует интегративную взаимодополняемость различных методов и способов в зависимости от содержания профессионально-ориентированных дисциплин;

– ригидности, которая означает независимость в использовании форм и методов, специфичных для конкретной профильной дисциплины.

Готовность преподавателя к профильному обучению иностранному языку предполагает не только постановку общеобразовательных целей, но и специфических целей, связанных с профессиональной подготовкой будущего инженера. Профильное обучение рассматривается нами как вид дифференцированного обучения, который предусматривает учет потребностей, склонностей и способностей будущих инженеров и создание условий для изучения иностранного языка в соответствии с его профессиональным содержанием, что выражается в изменении целей, содержания, структуре и организации учебного процесса.

Список литературы

1. Каверина О. Г. Интегративный подход к формированию готовности студентов высших технических учебных заведений к профессиональной коммуникации: теоретико-методологический аспект: монография / под. ред. П. В. Стефаненко. Донецк: ООО Фирма Друг – Инфо, 2009. 275с.

2. Полякова Т. Ю. Мировые тенденции развития высшего образования и преподавания иностранных языков в инженерных вузах России // Инженерная педагогика. М.: МАДИ, 2006. Вып 7. С. 131-141.

3. Новгородцева И. В. Формирование профессионально-коммуникативной компетентности будущих инженеров в вузе: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Н.Новгород, 2008. 28 с.

4. Ломакина Т. Ю. Диверсификация базового профессионального образования: автореф. дисс. ... докт. пед. наук. Казань, 2007. 37с.

УДК 371.3:811.111

Л. Я. Лычко

ГОУ ВПО «Донецкая государственная академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»

О СОДЕРЖАНИИ ОБУЧЕНИЯ ГОВОРЕНИЮ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «МЕНЕДЖМЕНТ» И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматриваются проблемы формирования содержания обучения профессионально-ориентированному иноязычному говорению студентов, специализирующихся в менеджменте, анализируются его компоненты, а также основные умения в говорении, которые должны быть развиты у студентов.

Ключевые слова: *содержание обучения, профессионально-ориентированное говорение, умения в говорении*

Одним из современных требований, предъявляемых к знаниям и умениям специалистов различных профессий, является свободное владение английским языком, как языком международного общения. При составлении программы обучения преподавателям необходимо учитывать особый статус дисциплины «Иностранный язык», которая, с одной стороны является общеобразовательной, а, с другой стороны, позволяет использовать знания и умения, полученные в ходе ее изучения в процессе иноязычного профессионального общения. Кроме этого, на составляющие содержания обучения влияют внешние условия и обстоятельства, связанные с динамично меняющимся миром.

Целью статьи является попытка определить основные компоненты содержания профессионально-ориентированного говорения для направления подготовки «Менеджмент» на примере темы «Презентация».

Следует отметить, что не существует определения понятия содержания профессионально-ориентированного говорения, так как оно зависит от ряда факторов: социального заказа общества, конкретной цели обучения, условий обучения (возраста обучаемых, количества студентов в группе, длительности обучения и количества часов в неделю).

На разных этапах развития методики преподавания иностранных языков менялись требования к определению содержания обучения. Так, Б. А. Лапидус определял содержание обучения как «совокупность того, что учащиеся должны освоить, чтобы качество и уровень их владения изучаемым языком соответствовали задачам данного учебного заведения» [5, с. 5]. В. А. Бухбиндер считал, что это «адаптированная совокупность знаний, умений и навыков в коммуникативной деятельности на основе данного языка» [4, с. 138]. Н. Д. Гальскова значительно расширила это понятие, включив в него «все то, что вовлекается в деятельность учителя,

учебную деятельность ученика, учебный материал, а также процесс его усвоения» [1, с. 82]. Анализ других определений и толкований содержания обучения иностранным позволяет сделать вывод о том, что в широком смысле термин «содержание обучения» кроме конкретной информации включает в себя психические и эмоциональные процессы, вызванные процессом усвоения содержания, деятельность учащегося, а также мотивационную деятельность преподавателя, которая иногда имеет субъективный характер и влияет на отбор и использование конкретного содержания в процессе обучения.

Проблема содержания обучения профессионально-ориентированному иностранному языку заключается в том, что в широком смысле ему невозможно дать однозначное определение, так как стандарты обучения по разным направлениям подготовки предъявляют к нему разные требования. Если проблему сузить и говорить о содержании обучения иностранному языку для конкретного направления подготовки, такого как «Менеджмент», то можно сказать, что, с одной стороны, оно не устоялось в силу относительной «молодости» менеджмента как науки и дисциплины, преподаваемой в высших учебных заведениях. С другой стороны, его содержание подвергается постоянной адаптации к постоянно меняющимся условиям на внутреннем и внешнем рынках, что влияет на отбор учебного материала. Поэтому с достаточной степенью уверенности можно утверждать, что процесс формирования содержания профессионально-ориентированного обучения студентов вышеуказанных направлений подготовки иностранному языку еще не закончен.

Основой содержания профессионально-ориентированного иностранного языка для данного направления подготовки является деловой иностранный язык, ориентированный на сферу деятельности. Анализ методической литературы, нормативных документов, учебно-методических комплексов, свидетельствует о том, что основные компоненты содержания обучения профессионально-ориентированному говорению, в целом, совпадают с компонентами обучения иностранному языку, но имеют свою специфику. В соответствии с В. А. Бухбиндером они включают в себя:

- языковой материал, то есть знания лексики, грамматики, фонетики, отобранные согласно целям обучения и адаптированные к соответствующим условиям;
- умения и навыки, характеризующие уровень практического владения иностранным языком;
- речевой материал, под которым следует понимать речевые образцы, образцы монологического и диалогического высказывания, а также тексты;
- языковые понятия, отсутствующие в родном языке [4, с. 140-142].

Неотъемлемой составляющей этого списка является страноведческий материал [5, с. 3]. Компоненты содержания обучения конкретизировались далее. Так Н. Д. Гальскова включила в него «сферы коммуникативной деятельности, ситуации и программы их развертывания, коммуникативные и социальные роли, речевые действия и речевой материал, языковой материал, минимум этикетно-узуальных форм говорения и умения пользоваться ими в разнообразных сферах речевого общения, учебные и компенсирующие умения, рациональные приемы умственной деятельности» [1, с. 82-83].

Рассмотрим вышеупомянутые компоненты содержания обучения на примере профессионально-ориентированного говорения в сфере менеджмента. В работе над определением содержания профессионально-ориентированного говорения первичным является тематическое членение учебного материала [6, с. 223]. Такой подход дает возможность отобрать систематизированный определенным образом языковой, речевой и страноведческий материал, ввести понятия, которые отсутствуют в родном языке (*CEO, promotion, hot-desking*).

При отборе тем для обучения профессионально-ориентированному устному общению главными ориентирами являются анализ методической литературы по деловому иностранному языку и анализ тематического содержания учебников. На наш взгляд, анализ тематического содержания учебников по деловому иностранному языку издательств Oxford, Longman, McMillan, Pearson является более надежным, так они создавались специально для менеджеров и экономистов, имеющих теоретическую подготовку и опыт практической работы, но не владеющих английским языком. В разработке некоторых из них участвовали бывшие руководители и бизнесмены, пожелавшие поделиться опытом своей работы.

Выяснилось, что в организации тематического содержания сочетаются два подхода: тематический и функциональный. В первом главным критерием является лексическое содержание, основанное на терминологии, соответствующей к определенной теме. Функциональный подход к организации содержания учебного материала используется непосредственно для обучения продуктивным видам речевой деятельности (в нашем случае – говорению) при обучении диалогическому и монологическому высказыванию, разыгрывании студентами ситуаций делового общения, участия в кейсах.

Анализ тем для обучения деловому английскому языку выявил из них наиболее характерные: «Структура компании», «Трудоустройство», «Менеджмент», «Стратегия компании», «Лидерство», «Маркетинг», «Реклама», «Торговля», «Финансы», «Деловые поездки», «Переговоры», «Телефонные переговоры», «Корпоративная культура», «Этика в бизнесе». Номенклатура тем определяется коммуникативным характером обучения, их современностью и приближенностью к реальной деятельности в

бизнесе. Порядок тем обуславливается «легкостью усвоения материала, уровнем сформированности у студентов профессиональной компетенции», формирующей фоновые знания студентов [6, с. 212]. Как правило, темы «Структура компании», «Телефонные переговоры», «Деловые поездки», изучаются в начале курса обучения деловому английскому языку, а такие темы как «Стратегия компании», «Торговля», требуют специальных знаний и поэтому изучаются позже. Некоторые темы могут носить циклический характер и повторяться на последующем этапе обучения (вследующем курсе) с более сложными задачами. Например, при изучении темы «Телефонные переговоры» в начале курса студенты, главным образом, должны усвоить этикет телефонного общения, основываясь на определенных функциях (приветствие, прощание, обещание перезвонить и т. д.). Включение телефонных переговоров в тему «Торговля» означает, что студенты должны решить коммуникативную задачу по телефону, исходя из конкретной ситуации и с использованием всех особенностей телефонного общения.

Перечень вышеуказанных тем дает представление о лексическом наполнении учебного материала, но не отображает иноязычных навыков и умений, которыми должен овладеть студент, будущий менеджер, в процессе изучения делового иностранного языка. Рассмотрим, какие составляющие профессиональной деятельности менеджеров влияют на определение содержания обучения:

- сферы общения – сервисная, социально-культурная, профессиональная. При формировании у студентов профессионально-ориентированной компетенции в говорении профессиональная сфера является основной, а сервисная и бытовая сферы подчиняются ей и дополняют ее;

- основные функции менеджера – планирование, руководство, организация, контроль;

- основные виды коммуникативной деятельности:

- а) деловые встречи, заседания и дискуссии (эквиваленты английских слов «*meetings*» и «*discussions*». Под термином «*meetings*» мы понимаем участие в заседаниях, встречах, переговорах, а под термином «*discussions*» – обсуждения, дискуссии, споры, дебаты);

- б) публичные выступления (презентации, доклады);

- в) телефонные переговоры;

- г) этикетное общение (все то, что можно передать термином «*socialising*»).

Учитывая эти особенности деятельности менеджера, можно выделить следующие группы умений в устном профессионально-ориентированном общении:

– монолог: умения выступать с докладами и презентациями, проводить инструктажи, умения описывать и объяснять процессы, события и явления и т. д;

– диалог: прием гостей и представителей других фирм, посещение предприятий, участие в официальных встречах, заседаниях, дискуссиях, участие в переговорах, ведение телефонных переговоров, участие в неофициальных встречах, интервью.

Выделение перечня основных умений позволяет более подробно определить конкретные умения для каждого вида устной коммуникативной деятельности.

Рассмотрим, какими коммуникативными умениями должен обладать менеджер, проводя презентацию. По сути, презентация – это подготовленное монологическое высказывание с элементами диалога. Она требует от выступающих комплекса лингвистических, функциональных и экстралингвистических умений. Обучение умениям выступать с презентацией как виду профессионально-ориентированного говорения может осуществляться на примере любой темы в силу ее универсальности.

Презентация, как вид публичного выступления, имеет следующую структуру: знакомство с аудиторией, название темы презентации, краткое описание проблемы, основная часть (3-5 подпунктов), подведение итогов выступления, ответы на вопросы аудитории, выводы. Исходя из структуры презентации, можно сделать вывод о том, что выступающий должен обладать следующими коммуникативными и функциональными умениями: приветствовать аудиторию, познакомить слушателей с основными положениями предстоящего доклада, подробно описать проблему, логически правильно выстроить структуру изложения материала, выделить главное, подвести итог и сделать выводы, а также уметь отвечать на вопросы аудитории.

Для этого в арсенале выступающего должен быть целый набор языковых и внеязыковых средств. К языковым умениям относятся следующие:

– описание явлений, процессов, структуры, функций, условий, места расположения, изменений;

– умения сравнивать, противопоставить, выделять сходство и отличие;

– умения выразить возможность, достоверность, уверенность, намерение.

Эти умения применимы для монологических высказываний на любую тему. Например, при презентации новой производственной линии, потребуются умения говорящего описывать достижения компании, качества нового изделия, умения сравнить это изделие с его аналогом или предыдущим изделием, подчеркнуть его преимущества.

В учебной аудитории развитие умений осуществляется на основе тщательно отобранного языкового материала, соответствующего изучаемой теме и формируемым умениям. В ходе презентации употребляются термины, а также клише, слова и словосочетания, относящиеся к нейтральной лексике, и определенные грамматические структуры. Умения, используемые выступающим в процессе презентации, и языковые знания представляют собой единый комплекс, они представлены в таблице 1.

Таблица 1

Языковые знания и умения, необходимые для проведения презентации

Умения	Грамматический материал	Лексический материал
Описание структуры	<i>present simple</i>	<i>consists of, divided into, whole, parts</i>
Описание функции	<i>present simple</i>	<i>is used to, is used for, -ing</i>
Описание места расположения, направления передвижения	<i>prepositions adverbials</i>	<i>is situated, moves to</i>
Описание изменений,	<i>verb tenses</i>	<i>increase, decrease</i>
Выражение временных соотношений	<i>verb tenses, adverbials time prepositions</i>	<i>before, after, in some time</i>
Обсуждение условий	<i>conditionals</i>	<i>if ... then</i>
Объяснения причин, причин и следствий	<i>complex sentences</i>	<i>connectors: because, as a result of, therefore</i>
Описание сходств и различий	<i>present tenses</i>	<i>the same as, similar to, like / unlike</i>

Однако, для успешной презентации требуются следующие экстралингвистические умения: структурировать и логически выстраивать содержание высказывания; поддерживать контакт с аудиторией с помощью зрительного контакта, жестов, мимики; умение выбирать соответствующий регистр общения, эмоциональные средства выражения. Эти умения являются индивидуальными, зависят от личного опыта, склонностей, характера, темперамента докладчика. Будучи вспомогательными средствами публичного выступления, экстралингвистические умения являются его неотъемлемой частью.

Несмотря на индивидуальность экстралингвистических средств, используемых выступающим, можно выделить основную номенклатуру умений, последовательность действий, лингвистических и экстралингвистических средств, которыми должен владеть докладчик и которых он должен придерживаться (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные умения, лингвистические и экстралингвистические средства, используемые для построения логически правильно высказывания

Умения	Лингвистические и экстралингвистические средства
Выстраивать последовательность действий	Маркеры последовательности <i>first, second, etc.</i>
Разграничивать части монологического высказывания	Использование пауз, эмфатических ударений, интонации, слов: <i>right, Ok!</i> вопросов: <i>Do you follow me? Is it clear?</i> предложений <i>Let's go to the next point.</i>
Вводить новую информацию	Использование интонации, эмфатических ударений, фраз: <i>What I want to say is..., I'd like to stress that...</i>
Ссылаться на вышесказанное	<i>As I said, the above-mentioned...</i>
Осуществлять взаимосвязь между частями выступления	Связывающие слова и фразы: <i>however, as a result, for example</i>
Обращаться к наглядным средствам	<i>As you can see...</i> <i>Pay attention to...</i>

Как было отмечено выше, каждая презентация имеет соответствующую структуру. Можно утверждать, что существует определенный набор функциональных фраз и выражений, используемых для перехода от одной части высказывания к другой, которые представлены в таблице 3.

Таблица 3

Этапы презентации и функциональные языковые средства

Этапы презентации	Языковые средства
Привлечение внимания	<i>Ladies and gentlemen!</i>
Знакомство	<i>My name is... I am...</i>
Введение темы презентации	<i>The subject of my presentation is...</i>
Постановка цели презентации	<i>The aim of this report is to....</i> <i>We have two objectives</i>
Описание структуры выступления	<i>My presentation is divided into 3 parts, the first...</i>
Переход к новой теме	<i>Let's move on to the next point</i>
Откладывание на более поздний период выступления	<i>I'll come back to that later</i>
Завершение, подведение итогов	<i>So to conclude....</i> <i>Let's summarize the main points</i>

Правая колонка каждой таблицы это готовые клише, используемые выступающим в процессе презентации. Клише представляют собой речевую формулу, критерием для выявления которой служит регулярность ее появления в повторяемых речевых ситуациях [2, с. 43]. Каждое из вышеуказанных клише используется с определенной функциональной целью, в целом все они составляют каркас высказывания, на который в дальнейшем «наносится» лексическое (в значительной степени,

терминологическое) и грамматическое содержание. Таким образом, при обучении профессионально-ориентированному говорению важно научить студентов использовать конкретные речевые формулы, структурирующие содержание высказывания.

Итак, мы проанализировали содержание обучения профессионально-ориентированному говорению в сфере публичных выступлений на примере основных правил проведения презентации. Анализ позволил сделать вывод о том, что содержание обучения – явление сложное, состоящее из многих компонентов, и должно рассматриваться во всем его разнообразии. При формировании содержания профессионально-ориентированного говорения тематическое членение учебного материала является первичным, однако, не окончательным. Каждой теме соответствует определенный, присущий ей, комплекс функциональных умений, опирающийся на речевые формулы, клише, лексико-грамматический материал. Остальные компоненты содержания обучения профессионально-ориентированному говорению (экстралингвистические умения, страноведческие знания и т.д.) подчиняются ему и зависят от содержания темы, конкретной цели и задач обучения. Следовательно, при формировании содержания профессионально-ориентированного обучения говорению на иностранном языке будущих менеджеров все его компоненты должны учитываться во взаимосвязи и тщательно отбираться, что, в итоге, позволит приблизить знания и умения студентов к реальным ситуациям общения и значительно повысить их иноязычную компетентность.

Список литературы

1. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: Аркти-Глосса, 2000. 165 с.
2. Дризде Т. М. Язык информации и язык реципиента как факторы информативности // Очерки методики обучения устной речи на иностранных языках. М., 1972. 246 с.
3. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка: монография. Страсбург; М.: Совет Европы, Департамент по языковой политике; Московский государственный лингвистический университет, 2001-2003, 259 с.
4. Основы методики преподавания иностранным языкам. К.: Вища школа, 1986. 335 с.
5. Лapidус Б. А. Проблемы содержания обучения языку в языковом вузе. М.: Высшая школа, 1986. 143 с.
6. Шубин Э. П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. М.: Просвещение, 1972. 350 с.

УДК 378.147:811.112.2(075.4)

Е. Н. Назаренко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

**НОВАТОРСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ
ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена современным технологиям обучения иностранному языку в высшей школе. В работе рассмотрены многие ключевые нововведения, которые повлияли на формирование современной методики преподавания иностранного языка. Приведены несколько методов, предлагаемых для тренировки навыков и развития различных типов компетенции у обучаемых. В статье представлены некоторые технологии, применяемые на занятиях по немецкому языку.

Ключевые слова: обучение, традиции, новаторские методики, коммуникативная компетенция, индивидуальный подход, информационные технологии, немецкий язык.

В последнее время методика преподавания иностранных языков, в частности современного немецкого языка (СНЯ), претерпевает изменения. В связи с расширением международных связей и поступлению большого потока информации в последние десятилетия пересматриваются традиционные подходы к обучению. В преподавании иностранных языков (ИЯ) важную роль играют традиции, проверенные временем. По Е. И. Калмыковой, «... традиции (лат. *traditio* «передача») определяются, как элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени» [7, с. 59]. В то же время, изменения, происходящие в мире, и в частности в разных профессиональных сферах и образовании, требуют новаторского подхода. «Естественный процесс движения и развития от старого к новому, от отжившего к нарождающемуся получил название новаторства (лат. *novatio* – «обновление», «изменение») [7, с. 60].

Новаторские методики, подходы к обучению вводились постепенно. Так, в 1960-е гг. был осуществлен переход от формального обучения на «лично-деятельную основу организации учебного процесса» [7, с. 64]. В последующие два десятилетия этот подход развивался, и традиционными стали следующие методы и принципы:

- непрерывность языкового образования (школа – вуз – послевузовское образование);
- ориентация в преподавании ИЯ на развитие личности студента и на использование ее творческих возможностей;
- реализация принципа взаимосвязанного обучения разным видам речевой деятельности;
- использование ТСО в учебном процессе;

- профессиональная направленность обучения при подготовке специалиста с высшим образованием;
- систематическая переподготовка преподавателей ИЯ через ФПК, ИПК, научные и языковой стажировки за границей [7, с. 4-65].

В 90-е годы появилось больше возможностей, значительным расширением международных связей, и, следовательно, в этот период особую значимость приобретает выработка у студентов коммуникативной компетенции. Как отмечает Е. И. Калмыкова, новаторские подходы коснулись и личности обучаемого. Одной из целей языкового образования стало формирование вторичной языковой личности [7, с. 65] и включение обучаемых в межкультурное общение. Расширились академические связи с другими странами. Включенное обучение и учебные стажировки из единичных новаций превратились в традиционные и обеспечивают беспрепятственную коммуникацию российской молодежи с ее зарубежными сверстниками. Компетентностный подход, зародившийся как новация, стал сегодня краеугольным камнем в языковом образовании, т.е. традицией. Новаторство коснулось практически всех областей преподавания иностранного языка – целей, задач, методов, роли студента и преподавателя, учебных материалов, организации учебного процесса.

Опираясь на других лингвистов, Е. И. Калмыкова выделяет такие изменения в обучении иностранным языкам, как акцент на формировании социокультурной компетенции, на развитии качества и аргументированности речи, повышение степени самостоятельности студента, развитие индивидуального подхода к обучающимся, внедрение в учебный процесс информационных технологий, введение в определённых случаях дистанционного обучения и др. [7, с. 67-70]. Эти процессы продолжают до сих пор, переход на Болонскую систему образования существенно способствовал их развитию.

По словам С. О. Даминовой, «...на современном этапе развития науки ученые выделяют лингвистические, психологические, дидактические и методические принципы, учет которых важен для эффективного обучения иностранным языкам...» [2, с. 12]. Среди них автор выделяет принципы воспитывающего обучения, индивидуализации, интенсивности, профессиональной направленности и др. В тоже время некоторые принципы, по мнению С. О. Даминовой, различны для студентов-бакалавров и магистров неязыковых специальностей. Так, в первом случае обучение ведётся с учётом родного языка, а во втором включается принцип «беспереводности», а также учёта специальности. При подготовке бакалавров неязыковых специальностей, по словам исследовательницы, «... конечным результатом практической цели при подготовке данной категории специалистов является формирование межкультурной коммуникативной компетенции, которая включает в себя ряд компонентов. К этим компонентам относится лингвистическая

компетенция (знания и навыки использования лексических, грамматических, фонетических средств иностранного языка), прагматическая компетенция (умения построения высказываний в процессе коммуникативной деятельности в соответствии с целью общения), социолингвистическая компетенция (знания и умения, необходимые для использования иностранного языка в социальной сфере – например, формул вежливости, регистров речевого общения, выражений народной мудрости, пословиц, поговорок бытующих в стране изучаемого языка и др.), социокультурная компетенция (знания о стране изучаемого языка, нравов, обычаев и традиций ее народа, принятых в этой стране, правил поведения, норм межличностных отношений, духовных и материальных ценностей и др.), а также стратегическая компетенция (способность восполнять в процессе общения недостаточность языковых знаний)» [2, с. 10].

В последнее время обучение иностранному языку ставит перед собой задачу формирования личности профессионала, и широкое распространение получают идеи науки акмеологии. «Современный этап развития акмеологии характеризуется пристальным вниманием к проблемам профессионального развития. Научное знание о закономерностях и особенностях развития профессионально-важных качеств позволит повысить эффективность образовательных программ и технологий» [3, с. 21]. Для достижения глубокого профессионализма человеку полезно развивать не только специальные, но и общие способности [3, с. 21]. В наши дни это становится одной из задач обучения иностранным языкам.

Кроме того, в число инновационных подходов входит набирающее всё большую популярность использование мультимедийных технологий в обучении иностранным языкам. На данный момент широко известно, какие преимущества содержит в себе применение информационных технологий в учебном процессе. Однако считается, что возможности новых технологий сейчас ещё недостаточно изучены и не используются в полной мере. Выделяются такие задачи, которые необходимо решить, чем они и занимаются активно: «комплексное формирование и развитие:

- аспектов иноязычной коммуникативной компетенции во всем многообразии ее компонентов;
- (языкового, грамматического, социо-культурного, компенсаторного, учебно-познавательного); коммуникативно-когнитивных умений, позволяющих осуществлять поиск и отбор, производить обобщение, классификацию, анализ и синтез полученной информации;
- коммуникативных умений, заключающихся в способности представлять и обсуждать результаты работы с ресурсами сети Интернет;
- умений использовать ресурсы сети Интернет для образования и самообразования с целью знакомства с культурно-историческим

наследием различных стран и народов, а также выступать в качестве представителя родной культуры, страны, города и т.п.;

- умений использовать ресурсы сети Интернет для удовлетворения своих информационных интересов и потребностей» [5, с. 27-28].

Что касается отдельных видов речевой деятельности, вводятся различные технологии обучения письму, чтению. Так, Е. И. Казарова предлагает при обучении письменной речи, ввиду ограниченного отведённого времени, исключить «развитие базовых навыков письма (графика, орфография и пр.), которые уже сформированы предшествующим обучением» и учить «письму как самостоятельному виду речи, давая возможность студентам развивать творческое мышление, раскрывать подчас скрытые писательские способности» [6, с. 30]. Автор подчёркивает, что «... делается это последовательно, от простого к сложному, от стадии записи идей, ключевых предложений, трансформаций текстов к написанию собственных речевых произведений различных по длине, жанру, характеру» [6, с. 30]. Для мотивации студентов, а также для выработки индивидуального подхода предлагается «написать в свободной форме об их личном отношении к письму как виду речевой деятельности, а также определить тематику будущих эссе. Анализ их письменной самооценки позволяет составить некий психологический портрет группы в целом, а также учесть индивидуальные особенности отдельных студентов для выбора средств мотивации» [6, с. 30]. Согласно методике, предложенной Е. И. Казаровой, было бы полезно «представить [письменное задание] как интерактивный процесс, происходящий между писателем и читателем. Кроме того, автор считает эффективным поручение студентам проверять работы друг друга. Акцентируется важность помощи обучающимся в преодолении страха ошибки. Также исследовательница видит особую важность в выборе тем, которые должны быть «интересными, волнующими, заставляющими мыслить и выражать свои чувства». Автор приводит такой пример задания, которое можно использовать на занятии: «для тренировки повествовательного описания мы предлагаем выбрать один из четырех вступительных абзацев рассказов и продолжить его» [6, с. 31]. Опыт показывает, что это задание является очень эффективным и хорошо развивает навыки письменной речи. Кроме того, предлагается разбирать примеры эссе, чтобы избежать типичных ошибок, и тренировать логические приёмы, которые могут понадобиться в построении текста – «сравнения и противопоставления, факты и мнения, обобщения и конкретизация, причины и следствия, выводы и пр.» [6, с. 32].

Что касается чтения, представляется целесообразным уделять особое внимание обучению восприятия и понимания текста, так как чтение направлено на получение информации и связано с восприятием готового текста, его относят к рецептивным видам речевой деятельности. Поэтому, и контролировать его необходимо через рецепцию, а не продукцию, как

это делалось в отечественной практике вплоть до недавнего времени. Ведущую роль при овладении чтением на иностранном языке играет сформированность умения извлекать из текста максимум возможных опор для понимания – фактологических, логических, лингвистических, контекстуальных» [10, с. 41].

Также важно привить обучающемуся понятие о пользе чтения. Н. В. Точенова предлагает как один из вариантов прибегнуть к такому методу: «Для устного теста по чтению можно организовать открытую дискуссию на следующую тематику: «Чтение – это пустая трата времени, студенты должны делать только упражнения», «Нельзя ничего полезного почерпнуть из чтения, значит, надо читать только хрестоматийные тексты», «Пользы в чтении нет» и т.д. По словам автора, «После теста студенты четче представляют ценность чтения. Такие «управляемые» дискуссии много делают для развития обучаемого, его успех начинает интересовать его самого» [11, с. 51].

Помимо вербальных средств общения, рекомендуется уделять внимание на занятии и невербальным: «Изучающие ИЯ должны знакомиться с особенностями невербального поведения носителя языка и уметь их декодировать. Даже если владение ИЯ на вербальном уровне безупречно, незнание поведенческой грамматики неизбежно приводит к серьезным ошибкам в общении с иностранцем. Изучение особенностей невербального поведения носителей изучаемого языка позволяет сделать процесс обучения ИЯ менее вербально перегруженным и более коммуникативным, так как процесс общения на ИЯ как цель обучения становится максимально приближенным к реальному, живому процессу общения. Знание НСК (невербальных средств коммуникации) поможет изучающим иностранный язык ориентироваться в различных социальных ситуациях и регулировать собственное поведение при беседе с иностранцами, глубже понимать друг друга и на основе этого строить свои отношения, быстрее воспринимать социальные нормы и корректировать действия» [13, с. 53].

В целом, в настоящее время существует тенденция внедрять модель смешанного обучения, распространённую на западе [8, с. 89]. По мнению Е. В. Костиной, «... в настоящее время можно хотя бы выделить три основных компонента, на которых она базируется:

- очное обучение – представляет собой традиционный формат аудиторных занятий преподаватель-студент;
- самостоятельное обучение – предполагает самостоятельную работу обучающихся: поиск материалов с помощью ресурсной карты, поиск в сети и т.д.;
- онлайн – работа студентов и преподавателей в режиме онлайн, например, с помощью Интернет-конференций, скайп-технологии и др.

В целом, смешанное обучение сочетает в себе современные способы подачи учебного материала в режиме онлайн с наиболее эффективными методами работы в аудиторных условиях, обеспечивая индивидуальный подход к обучающимся. Это позволяет тщательно планировать и дифференцировать обучение в зависимости от уровня студента даже в разноуровневой группе. Модель смешанного обучения не отвергает того полезного, что есть в традиционной модели, а скорее, совершенствует ее возможности» [8, с. 89]. Далее автор рассматривает «... некоторые виды обучения, которые предполагают вполне гармоничное вкрапление модели в обычный процесс:

– Лекционные занятия. Полный материал лекций и слайды к ним есть в средствах дистанционного обучения, которые доступны всем студентам и легко могут использоваться для самостоятельного изучения.

– Практические занятия по сути могут быть объединены с лекционными, превращая занятие в урок-диспут. При этом доминирующей становится диалогическая или полилогическая, а не монологическая модель подачи и активизации нового материала.

– Учебные материалы существуют не только в печатном, но и в электронном виде; преподаватель составляет ресурсную карту, в которой указаны основные и дополнительные материалы, ссылки Интернета, которыми может пользоваться студент.

– Онлайн общение. Это новый элемент, который пришел в смешанное обучение из онлайн обучения. Существуют различные инструменты – чат, форум, скайп, дающие студентам и преподавателю возможность общаться и работать вместе. Есть также индивидуальные и групповые проекты. Эта форма работы развивает навыки работы с Интернет-ресурсами, поиска, анализа информации, умение работать в группе, учит правильно распределять обязанности и нести ответственность за принятые решения.

– Виртуальная классная комната. Этот инструмент позволяет студентам общаться посредством различных Интернет - коммуникаций, не находясь в классе физически. Такой вид работы предполагает определенную долю свободы для студентов.

– Аудио- и видео-лекции, анимации и симуляции. Эти элементы смешанного обучения делают познание более доступным и насыщенным». Однако, несмотря на всю практическую пользу этих видов обучения, автор подчёркивает, что говорить о том, заменит ли использование этих технологий преподавателя в аудитории, «... преждевременно, ибо язык – величина переменная, он требует обязательного элемента «живого общения». В силу этого можно предположить, что большей продуктивностью будет отличаться комбинированное обучение. В этом случае процесс строится на взаимодействии обучающегося не только с компьютером, но и с личностью преподавателя в активной форме, когда

обработанный самостоятельно материал обобщается, анализируется и употребляется в реальных ситуациях через решение коммуникативных задач [8, с. 89].

В преподавании немецкого языка, как и других иностранных языков, перечисленные выше технологии также могут найти своё применение. Т. А. Яковлева приводит пример некоторых дидактических идей, которые используют на своих занятиях преподаватели немецкого языка из европейских вузов. Среди них – организация работы в группах с распределением ролей (группы выполняют как общие, так и индивидуальные задания). Это задание помогает развивать коммуникативные навыки, командную работу, «Вырабатываются навыки контроля над действиями других и самоконтроля, формируется критическое мышление» [14, с. 1]. Другой дидактической идеей является использование музыки на занятиях. Это помогает не только мотивировать студентов и тренировать аудирование, но и знакомит обучающихся со страноведческой информацией [14, с. 2]. Ещё один распространённый вид деятельности, к которому прибегают на занятиях по немецкому языку в европейских вузах – игры. По Т. А. Яковлевой, «Существуют различные виды игр: настольные (грамматические), карточные и коммуникативные, ролевые» [14]. В настоящее время предлагается большое количество методической литературы, содержащей образцы игр для занятий по немецкому языку.

Таким образом, новаторские идеи, методы и технологии занимают особое место в обучении иностранным языкам, совершенствуются и часто доказывают свою практическую пользу.

Список литературы

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2010. 448 с.
2. Даминова С. О. Цели, задачи и принципы подготовки по иностранному языку бакалавров и магистров в вузах неязыковых специальностей // Традиции и новаторство в преподавании родного и иностранного языков в вузе. Иваново: ИГЭУ, 2011. С. 9-13.
3. Замараева Г. Н., Камайданова Н. А. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности как психолого-акмеологическая проблема // Традиции и новаторство в преподавании родного и иностранного языков в вузе. Иваново: ИГЭУ, 2011. С. 21-24.
4. Ирисханова К. М. Межкультурная коммуникативная компетенция и учебно-методический комплекс для вузов неязыковых специальностей // Вестник Московского лингвистического университета. Сер. Лингводидактика. М.: Рема, 2007. Вып. 538. С. 22-32.
5. Казакова М. А., Прохорова А. А. Новые подходы в формировании лингвострановедческой компетенции при обучении английскому языку // Традиции и новаторство в преподавании родного и иностранного языков в вузе. Иваново: ИГЭУ, 2011. С. 27-29.
6. Казарова Е. И. Обучение письму как способ развития индивидуального творческого мышления студентов // Традиции и новаторство в преподавании родного и иностранного языков в вузе. Иваново: ИГЭУ 2011. С. 29-33.

7. Калмыкова Е. И. Традиции и новаторство в преподавании иностранных языков // Вестник МГЛУ. М.: МГЛУ, 2013. С. 59-74.
8. Костина Е. В. О перспективах использования информационных технологий при обучении иностранным языкам в вузе // Традиции и новаторство в преподавании родного и иностранного языков в вузе. Иваново: ИГЭУ, 2011. С. 88-91.
9. Лийметс Х. И. Групповая работа на уроке. М.: Наука, 1975. С. 78-104.
10. Огородникова Н. В. Теоретические положения обучения чтению на иностранном языке (из опыта работы в Кировской государственной медицинской академии) // Традиции и новаторство в преподавании родного и иностранного языков в вузе. Иваново: ИГЭУ, 2011. С. 40-43.
11. Точенова Н. В. Прогресс обучаемого – ответственность преподавателя // Традиции и новаторство в преподавании родного и иностранного языков в вузе. Иваново: ИГЭУ, 2011. С. 50-52.
12. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М.: Высшая школа, 1989. 238 с.
13. Цуприк Ю. С. Роль невербальных средств коммуникации в обучении иностранному языку // Традиции и новаторство в преподавании родного и иностранного языков в вузе. Иваново: ИГЭУ, 2011. С. 52-54.
14. Яковлева Т. А. Современные методы преподавания немецкого языка как иностранного (по материалам стажировки в Институте Международной Коммуникации в Дюссельдорфе) // Филологические науки в МГИМО. М.: МГИМО, 2012. № 48. С. 9.

УДК 81:37.015.31-057.87

Л. В. Сулина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НА ПРИМЕРЕ ПРОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ

В данной статье рассмотрено применение целостного, лично ориентированного подходов к изучению иностранных языков, направленных на развитие самостоятельной творческой деятельности студентов. Представлен метод презентаций как один из наиболее эффективных для развития прогностических, коммуникативных навыков студентов. Обоснована необходимость использования в учебнике инновационного типа основных смысловых доминант для создания успешной презентации.

Ключевые слова: студенческая конференция, содержание учебника, учебник инновационного типа, презентация, самостоятельная творческая деятельность, лично ориентированный подход.

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными или практическими заданиями. На современном этапе развития общества особое значение приобретает проблема качественной подготовки выпускников ВУЗов естественно-научного профиля (особенно, по специальностям – «Химия», «Биология»), в связи с их будущей многофункциональной деятельностью, участием в развитии образования, науки, духовной жизни общества. Необходимость соответствовать современной высшей школы высоким стандартам конкурентоспособности вызвана потребностями нового информационного общества, которое требует владения иностранными языками. Характерной чертой деловой и повседневной жизни является требование знания хотя бы одного из основных европейских языков межнационального общения. По этой причине необходимо повысить уровень подготовки учителей иностранных языков. Построение высшей школы, которая бы готовила конкурентоспособного на рынке труда специалиста по естественно-научным специальностям, обеспечивала бы условия для его профессионального роста, предусматривает переход от ориентированной на знания дидактической системы его подготовки к деятельно-компетентной модели, согласно которой студент является творческой личностью. Но формирование у будущих специалистов опыта творческой деятельности требует таких учебников по иностранному языку, одним из компонентов содержания которых является совокупность творческих заданий. Результат анализа существующих учебников свидетельствует не в их пользу в этом плане: задания творческого характера в них, если и встречаются, то выступают в роли исключения. В то же время социальный заказ высшей школы сформировался на основе потребностей страны в развитии, а также потребностей личности каждого студента в профессиональном становлении как творческого человека. То есть

прослеживаются спорные моменты, которые требуют поиска практических эффективных решений для реализации задания обеспечения качественной подготовки специалистов данных специальностей, а именно: на общественно-политическом уровне – между процессами интеграции, глобализации и уровнем подготовки граждан к общению в глобальном мире; на организационно-педагогическом уровне – между восприятием дисциплины «иностраный язык» как обязательной составной содержания образования и несоответствующим современным требованиям качества учебников, неспособностью отечественной школы обеспечить полноценное достижение студентами уровня владения иностранными языками, предусмотренного действующими международными образовательными стандартами. Необходимость организации самостоятельной творческой деятельности студентов во время преподавания иностранного языка является важнейшим требованием к преподавателям. Но это практически невозможно осуществить, если нет соответствующего учебника или методического пособия, разработанных с учетом этих требований.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых заложено решение данной проблемы и на которые ссылается автор. Теоретические и методические способы организации самостоятельной творческой деятельности студентов относительно работы по созданию и показу презентаций раскрываются в работах многих зарубежных исследователей (Jeremy Comfort, Ian Badger, Anne Freitag-Lawrence) [5; 6; 7]. Наиболее детально этот вид деятельности рассматривается в практическом курсе «Effective Presentations», который строится на видеоматериале, изданным Оксфордским университетом, основной автор Jeremy Comfort. Этот учебник дает необходимые материалы для создания эффективных презентаций. Он содержит упражнения, которые систематически и последовательно формируют у студентов коммуникативные и лингвистические умения, необходимые для создания четких, хорошо организованных презентаций, и предоставляет возможность развивать эти навыки в реальной жизни.

Видео является главным элементом курса, фокусирующим внимание на основных умениях, которые используются при показе презентаций, от начального этапа и подведения итогов до использования вспомогательных видеоматериалов и умений вести дискуссию. Видеоматериал иллюстрирует как плохие, так и хорошие примеры презентаций для последующего их анализа и обсуждения. Он сосредотачивается на ошибках, которые часто совершают те, кто делает презентации, демонстрирует способы их предотвращения и дает позитивную модель для последующего использования.

Цели статьи:

- определить основные подходы относительно использования презентаций в содержании учебника;

- определить место и роль, основные этапы работы, необходимые для организации самостоятельной творческой работы студентов средствами современного учебника по иностранному языку;
- объяснить необходимость использования в учебнике инновационного типа основных содержательных доминант для создания успешной презентации.

Изложение основного материала исследования с полным объяснением полученных научных результатов. Презентация от англ. presentation (to present – передавать на рассмотрение (заявление, законопроект, просьба и т.д.), представлять, показывать выступление), показывать (актера). Presentation – представление, театральный показ.

Согласно «Commercial and Financial Dictionary: French-English-Russian», presentation – подача, предъявление, официальное выступление, вступление, предъявление (плана, документа) [8].

«Словарь русского языка» под редакцией С. И. Ожегова дает практически идентичные трактовки этого слова [3].

В современной научной, деловой, творческой жизни данный вид деятельности приобретает всё большую распространенность и актуальность. Это объясняется высокой эффективностью его применения во всех перечисленных выше направлениях.

Мы остановимся на использовании его в учебных и научных видах деятельности, а конкретно на применении метода презентаций в научной и образовательной деятельности студентов ВУЗов на примере химического, биологического факультетов ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Презентация – эффективный метод работы со студентами. Творческая деятельность студентов является проявлением личностно ориентированного подхода в обучении. Данный метод является актуальным и полезным, потому что при его использовании задействованы сразу несколько практических аспектов.

Используются навыки работы с вычислительной техникой, это особенно важно для студентов биофизиков, химиков, потому что предмет – информационные технологии – является одним из профессионально-ориентированных в их системе обучения.

Технология использования метода презентаций на занятии предусматривает выполнение преподавателем определенных заданий. С помощью преподавателя студентами осваиваются все этапы работы по подготовке и демонстрации презентации в разных компьютерных программах, таких, как Power Point и других, что является важным как на текущем этапе обучения, так и в будущей учебной, научной, трудовой, деловой видах деятельности; совершаются межпредметные связи: английский язык – спецпредмет (химия, биология / информационные технологии). Разработка, а потом презентация проекта является прогностической работой, необходимым профессиональным навыком будущего специалиста-химика, биолога практически в любой области

профессиональной деятельности (будь-то работа учителя в школе, преподавателя в ВУЗе, ученого, представителя бизнес структур).

Проекты студентов являются демонстрацией работы их и преподавателя по нескольким направлениям. Речь идет о показе творческого потенциала, результатов творческого и деятельностного опыта студентов. Также проявляются субъект-субъектные отношения во взаимодействии преподаватель – студент. «Рассмотренные моменты формирования саморегуляции организуют обучающую деятельность, содействуют развитию культуры мышления, которая является гуманитаризацией образования. Даже, когда школьник (студент), казалось бы, сам ее проводит и организывает, на самом деле за его спиной всегда стоит преподаватель, который вызвал у него интерес и сформировал соответствующие знания и умения» [1, с. 74].

Технологии организации и проведения презентаций имеют несколько этапов:

- подготовительный этап: ознакомление с основными шагами работы (просмотр видеofilmа «Effective Presentations»), определение последовательности выполнения заданий по учебнику;
- тренировочный этап: выполнение упражнений с целью тренировки основной лексики, фраз, речевых образцов, необходимых при составлении презентационного проекта, опираясь на материалы учебника «Effective Presentations», методических пособий 1, 2, 5 курсов;
- практическое применение: использование приобретенных знаний в сфере составления мини-презентаций во время работы с обучающими текстами по специальности и текстами с краеведческой тематикой: «The Chemistry of Life», «Atoms and their interaction», «Life Substances», «Winter / Summer Holidays», «My Native City», «Beavers», «Microbes», «Ecology», «Pollution in the world», «Great Britain», «USA», «Biotechnology» и т.д. ;
- заключительный этап: презентация самостоятельно выбранных материалов по научно-ориентированной специальной тематике на занятии, а также на студенческой ежегодной конференции.

Студенческая конференция в этом случае является итоговым этапом работы, лучшие студенты получают дополнительные баллы. Часто используются элементы ролевых игр, моделируется атмосфера реальной конференции, определяется докладчик, секретарь, ответственный секретарь, эксперты, которые моделируют позитивную эмоциогенную ситуацию в процессе творческой деятельности [2].

Презентации, проведенные нами, можно условно классифицировать таким образом. На начальном этапе обучения (1 курс) они носят познавательный характер с элементами профессиональной направленности: «Summer Holidays», «Practice in Chemistry, Botany». На среднем – доминирует профессиональное направление по такой тематике: «Ecology in our country», «Pollution», «Earth in Danger». Самый сложный этап – работа студентов 5 курса (магистры, специалисты). На данном этапе презентации четко профессионально-направленные, научно-обоснованные

и связанные с темой дипломного проекта. Возможны темы проектов «Green Chemistry», «Chemical additives in our Food», «Molecular Cuisine», «Emotions», «Tissues», «Blood Cells» и др.

Эффективность данного вида самостоятельной работы студентов определяется как специалистами-преподавателями иностранного языка, так и самими студентами, потому что базируется на коммуникативном подходе. В ходе работы принимает участие вся группа. Задействованы зрительные и слуховые анализаторы, что также способствует восприятию материала. Работа проходит интерактивно, докладчику задают вопросы, происходит обмен интересной информацией между студентами разных курсов и специальностей.

Мы рассказали про основные характеристики использования данного метода и их отображении в содержательном модуле самостоятельной работы студентов при изучении иностранного языка. Тем не менее не все возможности исчерпаны. Это позволяет продолжать и совершенствовать данную технологию преподавания иностранного языка.

Выводы из этого исследования и перспективы дальнейших поисков в данном направлении:

- основными подходами относительно использования презентаций в содержании учебника следует считать целостный и личностно ориентированный. Именно они в гармонии обеспечивают эмоциональное переживание ценностей конкретного содержания учебного материала;
- презентации играют ведущую роль в организации самостоятельной творческой работы студентов при условии их всесторонней подготовки преподавателем по специальной технологии, которая содержит 4 этапа;
- использование в учебнике инновационных типов основных содержательных доминант для создания успешной презентации, является необходимым дидактическим условием, выполнение которого зависит от уровня компетентности преподавателя.

Список литературы

1. Гриньова М. В. Фактори формування саморегуляції навчальних дій // Педагогіка і психологія. Київ: Педагогічна думка, 1996. № 2 (11). С. 71-75.
2. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. Москва: Русский язык, 1992. 842 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва: ОНИКС 21 век, Мир и образование, 2004. 1200 с.
4. Ямницький В. М. Моделювання емоціогенних ситуацій у процесі творчої діяльності // Педагогіка і психологія. Київ: Педагогічна думка, 1996. № 2 (11). С. 65-71.
5. Comfort J. Effective Presentations. Oxford: Oxford University Press, 1997. 48 p.
6. Comfort J. Effective Presentations. Teacher's Book. Oxford: Oxford University Press, 1997. 48 p.
7. Freitag-Lawrence A. Business Presentations. Harlow, Essex: Longman, 2003. 64 p.
8. Gavrichina K. S., Sazonov M. A., Gavrichina I. N. Commercial and Financial Dictionary: French-English-Russian. Moscow: Vikra, 1993. 792 p.

*Барьер преодолели звуковой,
А как преодолеть языковой,
Чтоб, оказав поэзии услугу,
Сумел в свободный ринуться полет
Иноязычный стих, природный слуху
Тех, для кого был сделан перевод?
Слова другие, лад иной... Как в тигле,
Все переплавил вдохновенно ты,
И вдруг, о чудо, заново возникли
Оригинала вещи черты.*

Я. А. Козловский

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ, ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

О. В. Матвиенко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

**Oliver Goldsmith. An Elegy on the
Death of a Mad Dog**

**О. Голдсміт. Елегія на смерть
скаженого собаки**

Good people all, of every sort,
Give ear unto my song;
And if you find it wond'rous short,
It cannot hold you long.

Послухайте, добродії,
Сю немудрящу пісню.
Вам на догоду склав її
Короткою навмисно.

In Islington there was a man,
Of whom the world might say
That still a godly race be ran,
Whene'er he went to pray.

Жив праведник межи людей,
Як кажуть, в Айлінгтоні.
Благословенне місце, де
Молився той достойник.

A kind and gentle heart he had,
To comfort friends and foes,
The naked every day he clad,
When he put on his clothes.

Було, дасть раду ворогам
І друзям у потребі.
Щоб одягнути жебрака,
Останнє зніме з себе.

And in that town a dog was found,
As many dogs there be,
Both mongrel, puppy, whelp and hound,
And curs of low degree.

В містечку тім собака жив,
Дворової породи,
Між чистокровних гончаків
І псів без родоводу.

This dog and man at first were friends;
But when a pique began,
The dog, to gain some private ends,
Went mad and bit the man.

Співіснували мирно вдвох
Блаженний муж і псина.
Та посварились; кобиздох
З незнаної причини

Around from all the neighbouring streets
The wondering neighbours ran,
And swore the dog had lost his wits,
To bite so good a man.

Оскаженів і покусав
Достойника зопалу.
Клясти підступну вдачу пса
Сусіди хором стали.

The wound it seemed both sore and sad
To every Christian eye;
And while they swore the dog was mad,
They swore the man would die.

Від виду рани жах проймав.
Всі впевнились одразу:
«Рятунку бідному нема,
Либонь, помре від сказу».

But soon a wonder came to light,
That showed the rogues they lied:
The man recovered of the bite,
The dog it was that died.

А врешті... Без кісток язик,
То казна-що й патяка! –
Одужав Божий чоловік,
Проте іздох собака.

Samuel Taylor Coleridge. Time, Real and Imaginary (an Allegory)

On the wide level of a mountain's head,
(I knew not where, but 'twas some faery place)
Their pinions, ostrich-like, for sails out-spread,
Two lovely children run an endless race,
A sister and a brother!
This far outstripp'd the other;
Yet ever runs she with reverted face,
And looks and listens for the boy behind:
For he, alas! is blind!
O'er rough and smooth with even step he passed,
And knows not whether he be first or last.

С.Т. Кольридж. Час, справжній та уявний (алегорія)

У горах, на широкій полонині
(Не знаю де, мабуть, в країні фей)
Напнувши крила, мов вітрила в сині,
Наперегони двоє мчать дітей:
Сестра і брат.
Вона все озирається назад,
Хоч випередила його, одначе
До рухів прислухається хлоп'ячих,
Бо брат, на жаль, незрячий.
До перешкод байдужий у змаганні,
Не знає, чи він перший, чи останній.

S.T. Coleridge. Epitaph

Stop, Christian passer-by! – Stop! child
of God,
And read with gentle breast. Beneath this
sod
A poet lies, or that which once seem'd he.
O, lift one thought in prayer for S.T.C.;
That he who many a year with toil of
breath
Found death in life, may here find life in
death!
Mercy for praise – to be forgiven for
fame
He ask'd, and hoped, through Christ. Do
thou the same!

С.Т. Кольридж. Епітафія

Християнине-перехожий, стій!
Вчитайся в надпис: у могилі цій
Лежить поет (чи званий так колись).
За С.Т.К. в мовчанні помолись, –
Хто, смерть в житті шукаючи
затято,
Життя у смерті зможе тут пізнати!
Жадану славу й прощення від Бога
Здобув він, – спробуй досягнути
такого!

R. Eberhart. Ruminations

When I can hold a stone within my hand
 And feel time make it sand and soil, and see
 The roots of living things grow in this
 land,
 Pushing between my fingers flower and
 tree,
 Then I shall be as wise as death,
 For death has done this and he will
 Do this to me, and blow his breath
 To fire my clay, when I am still.

Р. Ебергарт. Роздум

Коли відчую: камінь у руці
 Стає землею і піском, а звідти
 Між пальців пнуться з корня пагінці –
 Майбутнії дерева, зела, квіти, –
 Тоді я стану мудрим, наче смерть.
 Вона зі мною вчинить, як вчинила
 Все це, й лелітку вогняну задме
 Колись у плоть мою закам'янілу.

W.E. Hawkins. Ask me, why I love you

Ask me, why I love you, dear,
 And I will ask the rose
 Why it loves the dews of Spring
 At the Winter's close;

Why the blossoms' nectared sweets
 Loved by questing bee, –
 I will gladly answer you,
 If they answer me.

У.Е.Хокінс. Чому любя ти мені?

Чому любя ти мені?
 Запитай-но ружу,
 Чом їй роси весняні
 Милі в люту стужу?

Чому надить бджіл нектар
 Весняного квіту?
 Серце, ніж мене питать,
 Сперше їх розпитуй!

Lawrence Sail. The Fullness of Glory

What narrative can move the silence on,
 What silence appropriate the cries
 Of those abandoned day after day by any
 Hope of simple justice or of mercy?

It is more than our curiosity
 Which betrays us. Yesterday, how peacefully
 The stars shone! And any fruit, cut open,
 Models the pure cosmology of perfection.

Propped on the Easter altar, the book still trails
 Its markers of gold fire, imperial purple,
 Dark crimson. Each week, from its spread pages,
 Is read *Heaven and earth are full of Thy glory.*

The contexts accrue – another starving child
 Hunching over the wreck of its own poor bones;
 And, after stories censored by curt gunfire,
 Accusations that hang like smoke in the silence.

Л.Сейл. Маеста

Як треба мовить, щоб запала тиша?
Коли ж то тиша голосніша плачу
Тих, хто намарне покладав надії
На справедливість чи на милосердя?

Гай-гай! Щось більше, ніж цікавість,
Нас видає... А вчора як привітно
Зірки зоріли! І, розкритий навпіл,
Плід був як образ світового ладу.

На Великоднім вівтарі простерта,
Багрянцем золото-огнистим
Ця книга сяє. Щонеділі сторінки звістують:
«Повні небо і земля слави Твої!».

Амінь! Дивіться — знову дитинча,
Зіщулившись, від голоду конає.
Тут правду повіряють кулеметом,
І гуснуть димом вироки у тиші.

Jackie Kay. Her

I had been told about her.
How she would always, always.
How she would never, never.
I'd watched and listened
But I still fell for her,
how she always, always.
How she never, never.

In the small brave night,
her lips, butterfly moments.
I tried to catch her and she laughed
a loud laugh that cracked me in two,
but then I had been told about her,
how she would always, always.
How she would never, never.

We two listened to the wind.
We two galloped a pace.
We two, up and away, away, away.
And now she's gone,
Like she said she would go.
But then I had been told about her —
How she would always, always.

Джеккі Кей. Про неї

Я чув не раз про неї:
Вона ж-бо завше-завше.
Вона ж нізащо-віщо.
А я дивився, слухав.
І все одно її кохав —
Ці її завше-завше,
Оці нізащо-віщо.

Стрімка і дивна була ніч.
Метеликами тріпотіли її вуста.
Спіймать хотів, та сміх її дзвінкий
Мене мов навпіл розчохнув.
Але мене попереджали —
Вона ж-бо завше-завше.
Вона ж нізащо-віщо.

Удвох ми дослухались вітру.
Удвох ми мчали світ за очі.
Удвох ставали дедалі далі, далі, далі....
Тепер її немає —
Сказала, що піде, і зникла.
А втім, мене попереджали —
Вона ж-бо завше-завше...

*Читая литературный текст, мы бежим от тревоги, одолевающей нас,
когда мы пытаемся сказать нечто истинное об окружающем мире ...
Такова всегда была функция мифа: сообщить форму, структуру хаосу
человеческого опыта.*

Умберто Эко

КАРТИНА МИРА В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ

УДК 81'42:811.111

А. Г. Ненарочкина,
Е. А. Пилюгина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

**ЭСТЕТИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИКОДОВОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕКСТА (О. УАЙЛЬД, О. БЕРДСЛИ)**

В статье рассматриваются особенности взаимодействия вербальных и иконических компонентов поликодового текста на материале пьесы Оскара Уайльда «Саломея», иллюстрированной художником-графиком Обри Бердсли. Поликодовый художественный текст, сочетающий вербальные и иконические элементы, выступает в качестве единого структурного и смыслового целого. Особое внимание уделяется лингвостилистической составляющей поликодового текста.

Ключевые слова: семиотика, поликодовость текста, эстетизация коммуникации.

Семиотика как своеобразный инструментарий, служащий целям коммуникации, представляет большой интерес для исследователей в различных сферах человеческой жизнедеятельности. «Успех коммуникации во многом зависит от ее семиотического обеспечения – от того, в какой мере удалось выразить коммуникативную информацию в концентрированном знаковом виде» [3].

Зарождение семиотики связано с именами Ф. де Соссюра, Ч. С. Пирса, Ч. Морриса, Р. Якобсона. В «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюр определил язык как систему знаков, выражающих идеи, а, следовательно, его можно сравнивать с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами [5]. Таким образом, Ф. де Соссюр полагает, что языковой знак связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ, которые автор именует означаемым и означающим [5]. В современной лингвистике семиотические идеи ученого находят отражение не только в исследовании речевой деятельности, но также в рассмотрении визуальных кодов.

По мнению Ч. С. Пирса, «знак – это конкретный объект, репрезентирующий другой объект» [4]. Американский ученый разделяет знаки на три основные группы: иконические (знаки-копии или знаки-иконы), индексные (знаки-индексы), символные (знаки-символы). Категория иконических знаков, в которой означающее обнаруживает такое сходство с означаемым, что означаемое может быть распознано по одному только означающему (например, портрет, рисунок), представляет наибольший интерес для исследования невербальных знаков.

Ю. М. Лотман утверждает, что понятие «текст» может применяться не только к сообщениям на естественном языке, но и к любому носителю целостного («текстового») значения – обряду, произведению

изобразительного искусства или музыкальной пьесе [2]. Следовательно, в качестве текста могут рассматриваться как вербальные, так и невербальные средства коммуникации, опирающиеся на использование знаковых систем.

Современные исследователи все чаще прибегают к рассмотрению вербального текста наряду с другими знаковыми системами, в связи с чем широко используются такие термины, как «креолизованный текст», «мультимедиальный текст», «поликодовый текст». В научной литературе превалирует термин «поликодовый текст», введенный в 1974 г. Г. В. Ейгером и Л. Юхтом. Ученые противопоставляют монотексты и поликодовые тексты, уточняя, что «к поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены и случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т.п.)» [1].

В. Е. Чернявская пишет, что «многомерный взгляд на текст как поликодовое образование является следствием и отражением поликодового характера человеческой коммуникации на современном этапе. В качестве ее очевидной тенденции следует назвать эстетизацию коммуникации, проявляющуюся в усиленной визуализации коммуникативного сообщения». Исследовательница связывает эстетическую функцию поликодового текста с материальной организацией текстов, играющую роль «средства дополнительной эмоционализации и экспрессивности сообщения» [6].

Иллюстрация как невербальный элемент поликодового художественного текста состоит не из слов и предложений, а из иконических образов и знаков, и соответственно переосмысление и восприятие происходит не на уровне слова, предложения, текста – знака, а на уровне образа – знака-символа.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения взаимодействия вербального компонента поликодового текста, а именно пьесы Оскара Уайльда «Саломея» (Oscar Wilde «Salomé», 1894) и иллюстраций к ней, выполненных английским художником-графиком Обри Бердсли (Aubrey Beardsley, 1872-1898).

Оскар Уайльд придавал большое значение оформлению своих произведений, считая, что «воздействие текста на читателя увеличивается благодаря печатному образу слова особой декоративной прелести», и отмечал, что иллюстрации книги должны соответствовать стилю литературного произведения [7]. Примечательно, что друзья Уайльда получили авторские экземпляры «Саломеи» в переплете из тирского пурпура и серебра.

В европейской культуре образ Саломеи был хорошо известен и пользовался неизменной популярностью у художников и скульпторов (Леонардо да Винчи, Рубенс, Дюрер, Тициан). Однако в литературе

всплеск интереса к нему возник только в девятнадцатом веке. Среди тех, кто обращался к этому сюжету, были Г. Флобер, Г. Гейне, Ж.-К. Гюисманс.

Оскар Уайльд, вслед за Ж.-К. Гюисмансом, трактует сюжет, отступая от канонической евангельской интерпретации. Отрицая тот факт, что Саломея исполняет волю матери, он вводит новый мотив. Просьба лишить жизни пророка становится личным решением Саломеи, принятым ею вследствие неразделенной любви к Иоканаану. «Король парадоксов» превращает Саломею из слепого орудия Иродиады в героиню, стоящую намного выше своего окружения. Уникальность личности Саломеи ощущается уже с первых строк пьесы.

Молодой сириец, поглощенный созерцанием Саломеи, трижды повторяет: *'How beautiful is the Princess Salomé tonight!'* [8, с. 5]. Повтор влечет за собой ритмическую организацию высказывания и благодаря своей однообразной лаконичности выступает в качестве рефрена и эмфатической акцентуации данного отрезка высказывания. Сириец влюблен в Саломею и, как заколдованный, повторяет: *'How beautiful is the Princess Salomé tonight!'* [8, с. 5].

В разговор вступает паж Иродиады. Он заворожено смотрит на Луну, играющую немаловажную роль в кодовой системе. В воздухе разлито предчувствие грядущей трагедии и паж Иродиады, предсказывает несчастья: *'Page of Herodias: Look at the moon! How strange the moon seems! She is like a woman rising from a tomb. She is like a dead woman. You would fancy she was looking for dead things.'*, *'She is like a woman who is dead. She moves very slowly'* [8, с. 6]. Читатель эмоционально кодируется намеренно окрашенной лексикой, характеризующей смерть: *"tomb", "dead woman" "dead things", "a woman who is dead"*. В качестве семантического ядра выступает эпитет *"dead"*. Сравнение небесного светила с мертвой женщиной, встающей из могилы, производит мощный стилистический эффект.

Царевна готова убить Иоканаана ради поцелуя. Смерть, красота и любовь спаяны воедино. Все, кого касается страстная, всепоглощающая любовь, обречены: и молодой сириец, и Саломея, и Иоканаан. Логично, что в финале пьесы вкус любви становится вкусом крови. Саломея произносит: *'Salomé: Ah! I have kissed thy mouth, Jokanaan, I have kissed thy mouth. There was a bitter taste on thy lips. Was it the taste of blood? ... But perchance it is the taste of love. They say that love hath a bitter taste. ... But what of that? what of that? I have kissed thy mouth, Jokanaan, I have kissed thy mouth'* [8, с. 38].

Поцеловав Иоканаана, Саломея испытывает удовлетворение лишь на миг. Она победила: *'Salomé: Thou wouldst have none of me, Jokanaan. Thou didst reject me. Thou didst speak evil words against me. Thou didst treat me as a harlot, as a wanton, me, Salomé, daughter of Herodias, Princess of Judaea! Well, Jokanaan, I still live, but thou, thou art dead, and thy head belongs to me'* [8, с. 39]. Однако любовь ее безответна: *'Salomé: I, I saw thee, Jokanaan,*

and I loved thee. Oh, how I loved thee! I love thee yet, Jokanaan. I love thee only' [8, с. 39]. Радость от победы затмевается скорбью от понимания того, что любовь нельзя получить путем преступления. Мистическая связь любви и смерти – лейтмотив пьесы.

Преступный характер любви Саломеи осознает даже Ирод: *'Herod: She is monstrous, your daughter, she is altogether monstrous. In truth, what she has done is a great crime. I am sure that it is a crime against an unknown God'* [8, с. 40] – говорит он Иродиаде. Осознав смысл ее поступка, Ирод наполняется отвращением и приказывает убить Саломею.

Смерть Иоканаана лишила Саломею смысла жизни: *'Salomé: What shall I do now, Jokanaan? Neither the floods nor the great waters can quench my passion. I was a princess, and thou didst scorn me. I was a virgin, and thou didst take my virginity from me. I was chaste, and thou didst fill my veins with fire'* [8, с. 40].

Финал пьесы глубоко трагичен. Герои получают то, чего желали: Ирод – танец Саломеи, Иродиада – месть, Саломея – целование Иоканаана. Неслучайно Уайльд утверждал: «В жизни есть только две трагедии. Когда получаешь то, чего хочешь, и когда не получаешь».

Обри Бердсли в иллюстрациях к пьесе творчески переосмысляет библейский сюжет. Здесь нет места ни пейзажам, ни интерьерам, персонажи Бердсли словно парят в воздухе, тем не менее, они не лишены современной художнику конкретики.

В изысканных дамах, наряженных по моде XIX века, трудно распознать героинь Нового завета. Читатель имеет возможность рассмотреть и царевну, и ее наряды в иллюстрациях Бердсли, названных «The Toilette of Salome I» и «The Toilette of Salome II», и заметить сходство украшенных перьями павлинов платьев и шляп-тюбанов Саломеи с тенденциями парижской моды рубежа XIX-XX вв.

Пьеса, задуманная как антитеза язычества христианству, представлена образами Саломеи и Иоканаана. Два мироощущения представляются Уайльду «в свете извращенной страсти – влечения греха к добродетели, язычества к христианству, живого к мертвому. Саломея и Иоканаан – две противоположности, вступившие в противоборство» [7, с. 123].

Описание Иоанна Крестителя не противоречит каноническому: *'First Soldier: From the desert, where he fed on locusts and wild honey. He was clothed in camel's hair, and round his loins he had a leathern belt. He was very terrible to look upon. A great multitude used to follow him. He even had disciples'* [8, с. 14]. Главный герой пьесы – пророк, вопиющий в пустыне,

Aubrey Beardsley
'The Toilette of Salome I',
1894

его некому понять, поскольку, кроме него, нет ищущих Бога. Внешне он дик, ест насекомых, на нем грубая шкура.

Для Саломея и Иоканаана характерна предельная обостренность чувств. Описание, данное Саломеей Иоканаану – это цепочка эпитетов и сравнений: *‘Salomé: It is his eyes above all that are terrible. They are like black holes burned by torches in a Tyrian tapestry. They are like black caverns where dragons dwell. They are like the black caverns of Egypt in which the dragons make their lairs. They are like black lakes troubled by fantastic moons’* [8, с. 27].

Иоканаану противопоставлена Саломея. Она носит мягкие одежды, живет в чертогах, должна быть олицетворением чистоты и душой Израиля, но оказывается чудовищем, символом разврата.

С образом Саломеи связан мотив маниакальной одержимости. Её не интересует ни религия, ни добродетель: *‘Salomé: Jokanaan, I am amorous of thy body! Thy body is white like the lilies of a field that the mower hath never mowed. Thy body is white like the snows that lie on the mountains, like the snows that lie on the mountains of Judaea, and come down into the valleys. The roses in the garden of the Queen of Arabia are not so white as thy body. Neither the roses in the garden of the Queen of Arabia, nor the feet of the dawn when they light on the leaves, nor the breast of the moon when she lies on the breast of the sea* [8, с. 23-24]. В конце своей тирады, она повторяет как заклинание *“Let me touch thy body”* [8, с. 24].

Фанатизм и аскетизм Иоканаана сталкиваются с чувственным вожделением иудейской принцессы. С точки зрения пророка, Саломея расплачивается за грехи Иродиады, своей матери: *‘Jokanaan: Where is she who having seen the images of men painted on the walls, the images of the Chaldeans limned in colours, gave herself up unto the lust of her eyes, and sent ambassadors into Chaldea? Salomé: It is of my mother that he speaks’* [8, с. 28].

Риторические вопросы и синтаксис художественного текста усиливают эмоциональную окрашенность. Саломея – преступница и грешница. Иоканаан бросает ей прямо в лицо: *‘Jokanaan: Back! daughter of Babylon! Come not near the chosen of the Lord. Thy mother hath filled the earth with the wine of her iniquities, and the cry of her sins hath come up to the ears of God.* Эмоционально-возбужденное состояние пророка выражают причудливые фигуры речи: *“to fill the earth with the wine of one’s iniquities”* и *“the cry of one’s sins come up to the ears of God”* [8, с. 28].

В грозных проклятиях Иоканаана звучит затаенный ужас: он не хочет смотреть на Саломею, в глубине души боясь искушения. Его слова: *“I do not wish to look at thee. I will not look at thee, thou art accursed, Salomé, thou art accursed”* резко контрастируют с восторгом о необычайной красоте принцессы, от которой невозможно отвести глаз.

Иоканаан сознательно отринул Саломею, поскольку ее красота проклята, она из другого мира и несет в себе деструкцию. Он фанатически предан Богу и не может взглянуть на язычницу, охваченную порочной страстью. Эти герои – суть двух миров, отторгающих друг друга.

Иллюстрация Обри Бердсли «John and Salome» изображает Иоанна Крестителя. Длинные ниспадающие черные волосы и лицо Иоанна скорее напоминают женщину, чем неистового пророка.

Танец Саломеи – кульминация пьесы. В «Саломее» Уайльда нет описания самого танца, автор обозначает его краткой ремаркой *'Salome dances the dance of the seven veils'*. Иллюстрация Бердсли, под названием "The Stomach dance" представляет собой творческое осмысление действия. Следует отметить, что Обри Бердсли наблюдал танцовщиц ночных кабаре Парижа. Используя современную «терминологию» Саломея предстает 'topless' в прозрачных шальварах.

На первый взгляд иллюстрация «The Burial of Salome» должна была явить исполненное трагизма изображение погребения иудейской царевны. Однако художник-модернист пародирует ритуал, изображая мифистифицированного Сатира и Пьеро, в качестве его ассистента, укладывающих изящно прогнувшуюся девичью фигурку в пудреницу, не забыв о таком атрибуте как пуховка, в данном случае, с массивным набалдашником. Таким образом, сопряжение трагического и комического в иллюстрации Бердсли обесмысливает героев Уайльда и их поступки.

Несомненно, вербальный текст обладает широким спектром воздействия. Неудивительно, что видение двух создателей, писателя и художника, порой диаметрально противоположно, что и является свидетельством поликодовости художественной информации текста, открывающей широкие возможности для различных, порой полярных интерпретаций.

Совершенно очевидно, что художник наравне с писателем создает образы, переосмысливает сюжет. В результате выявляются оригинальные эстетические варианты иконического аспекта поликодовости.

Aubrey Beardsley
'John and Salome', 1894

Aubrey Beardsley
'The Stomach Dance',
1894

Aubrey Beardsley 'The
Burial of Salome', 1894

Список литературы

1. Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1974. Ч. 1. 110 с.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
3. Молчанова Г. Г. Ментальная изоглосса в живописи как семиотический код и когнитивный механизм смыслопроизводства // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. к юбилею профессора Г. Г. Молчановой. Москва, 2015. С. 21-25.
4. Пирс Ч. С. Начала прагматизма. Том 2. Логические основания теории знаков. СПб.: Лаборатория Метафизических Исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000.
5. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина; под общ. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
6. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Директ-Медиа, 2014. 267 с.
7. Ellman R. Oscar Wilde: Biography. N. Y., 1984. (Русск. пер.: Элман Р. Оскар Уайльд: биография / пер. с англ. А. Мотылева. М., 2000.)
8. Wilde O. Salomé. Доступ: <https://archive.org/details/cu31924013571553> (дата обращения: 08.10.2017).

УДК 82.0:083.5

И. А. Попова-Бондаренко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

**ЭТА ВЗРОСЛАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:
КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ СКАЗКИ К. КОЛЛОДИ
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИНОККИО»**

В настоящей статье предпринята попытка реконструкции различных культурных кодов в сказке итальянского писателя Карло Коллоди (1826-1890) «Приключения Пиноккио». Выявлен код народного комедийного театра марионеток и дель арте, который характеризуется примитивными смеховыми приёмами (драки, удары по голове, унижение героя, демонстрация прозорливости, переворачивание верха и низа) и имплицитной «гротескной открытости тела» (М. М. Бахтин). Затронут ринологический аспект образа Пиноккио. В сфере действия библейского кода выявлены ветхо- и новозаветные параллели, лейтмотив блудного сына и других притч. Намечен выход в плоскость литературно-художественных аллюзий.

Ключевые слова: *Карло Коллоди, Пиноккио, комедия дель арте, гротеск, ринология, библейский код.*

Первый русский перевод литературной сказки итальянского писателя К. Коллоди «Приключения Пиноккио» под заглавием «Приключения деревянного мальчика» вышел в 1906 году [10, с. 75] в издательстве М. О. Вольфа, и весьма удивительно, что он не попал в рекомендательный библиографический каталог М. Лемке «Что читать детям до 15 лет» [9]. Удивительно, потому что сказка Коллоди, пропущенная сквозь призму наивного детского восприятия безотносительно к закодированным в ней интенциям, как нельзя лучше подпадает под основные критерии так называемого «хорошего чтения», по М. Лемке: «Детская книга должна прежде всего заключать известную мысль, расширяющую кругозор юного читателя, интересовать его, вполне соответствовать его силам и способностям <...> [9, с. 8]. И далее: «<...> В книге должен быть ясен нравственный идеал правды и добра – в смысле любви к людям <...>» [9, с. 10].

Рискнём, однако, предположить, что произведение итальянского сказочника не удостоилось рекомендаций известной в начале XX века детской русской писательницы по той причине, что в «Приключениях Пиноккио» достаточно легко угадывались черты, не вполне согласующиеся с понятиями «воспитания» и «благопристойности». По крайней мере, подготовленная публика Серебряного века, искушённая в игровой эстетике эпохи модерна, ясно видела некоторые «опасные» приметы его стиля в, казалось бы, невинной детской сказке.

Книжка о деревянном человечке по имени Пиноккио (от *pin* – сосна, а на тосканском диалекте – кедровый орешек) создавалась Карло Коллоди (наст. имя – Карло Лоренцини) на протяжении 2-х лет. С 1881-го

года она выходила частями (главами) в итальянской «Газете для детей», пока в 1883-м году не оформилась в издание под названием «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы» (итал.: *Le avventure di Pinocchio: storia di un burattino*). Слово «буратино» как раз и означает не статичную фигурку, вырезанную из дерева, но деревянного человечка-марионетку.

В связи с этим уточнением нужно отметить, что кукольный марионеточный театр, упоминание о котором находят на рубеже XV-XVI веков, – одно из любимейших развлечений итальянцев, и, с точки зрения жанра, к каждой деревянной фигурке, двигающейся на ширме при помощи нитей, применимо название «буратино», что впоследствии было обыграно А. Н. Толстым в его повести-сказке «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1936).

Вполне логично, что Коллоди в своей литературной сказке о Пиноккио имплицитно использует приёмы и кукольного марионеточного театра, и «комедии дель арте», о чём справедливо, но, к сожалению, бегло упоминает З. М. Потапова [10, с. 74]. Оба типа представлений восходят к площадному театральному действию с его мощной импровизационной составляющей. Одной из примет театра балаганного типа становятся сцены драк. Обычно главным драчуном выступает Арлекин со своей дубинкой (баточчио). У Коллоди уже во второй главе сказки дважды успевают подраться и примириться два старичка – мастер Вишня и столяр Джеппетто, будущий «отец» деревянного Пиноккио. Драка двух весьма почтенных по возрасту синьоров сопровождается характерным для народно-смеховой культуры побиванием («Джеппетто <...> бросился на столяра, и оба начали снова тузить друг друга» [8, с. 7]) и телесным обнажением (заголением): после энергичной перебранки и обидного обзывания (жанр балаганной хулы) они кусаются, царапаются и срывают друг с друга парики (причём один из париков оказывается в зубах у Джеппетто). В гл. X куклы Арлекин и Пульчинелла «<...> ссорились и бранились и, как обычно, каждую минуту обещали друг другу парочку оплеух или порцию тумачков» [8, с. 27]; Пиноккио дерётся с двумя грабителями (гл. XIV), мальчишки, которые оставили школу, дерутся друг с дружкой (гл. XXVII) и т.д.

Культурным кодом площадного театра становится также побивание друг друга различными предметами или обливание, при этом весьма частотным становится попадание в голову (на голову): в IV главе молоток, брошенный Пиноккио, попадает в голову Сверчку; в гл. VI на голову Пиноккио разбуженный старик выливает холодную воду; в XXVII главе описана «большая потасовка между Пиноккио и его товарищами» [8, с. 89-94], во время которой драчуны-бездельники завладевают ранцем Пиноккио и начинают метать книжки в противников. Один тяжёлый том попадает в голову мальчика Эдженио, и тот падает, словно мёртвый.

Культурным балаганным субкодом становится прожорливость героя / героев. В сказке – 36 глав, половина из которых описывает либо чувство голода, либо процесс приготовления еды, либо её поедания (пожирания – глаголы именно с таким корнем наиболее частотны при описании аппетита Пиноккио и некоторых других героев). «<...> У детей, – пишет Коллоди в гл. V, – аппетит растёт со страшной быстротой, и вот за несколько минут он превратился в голод, а голод в одно мгновение превратился в волчий голод, такой сильный, что его, право же, можно было пощупать руками [8, с. 14]. Практически вся гл. V («Пиноккио чувствует голод и, найдя яйцо, хочет изжарить себе яичницу, но в самое прекрасное мгновение яичница улетает в окно») посвящена описанию гротескно изображённого чувства голода, когда Пиноккио рыщет по каморке Джеппетто в поисках чего-нибудь съестного. Развитие действия в данной главе представляет собой развёрнутую фигуру климакса – по нарастающей, от меньшей к большей эмоциональности. В описании сцены со счастливой находкой куриного яйца и последующими мечтами о яичнице проступают интонации, характерные и для раблезианско-стернианского стиля (ср. сомнения Панурга по поводу будущей женитьбы или возвратно-поступательные рассуждения Тристрама Шенди), и для марионеточного театра:

«Радость Деревянного Человечка невозможно описать. Пиноккио казалось, что он грезит. Он вертел и крутил яйцо в руках, гладил, целовал его и приговаривал:

– А как мне тебя приготовить? Я испеку тебя ... Нет, лучше сварю всмятку ... А не лучше ли изжарить тебя на сковородке? Или, может быть, всё-таки сварить наскоро, чтобы можно было выпить? Нет, быстрее всего – разбить в тарелку или сковородку. Я весь горю, так мне хочется скорее сожрать тебя!» [8, с. 15].

Коллоди и дальше движется по жанровой схеме площадного театра. Жанр марионеточного представления, как и «комедии дель арте», предполагает также осмеяние и унижение героя. И действительно, Пиноккио то заключён в тюрьму, то посажен на цепь хозяином виноградника, где Деревянный Человечек воровал гроздь, то повешен Котом и Лисой на дереве головой вниз. Такое шутовское переворачивание, смена верха и низа – распространённый приём в смеховой культуре. «Первофеномен народной комедии, – указывает М. М. Бахтин, – движение колесом, то есть непрерывное перемещение телесного верха в низ и обратно (или эквивалентно – перемещение неба и земли)» [2, с. 391]. Подобный же тип движения Бахтин видит у балаганного клоуна.

По замечанию М. М. Бахтина, народно-смеховую культуру отличает гротескная открытость тела [2, с. 398]. Выше уже говорилось о шутовских приёмах срывания париков, когда неприлично (разумеется, в рамках ментального культурного кода того времени) обнажаются лысины героев.

В театре марионеток и «комедии дель арте», а также в распространённом жанре «игры о...» (например, «игры об Антихристе» в южнонемецких землях, что отмечено М. Ю. Реутиным) был распространён такой гротескный приём осмеяния, как имитация пускания ветров и актов дефекации (мочеиспускания) [11, с. 23; 2, с. 370, 396, с. 412-418; 4]. В «Приключениях Пиноккио» занемогшего человечка пытается лечить Красивая Девочка с лазурными волосами (она же – Фея), однако Пиноккио готов бесконечно есть сладкий сахар и наотрез отказывается принимать горькое лекарство – слабительное. Вся гл. XVII (за исключением финала) представляет собой бесконечные препирательства по поводу приёма лекарства. При этом слово «слабительное» дважды употреблено в названии главы и лишь один раз – в самом тексте главы – столь старательно обходят его автор и переводчик. А между тем название лекарства становится поводом для внедрения в художественную ткань литературной сказки одного из важнейших элементов балаганного комедийного жанра. Отдавая дань площадному театру, не брезговали широким упоминанием слабительного и его последствий Рабле («Гаргантюа и Пантагрюэль») и Мольер («Мнимый больной», «Господин де Пурсоньяк»); даже врач в «Мнимом больном» носит, как известно, говорящее имя – Пургон, что способствует превращению действия пьесы в клоунаду. Таким образом, появление слабительного в развитии сказочного действия у Коллоди служит ещё одной имплицитной приметой включённости происходящего в народно-смеховой контекст.

Длинный нос Пиноккио – также один из маркеров театра масок. С длинным носом, напоминающим клюв, появляется в «комедии дель арте» *Medico della Peste*, «чумной доктор», или «Доктор Чума». Слишком вольные, порой до непристойности, сюжеты «комедии дель арте» предполагали также амплуа дзанни – карнавальных персонажей шутовской природы, слуг и служанок. На одной из гравюр Ж. Калло такой дзанни изображён с утрированно длинным носом. В культурологической парадигме нос известен как субститут детородного органа, и нарушение анатомических пропорций в древности всегда было поводом, с одной стороны, для осмеяния персонажа, но, с другой, – для превознесения его сексуальной «моготы». Нос, по мнению М. М. Бахтина, во всех гротесковых ситуациях, к которым причисляются и балаганные действия, «всегда замещает фалл» [2, с. 350]. Бахтин приводит замечание известного врача XVI века Лорана Жубера (*Joubert Laurant*), современника Рабле, где тот упоминает о распространённом народном убеждении, что размеры и форма носа мужчины соотносится с его детородным органом [2, с. 350-351]. Здесь же, в контексте народно-праздничной образности, приводится пример знаменитой масленичной игры Ганса Сакса «*Nasantanz*» («Пляска носов», XVI в.). В. В. Виноградов приводит эротический «носологический» каламбур Бироальда де Вервиля (конец

XVI – начало XVII в.в.), сохранивший, по его утверждению, популярность и в XVIII, и XIX веках: «Regarde au nez, et tu verras combien / Grand est cela qui aux femmes fait bien» (цит. по: [6, с. 13]). Оставляя в стороне обзорный аспект, заметим лишь, что ринология и сегодня остаётся актуальным предметом исследования [5; 3]. Весьма любопытен в вышеозначенном русле и современный богословский подход к изучению символики носа А. де Сузнель, учитывающий не только иудейскую и христианскую мифологии, но и лингвокультурный срез древнееврейского языка [13].

Конечно же, по понятным причинам в детской литературной сказке К. Коллоди многие вещи не озвучивались, но подразумевались имплицитно как культурный итальянский (шире – мировой) масочный код шутовских представлений, в которых всё было завязано на прославлении витальной телесности как антагониста смерти и, соответственно, на производящем телесном низе. В связи с этим стоит отметить, что среди кукол-марионеток из театра Манджафоко, куда вместо школы бежит развлечься Пиноккио, встречается, как говорилось выше, не только Арлекино, но и Пульчинелла. Этот персонаж «комедии дель арте» также имеет крючковатый нос непристойного приапического типа. Типологическая общность театральных кукол и Пиноккио подчеркивается в сказке осознанием их родовой принадлежности:

«Вдруг Арлекин прерывает представление, обращается к публике, протирает руку в глубину зрительного зала и кричит трагическим голосом:

– О силы неба! Я бодрствую или вижу сновидение? И всё-таки там, позади, Пиноккио!

– Верно, Пиноккио! – восклицает Пульчинелла.

– Да, это он! – восклицает синьора Розаура, высунув голову из-за кулис.

– Пиноккио! Пиноккио! – кричат все куклы и вприпрыжку выбегают на сцену.

– Пиноккио! Наш братец Пиноккио! Да здравствует Пиноккио!

– Пиноккио, поднимись ко мне! – кричит Арлекин. – Иди сюда и пади в объятия к своим деревянным братьям!» [8, с. 27].

Нос Пиноккио живёт своей собственной жизнью: он растёт во время изготовления деревянного мальчишки из полена, и добрый папаша Джеппетто ничего не может с этим поделать. Нос вырастает у Пиноккио, когда тот лжёт, причём такой длины, что не может пролезть в дверь, и требуются услуги целой стаи дятлов («<... > в комнату влетела тысяча птиц. То были сплошь дятлы» [8, с. 57]), которых, сжалившись, приглашает Красивая Девочка с лазурными волосами, чтобы они обточили нос маленького лжеца.

На метафорическом уровне ленивый и плутоватый Пиноккио, каким он предстаёт до сказочной кульминации и преобразования, только и делает, что в сюжетных перипетиях соматически реализует значимость носа,

отмеченную в народных смеховых представлениях: он вечно *суёт* его не туда и потому страдает от излишнего любопытства, его *хватают* за нос (полицейский) и *водят* за нос (мошенники Кот и Лиса), так что, в конце концов, после каждой неудавшейся авантюры он «остаётся с носом».

В произведении итальянского писателя присутствует ещё один важнейший культурный код – библейский пласт, скрытый от так называемого «быстрого восприятия». Литературная сказка К. Коллоди полна библейских аллегорий. Так, Голубь, перенесший Пиноккио на берег моря в поисках Джеппетто, – аллегория чистоты, искупления (Ветхий Завет) и святого духа (Новый Завет) [7, с. 348]. И действительно, к моменту встречи с Голубем, Пиноккио покаянно рыдает на могиле Феи, горюет об отце, которому принёс столько страданий, и почти готов начать праведную жизнь. Дельфин, который помог Пиноккио добраться до суши, в христианской символике связан, по мнению М. Н. Соколова, с Иисусом Христом, а потому является и аллегорией спасения [12, с. 393]. Название острова («Остров Трудолюбивых Пчёл») говорит само за себя и в комментариях не нуждается.

Магистральный мотив сказки – злключения блудного сына, описанные в Евангелии от Луки (Лук. 15: 11-32), что в художественно-литературной жанровой плоскости тесно переплетается с романом воспитания.

Испытания, которые выпадают на долю Пиноккио, также имплицитно связаны с перипетиями жизни блудного сына, где главным становится искушение (украсть, солгать, приобрести что-либо, не прилагая усилий и т.д.) и невоздержность. В гл. VII Пиноккио капризничает, не желая есть груши с кожурой (их отдаёт ему на завтрак сердобольный столяр), но требует очистить фрукты. Эта сцена, демонстрирующая переборчивость и высокомерие Пиноккио, и становится триггером развития сюжета о блудном сыне на сказочный лад. Библейский герой, имея в начале своего жизненного пути богатое наследство, постепенно растрчивает его впустую. Пиноккио, как и блудный сын, транжирит свой «начальный капитал»: Джеппетто, как помнит читатель, продаёт зимой свою куртку и на вырученные деньги покупает мальчишке букварь, с которым тот легко расстаётся ради посещения кукольного театра. Пиноккио постоянно притягивают сомнительные удовольствия и приключения. Счастливой представляется ему жизнь в «Стране Развлечений», где «осенние каникулы начинаются <...> первого января и кончаются тридцать первого декабря» [8, с. 107]. Мальчик-марионетка, как и блудный сын, выбирает себе дурных товарищей, отчего затем страдает сам, легко поддаётся влиянию мошенников (Кот и Лиса), которые выманивают у него деньги и т.п.

Ближе к финалу сказки композиционно закольцовывается заявленный в VII главе алиментарный мотив: настрадавшись, Пиноккио,

как и блудный сын из евангельской притчи, теперь готов есть всяческую неудобоваримую пищу (блудный сын ест рожки вместе со свиньями, Пиноккио – жёсткое пшено), а когда Деревянного Человечка в наказание за лень и жестокосердие превращают в осла, – то и грязную солому.

Библейские аллюзии внедряются в ткань повествования самым прихотливым образом: так, добрая женщина у колодца (а это была Фея), напоившая измученного жаждой Пиноккио, а затем спасшая его от голода, – вольная контаминация двух притчевых сюжетов о самарянке и Иисусе, встретившихся у колодца, и добром Самаритянине, спасшем иудея.

Огромная Акула, проглотившая и Джеппетто. и Пиноккио, и Тунца, и корабль – намёк на библейское морское чудовище по имени Левиафан (Иов. 40:20–41:26, Ис. 27:1), а также на ту огромную рыбу, которая проглатывает библейского Иону (мотив «Иона во чреве кита»). Пророк Иона – строптивец, спорщик с самим Господом, поэтому на уровне сказки он воспринимается как низовой аналог Пиноккио, для которого до поры до времени также нет авторитетов. Кстати, как и Иона, Пиноккио выйдет из чрева Акулы преображённым – по крайней мере, готовым на самоограничения, что позволит ему впоследствии стать настоящим мальчиком, человеком.

Попутно отметим, что превращение (преображение) не отражено ни в сказке Алексея Толстого о Буратино, ни в фильме реж. Леонида Нечаева по мотивам сказки Толстого («Приключения Буратино», 1975). Там герои остаются куклами, которые устраивают счастливую жизнь в своём маленьком кукольном мире. Назидательность и гуманизм сказки Коллоди состоит как раз в использовании этого приёма преобразования – дарованной возможности очеловечивания той косной материи (дерева), из которой сделан Пиноккио.

Мотив дерева также обыгран в библейском ключе: человек, который сделал деревянного Пиноккио и которого деревянный мальчишка считает своим отцом – столяр Джеппетто. Известно, что образы плотников и столяров в художественной литературе и живописи имеют прямое отношение к символике Иисуса (изготовление креста, несение креста, распятие, снятие с креста).

Горький опыт Пиноккио отелеснен – он чувствует последствия своих дурных поступков в прямом смысле слова «на своей шкуре» (в том числе – и ослиной, когда превращается в осла). Сначала его, убегающего от Джеппетто, хватает за нос полицейский (за нос, потому что ушей у мальчишки практически нет) – так соматическая деталь выходит здесь на зеркальный метафорический уровень библейского «кто имеет уши слышать, да слышит!» (Матф. 11:15) – а не имеющий ушей и не услышит, как Пиноккио не слышит наставлений папаши. Затем он теряет деревянные ноги, беззаботно положив их на раскалённую сковородку, потом его хотят зажарить, как рыбу (испытание отрока огнём), у него от безделья

вырастают ослиные уши, и сам он становится ослом, над которым издевается дрессировщик. Учитывая «страдательную» культурологическую параллель «Иисус – осёл» [1], мы понимаем, что при всём иронизировании над слабостями и недостатками Пиноккио, автор формирует и сострадательное отношение читателей к герою, который в дальнейшем раскается.

Путь испытаний завершается для Пиноккио счастливо: страдания созидают в деревянной фигурке человеческое сердце – можно сказать, что Пиноккио, по сути, стал человеком задолго до того, как свершилось его телесное перевоплощение.

Обидчики (Кот и Лиса) получают по заслугам (ср.: по делам их воздастся им). Кот, долгое время притворявшийся слепым нищим, действительно слепнет, а Лиса лишается того, что, собственно, составляет её гордость и красу – хвоста.

Проступают в сказке и литературные аллюзии: так, героя-мальчишку с шекспировским именем Ромео из-за его отвратительного поведения называют Фитилём (по-итальянски – Lucignolo). Не исключено, полагают некоторые исследователи, что здесь содержится намёк на имя «Луций», героя романа древнеримского писателя Апулея «Золотой осёл», который претерпел множество испытаний (страданий и унижений), прежде чем вернулся к прежнему человеческому обличью. От «беспрерывных игр и безделья» Фитиль действительно становится ослом, и его дальнейшая судьба не прописана в сказке.

В 1865-ом году, задолго до появления сказки К. Коллоди, в Англии выходит книжка Люиса Кэрролла «Алиса в стране чудес». Специальных исследований на этот счёт мы не проводили, но ряд приёмов у Коллоди и Кэрролла весьма схож: таковы лейтмотивы вырастания и уменьшения (у Пиноккио – носа и ушей, у Алисы – рук, ног и корпуса); застревание носа Пиноккио в двери – и невозможность попадания Алисы в чудесный сад и домик, а также внезапное вырастание героини до угрожающих размеров в самом домике и т.д. К подобным параллелям можно отнести и превращение предметов в живых существ (Пиноккио колотит в дверь дома специальным молоточком, который вдруг превращается в мягкого угря), а живых существ – в предметы (Алиса удивлена, что в королевском крокете ежи выполняют функцию мячей, а фламинго – роль молотков) и т.д.

Таким образом, литературная сказка К. Коллоди «Приключения Пиноккио» предоставляет будущим исследователям богатое поле для наблюдений и выводов, и те культурные коды, которые обозначены в настоящей статье, можно считать лишь предварительными результатами дальнейших серьёзных разработок.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Истоки и развитие раннехристианской литературы // История всемирной литературы: в 9-ти тт. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 501-515.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
3. Бычкова А. Ю. Ринология Гоголя: типологические аспекты: автореф. дисс. канд. филол. наук. Томск, 2014. 18 с.
4. Даркевич В. П. Народная культура средневековья. Пародия в литературе и искусстве IX-XVI. М.: Либроком, 2010. 288 с.
5. Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М.: ТОО «Радикс», 1993. 590 с.
6. Виноградов В. В. Натуралистический гротеск. Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос» // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. Избранные труды. М.: Наука, 1976. С. 5-44.
7. Иванов В. В., Топоров В. Н. Птицы // Мифы народов мира: в 2-х тт. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2 (К-Я). С. 346-349.
8. Коллоди К. Приключения Пиноккио. Пер. с итал. Э. Казакевича. МИПЦ СП «Вазар-Ферро». 151 с.
9. Лемке М. Что читать детям до 15 лет. СПб., 1910. 79 с.
10. Потапова З. М. Итальянская детская литература XIX века // Зарубежная детская литература / сост. И.С. Чернявская. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М.: Просвещение, 1982. С. 70-88.
11. Реутин М. Ю. Игры об Антихристе в Южной Германии. Средневековая пародия. М.: РГГУ, 1994. 41 с.
12. Соколов М. Н. Рыбы // Мифы народов мира: в 2-х тт. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2 (К-Я). С. 391-393.
13. Сузнель А., де. Символіка людського тіла: пер. з фр. К.: Знання-Прес, 2003. 566 с.

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ АНТРОПОНИМИИ РОМАНА М. ДРЕББЛ «МОЙ ЗОЛОТОЙ ИЕРУСАЛИМ»

В статье рассматриваются литературные антропонимы с оценочным значением как пласт специфической лексики, в которой отображаются особенности национального мировосприятия и система этнокультурных ценностей и доминант английского языкового сообщества. Наряду с другими стилистическими средствами литературные антропонимы выражают авторскую позитивную или негативную оценку и способствуют созданию многогранного художественного образа литературного персонажа.

Ключевые слова: *литературный антропоним, оценочное значение, авторский замысел, концепция произведения, говорящее имя*

1. Вводные замечания

Полный и глубокий анализ актуализации оценочного значения антропонимов в разных типах речи невозможен без обращения к особенностям функционирования оценочных антропонимов (далее ОА) в художественном тексте. Структура оценки литературных антропонимов значительно отличается от структуры оценки общеязыковых антропонимов, что обусловлено спецификой функций литературных ОА. Автор литературного произведения (субъект оценки) выражает свое положительное или отрицательное отношение к персонажу (объект оценки), что является релевантным согласно концепции произведения (основание оценки). Общеязыковые ОА, функционируя как социальные знаки, кроме номинативной функции выполняют еще идентифицирующую и дифференцирующую. Литературные ОА актуализируют идею, являющуюся основой авторского замысла, и как неотъемлемая часть художественного текста характеризуются рядом функций, которые обусловлены их спецификой. Вслед за М. В. Горбаневским [1], М. Г. Евсеевой [2], В. М. Калинкиным [3], Ю. А. Карпенко [4], В. М. Михайловым [7], рассматриваются такие литературные ОА, которые выполняют в тексте номинативную, характерологическую, локализаторскую, идеологическую, экспрессивную и оценочную функции.

В настоящем исследовании анализ стилистических возможностей ОА в художественной речи базируется на мнении о том, что связь между звучанием антропонимов и персонажем – его носителем как правило не бывает случайной. В художественном произведении все имена в большей или меньшей степени значимы. Как утверждал Ю. Н. Тынянов, «в художественном произведении нет неговорящих имен. Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно. Оно с максимальной

силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни». [10, с. 202]. Имя в художественном тексте, закрепленное за определенным референтом, имеет свой смысл, который отражает специфические признаки своего носителя, его наиболее существенные физические и моральные качества. Имя литературного персонажа является чрезвычайно насыщенным по объему содержащейся в нем информации и не в меньшей, а даже в большей степени, чем слово в художественной речи, отмечается способностью вызывать самые разнообразные представления, эмоциональные и логические ассоциации. «Трудно найти такие языковые средства, – пишет Э. Б. Магазаник, – с помощью которых художник мог бы с равным лаконизмом передать свое отношение к определенному характеру или его главным свойствам. Ведь собственное имя – антропоним – самое короткое обозначение человека как индивида ... антропоним в конкретном употреблении, когда хорошо известный его объект кажется воплощением сущности обозначаемого лица» [5, с. 51].

При этом известные три плана значений антропонимов – доантропонимический, антропонимический и отантропонимический – в художественной речи подвергаются существенным трансформациям. Если в живой речи доантропонимическое, апеллятивное значения не играют важную роль, зато обязательными значениями являются антропонимическое и отантропонимическое, то в речи художественного текста на передний план выдвигается доантропонимическое значение, а семантика имени воссоздается [11]. Это утверждение, конечно, не подразумевает «семантического восстановления» каждого имени или фамилии в тексте художественного произведения. Наиболее четко это явление проявляется в «говорящих именах», апеллятивная основа которых прямо характеризует персонажей. Исследователей английского стилистического антропонимикона, как правило, в первую очередь привлекали именно такие имена (Э. Б. Магазаник, О. А. Милашевич, В. Н. Михайлов и др.). Однако эволюция литературной антропонимии, связанная с эволюцией социальных условий, политических направлений и т.д., находит свое отражение в творчестве каждого автора, выражается не только в изменении отношения автора к описываемым событиям, но и в эволюции образов, вместе с тем и имен персонажей. «Говорящие имена» выражают субъективное мнение автора о персонаже-носителе такого имени, содержат в себе оценочную характеристику этого персонажа как определенного социального типа, поэтому в предлагаемом исследовании мы придерживаемся мнения о том, что каждое «говорящее имя» в литературе является оценочным. «Говорящие имена» чаще всего характерны для сатирической литературы, иногда такими именами называют негативных или второстепенных персонажей. На наш взгляд, в художественном тексте наиболее интересны такие антропонимы, которые с первого взгляда не характеризуют персонаж, однако в зашифрованном или

полузашифрованном виде могут содержать определенную оценочную характеристику литературного героя. Подобные антропонимы не просто выдуманные или выбранные автором из антропонимического словаря языка, они имеют четкую цель: показать многообразие и значимость стилистической функции ОА для более глубокого понимания художественного образа. Проиллюстрируем данное утверждение примерами из романа М. Дреббл «Мой золотой Иерусалим» [12].

2. Семантический и функционально-стилистический потенциал оценочных английских имен и фамилий в романе М. Дреббл «Мой золотой Иерусалим»

Известно, что писатели всех времен и народов уделяли выбору имен для своих персонажей очень большое значение, о чем существует много свидетельств в дневниках, записных книжках, предисловиях и письмах, а иногда и в текстах самих литературных произведений. Называя персонаж художественного произведения определенным именем, писатель сначала «кодирует» именуемую личность, потом, как рассказчик, он «декодирует» антропоним, помогая читателю понять авторские художественные импликации и установить связь между значением имени и характером личности, которая является его носителем.

Именованье динамично, и в художественном тексте не всегда один и тот же персонаж именуется одинаково на протяжении всего текста. Говоря о динамике имени, о совокупности форм именованья одного персонажа, мы прежде всего сталкиваемся с понятием варианта и вариации имен.

По словам А. А. Реформатского, «одного и того же человека можно назвать по-разному в зависимости от речевой ситуации и от взаимоотношения говорящих» [8, с. 25-26], то есть возможно использование имени только в его полной, гипокористической или уничижительной форме.

Антропонимия романа М. Дреббл «Мой золотой Иерусалим» выполняет очень важную характерологическую функцию. Положительное отношение писательницы к персонажам произведения выражается полной корреляцией семантики позитивно-оценочного антропонима и достойного поведения или привлекательной черты характера литературных героев. Негативный компонент значения литературных антропонимов произведения актуализируется за счет противопоставления семантики антропонимов личностным качествам и поступкам их носителей. Несоответствие знака оценки литературного антропонима сущности его носителя рассматривается как своеобразный стилистический прием, который создает иронический эффект.

2.1. Собственная заинтересованность автора именами и фамилиями реализуется в характере главной героини Клары Моэм, для которой ее имя очень тесно связано с ее судьбой. Имя играет для Клары очень важную роль, и поэтому она, знакомясь и общаясь с другими людьми, всегда обращает внимание на их имена и фамилии, которые, как оказывается

позже, или соответствуют чертам характера и личным свойствам человека, или, наоборот, противоречат им. Начало романа сразу же знакомит читателя с именем главной героини и ее отношением к своему имени, с изменением этого отношения с течением времени и значением имени в жизни девушки. В романе присутствует и социолингвистическая проблематика, связанная с антропонимической модой: Клара объясняет, что ее имя старое, но в будущем оно может стать популярным. Автор романа также раскрывает социальное значение имени: девушка была так названа в честь сестры бабушки, которая исповедовала протестантство. Сам выбор имени отражает реально существующую тенденцию называть детей в честь родственников или известных людей, характеризуя религиозные убеждения и семейные привязанности родителей. В выборе имени выражается отношение матери к своей дочери, в отношении Клары к своему имени косвенно выражается и ее отношение к матери. *Clara never failed to be astonished by the extraordinary felicity of her own name. She found it hard to trust herself to the mercy of fate, which had managed over the years to convert her greatest shame into one of her greatest assets, and even after years of comparative security she was still prepared for, still half expecting the old gibes to be revived* [12, с. 7]. 'Клара не переставала изумляться, как невероятно повезло ей с именем. Трудно было положиться на благосклонность судьбы, с годами каким-то образом превратившей величайшее ее несчастье чуть ли не в величайшее достояние; и даже теперь, после нескольких сравнительно спокойных лет, она всегда оставалась настороже и не могла до конца поверить, что больше не услышит прежних колкостей'.

В следующем примере видна параллель «имя – интеллект», что дает возможность анализировать непривычное для английского языка имя как символ необычности, неординарности личности героини. Ее имя, как и ее интеллект, выделяет Клару среди окружающих, заставляет ее искать другой мир, где бы она жила с таким же как и она людьми и где ее имя не было бы поводом для насмешек. *The reversal of fortune was in fact so complete that Clara sometimes found herself wondering whether she had not gone so far as deliberately to seek a world in which her name could be a credit and not a shame. Her social progress had certainly taken her far enough from her starting point. On the other hand, time had converted liabilities other than her name into assets, and things surely more integral to the nature of her progress. Her intelligence, which was considerable, must for instance have played some more significant and guiding role: the name question was merely piece of luck. Her intelligence, like her name had been as a child, as a source of trouble to her, for it too had singled her out, when her own desire had been to be inconspicuous* [12, с. 7-9]. 'В самом деле, Фортуна столь безоговорочно сменила гнев на милость, что Клара порой задумывалась, а что, если она сама нарочно старается оказаться там, где ее имя было бы не проклятьем, а подспорьем? Уж очень далеко она ушла – принимая во внимание, с чего пришлось начинать. Впрочем, и

другие недостатки Клары время превратило в достоинства, в том числе и те, от которых ее успехи зависели гораздо больше. Например, ум: Клара была способной девочкой, и это наверняка сыграло более важную, определяющую роль, в то время как имя было не более чем делом случая. В детстве и имя, и наличие способностей доставляли ей множество страданий, из-за них она выделялась, хотя больше всего на свете желала оставаться незаметной’.

В романе имена девушек, которые очень похожи по своим взглядам на жизнь, внутренним миром, отношением к окружающим, сходны по звучанию: *Clelia* и *Clara* [12]. Аллитерирующие имена подчеркивают сходство их характеров, акцентируют на себе внимание. Позже становится понятно, что необычные, но во многом подобные имена являются символами необычных, но во многом подобных характеров двух девушек. *In view of all the other men in the room, Clara paid no attention at all to Sebastian Denham's daughter, apart from wondering whether she had heard her name aright, for she seemed to be called Clelia: the name, at first hearing, was so uncannily like Clara that Clara dispensed with the notion that she might have misheard the initial consonant, and that the girl might be supposed to be called Dahlia. Clelia was a name with which she had no acquaintance. She didn't think it likely that she would ever need to use it, so she was not unduly uneasy about her ignorance* [12, с. 15]. ‘В комнате собралось столько мужчин, что на дочку Себастьяна Денэма Клара не обратила никакого внимания, подумав только, правильно ли она расслышала имя: вроде бы ее звали Клелия, и это имя, прозвучав в первый раз, было так неожиданно похоже на ее собственное, что Клара решила: наверное, она плохо расслышала первый слог и на самом деле девушку зовут Лилия. Имени «Клелия» она никогда раньше не встречала. Но, рассудив, что вряд ли ей вообще придется его произносить, не стала зря мучиться из-за этого упущения’.

2.2. На протяжении всего романа мир семьи Моэмов, мир бездушия, скупости, ненависти к проявлениям интеллекта, незаурядности противопоставляется миру семьи Денем, миру теплоты, щедрости, высокой интеллектуальности и раскованности. Противопоставление двух семей проявляется и в противопоставлении имен. Так, в семье Денема и родители, и дети, которых связывает взаимная симпатия, имеют необычные имена. Это также своеобразный сигнал значимости рода в жизни главной героини и свидетельства незаурядности, необыкновенности их носителей. Мисс Денем, например, придумывает имя для своей второй дочери Клелии (Клилии) таким образом, чтобы оно сочеталось с именем первой – Эмили. Свою младшую дочь она называет Анунциатой, имя, которое поэтизирует, возносит. *She wondered what her mother would have made of Amelia, Magnus, Gabrid, Clelia and Annunciata, let alone Sebastian and Candida* [12, с. 123]. ‘Ей было интересно, что ее мать сделала бы из Эмили, Магнуса, Габриды, Клелии и Анунциаты, не говоря уже о Себастьяне и Кандиде’.

В следующем примере просто называется персонаж и дается его характеристика, ведь в раскрытии образа поэтессы ее имя оказывается релевантным. Имя *Margarita* (Маргарита), которое является вариантом имени *Margaret* (Маргарет), происходит от латинского *margarita* – ‘жемчужина’, в переносном значении ‘клад’, ‘самая лучшая’ [9]. Это очень красивая женщина, имеющая изысканный вкус, однако даже не очень сведущая в поэзии Клара понимает, что как поэтесса она является достаточно посредственной личностью. Внешняя эффектность противопоставляется ограниченности внутреннего мира. Приведенный пример иллюстрирует изменение характера оценки литературного антропонима *Margarita*, апеллятивная основа которого несет позитивный, пожелательный смысл, а значит, характеризуется положительной оценкой. Однако с развитием сюжетной линии образ персонажа приобретает качественно другие характеристики: женщину вряд ли можно назвать поэтессой. Если это и жемчужина, то ненастоящая, а подделка. Автор намеренно выбирает такое имя именно для этого персонажа: оно выполняет яркую характерологическую функцию, а также актуализирует негативное отношение Дреббл к Маргарите. Итак, в контексте рассматриваемого романа семантика имени *Margarita* приобретает дополнительные негативные значения «ненастоящая», «фальшивая», «пустая» и, как следствие, изменяет начальную позитивную оценку на негативную. *Margarita Cassel, the only one whose fame had filtered through to the regions where Clara lived, looked just as a poetic actress ought to look; she was middle-aged and beautiful, flippant and intense, strident and informal. Her dress was of pale shining embroidered silk, and she read with emotion, and when Peter said, finally, in Clara's ear, that she was not good, Clara knew that she had known it, for how could anything so pleasant be good, and yet she was nevertheless grateful, for such colorful badness, for the drab empty stage, with its bleak abstract backcloth, and its ill-rehearsed lighting changes, demanded such relief* [12, с. 12]. ‘Единственной, чья слава докатилась до Клариных краев, оказалась Маргарита Касселл, и выглядела она так, как и положено выглядеть выступающей на сцене поэтессе: красивая женщина средних лет, вызывающе бросакая, резкая и раскованная. На ней было светлое платье из блестящего вышитого шелка, и стихи она читала с огромным чувством, но, когда Питер наконец прошептал Кларе на ухо, что читает она плохо, Клара подумала: да, она сразу поняла, это настолько мило, что хорошо быть просто не может, но была тем не менее благодарна миссис Касселл; пусть плохо, зато глаз радуется, иначе на этой, скучной голой сцене с тусклым абстрактным задником и неотлаженными световыми эффектами взгляду было бы не на чем задержаться’.

Еще один пример иллюстрирует противопоставление внешнего – внутреннего, видимости – реальности, что находит свое отображение в антропонимах персонажей произведения. Антропонимическая формула *Eric*

Harley [12] (*Eric* ‘почтенный’, ‘вожак’, *Harley* – *hare* ‘заец’ + *lea* ‘поле, луг’ [9]) демонстрирует явное несоответствие между именем и фамилией, является авторским средством раскрытия аналогичного несоответствия между видимостью, впечатлением, которое производит поэт, и его сущностью, внешность – «*well-articulated, clear, strong*» («сильный человек со светлыми мыслями»), сущность – «*awful*» («ужасная») [12, с. 11-12]. Противопоставление актуализируется также в образах персонажей. Эрик Харли противопоставляется поэту Денему, который внешне «*monotonously even and undramatic*» [12, с. 11-12] («однообразно спокойный и лишенный драматизма»), но как поэт – «*superb*» («замечательный»).

Определенные ассоциации у читателя вызывает комбинация имени и фамилии еще одного персонажа. Так, *Samuel Wisden* [12] (*Samuel* – буквально ‘имя его Бог’, в Библии Самуил – выдающийся пророк и судья Израиля, *Wisden* – созвучно с *wisdom* ‘мудрость’ представляется в соответствии с своего именем и фамилией пожилым, мудрым человеком. Клара, прочитав некоторые его произведения, представляла его как «*plain and sensitive, given to riding bicycles*» (‘простого и чувствительного человека, который мог бы заниматься велоспортом’) [12]. Однако ни представления, которые вызывает имя персонажа, ни впечатление, которое производит его поэзия на Клару, не подтверждаются, несоответствие снова создает иронический эффект. *She had been impressed: she had even gone so far as to look up some of Samuel Wisden’s works before attending the reading. They were shy, lyrical, lower middle class pieces about young men in cheap suits in parks and on railway stations; she had pictured some plain and sensitive man, given to riding bicycles, and was agreeably surprised when she found that a motorbike was more the image that he evoked, for he was flamboyant, leather-jacketed, and he had a fancy hair cut* [12, с. 12]. ‘Клара настолько прониклась уважением, что перед тем, как идти, даже посмотрела кое-что из сочинений Сэмюэла Уиздена. Это оказалась непритязательная городская лирика, где герой, молодой человек в дешевом костюме, бродил по паркам и вокзалам, и воображение уже нарисовало Кларе образ неприметного и чувствительного любителя велосипедных прогулок; она была приятно удивлена, когда увидела, что настоящему Сэмюэлу Уиздену подошел бы скорее не велосипед, а мотоцикл – поэт был жизнерадостный, в кожаной куртке и со стильной стрижкой’.

Корреляция семантики антропонимов и личности, характера персонажа выражается в романе антропонимом *Sebastian Denham* [12]: *Sebastian* ‘священный, достопочтенный’, *Denham* ‘дом, имение в долине’ [9]. Как отмечает Л. Г. Шеремет, фамилии с топонимическими суффиксами или фамилии-микротопонимы характерны для персонажей, которые занимают высокие социальные позиции [11, с. 159]. Образ Себастьяна Денема полностью оправдывает ассоциации, вызванные его именем и фамилией. Это уже немолодой известный поэт, отличается своей “подлинностью”.

Соотношение между именем и фамилией персонажа и его личностью подчеркивается определением «*real authenticity*» («настоящая подлинность»). Таким образом, в данном случае имя и фамилия служат средством дополнительной характеристики персонажа. *Of the four performers, Sebastian Denham was the only one to exude real authenticity. He was, for one thing, the oldest, the programme said that he was in his early fifties. He was also the most famous, though Clara could not have known this had she not looked him up in various works of reference, so when she had been invited to the Poetry Reading she had not so much as heard of him. As she looked through the list of his published works in the library catalogue, and read the comments on him in the Penguin Guides, and inspected his career in the programme notes, she felt ashamed that someone of such evident distinction could have eluded her consciousness so entirely. His reputation was clearly as firm as a rock, adjectives such as «classic» and «masterly» abounded in the vicinity of his name* [12, с. 13]. 'Из всех четверых лишь о Себастьяне Денэме можно было сразу сказать: это настоящее. Прежде всего, он был самым старшим, в программке сообщалось, что ему было пятьдесят с небольшим. Он же был и самым известным; правда, узнала Клара об этом лишь тогда, когда, получив приглашение на вечер, заглянула в несколько справочных изданий; раньше она о Себастьяне Денэме даже не слышала. Она просмотрела в библиотечном каталоге список его публикаций, прочла статьи в популярных справочниках издательства «Пингвин», изучила программку с перечнем его заслуг и устыдилась, что столь выдающаяся личность оказалась полностью за пределами ее поля зрения. Его имя высилось подобно скале; везде оно было плотно окружено словосочетаниями типа «классический» и «виртуозный»'.

Имя Себастьян Денэм приобретает положительную оценку, актуализируется и поддерживается в контексте романа такими определениями, как «*real authenticity*» ('реальная подлинность'), «*the most famous*» ('самый известный'), «*someone of such evident distinction*» ('выдающийся человек'), «*classic*» ('классический'), «*masterly*» ('совершенный') [12]. Соответствие семантики литературных антропонимов (имени и фамилии) внутренней сущности персонажа в вышеприведенном примере является неслучайным и стилистически значимым. Среди всех поэтов Себастьян Денэм один настоящий, и это помогают понять его имя и фамилия, скорее соответствие между ним как личностью и ассоциациями, которые вызывает его имя. Образ Себастьяна противопоставлен фигуре Маргариты Кассел, которая не оправдывает значения своего имени – «жемчужина». В ее имени нет такого соответствия.

3. Выводы

Проанализированный материал свидетельствует о том, что основным свойством ОА в художественном тексте вместе с номинацией является характеристика носителя имени. Высокий стилистический потенциал ОА в

художественном тексте определяется системой произведения в целом, взаимосвязанностью и общей мотивированностью всех его элементов. В тексте художественного произведения различным качествам персонажа, различным идеям, которые воплощает автор, могут соответствовать и разные имена. Имена и фамилии, имена и прозвища вступают в сложные отношения. Противопоставление характера оценки имен воспринимается как противопоставление разных качеств, которые сочетаются и сосуществуют в человеке. Персонаж будто существует в нескольких ипостасях, одна из которых противоположна другой. При этом ОА стремятся выйти за пределы свойственного для них употребления и расширить сферу своего влияния. Это выражается прежде всего в символизации антропонима, который воспринимается как олицетворение определенных качеств персонажа, и в этом контексте получает такие же права, как и имя нарицательное, превращаясь в средство описания и оценки действительности.

Список литературы

1. Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе. М.: Знание, 1988. 87 с.
2. Евсеева М. Г. Особенности латентных семантических связей коннотативных значений поэтических номинаций // Филологические исследования. Донецк: Юго-Восток, 2000. Вып. II. С. 181-190.
3. Калинин В. М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
4. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34-40.
5. Магазаник Э. Б. Ономопоэтика, или «говорящие» имена в литературе. Ташкент: Фон, 1978. 148 с.
6. Милашевич О. А. Textoобразующая функция вариативных способов именования персонажей (на материале произведений У. М. Теккерея) // Вісник Донецького університету. Сер. Б : Гуманітарні науки, 2003. Вип. 1. С. 76-81.
7. Михайлов В. Н. Антология поэтонимологической мысли. Донецк: Юго-Восток, 2008. 418 с.
8. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М.: Аспект Пресс, 2010. 536 с.
9. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен: 4000 имен. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2000. 224 с.
10. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 198-226.
11. Шеремет Л. Г. Значение и стилистический потенциал английских имен собственных (именования людей): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 198 с.
12. Drabble M. Jerusalem the Golden. Penguin Books LTD, 2006. 208 p.
13. Searle J. R. The Problem of Proper Names // Semantics. An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology. Cambridge: The University Press, 1991. P. 134-141.
14. Simmonds F. N. Naming and Identity // Reconstructing Womanhood, Reconstructing Feminism. Writings on Black Women. Edited by D. Jarett-Macauley. L., N.Y.: Routledge, 1996. P. 109-115.
15. Srensen H. S. The Meaning of Proper Names. Copenhagen: G.E.C. Gad Publisher, 1996. 117 p.

ЮБИЛЯРУ С ЛЮБОВЬЮ

Дорогая Ольга Леонидовна!

Примите искренние поздравления с юбилеем и пожелания крепкого здоровья, счастья, талантливых учеников и успехов во всех начинаниях.

Благодаря Вашей высокой эрудиции, огромной самоотдаче и большому организаторскому таланту кафедры английской филологии продолжает успешно развиваться в образовательной и научной сферах и учебно-методической работе.

Все, кто имел и имеет возможность работать и сотрудничать с Вами, учиться у Вас, высоко ценят Ваш профессионализм, компетентность и преданность лингвистической науке, доброжелательность и тактичность во взаимоотношениях с коллегами, аспирантами и студентами. Являясь талантливым ученым, блестящим педагогом и вдохновляющим наставником, Вы вносите большой вклад в развитие науки и подготовку высококвалифицированных кадров.

Мы желаем Вам, уважаемая Ольга Леонидовна, замечательного настроения, благополучия, достижения всех поставленных целей, всегда быть в окружении друзей, коллег и учеников.

*С уважением, коллектив Донецкого национального университета,
ректор ДонНУ, доктор физико-математических наук, профессор С. В. Беспалова*

Дорогая Ольга Леонидовна!

**От чистого сердца коллектив факультета иностранных языков
поздравляет Вас со славным ЮБИЛЕЕМ!!!**

Вот уже много лет всю свою энергию, ум и талант руководителя, ученого, преподавателя Вы отдаете развитию кафедры английской филологии.

Заведующий кафедрой – это не только должность, это образ жизни. Ведь известно, что престиж кафедры, её достижения и успехи во многом определяются организаторскими и творческими способностями её руководителя. Вы сохранили традиции, заложенные Вашими предшественниками, умело сочетаете их с новаторскими подходами и способствуете дальнейшему развитию кафедры; делаете это весьма плодотворно, эффективно и целенаправленно. Щедро делитесь со студентами и аспирантами своим богатым исследовательским и жизненным опытом.

Тяжело переоценить Ваш вклад в организацию, развитие и совершенствование учебной, научной и методической работы на факультете. Восхищает Ваш оптимизм, свежие идеи, безграничное стремление к совершенству.

Мы очень ценим Ваше умение помочь и найти нужные слова поддержки каждому из нас в трудную минуту, способность объединять вокруг себя людей, создавая дружный и сплоченный коллектив. Мы любим и уважаем Вас за Вашу доброту, внимание, порядочность.

В Ваш замечательный юбилей мы от всей души желаем Вам крепкого здоровья, успехов, творческих сил, талантливых учеников, новых интересных идей и их успешной реализации, процветания и благополучия!

Пусть Ваша жизнь будет наполнена новыми победами, яркими идеями и согрета теплом и любовью близких!

Коллектив факультета иностранных языков

Посвящается Бессоновой Ольге Леонидовне в честь 50-летия

Что такое пятьдесят?
Это опыт, трезвый взгляд,
Уважают Вас и ценят,
Подражать во всем хотят!
Пусть в Вашем сердце будет свет,
Коллеги многим Вам обязаны,
Без Вас ФИЯ – неполный факультет...
На практике доказано!
Вы символ мудрости, упорства,
В науке Вы наш ориентир,
Дальнейшего мы Вам желаем роста,
Пусть крепким будет Ваш научный мир!
Мы скажем честно, искренне и прямо,
В работе Вы достигли всех высот,
Но несмотря на это, Вы жена и мама,
И пусть Господь очаг Ваш бережет!
Пусть в душе у Вас всегда будет уютно,
Вы достойный счастья человек,
И как бы ни было порою трудно,
Пусть долгим будет жизненный Ваш век!

Коллектив кафедры теории и практики перевода

Уважаемая Ольга Леонидовна!

От души – с замечательным, радостным днем!
Пусть юбилей дарит счастье!
Успеха большого желаем во всем
И жизни – чудесной, прекрасной!

Пусть год за годом достаток растет
И к лучшему ждут перемены,
В делах, начинаниях, планах везет!
Удачи всегда неизменной!

*Кафедра английского языка для естественных
и гуманитарных специальностей*

Уважаемая Ольга Леонидовна!

Сегодня праздник непростой,
а юбилей – большой, большой!

Громко музыка играет,
Настроение – просто класс!
Вы пятерку получили,
Вы – отличница у нас!

«Пять» – за прожитые годы,
За счастливую семью.
«Пять» – за ваш бесценный опыт
И за вашу красоту.

Пусть этот день будет согрет душевным теплом близких Вам людей,
Пусть радость безраздельно царит в Вашей душе и Вашем доме!

Пусть годы мчатся чередой,
Минуя все ненастья,
А мы желаем всем душой
Здоровья, бодрости и счастья.
Махни рукой на эту дату,
Не подлежит она возврату,
И не взирая на года,
Душа пусть будет молода.
И чтобы завершить портрет,
Вас с юбилеем поздравляя,
Мы признаем, добра желая,
Таких, как Вы, на свете больше нет.

Кафедра английского языка для экономических специальностей

Дорогая Ольга Леонидовна!

Пусть Господь благословит и пошлет Вам крепких сил и доброго здоровья, радости души и чистой любви сердца, верного счастья и светлой надежды.

Пусть всё в Вашей жизни будет хорошо с Божьего благословения. Пусть присутствуют в ней свет и добро.

Желаю Вам мира и благоденствия, милосердия и великодушия, веры и добросердечности. С днем рождения!

*Искренне,
Лариса Николаевна Ягупова,
доктор филологических наук,
профессор кафедры германской филологии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

С днем рождения, дорогая Ольга Леонидовна!

Желаю Вам здоровья и счастья, мира и добра, удачи и успеха, благополучия и процветания! Всего самого наилучшего!

Ваш, Левицкий А. Э.

От лица кафедры английской филологии РГПУ им. А.И.Герцена от всей души поздравляю Ольгу Леонидовну Бессонову с юбилеем и желаю новых творческих успехов лично ей и всему коллективу, которым она так успешно руководит! Для всех коллег Ольга Леонидовна является образцом самоотверженного, преданного делу и университету борца, уважаемого ученого, прекрасного человека и очаровательнейшей женщины!

*Ю. В. Сергаева,
кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург*

Дорогая Ольга Леонидовна! От всей души поздравляю с днем рождения! Счастья Вам, тепла, уюта в доме, благодарных учеников и надежных коллег!!!!

Пусть дети радуют и работа приносит хорошие эмоции :-)) Обнимаю Вас!

*М. В. Пименова,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков
Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии
А. В. Хрулева, Военный инженерно-технический университет,
г. Санкт-Петербург*

Audaces Fortuna Juvat – Счастье сопутствует смелым.

Все мы с детства слышим слово «счастье», мечтаем о нем, хотим быть счастливыми. О счастье мы узнаем из книг, хороших фильмов и добрых сказок. Книги нас учат тому, что все счастливые семьи похожи друг на друга, и жизнь подтверждает эту мысль. Счастливые люди выглядят одинаково: у них горят глаза; они безмятежно спокойны и сконцентрированы на том деле, которое делают безупречно; они не жалеют улыбок и добрых слов для родных и близких, коллег и даже незнакомых людей.

Счастливого человека видно сразу, он как солнце, излучающее свет и щедро согревающее все вокруг. К солнцу тянется все живое, под солнцем все растет и развивается. Стоит небу затянуться облаками, и жизнь, кажется, замедляет ход.

Кафедру английской филологии согревает тепло **Ольги Леонидовны Бессоновой**, ее главного вдохновителя, авторитетного ученого-лингвиста, блестящего преподавателя, мудрого и справедливого руководителя, замечательного человека, любящей и любимой мамы, жены, дочери... Как много безусловно важных (на деле каждый вопрос оказывается «жизненно важным») и, следовательно, сложных вопросов приходится решать Ольге Леонидовне каждый день. И делает она это с легкостью, невероятным спокойствием и большим профессионализмом. Нередко в разговоре за чашкой кофе от Ольги Леонидовны можно услышать, что эта постоянная борьба с обстоятельствами, сложными вопросами, недобросовестными студентами, наконец, самим собой, и есть **жизнь**. «Счастье, говорит она, – в полноте жизни, в том, чтобы все ее стороны – физическая, нравственная, духовная, эстетическая – были развиты и гармонизировали между собой». Деятельным же выражением счастья являются **любовь** и **творчество**.

Своим примером Ольга Леонидовна вдохновляет каждого из нас на каждодневный «подвиг». Появляются силы и желание выполнять свою работу на самом высоком уровне, работать над собой и делать студентов лучше.

Обычно подчеркивают момент зависимости счастья от самого человека, а именно, что человек – кузнец своего счастья. И это справедливо. Пример успеха профессора Бессоновой показывает, что счастье – далеко не подарок судьбы, результат везения или случайный дар. Счастье целиком зависит от человека, от его воли и желания. Для того

чтобы быть счастливым, нужно пройти свою часть пути к счастью **несмотря ни на что**. Своей деятельностью мы можем компенсировать невезение и даже поспорить с несчастливым жребием.

Дорогая Ольга Леонидовна, в день Вашего юбилея желаю Вам идти путем процветания, направить жизненный компас на успех и с верой в прекрасное проходить все повороты судьбы. Пусть каждый новый день приносит Вам творческие идеи, воплощение которых доставляет Вам массу удовольствия. Желаю, чтобы поставленные цели совсем недолго оставались недостижимыми и всё чаще сменялись новыми планами на будущее. Поздравляю!

*С уважением и благодарностью,
Евгения Сергеевна Сысоева,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Уважаемая Ольга Леонидовна!

Пусть все печали как листья слетают
Прочь к едва влажной земле.
Пусть неудачи вас не донимают,
Тают как искры во тьме,
Ну а удача стучится вам в двери,
Счастье под крышей живет.
Цифре реальной никто не поверит,
Коль в сердце радость цветет.
Нет лучше повода для поздравленья,
Чем золотой юбилей!
Мы вам желаем любви и терпенья,
Здоровья и верных друзей.
Пусть же улыбка вас не покидает
Пусть звенят чаши и смех
Пусть вдохновение не иссякает
И не покидает успех.
И в этот день от души, не жалея
Теплых и искренних слов
Вас поздравляем мы с юбилеем
И дарим Вам море цветов

*Искренне Ваша,
Маргарита Мерлан,
студентка кафедры английской филологии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Глубокоуважаемая Бессонова Ольга Леонидовна!

В этот знаменательный для Вас день желаем Вам счастья, радости, здоровья, тепла, мира и благополучия! Мы искренне благодарим Вас за многолетний добросовестный труд в Донецком национальном университете и активное участие в профсоюзном движении.

*По поручению профкома работников
В. И. Подмарков, председатель профкома*

**Уважаемая Ольга Леонидовна!
С днем рождения! С прекрасным юбилеем!**

Есть женщины, не знающие возраста,
Неведомы им мрачность и покой,
Они всегда подтянуты, и с радостью
Расскажут вам о стойкости такой.

Всегда в делах, заботами наполнены,
Помочь стараются тому, кто слаб,
С открытым сердцем, верой удостоены,
Не страшен в жизни никакой ухаб.

В минуты слабости – они ведь женщины,
Стараются в себе все превозмочь,
С улыбкой принимают, что завещано,
И гонят от себя те мысли прочь.

Идут по жизни с легкостью девчоночьей,
Задор в глазах, смятения вовсе нет,
Что возраст только в паспорте указан ей,
Не скажешь в самом деле, сколько лет...

*С глубоким уважением и восхищением,
Алла Стебунова*

Дорогая Ольга Леонидовна!

Поздравляю Вас с Днем Рождения!
Пусть жизнь как яркая мозаика
складывается из ярких красок радости,
незабываемых событий, а каждый новый день
дарит удачу и прекрасное настроение.

С уважением, Анна Литвинова

Поздравляю Вас, моя дорогая Ольга Леонидовна!

Кипит работа повседневно,
Но вот среди обычных дней
Вдруг наступает День рожденья,
Чудесный праздник – Юбилей!
Хочу Вам пожелать удачи,
Успеха в жизни, ярких дней и дел,
Чтоб Вы с улыбкой – не иначе!
Встречали каждый новый день!

*С большим уважением и любовью,
Людмила Алексеевна Юренко*

Бессоновой Ольге Леонидовне!

Возможно, за окном дожди и грозы,
Но нам сегодня чуточку теплей.
Ведь женщины одной, что краше розы
Сегодня день особый – юбилей.

И весь ФИЯ собрался здесь не просто –
Мы принесли Вам наши поздравления.
Желаем искренне карьерного Вам роста,
Любви, здоровья, счастья и везения.

Доктор наук, профессор, все же – леди,
И самый лучший Вы руководитель.
Английские филологи Вам дети,
Для кафедры Вы – любящий родитель.

Для каждого у Вас найдется слово.
Недостижимых целей для Вас нет.
And you inspire all students to move forward,
You motivate all people to be great.

Пусть Вас всегда улыбки окружают,
Душа от счастья радостно поет,
И все невзгоды как снежинки тают,
А в сердце вечная весна цветет.

Всего Вам светлого и доброго желаем.
Вы – наша радость, наше вдохновение.
Мы очень любим Вас и уважаем.
Спасибо Вам за все. И – с днем рождения.

*С уважением,
Лаптиева Анастасия, студентка 2 курса*

НАШИ АВТОРЫ

- Афанасьева Ирина Игоревна** – учитель, Муниципальное общеобразовательное учреждение «Специализированная гуманитарная школа № 65 города Донецка»
- Басыров Шамиль Рафаилович** – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Бессонов Никита Юрьевич** – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Брагина Эльмира Раясовна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка для экономических специальностей ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Воеводина Ангелина Васильевна** – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой языковой подготовки ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»
- Волосюк Ольга Валерьевна** – старший преподаватель кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Воркачев Сергей Григорьевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры научно-технического перевода ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»
- Глоба Татьяна Николаевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Дринко Анна Геннадьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
- Дроздов Владимир Александрович** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;
- Дроздова Наталья Васильевна** – старший преподаватель английского языка кафедры гуманитарных дисциплин Донецкой государственной музыкальной академии им. С. С. Прокофьева;
- Каверина Ольга Геннадиевна** – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»
- Карасенко Елена Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»
- Карасик Владимир Ильич** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории английского языка ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
- Керова Лариса Витальевна** – аспирант кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;

- Кишко Светлана Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Клименко Александр Сергеевич** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории практики перевода германских и романских языков ГОУ ВПО Луганской Народной Республики «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»
- Кравченко Оксана Анатольевна** – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой мировой и отечественной культуры ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Левицкий Андрей Эдуардович** – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
- Ленец Анна Викторовна** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
- Лычко Лидия Яковлевна** – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкая государственная академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»
- Матвиенко Ольга Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Минина Елена Владимировна** – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
- Морозенко Елена Александровна** – аспирант кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Назаренко Елена Николаевна** – старший преподаватель кафедры германской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Ненарочкина Алла Григорьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Никулина Инна Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Пилюгина Елена Андреевна** – магистр кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Подгайская Ирина Михайловна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Попова-Бондаренко Ирина Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой зарубежной литературы ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

- Розова Ирина Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Сергаева Юлия Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
- Стебунова Алла Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Сулина Людмила Владимировна** – старший преподаватель кафедры английского языка для естественных и гуманитарных специальностей ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Сысоева Евгения Сергеевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Темная Елена Игоревна** – преподаватель кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Теркулов Вячеслав Исаевич** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Ткаченко София Геннадиевна** – аспирант кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Трофимова Елена Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Усова Нина Васильевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Фатьянова Ирина Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Филатова Елена Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Хохлова Виктория Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
- Широков Всеволод Олегович** – заместитель директора по информатизации Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ФАКТЫ О ЮБИЛЯРЕ

Слово о юбиляре.....	7
Основные научные труды Ольги Леонидовны Бессоновой.....	11
Кандидатские диссертации, защищенные под руководством Ольги Леонидовны Бессоновой.....	19

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И КАТЕГОРИЙ

<i>Воркачев С. Г.</i> Счастье в русской поэзии.....	23
<i>Карасик В. И.</i> Концептуализация гордости.....	30
<i>Керова Л. В.</i> Личные имена в аспекте межкультурной коммуникации.....	44
<i>Клименко А. С.</i> Подход к оптимизации влияния английского языка на современный французский язык европейского института плюрилингвизма	52
<i>Левецкий А. Э.</i> Перспективы сопоставления языковых данных в контексте межкультурной коммуникации.....	64
<i>Минина Е. В.</i> Хронопонимы в понимиконе Кена Фоллетта (на материале дилогии «Столпы земли» и «Мир без конца»).....	72
<i>Морозенко Е. А.</i> Особенности семантики оценочных прилагательных, вербализующих концепт <i>ХАРАКТЕР</i>	80
<i>Сергаева Ю. В.</i> Модели креативного имянаречения в антропонимиконе США и России.....	86
<i>Темная Е. И.</i> Семантическая составляющая концепта добро в англоязычном дискурсе.....	92
<i>Теркулов В. И.</i> Семантическое тождество номинативной единицы.....	98
<i>Ткаченко С. Г.</i> Роль экстралингвистических факторов в реализации культурной коннотации английских фразеологических единиц с градуальной семантикой.....	100
<i>Трофимова Е. В.</i> Компонентный состав фразеологических единиц, обозначающих отрицательные эмоции в английском языке.....	119
<i>Фатьянова И. В.</i> Концептуально-семантические особенности выражения микрконцептосферы <i>TERRORISM</i> средствами современного английского языка.....	124
<i>Хохлова В. А.</i> Семантические трансформации топонимического компонента в составе английской и украинской топонимической фразеологии.....	133

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

<i>Басыров Ш. Р.</i> Узуальные и окказиональные глаголы с рефлексивным комплексом: сопоставительный аспект.....	145
<i>Бессонов Н. Ю.</i> Средства выражения компонентов каузативных конструкций с глаголом <i>to make</i>	153
<i>Брагина Э. Р.</i> Терминологические стяжения в терминологии кибернетики на материале английского языка.....	160
<i>Дринко А. Г.</i> Сопоставительный анализ средств выражения угрозы в английском и украинском языках.....	166
<i>Дроздов В. А., Дроздова Н. В.</i> Архаизм <i>stricken</i> в истории американского варианта английского языка.....	174
<i>Карасенко Е. А.</i> Структурно-семантические особенности номинации моряков в английском, немецком и русском языках.....	184
<i>Никулина И. Н.</i> К вопросу о роли латинского языка в образовании новых терминов.....	192
<i>Подгайская И. М.</i> Формирование значения 'строить' в германских и славянских языках (на примере индоевропейского корня <i>*bheu-</i> и германского корня <i>*beu-</i>).....	199
<i>Стебунова А. Н.</i> Понятийные системы как основа стратификации континуума клинической терминологии.....	206
<i>Усова Н. В.</i> О взаимодействии фоноэмы с вокализмом и консонантизмом поэтических текстов Э. А. По.....	210

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Кишко С. Н.</i> Модерация как характеристика коммуникативного поведения англоязычной личности.....	221
<i>Кравченко О. А.</i> <i>Ύψος</i> и <i>Sublime</i> : смысловые парадигмы возвышенного.....	228
<i>Розова И. В.</i> Функционально-стилистический аспект исследования эффекта обманутого ожидания (на материале английского креолизованного текста сатирической тональности).....	238
<i>Филатова Е. В.</i> Интонационное единство синтагм и их разграничение как основа порождения и восприятия связной речи.....	244
<i>Широков В. О., Ленец А. В.</i> Языковая репрезентация коммуникативного взаимодействия в социальной сети Facebook (на материале новостных немецкоязычных молодёжных чатов).....	254

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

<i>Афанасьева И. И.</i> Подготовка учителя иностранного языка к работе в подростковом классе.....	265
<i>Воеводина А. В.</i> Обучение студентов работе с англоязычными текстами.....	273
<i>Волосюк О. В.</i> Формирование профессионального мастерства преподавателя иностранного языка в условиях внедрения современных образовательных стандартов.....	278
<i>Глоба Т. Н.</i> Медиаобразовательные технологии в преподавании иностранного языка.....	285
<i>Каверина О. Г.</i> Диверсификационная подготовка по иностранному языку будущих инженеров.....	292
<i>Лычко Л. Я.</i> О содержании обучения говорению студентов направления подготовки «Менеджмент» и профессионально-ориентированному английскому языку.....	299
<i>Назаренко Е. Н.</i> Новаторские технологии обучения иностранным языкам в вузе (на примере немецкого языка).....	307
<i>Сулина Л. В.</i> Способ организации самостоятельной творческой работы студентов неязыковых специальностей на примере проведения студенческих конференций.....	315

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ, ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

<i>Матвиенко О. В.</i> Переводы поэзии.....	323
---	-----

КАРТИНА МИРА В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ

<i>Ненарочкина А. Г., Пилюгина Е. А.</i> Эстетизация литературного произведения как элемент поликодности художественного текста (О. Уайльд, О. Бердсли)....	329
<i>Попова-Бондаренко И. А.</i> Эта взрослая детская литература: культурные коды сказки К. Коллоди «Приключения Пиноккио».....	336
<i>Сысоева Е. С.</i> Характерологическая функция антропонимии романа М. Дреббл «Мой золотой Иерусалим».....	345
ЮБИЛЯРУ С ЛЮБОВЬЮ.....	357
НАШИ АВТОРЫ.....	364

Научное издание

"Мир и человек в зеркале языка"

Сборник научных статей, посвященный юбилею
доктора филологических наук, профессора Ольги Леонидовны Бессоновой

В авторской редакции

Материалы сборника издаются в авторской редакции. Полную ответственность за достоверность, качество и оформление представленного к публикации материала несут авторы, редакторы, рецензенты, которые одобрили и рекомендовали материалы к печати. Ответственность за содержание и структуру поданных материалов несут авторы.

Материалы печатаются на языке оригинала.

Оригинал-макет: ООО "НПП"Фолиант"

Подписано к печати «17» сентября 2018 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman / Печать - лазерная.
Усл. печат. л. 18,49 Уч.-изд. л. 19,89
Тираж 500 экз. Заказ № 23/18

ISBN 978-5-6041177-8-1

Издательство ООО "НПП "Фолиант"
346332, Россия, г. Донецк, ул. Шевченко, 12
Контактный телефон: +79897194796
E-mail: ooo.foliant@bk.ru
ООО "НПП "Фолиант", 2018.
Свидетельство о государственной регистрации
61№008044237 от 30.09.2016 г.

Отпечатано в типографии ООО "Цифровая типография"
(ФЛП Артамонов Д.А.)
283121, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 291 а,
Тел.: +380 (62) 388-07-31, 388-07-30; (050) 886-53-63
Свидетельство о регистрации ДНР
серия АА02 № 51150 от 9 февраля 2015 г

ISBN 978-5-6041177-8-1

9 785604 117781